

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2018 № 8

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2018. No. 8

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2018. № 8

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лоцилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна
и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская
высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas
branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS
(Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, Kosygin Russian State University of Design and Technology
(Moscow / Tver', Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and
Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia) Pavel Lavrinets,
Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroeov, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- А.М. Ремизов.* «На вечерней заре». Главы из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание).
Комментарии Е.Р. Обатниной.
Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной..... 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- А.Л. Топорков.* Эпизод из истории русской фольклористики:
Письма Г.И. Парихина к И.П. Сахарову..... 68
- Л.И. Соболев.* Два письма Н.С. Лескова..... 104

БИОГРАФИКА

- А.И. Рейтблат, В.А. Шкерин.* Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора
российской словесности»..... 112

К 125-ЛЕТИЮ В.В. МАЯКОВСКОГО

- А. Устинов, И.Е. Лоцилов.* «Про это» Владимира Маяковского и поэзия
«промежутка». Статья первая: «В этой теме, и личной, и мелкой...»..... 130
- Г.А. Антипова.* Дарственные надписи Маяковского в фонде
Государственного музея В.В. Маяковского..... 149

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- А.С. Демин.* О жанровом составе рукописного сборника,
принадлежавшего боярину М.П. Головину..... 160
- Т.А. Китанина.* Щелкунчик и кнудский миф
(Статуи, куклы и автоматы в литературе эпохи романтизма)..... 176
- Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин.* Стихи В.Г. Бенедиктова
на юбилей князя П.А. Вяземского. Текст и комментарий..... 196
- Н.В. Серебрянников.* Современность в исторических записках А.С. Хомякова 213
- О.А. Богданова.* Идеи и образы русской литературы в революционной публицистике
журнала «Народоправство» (1917–1918)..... 219
- И.Б. Делекторская.* «Жизнь с Гоголем» как вариант автобиографии
(Об одном заглавии у Бориса Зайцева и житнетворчестве Андрея Белого)..... 246
- А.Л. Соболев.* На краешке стола (Записки комментатора)..... 257
- Р.Д. Тименчик.* Заметки комментатора. 6. К истокам русского стихового экфрасиса.. 285
- Н.А. Богомолов.* Из комментаторских заметок о песнях А. Галича 300

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

- О.А. Симонова.* К истории взаимоотношений Н.П. Анциферова и Н.А. Роскиной.... 314
- М. Альтишуллер.* *Habent sua fata libelli et homines*
(Мемуарно-библиографические заметки)..... 334

ФОРУМ

- А. Долинин.* Письмо в редакцию..... 357
- А. Бабиков.* Ответ А. Долинину..... 358

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

<i>A.M. Remizov</i> . “At the Evening Dawn”. Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922 (conclusion). <i>Commentaries by Elena R. Obatnina. Editing by Elena R. Obatnina and Anna S. Uriupina.</i>	8
---	---

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Andrei L. Toporkov</i> . An episode from the history of Russian folklore studies: G.I. Parikhin’s letters to I.P. Sakharov	68
<i>Lev I. Sobolev</i> . Two letters by N.S. Leskov.....	104

BIOGRAPHY

<i>Abram I. Reitblat, Vladimir A. Shkerin</i> . Feoktist Ulegov, author of “The Guest Court of Russian Literature”	112
--	-----

ON THE 125th ANNIVERSARY OF VLADIMIR MAYAKOVSKY

<i>Andrei Ustinov, Igor E. Loshchilov</i> . Vladimir Mayakovsky’s “About This” and the poetry of “Interlude”. Part One: “In this theme, both personal and petty...”	130
<i>Galina A. Antipova</i> . Mayakovsky’s dedicatory inscriptions in the State Mayakovsky Museum collection	149

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Anatoly S. Demin</i> . On the genre composition of a manuscript collection from M.P. Golovin’s library	160
<i>Tatyana A. Kitanina</i> . The Nutcracker and the Cnidian myth (Statues, dolls and machines in Romantic literature).....	176
<i>Nikolay L. Vasilyev, Dmitriy N. Zhatkin</i> . V.G. Benediktov’s poem on the anniversary of Prince P.A. Vyazemsky. Text and commentary.....	196
<i>Nikolay V. Serebrennikov</i> . Modernity in A.S. Khomyakov’s historical notes.....	213
<i>Olga A. Bogdanova</i> . Ideas and images of Russian literature in revolutionary journalism of the journal “Democracy” (1917–1918)	219
<i>Ioanna B. Delektorskaya</i> . “Life with Gogol” as a variant of autobiography (On Boris Zaitsev’s title and Andrei Bely’s creative life)	246
<i>Alexander L. Sobolev</i> . On the edge of the table (Notes of the researcher)	257
<i>Roman D. Timenchik</i> . Notes of a commentator. 6. On the origins of Russian poetic ephrasis.....	285
<i>Nikolay A. Bogomolov</i> . From commentary notes. 5. On A. Galich’s songs	300

FROM THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

<i>Olga A. Simonova</i> . On history of relations between Nikolay Antsiferov and Nataliya Roskina	314
<i>Mark G. Altschuller</i> . Habent sua fata libelli et homines (Memoir and bibliographic notes).....	334

TRIBUNE

<i>Alexander Dolinin</i> . A letter to the editors office.....	357
<i>Andrei Babikov</i> . An answer to A. Dolinin	358

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-8-67
УДК 821.161.1

А.М. Ремизов

**«На вечерней заре». Главы из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг.
(окончание)***

*Комментарии Е.Р. Обатниной
Подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной*

Аннотация: В публикации представлено продолжение глав из рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре» (1943–1948), основанной на письмах к жене, С.П. Ремизовой-Довгелло, за 1921–1922 гг. Письма писателя хотя и отражают дискретные периоды первых двух лет эмиграции, проведенных в Берлине, однако содержат подробное описание его ежедневных творческих занятий, литературных контактов и особенностей жизни русского эмигранта в условиях наступившей инфляции. В Приложении помещены подлинные письма Ремизова, что дает возможность оценить приемы трансформации эпистолярных документов и проанализировать творческую стратегию Ремизова в работе над автобиографическими произведениями. Публикация иллюстрирована редкими архивными материалами.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, творческая биография, эпистолярная литература, письма писателя, архивные материалы.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей). Москва, Россия. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

Цитирование: А.М. Ремизов. «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комментар. Е.Р. Обатниной; Подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 8–67.

* Публикация выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00035). Начало см.: Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81.

Berlin 1922

14 июня

Писал всё время. Сейчас уже 13-ая страница, скоро о смерти Пог<г>енполя и Нюрнберга («Взвихр<енная> Русь»)¹. Была Frau Nölte, принесла белые туфли из починки. Расплатился. Плакала, жаловалась на «Ведьму» (Frau Delion). Кто ж их знает — ничего понять не могу.

Хозяйка мне суп сварила, а Fr<äu>|<ein>² зашла сказать, чтобы я тебе поклон написал. Всё тихо. Бумагой кровать закрыл и всё во-круг под бумагой — «чехол». Цветы поливаю. А вода всё не идет: беда!

Был Киреев. Завтра идем на Neue Friedrichstr<asse> в Wohnung-samt (жилищный отдел). В газетах: вместо Ленина триумvirат: Каменев, Рыков, а третьего забыл³. Завтра должен зайти Ил<ья> Ионов⁴, и реестр книг для Шишкова с ним передам⁵. Была жена Аро-сева⁶ — хозяйка говорит: «ein Mädchen»⁷ спрашивает, стало быть, вроде прислуги. Передал ей книги. Заходил Аросев проститься: едет в Наугейм⁸. Адрес напишет. Август тут пробудет. Если что нужно, через него можно.

Исцеленный Н.В. <sic!>, помнишь, художник⁹. Основывается издательство: «Трирэма»¹⁰. Я обещал «Пляс Иродиады», переделанную в «Вертеп»¹¹. Нет только времени за 2000 М<арок>. Дал ему роман Ар<иадны> В<ладимировны> Тырковой¹². Он покажет Дьякову. Дьяков-то оказался мужик, а вовсе не Дьякова¹³, рыбой в Москве торговал.

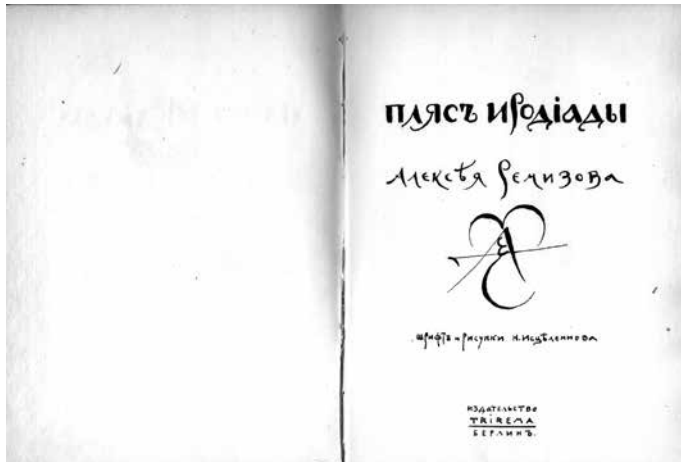
Так время и пролетело. И медленно-медленно пишу. Еще сговори-ться с Исцеленным о моих рисунках — да это впереди. Чего-то С. Каплун не пришел. Завтра выходит «Мара»¹⁴.

Купайся же, как следует. У нас жарко.

Завтра праздник «Fronleichnamfest»¹⁵. Гнезду кланяюсь. Передай, что «Пинкевич приехал» и Родэ с ним.

15 июня

Что поделать: писем нет. Есть здешнее от С. Эфрона: отказывает издать «Вереницу» [Книга о детях]¹⁶. Да еще объявления из «Нивы»^{16а}. Завтра будет письмо.

Титульный лист книги Ремизова «Пляс Иродиады»
(Берлин: Trireta, 1922).

Berlin 1922

15 июня

Комаров у нас столько поналетало — со всей Германии! — отбою нет, как в Устьсыольске¹⁷. Закрыл окно, а всё летят. Только уж такие слабенькие и без зуду, как моль, беззубые.

12-й час. Начну 18 страницу. Кончил про доктора Нюренберга [«Взвих<ренная> Русь». Три могилы]¹⁸.

Звонил В. Вальтер («Трирэма»)¹⁹. «Иродиаду» я обещал, попросил сроку еще неделю, раньше не успеть. Между прочим, ему говорила Ар<иадна> Вл<адимировна> Тыркова, что Дьякова видела ее роман и отказала. Вот, ей Богу, история вышла!

Когда я собирался на почту, принесли письмо тебе от Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой: она не соглашается ни на какие примечания²⁰. А днем принесли от Гржебина рукопись²¹. Придет Исцеленный, я ему дам для Дьяковой, пускай попутешествует.

Сговорился с С.П. Постниковым: завтра зайду в редакцию²² и еще возьму 1000 М<арок>.

Ходил с Киреевым в Wohnungsamt, поставили штемпель. Завтра иду в Polizeipresidium за желтыми паспортами, а в наш Wohnungsamt не успею.

Приехал из Парижа Гуковский²³.

Завтра барышня принесет окончание I ч<асти>. И не знаю, может, мне не ехать к Залкинду (в Цербст)²⁴? Завтра всё узнаю (о Гуков-

ском) от С.П. Постникова. А Ионов²⁵, конечно, обманул²⁶. Написал подробное Вяч<еславу> Я<ковлевичу> Шишкову, А.И. Рыкову и Воронскому²⁷, и Мейерхольду²⁸.

Будешь писать Ар<иадне> Вл<адимировне> Тырковой, поблагодари.

Очень мне много надо сделать. Вот и стараюсь с завитушками писать, а не очень-то выходит. Надо посмотреть «Ров львиный» («Канаву»), что переписала барышня и дальше продолжать мой «Временник» («Взвих<ренная> Русь»). Очень я медленный. Это мое наказание.

Забегал со своими «книгами» Шершун <sic> «дадаист»²⁹, а попросту с прицелом, но без глаза³⁰.

Из газет: все пишут, как Ленин ушел³¹; а в «Послед<них> Новост<ях>» начало «Кровавого бандуриста» Гоголя³², сохраняю.

Купайся, не беспокойся. Вода не идет.

Mrs. A. Williams-Turkova, 47 Woodville Gdus. Ealing London³³.

16 июня

Заглянул в окно: идет почтальон — по той стороне, увы! К Берлинерштрассе.

Извещение о собрании Общ<ественного> Комитета Голодающим: будет читать Кускова и Прокопович (в прошлом году их арестовали, а теперь они тут)³⁴.

Жаркий день.

Немецкий паспорт А.М. Ремизова, действительный с 22.09.1921 по 21.12.1923. ГЛМ.

Berlin 1922

16 июня

2-ой ч<ас>

Письмо из Данцига: надо ждать извещения из банка — слава Богу, жду!³⁵

Ходил с Залшупиным на Alexanderplatz, выдали желтые паспорта, срок 12 сент<ября>. И твой я получил. Во вторник в «Wohnung-samt» и «Schein» (свидетельство) надо отнести. И надо подумывать о новом «Gesuch» (прошение). Не миновать, застрянешь между «шейными» и «гезухами»³⁶. Надо написать Rudolf'у Kayser'у [Neue Deutsche Rundschau]³⁷, попросить выдать удостоверение³⁸.

У С.П. Постникова взял 1000 М<арок>. Гуковский будет жить в Берлине. Барышня только ко вторнику кончит³⁹. С.П. Постников предлагает переписать в долг в «Голосе России», но не раньше, как в четверг. Я думаю отдать ему III-ью часть.

Купил по случаю «желтых билетов»⁴⁰ тебе на память: «3 Märchen Nauff'a», маленькая книжка с гравюрами⁴¹.

Был Ионов. Передал ему письма. Приехал Бор<ис> Гит<манович> Каплун⁴², собирается к нам. Оттого, должно быть, и Сол<омон> Каплун не идет, не был и в «Голосе России», там он теперь завсегда. Белицкому и Алянскому не дают визу в Берлин, а у них есть разрешение выехать⁴³.

Был Киреев. Дал я ему денег купить мне еды, а то с меня дерут, ни на какую статью. Заходил Парнах — «дохлый танец» представляет⁴⁴. Звонила Вера Вас<ильевна> Каган⁴⁵.

Была сильнющая гроза, молния резала небо.

Кончил 23 страницу («Взвих<ренная> Русь») — даже виски больно.

Если будет такой стих, поезду в Цербст к В.А. Залкинду: в 2-а <часа> выеду, а в 11 у <тра> вернусь. Может, дорога виски мои расправит.

Не беспокойся, купайся.

Думаю сделать так: как к Розанову прощаться ездили [Из «Кукхи»]⁴⁶ и отдать Вишняку⁴⁷. Сначала тебе pošлю заказ<ной> банд<еролью>. Еще подумаю, как сделать.

17 июня

Только что за бритву, стук: почтальон:

От Кирхнера — о открытии магазина⁴⁸; от Kayser'a — моя рус<ская> рукопись, с которой переводили⁴⁹; от Полисадова — Эк<а-терина> Вл<адимировна> Селевина жива, в Париже 92 bis Av<enu>

de Versailles, «плоха», а жила в Египте⁵⁰; его книга и гравюра Божией Матери⁵¹; от Лиды и Наташи тебе⁵², оставляю в конверте. Они получили: шоколад, чулки, иголок нет, деньги; Наташа перешла на 2-ой курс⁵³.

Все сохранию кучечкой.

Zerbst 1922

17 июня

Jüdenstr<asse> 6

Bei Kohl (капуста)

1 ч<ас> н<очи>

Попал в Zerbst.

Выходили с В.А. Залкиндою на площадь. Темно, в Петербурге такой нет темноты, и только часы на Николь<с>кой кирке⁵⁴, как луна, а бьют по московски: — — — На Markt'e (площади) каменная статуя Ролланду <sic!> (какому, не знаю)⁵⁵, тут же и колодец.

Дома, как в Ревеле⁵⁶, птицы с опущенными крыльями (Дом — гнездо).

Есть трамвай. Кондуктор (Beamter⁵⁷) всех величает: или «mein Lieber» или «Mein lieber Freund»⁵⁸. Одна карета на весь Zerbst. И когда случается свадьба, — свадьба обычно вечером — с утра разъезжает по городу карета, собирая в церковь гостей.

Есть Schloss (замок), где родилась Екатерина II⁵⁹. И есть монастырь, теперь школа. А я живу в Kohlhaus'e (капустном доме)⁶⁰, моя комната со сводами. Один из старейших домов. А жил здесь «конректор Штельцер» [Stelzer — ходульник, Stelze]⁶¹. Достал всяких открыток и альбом видов и историю города с 1307 года. Gasthaus'ы (пивные) все с «zum»⁶². И есть один гастхауз «Zum Weissen Engel»⁶³. Воображаю, какое там пиволитие <sic!>!

Ехал с пересадкой. Очень дорóгой устал.

Кончил 26 стр<аницу> («Взвих<ренной> Руси»). В окно смотрю.

Путешествие не легко мне. В понедельник в 6 – ½ 7 поеду и в Берлине буду ½ 10-го.

Завтра кончу, исправив, и пошлю заказ<ной> бандеролью тебе, а ты прочитай и карандашом отметь, что исправить и как исправить. Не совсем отделал, еще надо будет взглянуть. Кончаю маем 1917 г<ода> перед нашим путешествием в Берестовец.

Не беспокойся, купайся.

Что-то сегодня приснится в таком старом доме.

А хозяйка Fr. Kohl напоминает Fr. Dinse, только не злая⁶⁴. Уборная во дворе.

18 июня

Ударили к обедне. И у нашей св. Луизы теперь звонят.

Советовала мне вчера Fr. Kohl обязательно идти на концерт — 6 ½ 7-го утра! ½ 7-го я и проснулся под барабаны. Идет дождь. Не знаю, домой ехать лучше.

Berlin 1922

18 июня

1 ч <ас> н <очи>

<16>

Твое письмо от 15.VI (16.VI) получил, 2 дня идет.

Хотел было в Zerbst'e переночевать и еще ночь, но <за> день многое оглядел, а главное, очень холодно и не очень-то удобно, и вот с Залкиндом и Л.Я. Яппу⁶⁵ поехал в Берлин. В 10-ь был в Берлине.

За мной они ухаживали и всё делали, но они молодые, и мне за ними не угнаться, и я устал очень.

Осматривали

замок, где родилась Екатерина II. Видел там изумительный образ — «Страсти», ничего подобного не видел, особенно «бичевание» — откуда такая сила «жестокости»? А рисовал художник, вроде меня.

Фрагмент письма Ремизова (Приложение, п. 16) со схематическими рисунками «Иоанн возлежит», «Тео ученики» (чернила). ГЛМ.

Христос облит кровавым потом и кровью. Весь в стрелках, волосы черные, тело желтое, а по желтому крас-

ные стрелки. Поцелуй «Иуды» очень выразительно, как и «Тайная вечеря», и бичевальщик.

Конечно, надо было мне сделать так: ночевать в гостинице — 60 М<арок>, и тогда бы я не так устал. А то утром Fr. Kohl влезла ко мне в окошко: “Ah!” Забеспокоилась, что на музыку я не пошел. Я очень перепугался. За “Angst”⁶⁶ она поставила 75 pf. и вычла из счета.

У всякого дома в окнах сделаны зеркала, такие окна называются «шпионами»: в них видно, что делается на улице. У этих окон и проводят время. Все знают друг друга в лицо и биографию всякого. И когда Fr. Kohl лезла ко мне в окно, все видели и потом, кого только не было, наведывались, в чем дело.

Всё тут несравненно дешевле берлинского. Залкинд предлагает, если надо, он купит материю, ты поговори с Л.Я. Яппу (это его невеста). А трамвай — «конный» трамвай — Pferdstrassenbahn, это как у нас говорится: «паровая конка» (трамвай). Молока не видно, но к кофию в «погребке» (Tunnel) подали сливки — Kaffe<e>-sahne. Fr. Kohl мне объяснила, что кофий не пьют с Schlagsahne, а с Kaffe<e>sahne⁶⁷.

Утром шел дождик, и было очень холодно.

В Цербсте две церкви: Варфоломеевская и Никольская. В XV в. Варфоломеевская взяла у Никольской евангелие. Прихожане поссорились, и до сих пор во вражде. Удивительное дело — из поколения в поколение передается: «враги». Герцога прогнали. Все с<оциал>-д<емократы> (Каутского)⁶⁸, один коммунист на весь город.

Сегодня рабочие демонстрации — празднества всяких сортов. Большинство на велосипедах (Fahrrohr)⁶⁶. Ни одного красного флага. Наши «зеленые» (полицейские), так «Синие», только следят за порядком, чтобы вечером велосипедисты ездили с фонарями; арестованных нет.

Продаются ночные колпаки. Я попросил Залкинда купить и одного «шпиона». Повезем в Россию показать⁷⁰.

Привез, кроме альбома и открыток, роман из жизни Екатерины II и Notgeld⁷¹ с видами Цербста — 10 pf., 25,50 pf., 100 pf.

На вокзале встретил И.С. Соколова-Микитова и еще какого-то, похож на слесаря, кажется, Пиотровский, из «Веретена»⁷².

Приехал из Данцига представитель. Придет во вторник и деньги вперед за рассказы из «Вереницы» для следующей книжки⁷³. Материал собирается сейчас.

От холода и головной боли, да и Frau Kohl извела разговорами, только и кончил 28 страницу («Взв<ихренной> Руси»). Завтра тебе пошлю, а ты сейчас же назад с отметками.

Кроме твоего письма и карточки ничего.

Был Соломон Каплун и Борис Гит<манович> Каплун. В «Голосе России» заметка о «Ахру»⁷⁴. Сохраню.

О деньгах не беспокойся, купайся.

В картонке, которая на маленьком столе, есть английская булавка с зеленым камушком. Храню ее у себя. З.И. Гржебину по телефону передал, что всё хорошо и чтобы ты не беспокоилась. О Цербсте еще напишу. Сегодня утром Залкинд отправил тебе письмо экспрессом.

А вода не идет.

19 июня

Письмо от Волка (Ил<л>исона), просит купить монпасье⁷⁵. Газета от С.Я. Осипова⁷⁶: отзыв о «России в письменах»⁷⁷. И больше ничего. Sehr schädlich⁷⁸.

Berlin 1922

19 июня

2 ч<аса> н<очи>

<17>

Решаю так: не переписывая, тщательно исправлю, и завтра pošлю тебе экспрессом. Звонил А. Вишняк: я обещал ему в пятницу вечером 23-го — около 2-х листов. Вперед я получил 2000 М<арок>, буду просить еще 2000 М<арок>. Общее название никак не могу придумать [«Взвих<ренная> Русь»].

I часть 12 главы — называлась «Весенняя рынь» (от «орать» — пахать). Во II-ой части тоже 12 глав (с 27.III — I.VI) — до дня нашего отъезда в Берестовец. Как бы это назвать? «От аза до ижицы»? — но это потом, когда буду составлять книгу [«Взвих<ренная> Русь»], а сейчас⁷⁹?

Я хотел: «Революция или чай пить?» Да, кажется, замудрил.

Старался быть объективным, всё мое устремление: объяснить, почему я фордыбачусь и до сих пор в душе дыблюсь. Конечно, и о тебе думал, одну твою сторону брал. Я всё хотел объяснить, почему *были счастливые* и в чем было их счастье. А ты отметь и напиши, что по-твоему исправить и как, в каком смысле⁸⁰.

III ч<ась> — до 25.X.1917 [«Взвих<ренная> Русь»]⁸¹. Объясню, что сужу больше из окна и по слухам. Это непременно надо сделать. Много будет снов и «Огневица»⁸².

Позвоню З.И. Гржебину: можно ли посылать в Саров⁸³ экспрессом?

Всё исправлял. Не знаю, жду твоих указов. И т<ебе> pošлю экспрессом. А я напишу А. Вишняку: еще 2000 М<арок> и корректуру.

Утром Киреев принес и яиц и Würstchen⁸⁴. Сам боюсь покупать.

Звонила Бирюлька (Э.М. Каплун): в субботу уезжает, ой, придут все — вчетвером. Беда! Звонил Слесарь (Корвин-Пиотровский) из «Веретена»: завтра в 7-ь и с ним из Данцига представитель. И надо сейчас же «Христова крестника» отделать для «Веретена»⁸⁵ за 1000 М<арок>. А тут еще и нашествие!

Завтра и барышня должна I ч<асти> окончание принести⁸⁶.

О Цербсте хотел еще написать, но, боюсь, надо ложиться: очень устал.

Купайся, не беспокойся.

От Фриш нет ответа [из Мюнхена]. А я о Короленке еще не могу никак собраться написать ей⁸⁷.

20 июня

Твое письмо от 19.VI. И от Я.Н. Блоха от 10.VI.

Блох просит известить воздушной почтой, если не получу деньги до 20.VI [за наши книги, отданные Блоху в Петербурге перед отъездом, в августе 1921-го]. *Всё будто Соколовский отец отдаст*, а он сам не может⁸⁸.

Отвечаю ему:

«Денег от Соколовского не получил. И мало верю, что получу, судя по письму Г.Л. Лозинского⁸⁹ и изустной передачи художника Дзеркала, был с моим письмом у Соколовского (3 Rue Verdi, Paris)⁹⁰. Наши денежные дела отчаянные, из издания книг получаю мало — тысячи, которые ничего не стоят. Цены растут. А в долг кто даст? И некому сказать, как зверски со мной поступили».

Я было написал «ругательное», но думаю, так лучше. Выругать всегда успеется, а сначала надо получить.

Flugpost'a⁹¹ не знаю, как добиться. Только «экспресс». И письмо надо отдельно (от рукописи).

Звонил Аркад<ий> Альфр<едович> Борман⁹², назначил ему в среду в 3 ч<аса>.

В «приход» всегда можно записаться. А в церковь — это тоже лучше, что в другом месте, здесь *казенно*.

Да, звонил вчера В. Вальтер: приехал А. Борман и собирается с ним в пятницу. Всякие посещения для меня сейчас очень не по душе: отрывают.

Пойду на почту, отправлю рукопись тебе, найдется ли там такой конверт? Представляю себе, какой там шум!

Berlin 1922

20 июня

2 ч<аса> н<очи>

<18>

Дважды на почту ходил: не принимают такое тяжелое письмо, пришлось отдельно письмо, а рукопись бандеролью.

Когда возвращался, почтальон передал 100 М<арок> от «Волка» (Ил<л>исона) на конфеты, послать ему. Киреев купил и запаковал, завтра пошлю. А Wohnungsamt опять заперт. Уж завтра с Киреевым пойду.

Целый день без перерыва пишу: отделал «Христова крестника»⁹³ и немного осталось исправить «Пляс Иродиады»⁹⁴. Завтра в 5-ь <часов> придет за ней Исцеленный. А за «Крестником» приходил Слесарь (Вл<адимир> Льв<ович> Корвин-Пиотровский) для «Веретена». И с ним от «Века культуры» из Данцига, обещал расследовать о деньгах (из Данцига) и спросить о книге «Вереница» [так никогда и не появилась] за 10700 М<арок>. Деньги теперь повалят, если б только всё вышло, не на словах только!

Завтра тягчайший день: в 12-ь <часов> Ф. Фриш: о лете в горах (на Ammersee)⁹⁵, где она будет жить; в 3-и <часа> Арк<адий> А<льфредович> Борман, в 5-ь <часов> Исцеленный, да данцигский Бегемот с деньгами⁹⁶.

Звонил С.П. Постников дать что-нибудь⁹⁷. Я всё думаю, не дать ли 2 рассказа К. Тышки. Только надо предисловие⁹⁸.

Очень я измучился, разломило и голову клонит. Встаю в 8-мь <часов> и весь день. Хорошо, что Киреев приходит «служить». Хлеб я сам покупаю.

До свиданья, купайся, не беспокойся!

Молока приносят каждый день. Со вчерашнего дня новая вместо Fr. Nölte: вчера мыла уборную, а сегодня спальню — основательно. Я всё убрал. Завтра очередь за моей.

21 июня

Открытка тебе от Шапиро⁹⁹ из Парижа и мне письмо из Москвы от Демидова, посылает свои рукописи¹⁰⁰. Английская газета от Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой со статьей Д.П. Святополк-Мирского о Блоке¹⁰¹.

Хорошо, сейчас пасмурно. А то глаза ломит — это от Исцеленного: вчера ночью кончил «Иродиаду».

Жду Киреева идти в Wohnungsamt.

Berlin 1922

21 июня

<19>

Вот что рассказала Ф. Фриш:

Oberbayern, Breitbruner¹⁰² <sic!> am Ammersee, Haus Zotzmann. 2 человек на 1 месяц. В день 15 М<арок> с уборкой = 30 М<арок> x 30 д<ней> = 900 М<арок>; обед в Wirthaus'e (трактире) à 33 М<арок> = 66 М<арок> x 30 д<ней> = 1980 М<арок>. В месяц за двоих 900 М<арок> + 1980 М<арок> = 2880 М<арок>. 1 литр молока 6.50 М<арок> à 30 = 19,5 М<арок> (Цена с "Fremde" — не житель этой деревни).

1 яйцо — 3 М<арки> x 60.2 = 180 М<арок>; 19.5 + 180 = 375. Всего 3255 М<арок>.

Дают постельное белье и полотенце (2 на человека); непременно взять пальто, вязан<ую> шерст<яную> кофту и фуфайку. Очень чисто и уборная. У них комната одна (Эф. Фриш¹⁰³ только по воскресеньям приезжает), но они всё время в саду. Я могу заниматься в Пугавкиной комнате («Пугавка» племянница¹⁰⁴), и ночью, когда захочу, а Пугавка ляжет у Ф<еги> Е<всеевны> Фриш¹⁰⁵. Озеро, и потому прохладно. Близок монастырь Andex. Там же Bauer и Marg<арета> Morgensterн <sic!>¹⁰⁶.

Ехать так: München — Herrsching — Breitbrunn (7 ч<асов> в<ечера> — 8 ч<асов> у<тра> — час ждать и ½ ч<аса> паром, а ходят и пешком через лес). III класс — Schlafwagen, дают тюфак и подушку.

Поедет Пугавка [Бел<л>а Абрамовна Олькеницкая]. В Мюнхене встретит Эф. Фриш. Ждать до 12 ч<асов> д<ня>. А можно остановиться у Фришей.

С 1 июля. А опоздаем, неважно, только б не раньше: комната занята. А из Breitbrun<п>'а можно по старым городам, с остановкой — Oberammergau, где в этом году будут «Пассион» (Страсти) играть¹⁰⁷.

Надо взять с собой спиртовку и кофейник и в Мюнхене купить кофию. И кофейную мельницу.

Звонила Линдерхауз <sic!>¹⁰⁸. Очень хочет с тобой повидаться. Хотела ехать в Ahlbeck, я не посоветовал. Письмо от А.Я. Аросева: в вагоне оставил связку книг, просит прислать одну немецкую¹⁰⁹.

Был Ар<кадий> А<льфредович> Борман: он в Прагу, вернется на той неделе, будет жить в Берлине. Много рассказывал мне о своей жизни в России. В Москве он занимал очень важное место. Если б знать, мог бы помочь. Одно у него преимущество перед здешними,

что он был в самой гуще, что-то знает, а не выдумывает. Попросил его купить в Праге для тебя Кобзарь¹¹⁰.

Исцеленный не пришел. А должен был принести 2500 М<арок>. Слесарь (Пиотровский) принес за «Христову крестника» 1000 М<арок> и за Пильняка 852 М<арки>¹¹¹. Завтра пойдет в банк справиться.

Ему сказали, что кто-то получил из Данцига, думаю, что в пятницу или в субботу и я получу.

Были чехо-словаки. Книги они забыли, очень торопились. Привезли только о Блоке¹¹². Разговаривали о переводах. Если бы проехать в Прагу, всё бы можно было легко сделать [на словах, но не на деле].

Из газет: церковь в Unter den Linden остается, хотя туда переезжает советская миссия¹¹³. Пугают, что 26–28 готовится «вооруженное» выступление¹¹⁴. Если бы читать немецкие газеты, а по русским похоже на 1905 г. «какой-то слышал, как дворник с рыжей бородой говорил — за 50 коп<еек> за голову», помнишь¹¹⁵?

Я верю, без денег не останемся. А по вере всё бывает [не очень-то всегда].

Киреев утром принес мне провизию. Волку (Иллисону) послал мармелад на 56 М<арок>, да пересылка 6 М<арок>, — 62 М<арки>. 12 ч<асов> н<очи>

Очень глаза ломит. Лягу пораньше.

Обещал тебе еще о Цербсте.

Дважды в день, когда с площади выезжает конный трамвай (одна лошадь) на вокзал. Кучер звонит: надо садиться. Для звонка и для кнута есть свое место. И звонок и кнут сначала кладется на лавку, и все замечают, пройдет минуты 3-и и звонок, и кнуты будут взяты кучером на переднюю площадку, после чего жди звонка.

В воскресенье концерт назначен был в ½ 7-го утра, чтобы кончить до обеда.

Надпись на пепельнице: ruhes Plätzchen für brennede Cigaren <sic!>¹¹⁶ (уютное местечко для курящейся сигары).

Фамилии: глазной доктор Augenartz Dr. Wirtbier (пивник).

До свидания. Деньги прибавляются понемногу.

22 июня

Корректурa из «Скифов»¹¹⁷ и письмо: А. Шрейдер обещает 2000 М<арок>. Позвоню уговориться зайти: надо отнести обложку¹¹⁸. От Вяч<еслава> Я<ковлевича> Шишкова: Н.А. Шапошников женился¹¹⁹, и о деньгах — Соколовского — какая-то тут плутня.

Поедем в Breitbrunn, надо тебе купальный костюм захватить.

Berlin 1922

22 июня

<20>

Деньги пошли, как река: от А. Шрейдера («Скифы») 2000 М<арок> и из Данцига («Век культуры») 8000 М<арок>.

В Wohnungsamt'e всё сделано. Ходил самостоятельно и, кажется, всё понял, сегодня ходила Frau Delion.

Заказ<ные> письма носят в ½ 9-го, а экспрессы в ½ 8-го у<тра>. Подняли меня спозаранку: корректура «Кавказских сказок» [Лалазар]¹²⁰. К Шрейдеру в субботу в ½ 2-го отнесу обложку (из «яичных» красок)¹²¹, завтра к С.П. Постникову просмотрю III ч<асть> «Плачужной Канавы» и отдам переписывать. Барышня-переписчица ни в понедельник, ни во вторник, ни вчера <не пришла>, а у нее окончание I-ой части.

Получил от тебя рукопись, начну поправлять по указанному.

Я писал с ошибкой Pippingsburg и Villa через “W”, а надо сохранять французское начертание.

Был Исцеленный, но 2000 М<арок> только в понедельник. «Пляс Иродиады» будут издавать.

Был Киреев. Завтра дам ему инструкцию, чего купить на воскресенье. А завтра напишу, но не пошлю тебе, буду хранить.

Из «Взвихр<енной> Руси»:

1) «Жаль, что не пользовались лодкой, а в лодке и сидеть удобнее и держать сподручнее» — «Повернулся спиной к революции» — это, я еще не знаю, может, отнести к концу — это слова М.О. Гершензона, у меня и было раньше: «слышу обрывки слов — Иванов-Разумник с Гершензоном». Но решил, имен поменьше. А о А. Барладьяне¹²² спрошу завтра С.П. Постникова. Увижу и Погосьяна. И спрошу, хочет ли он «прославиться»? «Барладиан» очень звучно. Конечно, можно на крайний случай «Лундберга»¹²³ пустить, ведь он написал про меня, что я куда-то «ушел», а я наоборот — «пришел» про него¹²⁴.

2) фразу «не проститься» — выбрасываю.

3) Да, пожалуй, мудрее, правило не забывать Златоустово¹²⁵. Вычеркну, очень уж большое оружие на дураков.

«Катастрофа-то для человека, а человека топчет! Видел я на старинных иконах и т.д.» А после этого так: «Бедные счастливые палочки, куда ветром погонит, туда и несется, вихрь понесет, туда и летите». «Палочками» разносились по белому свету семена революции¹²⁶.

Будет корректура, можно и это зачеркнуть, но я думаю, оно согласуется с предыдущими.

4) «Селивестрович», а потом «Еремеич» я это нарочно путаю, ведь это Турка сочиняет, путая¹²⁷.

5) «А там около Таврического Дворца ждали членов, и когда замечал кто особенно чтимых, выкрикивалась фамилия и все враз бросались»¹²⁸.

6) «Когда заговорил Турка» — о И.С. Соколове-Микитове зачеркиваю.

7) про «грязные лапища» — зачеркиваю.

8) «А зачем, скажут, повернулся спиной, отверг революцию?»

Завтра придет В.В. Вальтер. Я написал А.Г. Вишняку, что мне полагается еще получить 3000 М<арок>, чтобы всего было — гоно-
рар: 5000 М<арок>. На это («Взвих<ренная> Русь») положено было
столько труда.

Уж без 20-и 12-ь. Сяду за III ч<асть> «Канавы» (Ров львиный),
надо кое-что пояснее сделать в исправлениях, а то перепутают.

До свидания.

23 июня

Письмо от Глеба Алексеева и его книжка¹²⁹ и еще «Еврейская
Трибуна»¹³⁰. Собираюсь в поход на С.П. Постникова. Тышку откла-
дываю до твоего приезда¹³¹.

Покупайся в последний раз и домой.

А воды так и нет.

Вот тебе и на: дождик пошел!

Berlin 1922

23 июня

“Hers Jesu Fest”¹³²

<21>

Был у С.П. Постникова в редакции [«Голос России»]. Спра-
шивал Барладьяна¹³³, нисколько он не против, напротив попасть
в «Взвих<ренную> Русь» даже очень приятно. Действительно, что
ж тут такого: ждали человека и приехал Барладьян.

Письмо из La Revue de Genève, что напечатали «Бесовское дей-
ство» в переводе Г.И. Питоева¹³⁴. Я его знаю по Петербургу, приятель
А.П. Зонova¹³⁵, знает его и Барладьян. Напишу о гонораре.

С.П. Постников говорил с Гуковским. «Современные запи-
ски» платят 250–300 fr. за лист (40000 знаков). Надо поговорить
с Вл<адимиром> Мих<айловичем> Зензиновым¹³⁶.

III ч<асть> «Канавы» отдал переписчице «Голоса России» —
в кредит. Придется несколько раз пройти в редакцию после 5-и
ч<асов>.

Из парижской газеты «Слово» (понедельник) анкета¹³⁷. Об этом поговорим. Но на один вопрос я отвечаю без раздумья:

«Кто из писателей выдвинулся в эмиграции?»

— Петр Прокопов¹³⁸.

Твое письмо немного запоздало. Приходил В.В. Вальтер и взял рукопись. Но это неважно, корректура непременно будет.

Погосьян¹³⁹ еще не прислал мне перевода «Айда-ильда...» Я вставлю в гранки¹⁴⁰. [М.М. Тер-Погосьян так до сих пор (1948) перевода мне не прислал]¹⁴¹.

Приходила Бирюлька [Эм<илия> Моис<еевна> Каплун] с девочкой.

Кусиков женился на Асе (Анне Алексеевне Тургеневой) [жена Андрея Белого]¹⁴².

Звонила Лисевна [Черниха — Ольга Елисеевна Чернова]¹⁴³, всё о мифическом американце, что в понедельник придет с ним. Не очень-то верю в эту Америку. [Ничего не вышло]. Дал Кирееву поручение купить чего-нибудь на базаре завтра.

Полночь. По здешнему папоротник цветет — Johannes Geburt 23/24 июня¹⁴⁴.

Тишина какая — давно не бывало такой.

24 июня

От Алянского (Самуил Мироныч) «Иуда», «Укреп» (Як<ов> Пет<рович> Гребенщиков¹⁴⁵) и «Возмездие» Блока¹⁴⁶.

Киреев принес всякой снеди. Иду в поход.

Berlin 1922

24 июня

Johannes Geburt

<22>

Johannes Geburt ознаменовался большим волнением: Берлин объявлен на осадном положении: убили министра иностранных дел Ратенау, подписал договор с Россией¹⁴⁷. И сейчас мертвая тишина, ни одной песни.

Конечно, когда облетела весть (в газетах еще нет), сейчас же и в трамвае и в ундергрунде¹⁴⁸: «это — русские!» Я возвращался из «Скифов» — наслушался.

Со Шрейдером договорился о «Хождении по Гороховым мукам» («Взвих<ренная> Русь») — выпустить альбом с моими рисунками, нумерованные экземпляры. [Никогда не вышло]¹⁴⁹.

Заходил в редакцию «Эпоха». Далин¹⁵⁰ и Соломон Г<итманович> Каплун. 8000 М<арок>, которые ты получила, это дополнение

за «Мару»¹⁵¹ и за «Заветные сказы»¹⁵². [Не вышли]. У меня такое чувство: денег у них нет. Видел Б.Г. Каплуна и Спесивцеву¹⁵³. Непременно к нам придет. Я ему рассказал о печальной судьбе наших книг (История Блоха и Соколовского)¹⁵⁴. И о величайшем свинстве в «человеческом» мире. Уезжает он в Россию на той неделе.

Приходил какой-то, телефон записал, а фамилию забыл. Приглашал в юго-славянское агентство (хорватское) от Маркова¹⁵⁵, но не 2-го. Мало чего я понял, попросил прислать журнал.

Приходила В.А. Зайцева, только что приехали из Москвы¹⁵⁶. И опять Линдерхаус, умоляет завтра назначить¹⁵⁷. Wilhelm 80–14. Тут находится С.А. Соколов (Гриф)¹⁵⁸.

Приглашал завтра И.В. Гессен¹⁵⁹. Но это потому, что я позвонил ему, что к нему придет Зайцева.

А как всё затаилось.

Ратенау — еврей, а то бы в Gedächtniskirche¹⁶⁰ звонили.

25 июня

Письмо от Канторовича¹⁶¹ (Mönchs <sic> Likör¹⁶²).

*Рождественская открытка с подписью
А.М. Ремизова. 25 декабря
1922. ГЛМ.*

Berlin 1922
26 декабря
Kirchstr<asse> 2 II
bei Delion
B-Charlottenburg I
<23>

Вот и Рождества дождалось немецкого Weihnachtstag¹⁶³. Очень мне понравилось в Кирхе. Я люблю праздничную церковь. А для них Weihnacht, что для нас Пасха. И огоньки в окнах — елка. Я об этом в дет-

стве слышал от Муттера¹⁶⁴, а потом на картинках видел: Рождество¹⁶⁵ в Германии — там окно и в окне елка.

И за эту елку и за эти елочные огни я сердцем к Германии, хоть мы тут и чужие и гонимые *Ausländer*'ы¹⁶⁶ и «изгнанные», как сейчас [погнали с квартиры]¹⁶⁷.

А это *Zwerg* [открытка]¹⁶⁸, должно быть, дядя моему *Feuermännchen*'у¹⁶⁹.

“*Herzlichen Weihnachtsgruss!*”¹⁷⁰

¹ Речь идет о частях «Временника Алексея Ремизова», посвященных памяти докторов *Сергея Михайловича Поггенполя* (1880–1917) и *Арона Давидовича Нюренберга* (1877–1917), пользовавших писателя и его супругу в Петербурге. Очерк о Нюренберге под названием «Первая смерть» (впервые: *Почта вечерняя*. 1918. № 8, 18 апр. С. 4, под заголовком «Из “Временника”: Доктор Нюренберг») вошел в берлинскую публикацию «Временника» как шестая часть главы «Всеобщее восстание» (Эпопея. 1922. № 2. С. 81–83). Отклик Ремизова на смерть доктора Поггенполя содержится в очерке «Три могилы», посвященном также памяти Ф.И. Щеколдина и В.В. Розанова (впервые: *Записки мечтателей*. 1919. № 1. С. 71–72), во Временнике этот очерк не появился, а был включен лишь в полный текст романа «Взвихренная Русь» (1927).

² Барышня (*нем.*); здесь подразумевается дочь *Frau Delion*.

³ Берлинская газета «*Руль*» пристально следила за сообщениями московских центральных органов печати о состоянии здоровья Ленина, которое с марта 1922 г. стало стремительно ухудшаться. 23 апреля Ленин был прооперирован в связи с необходимостью извлечения пули, оставшейся в шее после покушения на его жизнь 30 августа 1918 г. В конце апреля 1922 г. у него случился первый левосторонний инсульт, который врачи считали следствием подвижки к сонной артерии соединительных тканей, окружавших ранее пулю, что привело к ухудшению кровоснабжения левого полушария и, как следствие, к временной потере речи (на три недели), а также к потере двигательных способностей правой руки и правой ноги. После этого Ленин был отправлен в Горки. В начале мая в прессу проникли сведения о постигшем Ленина параличе. Эмиграция ожидала, как разрешится вынужденный выход вождя пролетариата из состава правительства. 13 июня в статье «Советский триумvirат — заместитель Ленина» газета сообщила: «Ввиду того, что возвращение Ленина к государственным делам предоставляется маловероятным, в Москве, по слухам, образована тройка для руководства деятельностью советской власти. В эту тройку входят Рыков, Бухарин и Преображенский». Здесь же в обзоре печати, со ссылкой на германскую «*Lokal Anzeiger*», «*Руль*» информировал: «Касааясь процесса эсеров, “*Lokal Anzeiger*” в связи с этим останавливается на вопросе о болезни Ленина. По сведениям газеты, полученным ею от кругов, близких к Москве, болезнь Ленина смертельна и каждый день можно ожидать известий о конце. Ввиду этого в Москве сильно нервничают. Приехавший в Берлин Красин тотчас же имел совещание с Раковским и Чичериным. Результатом этого совещания было решение учредить в Москве предварительно Директорию, в составе Бухарина, Красина, Литвинова, Раковского и Чичерина». 15 июня со ссылкой на «*Freiheit*» «*Руль*» публикует еще один список «тройки»: «Ввиду устранения Ленина от управления образована “тройка”. Газета уверяет, что в ее состав входят Сталин, Каменев и Рыков. <...> наиболее интересно и важно, что, по уверению газеты, большевики хотят всё сделать шито-крыто. Назначение тройки не будет официально объявлено, а есть просто неофициальное постановление коммунистической партии. Вероятно, советские газеты вообще ничего не сообщают об этой перемене правительства. Услужующие газеты вообще ни словом уже не упоминают о здоровье Ленина».

⁴ *Илья Ионович Ионов* (настоящая фамилия *Бернштейн*; 1887–1942, в Севлагере) в 1919–1923 гг. возглавлял Петроградское отделение Государственного издательства.

⁵ Речь идет о книгах Ремизова, изданных в России. Практически все свои издания писатель был вынужден оставить в Петрограде, не имея возможности взять с собой багаж при отъезде 5 августа 1921 г.

⁶ *Александр Яковлевич Аросев* (1890–1938; расстрелян) — советский партийный деятель, чекист, дипломат, писатель, редактор журнала «Красная Новь» и артели писателей «Круг». В письме речь идет о первой жене Аросева — *Ольге Вячеславовне Гоппен*, с которой он состоял в браке с 1918 по 1926 г.

⁷ Девушка (нем.).

⁸ В 1922 г. А.Я. Аросев находился на дипломатической службе в Риге, летом он проходил курс лечения в курортном местечке Bad Nauheim и приезжал в Берлин. Однако заочно его знакомство с Ремизовым началось с личного письма от 15 мая 1922 г., связанного с книжными передачами из Москвы. Еще ранее Аросев по просьбе Б. Пильняка принимал участие в возвращении Ремизову его рукописей, изъятых в сентябре 1921 г. у представителя ревельского издательства «Библиофил», взявшегося помочь писателю провезти часть его личного архива за границу. Ремизов состоял в переписке с Аросевым до 1924 г.

⁹ *Исцеленнов Николай Иванович* (1891–1981) — архитектор и художник, автор проектов в стиле русского храмового зодчества. См. о нем: *Герра Р. Н.И. Исцеленнов — архитектор, художник и книжный график // Русский мир: Пространство и время русской культуры: Альманах. Вып. 7. СПб., 2012. С. 237–246.*

¹⁰ Речь идет об издательстве “Trigema”, учрежденном в Берлине А.А. Лагорно и Н.И. Исцеленновым. Название восходит к одноименному издательству и литературному кружку поэтов Петрограда (1915–1916 гг.), в большинстве своем тяготевавшим к эгофутуристическому направлению.

¹¹ Исцеленнов иллюстрировал книгу Ремизова «Пляс Иродиады: Вертеп» (Берлин: Trigema, 1922), представлявшую собой новую редакцию легенды «О безумии Иродиадном, как на земле зародился вихорь» (1907; впервые: *Ремизов А.* Лимонарь, сиречь: Луг духовный. СПб.: Оры, 1907. С. 5–25). На шмуцтитуле берлинского издания было помещено описание тиража на французском и русском языках: «*Эта книга, оригинальные литографий, отпечатана в 500 нумерованных экземплярах, из которых 50 раскрашены от руки художником. Не раскрашенные экземпляры нумерованы арабскими цифрами от 1 до 400 и 50 экзempl. именных нумерованы от “Им 1” до “Им 50”. Раскрашенные экземпляры нумерованы римскими цифрами от 1 до XXX и 20 экземпляров именных нумерованы от “Им 1” до “Им XXX”. На титульном листе воспроизведена надпись автора. Год издания — 1922.*». См. также рисунки, факсимиле автографа и дарственную надпись Ремизова на одном из экземпляров книги: *Герра Р. Н.И. Исцеленнов — архитектор, художник и книжный график. С. 248–249.*

¹² *Ариадна Владимировна Тыркова* (в первом браке Борман, во втором Вильямс; 1869–1962) — общественная деятельница, член ЦК конституционно-демократической партии, публицист, прозаик, мемуарист. Заочное знакомство Ремизова и Тырковой относится к 1903 г., когда при ее посредничестве в ярославской газете «Северный край» (где она занимала должность редактора) были напечатаны ремизовские стихи в прозе. В своем первом письме, адресованном Ремизовым из Лондона, 1 ноября 1921 г. Тыркова-Вильямс писала о пережитых годах: «скоро четыре года, как я из Питера. Россию после того видела еще раз. Уехали мы через Мурманск, вернулись опять через море, только Черное. Я так не горевала, как вы, жила буржуйкой, но душа сносилась сильно. Вы с одного конца видели трудное, мы с другого» (Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 2. В. 20. F. 1. P. 12. Далее: Amherst с указанием шифра). В этом же письме Тыркова-Вильямс обратилась к Ремизову с просьбой, касающейся издания книги, написанной совместно с мужем Г.В. Вильямсом: «На днях выходит по-английски роман, кот<орый> мы с Г<арольдом> В<асильевичем> написали. Ишу русского издателя». Очевидно, книга (*Willams Harold and Ariadna. Host of Darkness. London, 1921*) была вскоре выслана писателю в Берлин.

¹³ Подразумеваются владельцы издательства «О. Дьякова и Ко», которое с 1920 г. успешно выпускало в Берлине современную художественную литературу, а также переиздавало популярные дореволюционные книги. Вся информация об издателях носит мистификаторский характер, отчасти из-за поставленного в названии издательства имени Ольги Дьяковой. *Ипполит Николаевич Дьяков* (1865–1934) — действительный статский советник, городской голова Киева в 1906–1916 гг.; его супруга *Ольга Густавовна Дьякова* — внучка крупного промышленника и бывшего городского головы Густава Ивановича Эйсмана, владелица фешенебельного «Гранд-Отеля» на Крещатике.

¹⁴ *Ремизов А.* Мара: Книга рассказов. Берлин: Эпоха, 1922.

¹⁵ *Fronleichnam* (нем.) — католический праздник Тела Христова, посвящен святому причастию; отмечается в первый четверг после Троицына дня (Pfungsten). В честь таинства Евхаристии во время богослужения совершается торжественная процессия и поклонение Святым Дарам.

¹⁶ Речь идет о письме *Семена Абрамовича Ефрона* (?–1933), в котором владелец одноименного издательства объяснял причины своего решения отказаться от предложенного Ремизовым сборника рассказов (Amherst. В. I. F. 3. P. 52). К этому времени «Книгоиздательство С. Ефрона» выпустило в свет ремизовский сборник «Трава-мурава» (1922). Ср. письмо Ефрона от 14 апреля 1922 г., в котором он сообщал о выходе книги: «Многоуважаемый Алексей Михайлович, с первым теплым днем ожила природа и пробилась Трава-Мурава» (Ibid. P. 54).

^{16a} Речь идет о несостоявшейся попытке возобновления в Берлине издания журнала «Нива» (1869–1918) под ред. И.Д. Сытина.

¹⁷ Воспоминания о двух годах политической ссылки (1900–1901), проведенных в зрянской столице Усть-Сысольске, губернском городке Вологодской губернии, где и произошла встреча будущих супругов Ремизовых.

¹⁸ Очерк «Три могилы», посвященный памяти умерших в 1919 г. С.М. Поггенполя, Ф.И. Щеколдина и В.В. Розанова (см. примеч. 1).

¹⁹ Возможно, журналист Вл. Вальтер.

²⁰ Местонахождение упомянутого письма Тырковой-Вильямс неизвестно.

²¹ Вероятно, речь идет о рукописи повести «Пятая язва», новая редакция которой была издана З. Гржебиным в 1922 г. Книга вышла не позднее 22 ноября.

²² Подразумевается редакция газеты «Голос России», в которой С.П. Постников возглавлял литературно-художественный отдел.

²³ *Александр Исаевич Гуковский* (1865–1925) — эсер, публицист, присяжный поверенный, редактор журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1925).

²⁴ Город в федеральной земле Саксония-Анхальт, где с 1922 г. жил *Виктор Александрович Залкинд* (1895–?) — выпускник петербургского Политехнического института (1921). Осенью 1923 г. Залкинд переехал в Палестину. О своем новом знакомом Ремизов написал в книге «Кукха. Розановы письма»: «...В.А. Залкинд <...> — конкретор обезвелоппала, градусник привинчивал, бензин в зажигалку наливает — механик! — редчайшей доброты человек» (*Ремизов А.* Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 138). См. о нем: *Флейшман Л.* Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвелоппала // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. I. P. 190. См. также примеч. 61.

²⁵ И.И. Ионов.

²⁶ Очевидно, подразумевается надежда на возвращение утраченных в августе 1921 г. рукописей. См. об этом: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // *Литературный факт*. 2018. № 7. С. 17–18. Вместе с тем в своих воспоминаниях Ремизов рассказал об эпизоде, связанном с невыполненным обещанием И.И. Ионов вернуть оригиналы и литографии рисунков К.А. Сомова, которые в 1920 г. были подготовлены для издания эротической сказки «Что есть Табак. Гоносова повесть» (см.: *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 230–233).

²⁷ *Рыков Алексей Иванович* (1881–1938, расстрелян) — советский политический и государственный деятель, с марта 1922 г. первое лицо советского правительства. *Воронский Александр Константинович* (1884–1937, расстрелян) — политический деятель, прозаик и публицист; главный редактор журнала «Красная Новь» (1921–1927); председатель правления писательской артели «Круг» (1922–1927). Ко всем троим Ремизов обратился с прошением вернуть ему рукописи, конфискованные на эстонской границе у консула Г.А. Орга, председателя петроградской оптационной комиссии по эстонским подданным, который по просьбе писателя взялся перевести в Ревель часть его личного архива. Подробнее об этом эпизоде начала ремизовской эмиграции см.: *Флейшман Л.* Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2016. № 4. S. 42–74. В личном письме Ремизову от 27 марта 1922 г. Рыков сообщал: «Уважаемый Алексей Михайлович! Ко мне обратились в Берлине от Вашего имени с просьбой найти отобранные у какого-то жулика на границе Р.С.Ф.С.Р. и принадлежавшие Вам рукописи и литературный материал. Находящим сопровождаю их вам и надеюсь, что при обратном возвращении в Россию Вы не будете прибегать к содействию сомнительных лиц. А.И. Рыков» (Amherst. V. 1. F. 9. P. 33–34). Тем не менее, долгожданная посылка не была получена даже месяц спустя, когда 27 апреля пришло письмо от Воронского, который также уверял писателя в удачном разрешении его сложного дела и участии в поиске Л.Б. Каменева: «Пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам, г. Ремизов, простите запаматовал имя и отчество, что Каменев мне сообщил: рукописи, отобранные у Вас на границе, вернее у В<ашего> доверенного, — возвращены Вам через Рыкова и посланы. Получили ли Вы их? Прошу известить меня. Я их с большим трудом нашел у Каменева. Как они туда попали и почему аллах ведает. Че-Ка передало Каменеву, а почему не знаю. Не написал Вам сразу. Потому что ждал okazji. Привет и счастье. Мой адрес: Москва. 1-ый Дом Советов (бывш<ая> гост<иница> “Националь”), № 127» (Ibid. P. 34). Рукописи и материалы личного архива были получены Ремизовым в Берлине 25 июня 1922 г., дата зафиксирована писателем на копии списка пропавших рукописей, направленных одновременно по разным адресатам (Ibid. P. 33).

²⁸ *Всеволод Эмильевич Мейерхольд* (1874–1940) — товарищ Ремизова с 1897 г. Они познакомились в Пензе, где Ремизов отбывал ссылку за политическую деятельность. Свое знакомство с Мейерхольдом Ремизов описал в главах «Ход в окошко» и «В лакейской» книги воспоминаний «Иверень». См. также об истории взаимоотношений: Мейерхольдовские главы книги А.М. Ремизова «Иверень» / Публ. Л. Дворниковой и Н. Панфиловой; Предисл. и примеч. О.М. Фельдмана // Мейерхольдовский сборник. Вып. 2: Мейерхольд и другие / Ред.-сост. О. М. Фельдман. М.: ОГИ, 2000. С. 28–44. В 1922 г. Мейерхольд находился в Москве, возглавляя Театр Революции. Очевидно, Ремизов надеялся на его связи с партийным руководством.

²⁹ *Шаршун Сергей Иванович* (фр. *Serge Charchoune*; 1888–1975) — писатель и художник; с 1911 г. жил в Париже. В 1920 г. примкнул к движению французских дадаистов. В 1922–1923 гг. художник в Берлине, где начал издавать собственный журнал «Перевоз-дада». См. о нем: *Пахмусс Т.* Из архивных материалов: Сергей Шаршун — русский художник и писатель // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1983. Vol. 24. N. 3. P. 347–355; *Морар А.* Сергей Шаршун и французские дадаисты // *Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис*. М.: Русский путь, 2007. С. 231–249.

³⁰ Характеристика С. Шаршуна является поздним добавлением (см. оригинал письма в Приложении).

³¹ Речь идет о состоянии здоровья В. Ленина, о котором в эмигрантской прессе становится известно уже в 20-х числах марта. Так, 22 марта «Руль» на первой странице публикует статью «В потемках», где положение больного Ленина характеризуется как «Кремлевский узник». Затем 26 марта в статье «Загадка» появляется сообщение о том, что «Совнарком занят обсуждением вопроса, какие меры следует принять на случай неизбежного выхода Ленина из состава правительства. Здоровье Ленина таково, что <...> возвращение его к правительственной деятельности совершенно исключено». См. примеч. 3. 18 июня берлинская газета «Руль» вслед за газетой «Правда» поместила текст «Официаль-

ного сообщения о болезни Ленина», представленный советским правительством в печати: «Бывший председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин-Ульянов страдает тяжким переутомлением, последствия которого осложнились отравлением. Для восстановления своих сил товарищ Ленин должен на продолжительное время, во всяком случае до осени, удалиться от государственных дел и отказаться от всякой деятельности. Его возвращение к политической работе представляется вероятным после продолжительного отдыха, так как, по мнению медицинских авторитетов, восстановление его сил возможно». Публикация сопровождалась рядом острых для эмиграции вопросов: «Когда же, однако, состоялась его отставка? Почему о ней не объявлено? Болезнь Ленина классифицируется как переутомление, осложненное отравлением. Но если так, если Ленин уже бывший председатель, если на его место не избрана тройка, то кто же его заместитель? Есть ли таковой? Почему об этом умалчивается в такой критический момент?»

³² Речь идет о публикации главы «Кровавый бандурист» (1831–1833) из неоконченно-го романа «Гетьман» в парижской газете «Последние новости» под заголовком «Запрещенные страницы Гоголя» (1922. № 661, 14 июня; № 662, 15 июня). Текст неопубликованного при жизни Гоголя произведения был, по всей вероятности, знаком Ремизову по петроградской печати 1917–1921 гг. См. очерк по истории текста и публикации Ю.Г. Оксмана: «Кровавый бандурист»: Новые страницы Н. В. Гоголя // *Нива*. 1917. № 1. С. 3–6; Литературный Музей (Цензурные Материалы 1-го отд. IV секции Гос. Архивного Фонда) / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксмана, Пгр., [1921]. С. 27–39 (коммент. Ю.Г. Оксмана на с. 347–356). См. также: Новые строки Гоголя. «Кровавый бандурист». Глава из романа // *День*. 1917. № 5, 6 (19) янв. С. 3; Неизданные страницы Гоголя. «Кровавый бандурист» // *Петроградский листок*. 1917. № 6, 7 янв. С. 2; «Кровавый бандурист» Гоголя // *Русское Слово*. 1917. № 6, 8 (21) янв. С. 3.

³³ Адрес А.В. Тырковой-Вильямс.

³⁴ Супружеская пара *Сергей Николаевич Прокопович* (1871–1955), член ЦК партии кадетов, экономист, публицист, и *Екатерина Дмитриевна Кускова* (урожд. Есипова; 1870–1958), видный общественно-политический деятель, социалистка вне партий, с 1918 г. член совета Московского комитета Политического Красного Креста. В августе 1921 г. супруги были арестованы как организаторы и руководители «Всероссийского комитета помощи голодающим» (Помгол), приговорены к расстрелу за антисоветскую деятельность. Дело получило широкий международный резонанс, после которого последовало вмешательство Ф. Нансена и главы АРА (American Relief Administration) Г. Гувера, повлиявшее на решение Верховного Суда заменить расстрел ссылкой. Прокопович и Кускова были административно высланы в Вологодскую область, а затем проживали в других северных областях. В течение года, благодаря хлопотам влиятельных коммунистов В.Н. Фигнер и Е.П. Пешковой, удалось добиться разрешения о выезде супругов за границу (подробно см.: Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: Письма Е.Д. Кусковой и В.Н. Фигнер / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Я.В. Леонтьева // *Русское прошлое*. 1993. Кн. 4. С. 330–342). В Берлине Кускова была избрана председателем Политического Красного Креста. В эмиграции Прокопович и Кускова заняли позицию так называемых «возвращенцев» (см. о них подробнее: *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1: Россия в Германии. М., 2001. С. 232–238). Ремизов состоял членом берлинского Комитета помощи голодающим.

³⁵ Речь идет о гонораре от издательства «Век культуры» (Данциг), в котором предполагалось издание народной драмы «Царь Максимилиан» в ремизовском пересказе. См. первую часть нашей публикации: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 70, примеч. 21.

³⁶ Словообразование от Schein — свидетельство (*нем.*) и Gesuch — заявление, прошение (*нем.*).

³⁷ *Кайзер Рудольф* (1889–1964) — немецкий писатель, критик, редактор берлинского журнала «Die Neue Rundschau», представитель московского журнала «Новая Россия» / «Россия» в Германии. Соответственно, поздний комментарий Ремизова, добавленный при переписывании письма в 1948 г., содержит неточность в названии периодического издания. Кайзер поддерживал Ремизова в самые трудные моменты его жизни в Берлине. Так,

в ситуации окончания срока вида на жительство в конце 1923 г. Ремизов еще 26 февраля 1923 г. обратился письмом к главе правительства Висбадена Конраду Генишу и министру Карлу Северингу. Ходатайство Кайзера по форме и содержанию было исполнено искренней симпатии к писателю. В нем говорилось: «Господин Ремизов несомненно отнесен к самым значительным представителям русской литературы последнего времени и по-человечески стал для нас всех близким товарищем» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 932; копия письма с подлинной подписью Кайзера). См. также: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 71, примеч. 28.

³⁸ Речь идет об Удостоверении личности, выданном Ремизову 22 сентября 1921 г. в Берлине. Судя по многочисленным отметкам, этот документ, сохранившийся в архиве писателя (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 932), требовал подтверждения каждые полгода.

³⁹ Подразумевается машинописный набор рукописи.

⁴⁰ Обложка временного немецкого паспорта вызвала у писателя ассоциации с «желтым билетом» — документом, выдававшимся проституткам в царской России, цвет которого в общественном сознании символизировал греховность. Ср. обращение Ремизова к В.В. Розанову во вступлении к книге «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923), в которой он иронически связывает желтый паспорт с «грехом» написания гоносовой повести «Что есть табак» (1906): «У меня, Василий Васильевич, желтый паспорт! — за “Табак” мне, должно быть такое» (*Ремизов А. Кукха. Розановы письма.* С. 5).

⁴¹ Речь идет об издании трех сказок В. Гауфа в оформлении и с 16 литографиями художницы Fritzi Löw: *Hauff Wilhelm. 3 Märchen. Mit 16 Originallithographien und Buchschmuck von Fritzi Löw.* Wien: Kunstverlag Schroll, [1918].

⁴² *Каплун Борис Гитманович* (1894–1937, расстрелян) — советский инженер и хозяйственный работник. Член коллегии отдела управления Петроградского Совета (губисполкома, 1919–1921).

⁴³ *Белицкий Ефим Яковлевич* (1895–1940, расстрелян) — заведующий отделом управления Петроградского совета в 1917–1922 гг., издательский работник, глава петроградского издательства «Эпоха»; муж М.Г. Каплун (сестры С.Г. Каплуна). *Алянский Самуил Миронович* (1891–1974) — владелец издательства «Алконост», выпускавший книги Ремизова под маркой «Обезвельволпала» (1921); заведующий издательским бюро ТЕО Наркомпроса; сотрудник ИЗО Наркомпроса. В 1919–1921 гг. вокруг издательства и издаваемого Алянским журнала «Записки мечтателей» образовался тесный круг писателей, ядро которого составляли А. Белый, А. Блок, Е. Замятин и Ремизов. О трудностях Белицкого и Алянского с получением визы в Германию Ремизов узнал от приехавшего в Берлин И.И. Ионова. В письме Ремизову от 17 июня (получено в Берлине 29 июня) Алянский писал о скором приезде в Берлин: «Простите, что так долго не писал Вам, почти всё время сидел в Москве в хлопотах о загранич<ом> паспорте. Теперь дело за визой. Надеюсь скоро получить и ее. Выезжаем с Е.Я. Белицким не позднее конца Июня» (Amherst. В. 1. Ф. 9. Р. 327).

⁴⁴ *Парнах Валентин Яковлевич* (1891–1951) — поэт, переводчик, музыкант, танцор, хореограф. Жил в Париже с 1915 г.; основатель парижской литературной группы «Палата поэтов»; в августе 1922 г. вернулся в Россию. См. о нем: *Парнах В.Я.* Пансион Мобер: Воспоминания / Вступ. ст. П. Нерлера; публ. и коммент. П. Нерлера и А. Парнаха; подгот. текста П. Нерлера, Н. Побоя и О. Шамфаровой // *Диаспора: Новые материалы.* VII. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2005. С. 7–91.

⁴⁵ Неустановленное лицо.

⁴⁶ Поздняя ремарка (ср. оригинал письма в Приложении).

⁴⁷ Речь идет о биографическом сюжете, относящемся к 27 мая 1917 г., когда Ремизовы навестили В.В. Розанова в его квартире на Шпалерной улице перед отъездом в Берестовец к дочери Наташе. По жребию судьбы встреча оказалась последней, так как летом того же года Розанов с семьей переехал в Сергиев Посад, где в полной нищете закончилась его жизнь. Очевидно, перед Ремизовым стояла дилемма, включить этот эпизод в книгу «Кукха», работа над которой задерживалась из-за ожидания конфиксованных у Г.А. Орга рукописей и альбома с оригинальными письмами Розанова (см. об этом в примеч. 27), или инкорпорировать его в контекст «Временника». Описание встречи с философом стало со-

держанием шестой части («Отпуск») «Временника Алексея Ремизова» в главе «Всеобщее восстание. Орь. 27.II — 1.VI.1917», которая готовилась для публикации в журнале «Эпопея» (1922. № 2. С. 100–104), выходявшем в издательстве А.Г. Вишняка «Геликон».

⁴⁸ Подразумевается магазин издательства «Отто Кирхнер и Ко», созданного в Берлине в конце 1921 г.

⁴⁹ Возможно, речь идет о новелле «Конь и лев», которая была переведена на немецкий язык в журнале, выходявшем под редакцией Р. Кайзера (см. примеч. 125). См.: *Das Ross und Löwe / Übersetzt R. v. Walter // Neue Rundschau*. 1922. № 6. С. 759–764.

⁵⁰ *Селевина Екатерина Владимировна* (урожд. Романова; 1855–1938) — двоюродная сестра Вл. С. Соловьева по матери; состояла в родстве с Н.И. Полисадовым (сохранилось письмо Полисадова Ремизову от 15 июня 1922 г., из которого следует, что его жена приходилась дочерью Е.В. Селевиной // *Amherst*. В. 1. F. 5. P. 184). Художник, исполняя просьбу Ремизова, переданную через М.-И. Талова (см. о нем: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 38, 56, 76), писал: относительно «здравия и пребывания Катерины Владимировны Селевиной, матери дружины моей. <...> поведомляю Вас, что она в Париже 92 bis Avenue de Versailles в становище досыть печальном после мучительного пребывания в Египте. Здоровье вельми недоброе <...>» (*Ibid*). Личность Е.В. Романовой-Селевиной привлекла внимание литераторов еще в 1911 г., когда впервые в собрании писем Вл. С. Соловьева появились отдельные письма философа, адресованные его родственнице (см.: *Письма Владимира Сергеевича Соловьева: В 4 т. / Под ред. Э. Л. Радлова. Т. 3.* СПб.: Общественная польза, 1911). Два с лишним года, начиная с 1872 г., молодого философа и девушку-подростка связывали глубокие религиозно-духовные отношения, переросшие в чувство любви. Однако в 1875 г. Романова отказалась от мысли о браке с Соловьевым, отчасти под давлением родственников, препятствующих этому союзу по причине близкого родства. История несостоявшегося брака также получила отражение в рассказе Вл. Соловьева «На заре туманной юности...» (впервые: *Русская Мысль*. 1892, май). Интерес Ремизова к биографическому сюжету, подкрепленный личным знакомством с Е.В. Романовой-Селевиной, завершился созданием очерка «Философская натура: Владимир Соловьев жених» (впервые: *Современные записки*. 1938. Кн. 66. С. 193–204), в котором, в частности, были опубликованы ранее неизвестное стихотворение Соловьева из альбома Романовой-Селевиной, а также их совместная фотография. В примечаниях Ремизов, полагавшийся на фрагменты любовной переписки, уточнял: «В “Русской Мысли”, 1910. Кн. V. М.Б. (Марья Сергеевна Безобразова, сестра Вл. Соловьева) напечатала “Юношеские письма Владимира Соловьева” (1871–1873): 28 писем к Екатерине Владимировне Романовой (по мужу Селевиной). Вл. С. Соловьев (1853–1900) — ему было 18–20 лет; Ек. Вл. (1855 — живет в Париже) — 16–18 лет. Любовная переписка с 6-VI-1873 — 8-X-1873 — пять месяцев. Подлинники, переплетенные в черную тетрадь, хранятся в Киве; среди них есть ненапечатанные» (С. 196).

⁵¹ По-видимому, выпущенное в ограниченном количестве экземпляров авторское издание.

⁵² Письма из Берестовца от сестры С.П. Ремизовой-Довгелло — Лидии Павловны и дочери Ремизовых — Наташи, которая отказалась эмигрировать с родителями. О характере эпистолярных взаимоотношений с дочерью, в 1930-е гг. существенно осложненных статусом «дочери белоэмигранта», см. в статье внука писателя: *Бунич-Ремизов Б.Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы*. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 270–271.

⁵³ Н.А. Ремизова училась на филологическом факультете Киевского университета.

⁵⁴ Церковь св. Николая (нач. XIII в.).

⁵⁵ Речь идет о скульптурном изображении рыцаря Роланда с обнаженным мечом (мечом правосудия), которое в Средние века традиционно устанавливалось в городах Северной и Восточной Германии в знак обретения «вольного» статуса и звания «города Роланда», обеспечивающего право на свободную торговлю и правосудие. В Германии существует своеобразная коллекция статуй Роландов.

⁵⁶ Ревель (ныне Таллин). В Ревеле Ремизовы останавливались с 23 августа по 18 сентября 1921 г., ожидая разрешения для въезда в Германию.

⁵⁷ Возможно, ремизовское предположение, поскольку слово *Beamter* означает обобщенное понятие — должностное лицо (*нем.*).

⁵⁸ Мой дорогой, мой дорогой друг (*нем.*)

⁵⁹ София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, будущая российская императрица *Екатерина Вторая Великая*, родилась в 1729 г. в немецком городе Штеттине (ныне Щецин, Польша). В Цербсте же, в родовом замке, принадлежавшем отцу принцессы — прусскому генерал-фельдмаршалу Христиану Августу Ангальт-Цербстскому, прошло детство принцессы. Из Цербста в пятнадцатилетнем возрасте в сопровождении матери София была вызвана в Россию императрицей Елизаветой Петровной; крещена по православному обычаю под именем Екатерины Алексеевны и наречена невестой великого князя Петра Федоровича (будущий император Петр III), с которым обвенчалась в 1745 г. Поездка в Цербст открыла Ремизову новые материалы, которые он намеревался использовать во втором томе книги «Россия в письменах» (т. I вышел в издательстве «Геликон» в первой половине 1922 г.). Об этом плане см. в письме Ремизова В. Залкинду от 29 июня 1922 г. (*Флейшман Л.* Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвелволпала. P. 190–191). По просьбе Ремизова Залкинд обследовал исторические места Цербста, связанные с именем российской императрицы, о чем сообщил ему в письме от 6 августа 1922 г., которое, в частности, проясняет происхождение ложной информации о том, что Цербст является местом рождения или захоронения Екатерины Великой: «Посылаю Вам, Алексей Михайлович, переписанную мною надпись о Екатерине из St. Nikolaikirche. Надпись эта вырезана на доске, помещенной в Хоре церкви. Над доской, заключенной в портике, портрет дамы, похожей на Екатерину. <...>. Вероятно, из-за этой доски цербские убеждены, что Екатерина тут похоронена. Когда я протестую и говорю о Петропавловском Собрании, они быстро сдаются — “но зато она тут родилась”. Буду рад, если надпись Вам пригодится <...>» (*Amherst. V. 1. F. 7. P. 99–100*).

⁶⁰ Шутливое словообразование от фамилии хозяйки дома Frau Kohl. Kohl — капуста (*нем.*)

⁶¹ Конкретор — чин помощника руководителя учебного заведения в Германии, имевший место и в системе российского народного просвещения XVIII в. *Stelzer* (*нем.*) — хромой с ножным протезом; *stelze* (*нем.*) — деревянная нога, ножной протез. Упоминание конкретора Штельцера в этом письме является основанием для пересмотра версии о происхождении игрового звания В.А. Залкинда, выдвинутой в статье Л.С. Флейшмана «Из комментариев к “Кукхе”. Конкретор Обезвелволпала». Утверждение автора статьи об ошибке прочтения Ремизовым слова «конкретор» (как «конкретор») на надгробии в старейшей церкви Цербста St.-Nicolaus-Kirche не согласуется и с текстом оригинального письма, написанного из Цербста 17 июня: «Живу в Kohlhaus'e — в капустном доме, комната со сводами, один из стариннейших домов. А жил здесь *конкретор Штельцер* (что значит, не знаю)» (см. Приложение, с. 47 наст. публ.). В сохранившемся письме Залкинда Ремизову от 6 августа 1922 г., написанном после посещения писателем Цербста, дается построчное описание надписей на доске, находящейся на хорах церкви St.-Nicolaus с женским портретом, о котором сложилось предание, что на нем изображена Екатерина Вторая (см. примеч. 145). В письме случай аберрации слова «конкретор» не обсуждается (*Amherst. V. 1. F. 8. P. 98–102*). Ввиду отсутствующих доказательств возникновения и игровой культивации ошибочного слова предположим, что звание Залкинда возникло по ассоциации с памятной доской на доме в Цербсте, где Ремизов поселился благодаря Залкинду. Ошибочное же слово является переделкой, по смыслу отражающей точность и «конкретность» характера Залкинда, проштудировавшего также специальную литературу, связанную с описанием интерьеров церкви.

⁶² Речь идет о названиях пивных (с предлогом *zum*).

⁶³ Букв.: У белого ангела (*нем.*).

⁶⁴ Неустановленное лицо.

⁶⁵ *Любовь Яковлевна Яппу* (1900–1971) — в 1922 г. невеста В.А. Залкинда.

⁶⁶ Беспокойство (нем.).

⁶⁷ Schlagsahne (нем.) — взбитые сливки. Kaffeesahne (нем.) — сливки для кофе.

⁶⁸ До Первой мировой войны «социал-демократами» называли всех последователей левой идеологии — как марксистов, так и последователей Лассалля. Таким образом, эта категория объединяла и радикальных революционеров — Владимира Ленина или Розу Люксембург, и умеренных эволюционистов — Карла Каутского или Эдуарда Бернштейна.

⁶⁹ Очевидно, слово *Fahrrad* (велосипед) здесь перепутано со схожим по написанию *Fahrgrohr*, обозначающим трубу в пневматической почте.

⁷⁰ О сувенире из Цербста Ремизов упомянул в автобиографической книге 1923 г.: «...ночной колпак, по-немецки *Schlafmütze*, это немецкое, В.А. Залкинд из Цербста привез...» (цит. по: Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 138). Ср. также письмо Ремизова В.А. Залкинду от 29 июня 1922 г. с благодарностью за подаренные ночные колпаки из Цербста: «Дорогой Виктор Александрович, спасибо Вам за колпаки. Сiju в красном, соседей пугаю» (*Флейшман Л.* Из комментариев к «Кукхе»: Конкретор Обезвельволпала. С. 190).

⁷¹ Значок (нем.).

⁷² *Корвин-Пиотровский Владимир Львович* (1891–1966) — поэт, прозаик, драматург; до декабря 1922 г. участник берлинского литературного содружества «Веретено»; в журнале «Сполохи» заведовал отделом поэзии. Мотивы прозвища «слесарь» не прояснены.

⁷³ Речь идет о переговорах с представителем издательства «Век культуры» С. Сочинико о книге под названием «Вереница». Издание не состоялось. Впоследствии в берлинском журнале «Жар-птица» (1923. № 10. С. 33–35) под аналогичным заголовком был опубликован цикл из трех новелл — «Россия», «А—у—ка», «Сказка».

⁷⁴ *М.Я.Р. [Рабинович М.Я.]* А. Ремизов. Ахру. Повесть Петербургская (Берлин, Гржебин). [Рец.] // *Голос России*. 1922. № 993, 18 июня. С. 6.

⁷⁵ Речь идет о молодом друге Ремизовых Л.И. Иллисоне, находившемся на лечении в больнице санатория Красного Креста. См. о нем: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 17, 79.

⁷⁶ Письмо не выявлено.

⁷⁷ В архиве Ремизова вырезка не сохранилась. Вероятно, речь идет об отзыве на книгу Ремизова в ревельских газетах.

⁷⁸ Весьма неблагоприятно (нем.).

⁷⁹ Речь идет о второй части «Временника Алексея Ремизова», опубликованной под названием «Орь. 27 II. — 1 VI. 1917» (Эпопея. 1922. № 2. С. 61–104). Ср. письмо Ремизова В.Н. Тукалевскому от 14 июня 1922 г.: «...сейчас нет ни минуты, пишу Временник. 2 часть. Всеобщее восстание. Временник А. Ремизова. I. Весенняя рынь (в Эпохе № 1). II. От аза до ижицы. Интермедия — Обезьяний документ. III. От ижицы до непы <sic!>. Поминанье» (ГАРФ. Ф. 577. № 697. Л. 18 об). Название «От аза до ижицы» так и не было использовано.

⁸⁰ Речь идет о редактуре главки из «Временника Алексея Ремизова» — «О мире всего мира» (Эпопея. 1922. № 2. С. 71–74).

⁸¹ Эта глава в первой публикации (Воля России. 1924. № 1/2) получила название «Из “Ростани”». Недоступный нам выпуск журнала описан в кн.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подгот. текста, коммент., материалы к биографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; Вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 276. Впоследствии в составе романа «Взвихренная Русь» (1927) главки, относящиеся к временному периоду с 10 июля по 25 октября 1917 г., были объединены под названием «Москва».

⁸² Поэма Ремизова «Огневица». Три первые части поэмы (с указанием «окончание следует») увидели свет 22 октября 1917 г. в последнем выпуске литературного приложения к газете «Дело народа» — «Литература и Революция», которое редактировал Иванов-Разумник (№ 187). Спустя два месяца «Огневица» вновь была напечатана в «Деле народа»

(с примечанием о публикации из № 187), однако уже помещалась в ряду основных колонок этого издания (1917. № 241, 24 дек. С. 3–4). Полный текст поэмы был воспроизведен в сборнике Ремизова «Огненная Россия» (Ревель, 1921. С. 25–58).

⁸³ В курортном городке Бад-Сааров (Bad Saarow) находилась на отдыхе Ремизова-Довгелло и жила семья Гржебина.

⁸⁴ Würstchen (нем.) — колбаски.

⁸⁵ Подразумевается публикация: *Ремизов А.* Христов крестник // Веретено. 1922. № 1. С. 189–196.

⁸⁶ Речь идет о машинописи романа «Плачущая канава». См.: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 78, примеч. 94.

⁸⁷ Ф. Фриш. См. о ней: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 78, примеч. 90, 91. В письме, полученном Ремизовым 9 июня 1922 г., переводчица сообщила о работе над очерком, посвященном биографии *Владимира Галактионовича Короленко* (1853–1921), и просила разъяснить некоторые неизвестные ей факты биографии писателя: «По какой причине он <Короленко. — Е.О.> был исключен из Румянцевской Академии? За что был сослан? Какого числа он умер? Где напечатаны его письма?» (Amherst. В. I. F. 5. P. 145). Фриш полагалась на личное знакомство писателей, произошедшее в августе-сентябре 1916 г. в санатории Зернова (Ессентуки). См. об этом: *Ремизов А.М.* «В сиянии голубом» // Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 155–162.

⁸⁸ *Блох Яков Ноевич* (1892–1968) — переводчик, секретарь правления кооперативного издательства «Петрополис», основанного летом 1920 г. В письме сотруднику Госиздата М.А. Дьяконову от 18 января 1922 г. Ремизов, описывая свои жизненные трудности, жаловался: «И другая беда: перед отъездом продал я свои книги и самые любимые Блоху в Петрополис, думал, получу деньги на первое время за границей к<ак>н<и>б<удь> перебыть, а до сих пор денег не получил. Все так — ужасно глупо вышло и безумно. <...> Напишите Конст<антину> Алекс<андровичу> <Федину> и о Блохе — невозможное дело так тянуть! Тут все живем урывком. Денежные дела поручил я Вяч. Як. Шишкову и получил от него жалобное письмо — ходит, надоедает и без результата» (ОР РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 1–1об.). В упомянутом здесь письме Блоха от 10 июня был назван посредник — *Александр Казимирович Соколовский*, которому издательство заплатило три миллиона рублей как эквивалент одной тысячи франков для передачи писателю. О Соколовском в биографическом разделе первого номера журнала «Новая русская книга» за 1922 г. сообщалось: «*А. Соколовский*, журналист и беллетрист, живет в Нью-Йорке (1378 Boston Road, Bronx, New-York), сотрудничал в Н.-Йоркском “Русск. Голосе”, в журнале “Вестник Америки”, в Чикаг. газ. “Голос труженика” и “Свободная Россия”. В настоящее время работает в Нью-Йорк. “Новом Русском Слове”, где печатает повесть из жизни русских в Америке “В чужой стране”. Организовал в Нью-Йорке кружок пролетарских писателей и поэтов» (С. 44). Пытаясь разрешить сложившуюся ситуацию с передачей денег, еще 16 февраля 1922 г. в письме С.П. Постникову Ремизов спрашивал: «Не придумаете ли чего, нельзя ли как-нибудь сосчитать здесь в Берлине? Я получил письмо от Вяч. Як. Шишкова от 28. I., он пишет мне ответ Блоха Як. Н. о уплате мне за наши книги петербургские: “Александр Каземирович Соколовский сделал распоряжение (в декабре) своему отцу Казимиру Михайловичу Соколовскому о немедленном переводе вам 1000 франков! Адрес К. М. Соколовского: Paris, rue Verdi, 6”» (ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. № 71. Л. 29). В письме от 2 мая 1922 г. Шишков, учитывая затяжной характер дела, первоначально возложенного на него, рекомендовал Ремизову: «Через Берлинский Дом Искусств в категорической форме пошлите Сокол<овскому> запрос, желает ли он уплатить Вам деньги.<...> Блох мало в этом виноват, тут свинский оказался Соколовский — свинячий купоросный мерин Обезвельволпал». К этому же письму приложена копия расписки с печатью Союза писателей: «Получил от книжного пункта “Петрополис” эквивалент в советских деньгах одной тысячи франков для передачи А.М. Ремизову. 5 VIII 1921 г. А. Соколовский. Правильность означенной копии удостоверяется. За председателя Правления Петр<оградского> Отд<еления> Всероссийского Союза Писателей Вяч. Шишков. 2 мая 1922. Петроград. № 281» (Amherst. В. I. F. 5. P. 69–70). В июне деньги так и небыли переданы.

⁸⁹ *Лозинский Григорий Леонидович* (1889–1942) — филолог-романист, переводчик, основатель издательского кооператива «Петрополис» (1918); в Париже жил с 1921 г., оставаясь представителем издательства. В результате длительных переговоров и выяснений именно Лозинский смог получить от Соколовских пропавшую тысячу франков и переслать ее Ремизову. О банковском переводе Лозинский сообщал письмом от 25 июня 1922 г. (Amherst. B. I. F. 5. P. 102).

⁹⁰ Арнольд Дзиркалис. См. о нем: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 68, примеч. 12. В свой приезд по личным делам в Париж художник по просьбе Ремизова нанес визит Соколовскому-старшему. О безрадостных результатах этого посещения Дзиркалис сообщил Ремизову в письме от 29 апреля 1922 г. (Amherst. B. I. F. 5. P. 91).

⁹¹ *Авиапочта (нем.)*.

⁹² *Борман Аркадий Альфредович* (1891–1974) — журналист, писатель, политический деятель; сын А.В. Тырковой-Вильямс от первого брака. В эмиграции жил в Париже (до 1951 г.); сотрудничал в газете «Возрождение» и журнале «Русская Мысль».

⁹³ Сказка Ремизова «Христов Крестник» опублик.: Веретено. 1922. № 1. С. 189–196.

⁹⁴ См. примеч. 11.

⁹⁵ Имеется в виду предстоящая поездка Ремизовых в Баварию на озеро Ammersee. Переводчица Ф. Фриш еще в письме от 5 июня подробно расписала Ремизову условия проживания в деревне Breitbrunn am Ammersee (Amherst. B. I. F. 5). Путешествие состоялось в период с 13 июля по 2 августа 1922 г. См. также: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 36–37, 78, примеч. 91.

⁹⁶ Речь идет о С. Сочивко, представителе издательства «Век Культуры».

⁹⁷ Подразумевается публикация в газете «Голос России».

⁹⁸ *Тышка Казимир Людвигович* (1875–1902) — знакомый С.П. Ремизовой-Довгелло по Устььсьольской ссылке, там же покончил жизнь самоубийством; Ремизова-Довгелло хранила его стихи и прозаические произведения, которые Ремизов неоднократно пытался опубликовать посмертно. Два ремизовских оригинал-макета произведений Тышки, подготовленных для печати (1919 г.), хранятся в архиве Ремизовых (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 981, 982). Четырнадцать стихотворений Тышки Ремизову удалось опубликовать в газете «Юг» в 1903 г. (см.: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография. 1902–2013 / Авт.-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 376–377).

⁹⁹ *Йозеф Шапиро (нем. Joseph Shapiro; 1893–1962)* — немецкий публицист и переводчик, родившийся в Киеве (публикации на русском языке подписывал также О.М. Шапиро); имел влияние в литературных и издательских кругах Германии. В одном из первых приветственных писем Ремизовым (от 3 ноября 1921 г.) он, в частности, сообщал о переговорах об издании переводов произведений Ремизова, а также о составленной протекции: «...я говорил о Вас Thomas Mann. Он обещал мне, при случае, собратски помочь Вам. Он Вас очень ценит и имеет Ваши книги в переводе» (Amherst. I. F. 1. P. 116–122). Сохранилась также запись Шапиро в альбоме С.П. Ремизовой-Довгелло, датированная 1/14 янв. 1922 г.: «Не люблю я поздравлять с Новым годом! Вдруг новый год окажется хуже старого? Подчиняясь, тем не менее...» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1293. Л. 7).

¹⁰⁰ *Демидов Алексей Алексеевич* (1883–1934) — писатель; начал публиковаться с 1911 г.; в 1916 г. в Петрограде познакомился с М. Горьким, который впоследствии высоко оценил его роман «Жизнь Ивана» (1916–1923). Демидов, как и другие начинающие писатели советской России, искал возможности закрепиться на книжном рынке Германии. Как становится ясно из письма нового корреспондента Ремизова, о нем писатель услышал впервые от Б. Пильняка, находившегося в Берлине в феврале-марте того же 1922 г. Алексеев поселился в Москве, заведовал книжным магазином ВЦСПС. Его жена Марта Генриховна Демидова с двумя детьми в апреле того же года переехала в Берлин к родственникам. В своем первом обращении к Ремизову Демидов писал: «Уважаемый Алексей Михайлович! Пользуясь вашим любезным разрешением, переданным мне Б.А. Пильняком, посылаю Вам свою повесть “Жизнь Ивана” (251 стр.) и очень прошу Вас помочь мне

издать ее» (Amherst. B. 1. F. 5. P. 180). Ответные письма Ремизова сохранились в архиве Демидова (РГАЛИ. Ф. 165. Оп. 2. № 62).

¹⁰¹ *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович*, князь (D. S. Mirsky; 1890–1939) — историк русской литературы, переводчик; евразиец; основатель журнала «Версты» (1926–1928). История его многолетних отношений с Ремизовым, восходящая к 1907 г., исследована в предисловии к публикации: «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2003. С. 339–347. Возможно, подразумевается анонс первых двух томов из трехтомного собрания стихотворений А.А. Блока (Alexander Block. Collected poems of Alexander Block. Vol. I and II («Slovo») Publishers. Berlin. M. 50 the three volumes), появившийся в колонке под редакцией Мирского в известном литературно-критическом журнале «The Times Literary Supplement (1922. 13 April. P. 242).

¹⁰² Правильно: Breitbrunn am Ammersee.

¹⁰³ *Фриш Эфраим* (Frisch Efraim; 1873–1942) — писатель, журналист, театральный критик, переводчик; основатель и редактор журнала «Der Neue Merkur» (1919–1925); муж Ф.Е. Фриш. См. о нем в предисловии Г. Стерна к книге: *Frisch E. Zum Verständnis des Geistigen: Essays / Hrsg. und eingeleitet von G. Stern. Heidelberg; Darmstadt, 1963. S. 13–38.*

¹⁰⁴ *Олькеницкая Белла Абрамовна* — племянница переводчицы Фейги Евсеевны Фриш, прозванная Ремизовыми «Пугавкой». История знакомства начинается письмом от 5 октября 1921 г., в котором Олькеницкая по просьбе своей тетки предлагала Ремизовым дружескую помощь (Amherst. B. 1. F. 1. P. 174).

¹⁰⁵ См. примеч. 87.

¹⁰⁶ Речь идет о немецких антропософах, имена которых, вероятнее всего, стали известны С.П. Ремизовой-Довгелло во время ее поездки в Мюнхен на лекции Штайнера в 1913 г.; знакомые Феги Фриш, принимавшей участие в организации баварской поездки Ремизовых. *Бауэр Михаэль* (Bauer Michael; 1871–1929) — входил в узкий круг первых учеников Штайнера; крупный деятель антропософского движения, автор религиозно-философских и педагогических сочинений. *Моргенштерн Маргарета* (урожд. Gosebruch; 1879–1968) — жена поэта и антропософа Кристиана Моргенштерна (Morgenstern Christian Otto Josef Wolfgang; 1871–1914). Супруги Моргенштерны и Бауэр, познакомившись в 1913 г., создали духовный триумvirат, объединительным началом этих отношений стала антропософская доктрина и философская поэзия Моргенштерна. После смерти поэта его друг Бауэр и вдова Маргарета издали документальную книгу о его жизни, а также собрание его писем: *Bauer Michael. Christian Morgensterns Leben und Werk. Vollandet von Margareta Morgenstem. München: R. Piper Verlag, 1933; Christian Morgenstern. Ein Leben in Briefen. Herausgegeben von Margareta Morgenstem. Wiesbaden: Insel-Verlag, 1952.* Из русских символистов, вовлеченных в антропософию, Моргенштерн и Бауэр общались с Андреем Белым, с которым познакомились в 1913 г. Подробнее см.: *Лавров А.В. Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 198–206.* Интерес М. Моргенштерна к русской литературе продолжился и после смерти ее мужа. Благодаря ее помощи в немецком переводе был издан роман «Петербург» (*Belyj Andrej*. Petersburg. Autorisierte bersetzung aus dem Russischen von Nadja Strasser. Übersetzung, München, Müller, 1919).

¹⁰⁷ Деревня Обераммергау прославилась тем, что в ней начиная с XVII в. с периодичностью раз в 10 лет разыгрываются театральные действия (Пассионшпили), посвященные страстям Христовым. Особой достопримечательностью этой местности является также роспись по штукатурке на стенах домов со сценами из евангельских сюжетов, а также с персонажами немецкой мифологии.

¹⁰⁸ Серафима Павловна Линдерхаус (S. Linderhaus), знакомая Ремизовой-Довгелло.

¹⁰⁹ В письме от 20 июня А.Я. Аросев просил найти в берлинских книжных магазинах утраченную им по дороге в Бад-Наугейм книгу шведского финансиста Карла Густава Касселя: *Cassel Karl Gustav. Das Geldproblem der Welt* (München, 1921), перевод первой части которой уже был им сдан для публикации в журнале «Современник» (Amherst. B. 1. F. 9.

Р. 195–196). См. публикацию перевода Аросева с предисловием С. Членова: *Кассель Г.* Мировая денежная проблема // Современник. 1922. Кн. 1. С. 92–109; 1923. Кн. 2. С. 48–67.

¹¹⁰ Речь идет о раритетном издании, представляющем собой самое полное для того времени собрание стихотворений Тараса Шевченко, произведения которого были запрещены в России с 1869 по 1883 г. В связи цензурными преследованиями особую ценность получило издание Д.Е. Кожанчикова: *Шевченко Т.* Кобзарь. Типом четвертым. Коштом Д. Кожанчикова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1867. Именно оно упоминается писателем в посвященном С.П. Ремизовой-Довгелло романе «В розовом блеске» (гл. «На память»).

¹¹¹ Возможно, речь идет о гонораре Ремизову за вычитку редактору произведений Б.А. Пильняка, публиковавшихся в 1922 г. в журнале «Сплохи». В № 7 журнала был напечатан рассказ «Татарские серьги», в №№ 10 и 12 — «Простые рассказы».

¹¹² Подразумевается встреча с переводчиками из Праги в редакции газеты «Голос России». 17 июня из Праги в Берлин приехала Надежда Федоровна Мельникова-Папоушкова со своими коллегами. Целью их встречи с Ремизовым было обсуждение переводов его произведений на чешский язык. Предваряя свой приезд, в письме к С.П. Постникову, который был инициатором этого знакомства, Мельникова-Папоушкова писала: «...Ремизов очень тяжел для переводчиков. Лично я переводить сейчас ничего не буду, так как очень занята и журнальной работой и книгой об А. Блоке, но у меня есть две превосходные переводчицы, которые с удовольствием за это возьмутся. Я буду в Берлине 17-го и сейчас же зайду в редакцию, где мы всё и обсудим» (Amherst. В. 1. Ф. 5. Р. 27). Судя по тому, что письмо Мельниковой-Папоушковой оказалось в архиве Ремизова, Постников подготовил писателя к предстоящему знакомству с чешскими гостями. Книга Мельниковой-Папоушковой, лаконично названная «А. Blok», вышла в Праге в 1925 г. Очевидно, пражане привезли печатные материалы с откликами на смерть поэта на чешском языке. Подробнее о чешской блоковиане см.: *Каменская В.А., Малевич О.М.* Блок в Чехословакии // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 5. М.: Наука, 1993. С. 454–542.

¹¹³ Речь идет о православной домовая церкви при Российском Посольстве на Унтер ден Линден. Вопреки сообщениям газет, в 1922 г., когда посольство было передано советскому представительству во главе с А.А. Иоффе, прихожане лишились прихода и должны были пользоваться съемными помещениями. Упоминание о церкви см.: *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. М., 2001. С. 151.

¹¹⁴ Очевидно, почерпнутые в немецких правых социал-демократических газетах слухи, вызванные обсуждением в рейхстаге результатов Рапалльского договора. В этих печатных источниках появлялись провокационные сообщения о возможном военном союзе с Советской Россией. Националистические и реакционные круги продолжали травлю Ратенау, разжигая среди населения антисемитские и реваншистские настроения. Антирапалльскую линию развили под знаменем антибольшевизма правые социал-демократы во главе с президентом Ф. Эбертом. Многочисленные забастовки и митинги, действительно, прокатились по Германии 25 и 27 июня, но причиной их стало убийство В. Ратенау. В начале июля в результате мощных демонстраций был принят закон «О защите республики».

¹¹⁵ Здесь Ремизов вспоминает эпизод, относящийся к октябрю 1905 г., который писатель использовал в книге «Кукха». Ср.: «23.10. <...>. Из газет: Случайно подслушанный разговор по телефону: “Приходите в трактир Парамонова, спрашивайте дворника с рыжей бородой, по 50 копеек на человека бить жидов и интеллигентов”» (*Ремизов А.* Кукха. Романовы письма. С. 26–27).

¹¹⁶ Правильно: *Ruhiges Plätzchen für brennende Cigarren (нем.)* — спокойное местечко для курящихся сигар.

¹¹⁷ Очевидно, корректура книги «Лалазар: Кавказские сказки» (Берлин: Скифы; вышла из печати летом 1922 г.).

¹¹⁸ Речь идет о письме А.А. Шрейдера (см. о нем: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 77, примеч. 77), в котором издатель сообщал о переводе гонорара в размере 2000 марок, начисленного Ремизову «не за новые книги, а дополнительно

за 2 прежние», подготовленные к печати в издательстве «Скифы» в 1922 г. — «Чаакхчгыс-Таасу» и «Лалазар». Для последней Ремизов подготовил авторский эскиз обложки, который ожидали в типографии (Amherst. В. 1. F. 2. P. 24). См. примеч. 121.

¹¹⁹ Шапошников Николай Александрович — инженер, ассистент Петроградского политехнического института; в 1919–1921 гг. входил в близкий дружеский круг Ремизовых.

¹²⁰ См. примеч. 117.

¹²¹ Подразумевается ремизовский эскиз обложки для книги «Лалазар» с изображением цветка (офорт, раскрашенный вручную). Еще в конце апреля 1922 г. А. Шрейдер, надеясь на авторское оформление новой книжки, спрашивал: «Как цветок подснежный поживает? Его бы посмотреть для обложки» (Amherst. В. 1. F. 5. P. 81). Выбор такого оформления был обусловлен значением персидского по происхождению слова «лалазар». В архиве Ремизова сохранилась записка М.М. Тер-Погосяна, который, очевидно, и подсказал писателю это название для книги: «Цветок лальный — пурпуровый, кроваво красный с бархатистыми (толстыми) лепестками, сочным стебельком. Растет на альпийских плато Персии (любимый цветик, сказочный на Востоке). <В> Армении растет весной, точно кровавые пятна на талом снеге гор!» (Amherst. В. 1. F. 5. P. 87).

¹²² Барладьян Алексей Георгиевич — в прошлом революционер, скрывавшийся от преследований полиции в 1900–1910-х гг. в Женеве. В Берлине рекомендовался визитной карточкой, сохранившейся в архиве Ремизова: «Dr. Alexis Barladean. Spezialkorrespondent der “Wolja Rossii” für Kriegsgefangenen-, Internierten- und Flüchtlingsangelegenheiten» (нем. Специальный корреспондент «Воли России» по делам военнопленных, интернированных и беженцев). См. примеч. 141. Речь идет о выборе имен современников для упоминания в контексте сновиденного хронотопа ремизовского «Временника».

¹²³ Лундберг Евгений Германович (1883–1965) — прозаик, критик, издатель, с которым Ремизов поддерживал тесные творческие отношения в 1910-х гг. (см. историю отношений писателей: Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 314–319). Очевидно, для Ремизова Лундберг являлся своего рода «мифической» личностью, способной, несмотря на весьма положительный внешний облик, к некоторым экстравагантным поступкам. Так, в рассказе 1915 г. «Исаич» Ремизов присвоил биографические подробности жизни Лундберга герою «страннику Евгению», который ходил по Петербургу «под видом немого» (подробнее об этом см.: Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 3: Оказион. М.: Русская книга, 2000. С. 639). В последний раз судьба свела писателей в эмигрантском Берлине, где Лундберг, возглавлявший издательство «Скифы», в сентябре 1921 г. поразил соотечественников уничтожением им же опубликованной брошюры Л. Шестова «Что такое большевизм». Подробнее см.: Обатнина Е.Р. Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917–1939: Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 271–277.

¹²⁴ Возможно, подразумевается фрагмент: «Приходил Е.Г. Лундберг: ходит он, как птица. Так птицей прошел весь юг России от Каспийского моря до Черного и все Балканские государства, вдоль и поперек» (Ремизов А. Кукха. Розановы письма). С. 36–37).

¹²⁵ Вероятно, имеется в виду изречение Иоанна Златоуста: «Как для огня составляют пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий — слова. Поэтому не должно непременно высказывать всё, что мы имеем в уме, но должно стараться удалять из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Научим свой язык носить узду и не произносить просто всё, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану неисцельную» (Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1898. Т. 3, кн. 1).

¹²⁶ Пассажи из главки «О мире всего мира», третьей части главы «Всеобщее восстание». Ор. 27/II — I/VI 1917» из «Временника Алексея Ремизова» (Эпопея. 1922. № 2. С. 61–74).

¹²⁷ Разъяснения к главке из «Временника Алексея Ремизова» — «Турка» (см. примеч. 141).

¹²⁸ Фрагмент из главки «Турка».

¹²⁹ Вероятно, речь идет о сборнике: *Деревня в русской поэзии / Собрал Глеб Алексеев*. Берлин: изд-во Е.А. Гутнова, 1922. В письме от 22 июня Алексеев, препровождая свою книгу, писал Ремизову: «Дорогой Алексей Михайлович, вот вам первая моя неудачная книжка. Не браните меня за нее очень, наспех составлялась она — неспешно занимаясь в наше время трудно» (Amherst. В. 1. F. 5. P. 131).

¹³⁰ «Еврейская трибуна» — еженедельник, «посвященный интересам русских евреев» (Париж, 1920–1924; ред. Р.М. Бланк и М.Л. Гольдштейн).

¹³¹ См. примеч. 99.

¹³² Правильное написание: Herz-Jesu Fest. Букв.: Праздник сердца Иисуса (*нем.*). Католический праздник, связанный с культом «Святого сердца», утвержден в 1765 г.

¹³³ См. примеч. 124.

¹³⁴ Пьеса Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также прение живота со смертью» (1908): *L'office des diables / Trad. M. et M-me G. Pitoëff et de M-me J. Bucher // La Revue de Geneve*. 1922. Nov. № 29. P. 561–593. В предисловии к публикации помещена также автобиография Ремизова на французском языке.

¹³⁵ Ср. оригинал письма: «Переводчик Питоев, знакомый Барладьяна» (см. Приложение, с. 59). В рукописи «На вечерней заре» Ремизов, очевидно, стремился подчеркнуть петербургские «корни» актера *Георгия Питоева* (Georges Pitoëff; 1885–1939), уроженца Тбилиси, армянина по происхождению, как и А.Г. Барладеан. Театральная карьера Питоева началась в Петербурге, где он, возможно, пересекался с другом Ремизова — Аркадием Павловичем Зоновым (см. о нем: *На вечерней заре*. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло. 1907 год / Вступ. статья, публ., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 151–158). Однако вершина творчества известного во Франции и Швейцарии актера и режиссера Питоева пришлась на начало 1920-х гг. В эмиграции он оказался в 1914 г. по семейным обстоятельствам, жил в Женеве, в 1921 г. вместе со своей труппой переехал в Париж, где открыл собственный театр. Как режиссер Питоев ставил на сценах швейцарских и французских театров русскую классику и драматические произведения писателей начала XX в., подготавливая также переводы этих пьес на французский язык. Подробнее см.: *Jomaron Jacqueline*. Georges Pitoëff, metteur en scène. Lausanne, 1979.

¹³⁶ *Зензинов Владимир Михайлович* (1880–1953) — политик, общественный деятель, публицист, член ЦК партии эсеров; друг И.И. Фондаминского с детских лет, член редколлегии «Современных записок».

¹³⁷ «Слово» — общественно-литературная и экономическая газета, выходившая в Париже под ред. С.Ф. Штерна с 26 июня 1922 г. по 19 февраля 1923 г. В письме, подписанном Штерном, Ремизову предлагалось ответить на анкету, состоящую из двух вопросов: «Кто из писателей наиболее выдвинулся в эмиграции? Кто, по вашему мнению, является наиболее крупным писателем зарубежной Руси <sic!>?» (Amherst. В. 1. F. 5. P. 179). Уже в июле в газете публиковались отдельные ответы писателей. Нам известна лишь одна публикация под заголовком «Нобелевская премия — русским писателям», с пересказом мнения М.А. Алданова по поводу поставленных редакцией «Слова» вопросов (в печатном варианте второго вопроса слово «Русь» было заменено на «Россия»), в котором была актуализирована идея выдвижения кандидатуры русского писателя-эмигранта на соискание Нобелевской премии и впервые, по сообщению Т.М. Двинятиной, прозвучало имя И.А. Бунина как претендента на награду (Слово. 1922, 17 июля).

¹³⁸ Несомненно, здесь Ремизов предложил ответ в стиле мистификации. Петр Николаевич Прокопов — прапорщик, петроградский знакомый Ремизова с 1917 г.; упоминается в Дневнике писателя и романе «Взвихренная Русь» (см.: *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 5: *Взвихренная Русь*. М.: Русская книга, 2000; по именному указателю).

¹³⁹ *Тер-Погосян Михаил Матвеевич* (1890–1967) — с 1907 г. член Партии социалистов-революционеров. Помощник присяжного поверенного. Участник Гражданской войны, сражался против большевиков на юге России, в Закавказье и Персии. В 1919 г. эмигрировал; в Берлине сотрудник газет «Голос России» и «Дни» (редактор с 85-го номера).

¹⁴⁰ Речь идет о переводе с турецкого языка «стихотворения», известного в исполнении приятеля Ремизова И.А. Тотеша, которого писатель в 1909 г. представил на башне Вяч. Иванова как «турецкого поэта Фуада Намыку». Об этой мистификации см.: На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатиной // Русская литература. 2015. № 3. С. 186. В контексте «Временника» выходец из Херсона Арон Тотеш появляется под прозвищем «Турка», которого принимают за различных известных политических деятелей, в том числе и за реального героя берлинской жизни — А.Г. Барладьяна. Другой носитель армянской фамилии — деятель берлинской эмиграции М.М. Тер-Погосян в каскаде ремизовского абсурдизма получает статус поэта «Микаэля Тер-Погосяна». Впервые эта феерическая история, совместившая временные пласты революционного 1917 г. и эмигрантского Берлина 1921–1922 гг., появилась под названием «Турка» как восьмая часть главы «Орь. 27. II — 1. VI. 1917» (Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова // Эпопея. 1922. № 2. С. 84–90). См. также: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 5: Взвизрённая Русь. С. 65.

¹⁴¹ Перевод «стихотворения» на русский язык Ремизов всё же добыл в начале 1950-х гг., включив его в мемуарный очерк «Восточный гость», посвященный петербургскому литературному быту конца 1900-х гг. Ср.: «Под конец вечера Намыка читает стихи, единственное, что знал Тотеш по-турецки, неизменно одно и то же: айда йильда бир барым <...> Хоть один раз в месяц, в год / Не слушай рассудка, цыпка моя, / Это ты похитила мой умишко, / Не потеряй его, береги, цыпка моя» (*Ремизов А.* Восточный гость // Новое русское слово. 1952. № 14799, 2 нояб. С. 2).

¹⁴² *Кусиков Александр (Сандро) Борисович* (наст. фам. Кусикян; 1896–1977) — поэт-имажинист, член президиума Всероссийского Союза поэтов, приехал в Берлин в командировку вместе с Б.А. Пильняком в феврале 1922 г. *Тургенева Анна (Ася) Алексеевна* (1890–1966) — художница; в 1909 г. сблизилась с Андреем Белым, вместе с ним в 1912 г., после личного знакомства с основоположником антропософского учения Р. Штайнером, вошла в коммуну строителей антропософского центра в Дорнахе — Гегеанума. В 1914 г. в Берне был оформлен гражданский брак. В 1916 г. Белый в связи с призывом на военную службу вернулся в Россию, а Тургенева оставалась жить в Дорнахе. Встреча супругов состоялась только в Берлине, куда Тургенева приезжала в 1921 и 1922 гг., и всякий раз основным мотивом ее визитов было сопровождение Р. Штайнера на его публичные лекции. Последняя встреча супругов состоялась в марте 1922 г. Поэт старался поправить их надломленные отношения, полагаясь на обещания Тургеневой, которая, предупреждая свой последний приезд в Берлин, обнадеживала его: «на этот раз останется, пожить <...> недели две-три» (Цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 243; письмо к матери от 6 марта). Здесь подразумеваются устойчивые слухи, распространяемые в литературных кругах Русского Берлина, о романе А. Тургеневой с А.Б. Кусиковым. Подробнее см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 275–276.

¹⁴³ *Чернова Ольга Елисеевна* (урожд. Колбасина; 1886–1864) — литератор, во втором браке супруга лидера-идеолога партии эсеров Виктора Михайловича Чернова; мать (от первого брака) сестер-близнецов Ольги и Натальи (1903–1979), удочеренных Черновым в Берлине, а также младшей дочери Ариадны (урожд. Черновой); знакома с Ремизовыми с 1911 г.; со встречи в Берлине она и ее дети стали близкими друзьями супругов. «Лисевна» — ласковое прозвище О.Е. Черновой, возникшее как шуточная производная отчества, наряду с обиходным «Черника» (ср. оригинал письма в Приложении). См.: *Колбасина-Чернова О.Е.* <Воспоминания об Алексее Ремизове> / Публ. и примеч. А.М. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 315–322.

¹⁴⁴ Букв.: Рождение Иоанна (*нем.*). Подразумевается христианский праздник Рождества Иоанна Крестителя (Geburt Johannes des Täufers). Языческий праздник летнего солнцестояния, отмечаемый 24 июня, в христианской традиции трансформировался в праздник Рождества Иоанна Предтечи. В славянских народных поверьях в Купальскую ночь зацветает папоротник, указывающий на местонахождение кладов. По старому стилю

день рождения Ремизова приходился на 24 июня (7 июля по новому стилю). Писатель связывал природу своего литературного таланта с образами купальской мифологии. Ср. автобиографию «Алексей Ремизов о себе» (Россия. 1923. № 6. С. 25).

¹⁴⁵ *Гребенщиков Яков Петрович* (1887–1935) — друг Ремизова, библиофил, сотрудник Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. См. о нем: *Ремизов А. Яков Петрович Гребенщиков*. 1887–†1935 // Последние новости. 1935. № 5159, 9 мая; *Суворова В.П.* Я.П. Гребенщиков — библиотечарь, библиофил, человек // Книга: Исследования и материалы. Кн. 70. М., 1995. С. 157–167; *Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь*. СПб., 1999. Т. 2. С. 211–214; *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 219–225.

¹⁴⁶ Речь идет о посылках из Петрограда с книгами писателя.

¹⁴⁷ *Ратенау Вальтер* (Rathenau Walther; 1867–1922) — германский промышленник и либеральный политик еврейского происхождения, в 1922 г. министр иностранных дел Германии. 6 апреля 1922 г., во время Генуэзской конференции, в округе Рапалло им был подписан договор с Россией, по которому стороны взаимно отказались от претензий и репараций и восстановили дипломатические отношения. Ратенау был убит 24 июня 1922 г. в берлинском районе Грюневальд праворадикальными боевиками националистической и антисемитской организации. Это событие оказалось ключевым в истории Веймарской республики, в которой ультра националистические силы начали укреплять свои позиции.

¹⁴⁸ *Untergrund* — метро (нем.).

¹⁴⁹ Подразумевается альбом с рисунками, иллюстрирующими историю ареста Ремизова по делу о несуществовавшем заговоре левых эсеров, когда он вместе с арестованными по этому же обвинению К.С. Петровым-Водкиным, А.З. Штейнбергом и М.К. Лемке провел в ночь с 14 на 15 февраля 1919 г. на допросе и в камере предварительного заключения в здании на Гороховой. 2/6, где в 1918–1922 гг. располагалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР. Биографический эпизод вошел в роман «Взвихренная Русь» (1927) в составе главы «Лошадь из пчелы — хождение по Гороховым мукам б. канцеляриста и трех кавалеров обезвельволпала». Предположительно альбом, составленный из 22 рисунков, был создан Ремизовым в 1935 г. и получил название «Чека», см. опись, составленную писателем: *Рукописные иллюстрированные альбомы А. Ремизова // Новь*. 1935. № 8. С. 200–202.

¹⁵⁰ *Далин Давид Юльевич* (наст. фамилия Левин; 1889–1962) — общественный и политический деятель (меньшевик), публицист, до октября 1923 г. совладелец (вместе с С.Г. Каплуном) издательства «Эпоха». Ср. оригинал письма в Приложении, с. 60.

¹⁵¹ См. примеч. 14.

¹⁵² Очевидно, речь шла о несостоявшемся проекте переиздания книги Ремизова «Заветные сказы» (впервые: Пб.: Алконето, 1920) в берлинском издательстве «Огоньки».

¹⁵³ *Слесивцева Ольга Александровна* (1895–1991) — русская прима-балерина; жена Б.Г. Каплуна.

¹⁵⁴ См. примеч. 88.

¹⁵⁵ Установить контекст письма не удалось.

¹⁵⁶ *Зайцева Вера Алексеевна* (урожд. Орешникова; 1878–1965) — жена *Зайцева Бориса Константиновича* (1881–1972). В 1922 г., после заболевания брюшным тифом, писатель при поддержке Л.Б. Каменева получил разрешение на выезд за границу для лечения. 8 июня 1922 г. он с семьей прибыл в Германию, а затем переехал в Италию; с 1924 г. жил в Париже.

¹⁵⁷ Возможно, родственник С.П. Линдерхаус (S. Linderhaus). См. примеч. 108.

¹⁵⁸ Очевидно, номер телефона в Берлине, где Wilhelm — название литеры, закрепленной за районом Шарлоттенбург. Ремизовский домашний телефон начинался так же: Wilhelm 25–31. Ср. в письмах писателя к А.С. Яценко (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Рус-

ский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, [1983]. P. 166–167). *Соколов Сергей Алексеевич* (псевд. Кречетов; 1878–1936) — поэт-символист, владелец московского издательства «Гриф» (1903–1914), прозванный в литературных кругах «Грифом». Эпистолярное общение Ремизова с Соколовым началось в 1903 г. в связи с первыми публикациями писателя в одноименном альманахе (1903–1905). Личное знакомство состоялось в 1905 г., когда Соколов помимо своего издательства заведовал литературным отделом журнала «Золотое Руно». Упоминание о встрече Ремизова с Соколовым на организационном собрании «Золотого Руна» 30 ноября 1905 г. см.: *Ремизов А. Кукха. Розановы письма* С. 34. Сотрудничество продолжилось и в 1907 г., когда возник новый издательский проект — журнал «Перевал», который по своей общественно-радикальной направленности выступал оппонентом символистским «Золотому Руно», «Весам» и издательству «Скорпион». Письма Соколова к Ремизову за 1905–1912 гг. см.: РНБ. Ф. 634. № 203. В 1922 г. в Берлине Соколов основал издательство «Медный всадник».

¹⁵⁹ *Гессен Иосиф Владимирович* (1865–1943) — государственный и политический деятель, юрист, публицист, лидер партии кадетов; с февраля 1906 г. соредактор (с П.Н. Милоковым) газеты «Речь». После Октябрьского переворота выступил против власти большевиков; был одним из активистов Политического центра при штабе генерала Н.Н. Юденича; в январе 1919 г. (по другим данным — в 1920 г.) эмигрировал в Финляндию, затем в Германию. В Берлине вместе с А.И. Каминкой основал издательство «Слово» (1920–1924), которое наряду с русской классикой и сборниками документальных материалов «Архив русской революции» (до 1937 г. вышло 22 тома) выпускало газету «Руль» (с 16 ноября 1920 г.; отв. ред. Гессен, при ближайшем участии А.И. Каминки и В.Д. Набокова). 12 ноября 1920 г. был выбран председателем Союза русских журналистов и литераторов в Германии.

¹⁶⁰ Мемориальная церковь кайзера Вильгельма (Kaiser-Wilhelm-Gedächtniskirche), название которой жители Берлина сокращают до «Gedächtniskirche».

¹⁶¹ Возможно, журналист Вл. Канторович.

¹⁶² Mönch — монах (нем.). Очевидно, прозвище Канторовича, связанное с названием ликера. Ср. письмо Ремизова А.С. Яценко от 24 октября 1922 г. с аналогичным упоминанием Канторовича: «Нет у меня никого, кого бы послать к Вам, все обезьяны служки поразъехались. Mönchs Likör Kantorowischt <sic!> — в Одессе...» (*Фейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923*. С. 171).

¹⁶³ Рождество (нем.).

¹⁶⁴ Речь идет о матери писателя — Марии Александровне Найденовой (1848–1919). Воспитанница Петропавловской женской гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви Св. апостолов Петра и Павла в Москве, она культивировала в воспитании своих четырех сыновей немецкую литературу и немецкий язык. Так сложилась традиция: дети звали ее по-немецки — Mutter.

¹⁶⁵ В рукописи «На вечерней заре», редактируя письма в 1945–1948 гг., Ремизов использует написание слова «Рождество» по старомосковскому изводу, измененному реформами книжного языка патриарха Никона в 1650-х гг. (ср. оригинал письма в Приложении, с. 62).

¹⁶⁶ Ausländer (нем.) — иностранец.

¹⁶⁷ См. об этом: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова. С. 71, примеч. 28.

¹⁶⁸ Речь идет о рождественской открытке, на которой изображен карлик (цверг) с фонарем. Цверг — в германской мифологии природный дух в образе карлика, живущий в камнях и земле, избегающий солнечного света.

¹⁶⁹ *Фейермэнхен* — букв.: Огненный человек (нем.) — кукла из коллекции игрушек Ремизова. См. иллюстрацию на с. 61.

¹⁷⁰ Сердечные поздравления с Рождеством (нем.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

12

1922 Charlottenburg

14 июня

Около 12-и

Писал всё время, деточка, сейчас уже 13-ая стр<аница>, скоро о смерти Нюрнберга будет! Была ф<rau> Nölte, принесла белые туфли из починки. Расплатился. Плакала она, жаловалась мне на ведьму. Кто ж их знает, ничего понять не могу. Хозяйка мне суп сварила. А наша приходила и просила написать поклон. Так всё тихо. Бумагой кровать закрыл и вещи, цветы поливаю. А вода не идет, беда. Был Киреев. Завтра пойдет на Neue Friedrichstr<asse> в Wohnungsamt. Сегодня объявлено в газетах: вместо Ленина триумвират: Каменев, Рыков, а еще какой-то. Завтра должен зайти Ионов. Написал Шишкову, и реестр.

Все через ИONOва передам.

Была жена Аросева — за книгами.

Хозяйка говорит ein Mädchen спрашивает.

Потом заезжал Аросев проститься — едет в Наугейм.

Напишет адрес. И август тут пробудет. Если что нужно, тогда через него можно.

Приходил Исцеленный, помнишь, такой художник.

Издательство основывают. Я обещал «Пляс Иродиады», переделанное в вертеп. Только времени нет сейчас за 2000.

Дал ему роман Ариад<ны> Вл<адимировны> <Тырковой-Вильямс>. Он покажет Дьякову — Дьяков-то оказался мужиком, а вовсе не женщиной.

Он рыбой в Москве торговал.

Так время и пролетело.

И медленно, я медленно пишу.

Еще сговориться с ним о моих рисунках. Да это впереди.

Чего-то Соломон <Каплун> не пришел.

Д<олжно> б<ыть> завтра: завтра выходит «Мара».

Купайся же, как следует.

Сегодня тут жарко.

А завтра праздник: «Froleichmanfest».

<подпись-анаграмма>

Гнезду кланяюсь.
Пинкевич приехал!
И Родэ с ним.

15 июня

Что поделать — писем нет.
Есть одно здешнее от Эфрона,
в к<отор>ом пишет, что послал мне письмо
и в нем отказ от изд<ания> книги («Вереница»)
Да объявления из «Нивы».
И ничего больше.
Ну завтра придет!

А. Р.

13

1922 Charlottenburg

15 июня

Комаров у нас столько поналетало, отбою нет. Закрыв окно,
а всё летят. Только такие слабенькие и без зуду, как моль, беззубые.

12-й час. Начну 18 стра<ницу>. Кончил про Ар<она> Давид<о-
вича> <Нюренберга>.

Сегодня звонил уж Вальтер — сегодня я обещал. Попросил сро-
ку еще неделю. Раньше не успеть. Да, ему, оказывается, говорила
Ар<иадна> Вл<адимировна> <Тыркова-Вильямс>, что Дьякова ви-
дела этот роман и отказала. Вот, ей Богу, история вышла.

Когда я запечатал письмо и собрался на почту, принесли письмо
тебе, деточка, от Ар<иадны> Вл<адимировны>. Она не соглашается
ни на какие примечания.

А днем принесли от Гржебина рукопись.

Когда придет Исцеленный, я ему дам для Дьяковой.

Звонил Сер<гей> Порф<ирьевич> <Постников>. Завтра сгово-
рился, зайду в редакцию и еще возьму одну.

Был Киреев, ходил в Wohnungsamt, поставили штемпель. Завтра
иду в Polizeipresidium за паспортами, а уж <в> наш Wohnungsamt не
успею.

Да, приехал Гуковский.

Завтра должна барышня окончание I части принести.

И не знаю, может, мне не ехать к Залкинду?

Ну, завтра узнаю у Сер<гея> Порф<ирьевича>.

А Ионов, конечно, обманул.

Написал я письма: и Шишкову подробное,
и Рыкову и Воронскому,
и Мейерхольду — и обманул.

Если будешь писать Ар<иадне> Вл<адимировне>, поблагодари
(еще прибавился один), не вклеиваю.

Уж очень много надо всего сделать.

Вот и стараюсь с завитушками писать, а не выходит. А надо еще
посмотреть «Ров лъв<иный>», что

переписала барышня,
и дальше бы продолжить хорошо «Временник».

Очень я медленный — это мое наказание.

Больше никого не было.

(Забегал с книгами своими Шаршун дадаист)

И никто больше не звонил.

Из газет: все пишут, как Ленин ушел;

а в «П<оследних> Н<овостях>» начало: Кровавого бандуриста
Гоголя (сохраню).

Ну, купайся, деточка, не беспокойся.

Вода не идет.

Алексей Ремизов.

Mrs. A. Williams-Tyrkowa, 47 Woodwille Gdus. Ealing London.

16 июня

Сейчас, деточка, заглянул в окно — идет почтальон,
идет по той стороне, увы! К Berlinerstr<ass>е.

Есть всего одно извещение о собрании Общ<ественного> Ко-
мит<ета> Голод<ающим>:

будет читать Кускова и Прокопович

(это к<отор>ых в прошл<ом> году арестовали,

их знал Арон Давыдович <Нюренберг>).

Жаркий день.

14

1922 Charlottenburg

16 июня

2-ой ч<ас>

Днем было одно письмо, деточка, из Данцига, пишут, чтобы
ждал я извещения из банка.

Слава Богу, жду!

Заходил с Залшупиным на Alexanderplatz. Выдали паспорта, ср<ок> 12 сент<ября> и твой я получил.

Теперь во вторник в Wohnungsamt и Schein надо отнести, и всё надо подумывать о новом Гезухе.

Надо написать Kauser'у просьбу выдать удостоверение.

Из Полицайпрез<идиума> пошел к Серг<ею> Порфир<ьевичу>.

Взял у него еще одну тысячу, Гуковский тут жить будет.

Барышня только ко вторнику кончит.

И С<ергей> П<орфирьевич> <Постников> мне предлагает переписать в долг в «Г<олосе> Р<оссии>», но не раньше, как в четверг: я думаю отдать 3-ью часть.

Купил маленькую книжку с гравюрами «3 Märchen Hauff'a».

Был Ионов, передал ему письма — обещает всё сделать.

Он сказал, что приехал Бор<ис> Гит<манович> <Каплун> и собирается к нам. И д<олжно> б<ыть> оттого и Соломон <Каплун> не идет, и в «Г<олосе> Р<оссии>» не был — а он там теперь завсегда-тай.

Рассказал еще Ионов, что Белицк<ому> и Алянскому не дают визы в Берлин. А от России есть разрешение.

Был Киреев, дал ему денег, чтобы он мне еды купил, а то с меня очень дерут — ни на какую статью.

Заходил еще Парнах, который танцует.

Звонила Вера Васильевна Каган, кланяется.

Гроза была сильнейшая, так молния и резала.

Кончаю 23 стр<аницу> — даже виски больно от напряжения.

Если будет стих такой, поеду к Залкинду,

Стало быть, в 2 <часа> выеду, а в 11 утра вернусь.

Может, дорога виски мои укротит.

Не беспокойся, деточка, купайся.

Я думаю так сделать: кончить, как к Розанову прощаться ездили, и это отдать Вишняку.

Конечно, сначала тебе pošлю заказ<ной> бандеролью.

Ну, это я еще подумаю, как сделать.

Алексей Ремизов

17 июня

Только что бриться начал, стук: почтальон —

1) от Кирхнера — извещение о открытии магазина;

2) от Kauser'a — рус<ская> моя рукопись, к<ото>рую переводили;

3) от Палисадова — Ек<атерина> Вл<адимировна> <Селевина> жива, в Париже всё там же, плоха 92 bis Avenue de Versailles (а была она в Египте);

4) — книга его и гравюра Божией Матери;

5) от Лиды <Довгелло> и Наташи <Ремизовой> тебе, оставляю в конверте — шоколад получили,

и чулки,

а иголок нет,

и деньги получили;

Наташа перешла на 2-ой курс.

Всё сохраню кучечкой.

<подпись-анаграмма>

15

Zerbst 1922

17 июня

Jüdenstr<asse> 6 Bei Kohl

час 1-ый

Ну, деточка, попал в город.

Выходили на площадь, тёмно, и в Петербурге такой нет и только часы на Николаевской Kirche, как луна, а бьют по-московски: раз-раз-раз.

На площади — на Markt'e — каменная статуя Ролланду, тут же колодец.

Дома, как птицы с опущенными крыльями — как в Ревеле.

Есть трамвай, кондуктор (Herr Beamter) всех называет или «mein Lieber» или «mein Lieber Freund». Одна карета на весь город. И когда случается свадьба, с раннего утра заезжает-собирает в церковь гостей.

Есть Schloss, где родилась Екатер<ина> II, и есть монастырь, теперь тут школа.

Живу в Kohlhaus'e — в капустном доме, комната со сводами, один из стариннейших домов.

А жил здесь конректор Штельцер (что значит, не знаю) (Stelze, ходуль<ник> Stelzer, ходящий на ходулях, ходульщик).

Купил всяких открыток и альбом видов и историю города с 1307 года.

Гастхаузы (пивные) все с Zûm (ко).

И есть один Zûm <sic!> Weissen Engel.

Ехал с пересадкой. Очень дорóгой устал.

Сначала писал (I ч<ас>), потом в окно смотрел.
 Отделаю тут — кончаю 26 стр<аницу>.
 Мне, конечно, это путешествие нелегко. В понедельник с 6-и часов — ½ 7-и уеду и буду в Берлине ½ 10-го.
 Думаю, завтра кончить, исправлю
 и пошлю заказн<ой> бандеролью тебе,
 а ты, деточка, прочитай и карандашом
 отметь, что исправить и как исправить.
 Я пошлю тебе не совсем отделанное.
 Еще надо будет взглянуть. Я кончаю маем 1917 г<ода> перед
 нашим путешествием в Берестовец.
 Ну, деточка, не беспокойся,
 купайся.
 Что-то сегодня приснится
 в таком старом доме.
 (Нужник — во дворе).

Алексей Ремизов

А хозяйка (Fr. Kohl) вроде Dinse, только не злая.

18 июня 1922

Ударили к обедне.
 У св. Луизы теперь звонят.
 Приставала вчера хозяйка: идти на концерт — в ½ 7-го утра.
 И в ½ 7-го я проснулся под барабаны.
 Били в барабаны.
 Идет дождь.
 Не знаю, может, домой ехать лучше.

<подпись-анаграмма>

16

18 июня 1922

Charlottenburg

1ый ч<ас> н<очи>

Твое письмо, деточка, от 15.VI (со штемп<елем> 16.VI) сегодня
 пришло — 2 дня идет.

Я хотел было в Zerbst'е переночевать, но за день многое осмот-
 трел, а главное очень холодно и не совсем удобно, и вот с Залкин-
 дом и барышней поехали в Берлин и в 10-ь приехали.

За мной они ухаживали и всё делали, но все-таки молодые,
 а у меня сил мало, неумогу, и я устал очень. Осматривал Schloss,
 где родилась Эк<атерина> II, и видел там изумительный образ —

страсти: ничего подобного я не видал, особенно бичевание. А рисовал художник вроде меня, И<сус> Христос облит кровавым потом и кровью и нарисовано так: он весь в стрелках, волосы черные, тело желтое, а по желтому красные стрелки. Изумителен поцелуй Иуды и сама «Тайная вечеря»: лица такие

<Рис. с подписями: «Иоанн возлежит»; «Это ученики»>

А какой вид у бичевальщика — это не передашь.

Конечно, надо было мне сделать так: ночевать в гостинице за 60 М<арок> ночь, и тогда бы я не так устал. А то утром Fr. Kohl (капуста) эта самая Dinse влезла через окошко ко мне: “Ah!”. Эта картина была изумительная. У всякого дома в окне такие зеркала сделаны, наз<ываются> шпионы. В них видно, что делается на улице, и все сидят у окон, и смотрят в зеркало. <Рис.>. Всякий знает друг друга в лицо и всю биографию. И когда старуха лезла в окно, уж видели и прибегали узнавать.

Да, там всё несравненно дешевле. И Залкинд предлагает, в случае материи купить, вот ты поговори с этой барышней, д<олжно> б<ыть> невестой его.

А трамвай — конный трамвай Pferdstrassenbahn. Вроде как у нас говорят: паровая конка.

Молока почти нет. Но к кофию в погребок (Tunnel) подали со сливками — Kaffe<e>sahne.

А старуха (Kohl) объяснила мне, что кофе не пьют с Schlagsahne, а с Kaffe<e>sahne.

Утром шел дождик, и очень холодно было.

2 церкви. Барфоломеевская и Николаевская. Когда-то в 15 веке еще Барфол<омеевская> церковь взяла у Николаев<ской> евангелие. И вот из-за этого евангелия прихожане друг с другом поссорились и до сей поры враждуют. Да это изумительный город. Герцога прогнали. Все с<оциал>-д<емократические> партии (большинство К. Каутского) и всего 1 коммунист.

Сегодня рабочие демонстрации — празднества всяких сортов — и ни одного красного флага.

Большинство на велосипедах (Fahrrohr).

«Зеленые» там «синие», но арестованных нет, и они следят только,

чтобы вечером велосипедисты ездили с фонарями.

Продаются *ночные колпаки*. Я попросил купить и «шпиона», повезем в Россию показать.

Привез тебе много открыток, альбом видов, описание Schloss'a, историю Zerbst'a и роман из жизни Ек^катерины П, и Notgeld — деньги их а <sic!> 10 pf., 25,50 pf., 100 — на всех виды Zerbst'a.

На вокзале встретил Микитова и еще какого-то из «Веретена».

Приехал из Данцига представитель. Придет вместе с этим во вторник и сразу деньги за другую книжку — за «Вереницу». Они собирают сейчас.

От холода и голов^ной боли немного написал, да и трудно — старуха ко мне приставала с разговорами: кончил 28 страниц.

Завтра кончу и тебе сейчас пошлю. И ты, деточка, сейчас назад с отметками.

Стало быть, только твое письмо

и карточка: был Соломон <Каплун> и Бор^{ис} Гитман^{ович} <Каплун>.

В «Г^{олосе} Р^{оссии}» рецензия на «Ахру». Сохраню тебе.

О деньгах не беспокойся.

Купайся.

В картонке, к^{от}орая на мален^{ьком} столе, есть булавка англ^{ийская} с зеленым камушком. Я ее у себя храню. З^{иновию} И^{саевичу} <Гржебину> я по телефону передал, что всё хорошо, и чтобы ты не беспокоилась.

О Zerbst'e еще напишу в след^{ующем} письме.

Сегодня утром письмо отправил Залкинд экспрессом.

А. Ремизов.

А вода не идет.

19 июня

Письмо (открытка) от Волка <Л.И. Иллисона>, просит купить монпансье.

Газета от Сер^{гея} Яковлев^{ича} <Осипова> — отзыв о «Рос^{сии}» в письм^{енах}»

и больше ничего. Sehr schädlich!

<подпись-анаграмма>

17

1922 Charlottenburg

19 июня

около 2-х н^{очи}

Решаю так, деточка, сегодня, не переписывая, всё тщательно исправлю, и завтра пошлю — express'ом. Сегодня звонил Вишняк, обещал ему в пятницу вечером 23-го. Около 2-х листов. Получил

вперед тогда 2000 <марок>. Буду просить еще 2000. Общее название никак не могу придумать.

Та первая часть, состоящая из 12-и глав, называлась «Весенняя рынь». <приписка на полях: орь — от орать — пахать?>

Здесь тоже 12 глав. Обнимает время с 27.III — I.VI, т.е. до дня нашего отъезда. Как бы это назвать?

«От аза до ижицы»? — это сейчас не идет, это потом, когда книгу делать.

Я хотел: *Революция или чай пить?* Да, кажется, это мудрено.

Я старался быть объективным, как только мог, и, конечно, всё сосредоточенье мое: объяснить свои чувства, почему я фордыбачил и до сих пор в душе дыблюсь.

И конечно, о тебе думал, одну твою сторону беря, конечно.

Я всё хотел объяснить, почему *были счастливые* и в чем было счастье.

А ты, деточка, отметь и напиши, что по-твоему исправить и как, в каком смысле.

А следующая часть — до 25.X.1917, в которой я объясню, что сужу больше из окна и по слухам — это непременно надо сделать.

В этой части много будет снов и сюда войдет «Огневица».

Позвоню Гржебину, спрошу, можно ли посылать express'ом.

Сейчас всё исправлял — не знаю, жду твоих указов.

Тогда, деточка, пошли тоже express'ом.

А я тогда напишу Вишняку: еще 2000 <марок> и корректуру.

Утром приходил Киреев, принес мне и яиц и Würstchen — уж сам боюсь покупать.

Звонила Бирюлька. В субботу опять уезжает. Ой, придут все — вчетвером. Беда. Звонил Пиотровский, это из «Веретена», завтра в 7-ь, с ним д<олжно> б<ыть> из Данцига представитель будет.

И надо сейчас же «Христова крестника» переделать (из «Лимонаря») для «Веретена» за 1000 М<арок>.

А тут нашествие будет.

Завтра и барышня должна I част<и> окончание принести.

Деточка, о Zerbst'е хотел еще написать, но боюсь — надо ложиться, очень устал.

А. Ремизов.

Купайся, не беспокойся.

От Фриш нет ответа.

А я о Короленке еще не могу никак собраться написать ей.

20 июня 1922

Два письма: от тебя (19.VI)

и от Блоха (10.VI)

Блох просит известить, если не получу денег до 20-го числа, воздушной почтой. Я напишу сегодня.

Всё будто Соколовский отец отдаст,

а он сам не может.

В приход всегда можно записаться. А церковь — это даже лучше, что в другом месте будет — там казенно.

Да, звонил вчера Вальтер: приехал Аркадий <Борман> и собирается с ним в пятницу.

Всеякие посещения для меня сейчас очень не по душе, отрывают.

Пойду сейчас на почту, отправлю рукопись тебе: найдется ли там такой конверт? Представляю себе, какой шум там!

А.Р.

Звонил сейчас Аркадий, назначил ему в среду в 3-и <часа>.

Ответ мой:

Денег от Соколовского не получил,

и мало верю, что получу,

судя по письму Г.Л. Лозинского

и изустной передаче художника Dzirkał'a,

который был с моим письмом у Соколовского.

Адрес Соколовского:

Paris,

Rue Verdi, 3.

Денежные дела мои отчаянные,

за издания книг получаю мало.

Цены страшно растут.

А в долг тут не дают — да и не могут.

И некому сказать, как

зверски со мной поступили.

Я было написал

ругательное,

но думаю, так

лучше.

Flugpost'a не знаю, как добиться.

Express только.

И письмо надо

отдельно.

18

1922 Charlottenburg

20 июня

Около 2-х н<очи>

Дважды я на почту ходил, деточка: не принимают такое тяжелое письмо — пришлось отдельно письмо, отдельно бандероль. Когда возвращался, почтальон 100 М<арок> от «Волка» на эти конфеты. Был Киреев, купил и запаковал, завтра отправит. А Wohnungsamt был опять заперт. Уж завтра с Киреевым. Целый день сегодня без перерыва пишу: отделал «Христов крестника» и сейчас немного осталось «Пляса Иродиады». За «Иродиадой» завтра в 5-ь <часов> придет Исцеленный. А за «Христ<овым> крест<ником>» приходил сегодня Вл<адимир> Льв<ович> <Корвин-> Потровский для «Веретена». И с ним был от «Века кул<ьтуры>» (Данцига), всё обещал расследовать о деньгах и спросил о книге «Вереница» за 10700 М<арок>. Деньги теперь повалят! Завтра тягчайший день: в 12-ь <часов> Фриш (звонила) о лете в горах, где она будет; в 3-и <часа> Арк<адий> Альф<редович> <Борман>, в 5-ь <часов> Исцеленный, да тот зайдет из «Веретена» с деньгами.

Звонил Серг<ей> Порф<ирьевич> Постников дать ч<то>-н<и>б<удь>. Я всё думаю, не дать ли два рассказа или один Тышки. Я соображу, сколько взять. Вот только надо маленькое предисловие.

Очень я измучился, спина ломит и голову клонит.

Я встаю, деточка, в 8 и днем не прилягу ни разу.

Хорошо, Киреев приходит «служить».

Хлеб я сам покупаю.

Писем больше не было.

Ну до свиданья, деточка. Купайся, не беспокойся.

Молоко получаю каждый день.

Со вчерашнего дня новая вместо Fr. Nölte.

Вчера она сортир мыла. А сегодня спальню — основательно.

Всё убрал и мелочь спрятал.

Завтра будет среднюю и мою.

<подпись-анagramма>

21 июня

2 письма: открытка тебе от Попа (Шапиро) из Парижа — ничего,

а мне от какого<-то> из Москвы Демидова <Демидов А.А.> — пишет о своих рукописях, к<отор>ые посылает.

Английская газета от Ариад<ны> Влад<имировны> <Тыркой-Вильямс> со статьей Святополк-Мирского о Блоке.

Сегодня так хорошо пасмурно — а у <меня> глаза заболели — ломит,

это от напряжения.

Вчера ночью кончил «Пляс Иродиады».

Сейчас придет Киреев — в Wohnungsamt.

19

1922 Charlottenburg

21 июня

Была Фриш, и по свеж<ему> следу пишу.

На месяц:

Oberbayern,

Breitbruner am Ammersee,

Haus Zotzmann.

В 1 д<ень> 15 М<арок> с уборкой = 30 x 30 д<ней> = 900

обед в Wirthaus'e (трактир) à 33 М<арок> = 66 x 30 д<ней> =

1980.

2880 в мес<яц> за двоих.

1 литр молока (с "Fremde", с ауслендера, под к<ото>рым понимается не житель этой деревни)

19,5

180

375

3255 М<арок>.

1 яйцо = 3 М<арки> x 60 яиц

Дают постельное белье и полотенце (2 на человека);

непреренно взять пальто, вязан<ую> кофту, фуфайку.

Очень чисто и есть сортир.

Комната одна, но они (сам Фриш <Э. Фриш> только по воскресеньям приезжает),

в саду все.

И я могу заниматься в Пугавкиной комнате,

а также и ночью, когда захочу,

а Пугавка <Олькеницкая Б.А.> будет тогда спать с Ф<егой> Евс<евной> <Фриш>.

Озёра, и потому бывает прохладно.

Близко монастырь.

Там же живут Бауэр и Моргенстерн <Моргенштерн М.>.

Ехать надо так: München — Herrsching — Breitbrun

С 7 в<счера> — 8 утр<а>

1 ч<ас> <ночи>

½ <часа> пароход

(ходят пешком, кто знает через лес).

В 3 кл<асс> Schlafwagen —

дают тюфяк и подушку.

Поедет Пугавка.

В Мюнхене встретит Фриш Э. Там ждать до 12-и дня придется.

А можно остановиться у Фриш.

С 1 июля.

Конечно, если запоздаем, не так уж важно.

А оттуда можно через города старинные с остановкой,

впрочем, чего загадывать.

Надо взять спиртовку и кофейник и купить кофе (в Мюнхене).

Надо д<олжно> б<ыть> кофейную машинку.

Сейчас звонила Linderhaus. Очень хочется ей повидаться с тобой.

Хочется туда ехать в Ahlbeck. Я не посоветовал.

В воскресенье позвонит.

Письмо от Аросева: доро́гой в вагоне оставил связку книг, просит одну прислать немецкую.

Был Аркад<ий> Альф<редович> <Борман>. Он в Прагу. И на той неделе вернется. Будет жить в Берлине. Кланяется. Много рассказывал мне о своей жизни в России. Он, оказывается, занимал очень важное место в Москве. Если б знать того, помочь мог бы. Настроен он как-то странно: есть у него одно преимущество важное, вот это, что он в России был в самой гуще.

Я попросил купить тебе Кобзарь на украинском.

Исцеленный не пришел. Звонил. Он должен был принести 2500 М<арок>.

Пиотровский принес за «Христову крестника» 1000 М<арок> и за Пильняка 852 М<арки>.

Завтра он пойдет в банк справиться. Ему сказали, что один получил (из Данцига), и я думаю в пятницу или субботу и я получу.

Были чехо-словаки.

Книги они забыли — очень торопились. Привезли только о Блоке.

Разговаривали о переводах. Если бы проехать в Прагу, всё бы можно было легко сделать. Не сейчас, конечно.

Сегодня прочитал в газете, что церковь в Unter den Linden остается, хотя туда и переезжает миссия.

Пугают, что 26 или 28 предполагается

какое-то выступление.

Не знаю, если бы читать немецкие газеты, а то выходит похоже на 1905 г., как какой-то слышал, как дворник с рыжей бородой говорил по 50 за человека, помнишь.

Я верю, без денег не останемся. Верю. А по вере всё бывает.

Киреев приходил утром, принес мне провизии.

Волку я послал этого мармеладу на 56 М<арок>, да пересылка 6 = 62 М<арки>.

12 ч<асов> н<очи>

Очень глаза ломит, хочу сегодня лечь пораньше.

Обещал тебе, деточка, о Zerbst'e написать.

Событие цербское это дважды в день, когда с площади выезжает конный трамвай (1 лошадь) на вокзал.

Кучер звонит, это означает, что надо садиться. И для звонка и для кнута есть свое место. И изо дня в день и звонок, и кнут сначала снимается и кладется на лавку, и все замечают, что пройдет 3 минуты и звонок и кнуты будут взяты кучером на переднюю площадку. Все друг друга знают.

Писал ли я тебе, не помню, что в прошлое, стало быть, воскресенье концерт назначен был в полчаса 7-го утра, чтобы до обедни кончить.

Интереснейшие надписи, напр<имер>, на пепельнице:

ruhes Plätzchen
für brennede Cigarren <sic!>

(уютное местечко для горящей сигары).

И фамилии: глазной доктор
Augenartz Dr. Wirtbier (пивник).

Ну лапуничек, дорогой мой, до свидания — денежки прибавляются понемногу.

А. Р.

22 июня

1) Корректурa из «Скифов» и письмо: Шрейдер обещает 2000 М<арок>. Я позвоню,

чтобы уговориться зайти,
надо обложку отнести.

2) От Шишкова: о всяких новостях,
Шапошников женился,

все о деньгах — Соколовского — ой, какая-то тут плутня.
Да, надо с собой тебе купальный костюм захватить.

Алексей Ремизов

20

1922 Charlottenburg

22 июня

Ну вот, деточка, деньги пошли: получил от Шрейдера 2000 М<арок> и из Данцига — 8000 М<арок>.

В Wohnungsamt'е всё сделано. Вчера я самостоятельно ходил и, кажется, всё понял — сегодня ходила хозяйка.

Заказ<ные> письма носят в ½ 9<-го>, а express'ы ½ 8-го.

Сегодня меня подняли спозаранку — корректуру-то «Кавказских сказок».

К Шрейдеру пойду в субботу ½ 2-го отнесу обложку, а завтра к Сер<гею> Порфирьевичу <Постникову>. Сейчас посмотрю 3-ью ч<асть> и отдам переписывать.

Барышня-то, ни в понед<ельник>, ни во вторн<ик>, ни вчера не пришла — у нее окончание I-ой части.

Получил рукопись, я всё время писал с ошибкой: Pippingsburg, и раз неверно написал и Villa через “W”, надо V (сохраняя начертание французское).

Сейчас начну поправлять по указанному.

Был Исцеленный, деньги 2000 М<арок> в понедельник.

Стало быть, будут издавать «Пляс Иродиады».

Был Киреев.

Завтра дам ему инструкцию, чего купить на воскресенье.

А завтра напишу, но не пошлю — сохранию письмо.

<подпись-анаграмма>

1) «Жаль, что не пользовались лодкой, а в лодке и сидеть удобнее и держать сподручнее» — «Повернулся спиной к рев<олюции>» — это (я еще не знаю сию минуту), может, отнести в конец. Это слова Гершензона, у меня и было раньше: слышу обрывки слов — Иванов-Разумника, Гершензона.

Но решил, фамилий таких поменьше.

А о Барладьяне спрошу завтра Сергея Порфирьевича.

Это, во-первых; увижу и Погосьяна, может, он захочет «прославиться». Барладьян очень звучно. Ну, конечно, можно на крайний случай Лундберга пустить: он написал ведь, что я куда-то «ушел» в книге, а я наоборот «пришел» про него.

2) фразу: «не проститься» — выбрасываю.

3) Да, пожалуй, мудрее, правило
не забывать Златоустово.

Я это вычеркну — очень уж большое
оружие на дураков.

«Катастрофа-то для человека, а человека топчет!

Видел я на старинных иконах и т.д.»

А после этого так:

— Бедные счастливые палочки, куда ветром погонит, туда и иде-
те, куда вихрь понесет, туда и летите! Палочками разносились по
белому свету семена революции.

Будет корректура, можно и это зачеркнуть, но я думаю, это со-
гласуется с предыдущими.

4) Селивестрович <Киреев Г.С.>, а потом Еремеевич это нароч-
но.

Ведь это Турка сочиняет и путает.

5) А там около Таврического Дворца ждали членов и, когда за-
мечал кто (т.е. кто-нибудь) особенно чтимых, выкрикивалась фами-
лия, и все враз бросались.

6) «Когда заговорил турка» — о Соколове-Микит<ове>
зачеркиваю.

7) про «грязные лапищи» *зачеркиваю.*

8) А зачем, — скажут, — *повернулся спиной,*
отверг революцию?

Завтра придет Вальтер.

Я написал Вишняку, что за это мне
полагается еще получить 3000 М<арок>,
чтобы было — 5000 М<арок> гонорар.

На это положено было столько труда.

Ой, уж без 20-и 12-ь, сейчас сяду за III ч<асть> — надо кое-что
пояснее

сделать в исправлениях,
а то перепутают.

Ну, до свидания, деточка.

Алексей Ремизов.

23 июня

Письмо от Глеба Алексеева и книжка его,
да еще «Еврейская Трибуна» и больше ничего.

Собираюсь в поход к Сергею Порфирьевичу <Постникову>.

Тышку откладываю до твоего приезда.

<подпись-анаграмма>

Покупайся и домой.
А воды так и нет.
Вот тебе и на: дождик пошел!

21

1922 Charlottenburg

23 июня

“Hers<z> Jesu Fest”

Праздник Сердца Господня

Был, деточка, у С<ергея> Пор<фирьевича> <Постникова> в редакции. Там всех видел и спрашивал Барладьяна. Нисколько, напротив.

И действительно, что ж тут такого: ждали человека!

Получил письмо из La Revue de Genève о напечатании уже переведенного «Бесовское действа». Переводчик Питоев, знакомый Барладьяна.

Напишу ему письмо о гонораре.

С<ергей> Пор<фирьевич> Пос<тников> разговаривал с Гуковским: они теперь платят 250–300 fr. за 40000 <знаков> лист.

Не знаю, надо будет поговорить.

Тогда с Вл<адимиром> Мих<айловичем> <Зензиновым>.

3-ью часть отдал переписчице «Гол<оса> Рос<сии>»

в кредит.

И, наверно, придется туда несколько раз пройти после 5-и <часов>.

Письмо из газ<еты> «Слово» (парижск<ой>) понедельник. Получил с анкетой.

Это я с тобой поговорю.

Кто из писателей выдвинулся в эмиграции: Петр Прокопов.

Твое письмо, деточка, немного запоздало.

Приходил Вальтер и взял рукопись.

Но это неважно, корректура непременно будет:

Погосьян еще не прислал мне перевода

«Айда-илда...» и т.д.

И это я вставлю в гранки.

Приходила Бирюлька <Каплун Э.М.> с девочкой.

Была она недолго при Вальтере.

Кусиков женился на Анне Алексеевне <Тургеневой>

и живут вместе.

Звонила Черниха <Чернова О.Е.> насчет все американца,

что в понедельник придет с ним.
 Не очень-то я верю в эту Америку.
 Киреев был, дал ему поручение, что купить
 на базаре завтра.
 Полночь. По-здешнему папоротник цветет.
 Ночь под 24 — Joh<annes> Geburt.
 Тишина какая,
 давно не было такой.

24 июня

От Алянского 3 кн<иги>: Иуда
 Укрепa Гребенщиковская
 и Блока Возмездие.

Свети-цвет. Папоротник <Рис.>.

Киреев принес всякую снедь.
 Сейчас в поход.

Алексей Ремизов

22

1922 Charlottenburg
 24 июня
 Johannes Geburt

Ознаменовался большим волнением.
 Берлин объявлен на осадном положении: убили министра ино-
 стр<анных> дел Ратенау, подписавш<его> договор с Россией.
 И сейчас тихо-тихо: ни одной песни.
 Конечно, когда объявили, сейчас же сказали
 это везде и в трамв<ае>, и в ундергрунде: это — русские!
 Я возвращался от Шрейдера — весть облетела быстро.
 Со Шрейдером договорился о «Хождении по Горох<овым> му-
 кам»
 альбом нумеров<анные> экземпляры.
 Заходил в ред<акцию> «Эпохи» и говорил с Далиным и Соло-
 моном <Каплуном>.
 Те 8 тысяч <марок>, к<отор>ые ты получила, это дополнение за
 «Мару» и «Завет<ные> сказы».
 У меня такое чувство: денег у них нет.
 Видел Бориса Каплуна и Спесивцеву.
 Бор<ис> Кап<лун> непременно придет к нам.

Я ему о Блохе рассказал.
 П<отому> ч<то> считаю, что такое свинство,
 и про это надо говорить.
 Уезжает он на той неделе.
 Приходил какой-то человек, фамилию забыл,
 телефон есть его.
 Приглашал в какое-то юго-славян<ское> агентство.
 Хорватское от Маркова (не 2-го).
 Я ничего не понял и попросил прислать
 хоть посмотреть журналы.
 Приходила В.А. Зайцева,
 сегодня они приехали.
 О Москве рассказывала.
 Она тебе всё расскажет.
 Звонила Linderhaus.
 Просит, умоляет завтра назначить.
 Тут Гриф находится.
 Приглашал завтра Гессен.
 Но это потому, что я
 ему звонил о Зайцевой,
 что придет она.
 Ну вот, деточка,
 а как всё затаилось.
 Ратенау — еврей, а то бы в Gedächtniskirche
 звонили.

<подпись-анаграмма>

Wilhelm 80-14

<2 сл. нрзб.>

25 июня

Одно единственное письмо от
 Mönhs Likör Kantorovitch.

*А.М. Ремизов с куклой Фейермэнхеном.
 Берлин, 1923. Музей ИРЛИ.*

23

Berlin-Charlottenburg I
1922
26 декабря
Kirchstr<asse> 2 II
bei Delion

<На открытке с изображением рождественского гнома и надписью “Herzlichen Weihnachtsgruss!”>: А это Zwerg (карла), должно быть, дядя моему Feueremännchen’у.

Вот, деточка,
и Рождества дождались
немецкого
Weihnachtstag’a.
Очень мне понравилось в церкви.
Я люблю праздничную церковь.
А ведь для них Рождество,
что для нас Пасха.
И огни в окнах — елки.
Я об этом в детстве слышал от Mutter’a <Найденова М.А.>,
а потом какие-то картинки видел — Рождество в Германии и там
окно и в окне елка.
И за эту елку
и за эти огни елочные
я сердцем к Германии,
хоть мы тут и чужие и гонимые Ausländer’ы и изгнанные, как
сейчас.

<подпись-анаграмма>

Литература

А.М. Ремизов и «Товарищество новой драмы». Из переписки А.М. Ремизова с В.Я. Брюсовым, О. Маделунгом, Вяч. И. Ивановым, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Г.И. Чулковым, А.П. Зоновым, А.М. Михайловым. 1903–1906 / Сост. и коммент. Н. Панфиловой и О. Фельдмана // Театр. 1994. № 2. С. 104–117.

Алексей Михайлович Ремизов: Библиография. 1902–2013 / Авт.-сост. Е.Р. Обатнина, Е.Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 836 с.

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.

Бунич-Ремизов Б.Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 267–272.

Герра Р. Н.И. Исцеленнов — архитектор, художник и книжный график // Русский мир: Пространство и время русской культуры: Альманах. Вып. 7. СПб., 2012. С. 237–246.

Е.Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А.М. Ремизову (1910–1918) / Вступ. заметка, публ. и коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 314–367.

Каменская В.А., Малевич О.М. Блок в Чехословакии // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 5. М.: Наука, 1993. С. 454–542.

Колбасина-Чернова О.Е. <Воспоминания об Алексее Ремизове> / Публ. и примеч. А.М. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 315–322. (Eugora Orientalis; Vol. 4).

Лавров А.В. Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 198–206.

Ликвидация ВСЕРПОМГОЛа: Письма Е.Д. Кусковой и В.Н. Фигнер / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Я.В. Леонтьева // Русское прошлое. 1993. Кн. 4. С. 330–342.

Мейерхольдовские главы книги А.М. Ремизова «Иверень» / Публ. Л. Дворниковой и Н. Панфиловой; Предисл. и примеч. О.М. Фельдмана // Мейерхольдовский сборник. Вып. 2: Мейерхольд и другие / Ред.-сост. О.М. Фельдман. М.: ОГИ, 2000. С. 28–44.

Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подгот. текста, коммент., материалы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; Вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 616 с.

Морар А. Сергей Шаршун и французские дадаисты // Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу, 1920–1940: Международная научная конференция / Сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Морар, Ж. Тассис. М.: Русский путь, 2007. С. 231–249.

На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Eugora Orientalis. 1985. № IV. P. 149–190.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло. 1907 год / Вступ. статья, публ., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149–178.

На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203.

Обатнина Е.Р. Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917–1939: Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 271–276.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7. С. 8–45.

Парнах В.Я. Пансион Мобер: Воспоминания / Вступ. ст. П. Нерлера; публ. и коммент. П. Нерлера и А. Парнаха; подгот. текста П. Нерлера, Н. Поболя и О. Шамфаровой // Диаспора: Новые материалы. VII. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2005. С. 7–91.

Пахмусс Т. Из архивных материалов: Сергей Шаршун — русский художник и писатель // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1983. Vol. 24. № 3. P. 347–355.

Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. 640 с. (Литературные памятники).

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 3: Оказион. М.: Русская книга, 2000. 672 с.

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с.

Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

«...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2003. С. 335–401.

Суворова В.П. Я.П. Гребенщиков — библиотекарь, библиофил, человек // Книга: Исследования и материалы. Кн. 70. М., 1995. С. 157–167.

Флейшман Л. Бегство в Эстонию. Ремизов и ревельское издательство «Библиофил» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2016. Vol. 4. S. 42–75.

Флейшман Л. Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезввелволпала // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. I. P. 185–193.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YM-CA-Press, [1983]. 422 p.

References

A.M. Remizov i “Tovarishchestvo novoi dramy”. Iz perepiski A.M. Remizova s V.Ia. Briusovym, O. Madelungom, Viach. I. Ivanovym, L.D. Zinov’evoi-Annibal, G.I. Chulkovym, A.P. Zonovym, A.M. Mikhailovym. 1903–1906 [A.M. Remizov and “New Drama Partnership.” From the A.M. Remizov’s correspondence with V.Ya. Bryusov, O. Madelung, Vyach. I. Ivanov, L.D. Zinovieva-Annibal, G.I. Chulkov, A.P. Zonov, A.M. Mikhailov. 1903–1906], ed. and comment. by N. Panfilova and O. Feldman. *Teatr*, 1994, no. 2, pp. 104–117. (In Russ.)

Aleksei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia. 1902–2013 [Alexey Mikhailovich Remizov: Bibliography. 1902–2013], comp. by E.R. Obatnina, E.E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2016. 836 p. (In Russ.)

Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska [Andrei Bely and Ivanov-Razumnik. Correspondence], publ., intro. and comment. by A.V. Lavrov and J. Malmstad; ed. by T.V. Pavlova, A.V. Lavrov and J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998. 736 p. (In Russ.)

Bunich-Remizov B.B. Suprugi Remizovy v sud'be ikh docheri i vospriatii ee blizkikh [Remizovs in the fate of their daughter and in the perception of her family members]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Alexei Remizov: Studies and materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1994, pp. 267–272. (In Russ.)

Gerra R. N.I. Istselennov — arkhitekto, khudozhnik i knizhnyi grafik [N.I. Istselennov — architect, artist and book illustrator]. *Russkii mir: Prostranstvo i vremia russkoi kul'tury: Al'manakh. Vyp. 7* [Russian world: Space and time of Russian culture: Almanac. Issue. 7]. St. Petersburg, 2012, pp. 237–246. (In Russ.)

E.G. Lundberg: I. Avtobiografiia (1913). II. Pis'ma k A.M. Remizovu (1910–1918) [E.G. Lundberg. I. Autobiography (1913). II. Letters to A.M. Remizov], intro., publ. and comment. by E.R. Obatnina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2000]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 314–367. (In Russ.)

Kamenskaia V.A., Malevich O.M. Blok v Chekhoslovakii [Blok in Czechoslovakia]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniia. Kn. 5* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: new materials and studies. Book. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 454–542. (In Russ.)

Kolbasina-Chernova O.E. <Vospominaniia ob Aleksee Remizove> [Memoirs on Alexei Remizov], publ. and notes by A.M. Gracheva. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Alexei Remizov: Studies and materials], ed. by A.M. Gracheva and A. d'Amelia. St. Petersburg, Salerno, 2003, pp. 315–322. (Europa Orientalis; Vol. 4). (In Russ.)

Lavrov A.V. Andrei Belyi i Kristian Morgenshtern [Andrei Bely and Christian Morgenstern]. Lavrov A.V. *Andrei Belyi: Razyskaniia i etudy* [Andrei Bely: Discoveries and studies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 198–206. (In Russ.)

Likvidatsiia VSERPOMGOLa: Pis'ma E.D. Kuskovoi i V.N. Figner [Elimination of VSERPOMGOL: Letters by E.D. Kuskova and V.N. Figner], intro., ed. i comment. by Ya.V. Leontiev. *Russkoe proshloe* [Russian past], 1993, book. 4, pp. 330–342. (In Russ.)

Meierkhol'dovskie glavy knigi A.M. Remizova “Iveren” [Meyerhold chapters from A.M. Remizov's book “Iveren”], publ. by L. Dvornikova and N. Panfilova, intro. and notes by O.M. Feldman. *Meierkhol'dovskii sbornik. Vyp. 2: Meierkhol'd i drugie* [Meyerhold collection. Issue. 2: Meyerhold and others], ed. by O.M. Feldman. Moscow, OGI Publ., 2000, pp. 28–44. (In Russ.)

Mirskii D. *O literature i iskusstve: stat'i i retsenzii 1922–1937* [On literature and art: articles and reviews 1922–1937], comp., ed., comment., materials for bibliography by O.A. Korostelev and M.V. Efimov, intro. by J. Smith. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 616 p. (In Russ.)

Morar A. Sergei Sharshun i frantsuzskie dadaisty [Serge Charchoune and French Dadaists]. *Russkie pisatel'i v Parizhe: Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu, 1920–1940: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Russian writers in Paris: A glance at French literature, 1920–1940: Int. sci. conf.], comp., ed. J.P. Jaccard, A. Morard, G. Tassis. Moscow, Russkii put' Publ., 2007, pp. 231–249. (In Russ.)

Na vechernei zare. Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello], publ. by A. d'Amelia. *Europa Orientalis*, 1985, no. IV, pp. 149–190. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1907 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1907], intro., ed. and comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2014, no. 1, pp. 149–178. (In Russ.)

Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1909 god [At the evening dawn. A. Remizov's correspondence with S. Remizova-Dovgello: 1909], intro., ed. and comment. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, 2015, no. 3, pp. 153–203. (In Russ.)

Obatnina E. E. Lundberg versus I. Gessen: maloizvestnye podrobnosti nestoiavshegosia treteiskogo suda [E. Lundberg versus I. Gessen: little-known details of the failed arbitration proceedings]. *Zarubezhnaia Rossiia. 1917–1939. Sb. statei. Kn. 2* [Russia abroad. 1917–1939. Collection of articles. Part 2]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2003, pp. 271–276. (In Russ.)

Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gg. [Studies on A.M. Remizov's creative biography: the beginning of emigration. 1921–1922]. *Literaturnyi fakt*, 2018, no. 7, pp. 8–45. (In Russ.)

Parnakh V.Ia. Pansion Mober: Vospominaniia [Pension Maubert: Memoirs], intro. by P. Nerler, publ. i comment. by P. Nerler and A. Parnakh, ed. by P. Nerler, N. Pobol' and O. Shamfarova. *Diaspora: Nove materialy. VII* [Diaspora: New materials. VII]. Paris, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ, 2005, pp. 7–91. (In Russ.)

Pakhmuss T. Iz arkhivnykh materialov: Sergei Sharshun — russkii khudozhnik i pisatel' [From archival materials: Serge Charchoune — Russian artist and writer]. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1983, vol. 24, no. 3, pp. 347–355. (In Russ.)

Remizov A. *Kukha. Rozanovy pis'ma* [Kukha. Rozanov's letters], comp. by E.R. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 640 p. (Literary monuments). (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 3: Okazion* [Collected works. Vol. 3: Okazion]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 672 p. (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 5: Vzvikhrennaia Rus'* [Collected works. Vol. 5: Russia Swirled Up]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 688 p. (In Russ.)

Remizov A.M. *Sobranie sochinenii. T. 10: Peterburgskii buerak* [Collected works. Vol. 10: Petersburg Gully]. Moscow, Russkaia, 2003. 592 s. (In Russ.)

“...s Vami beda — ne perevesti”: Pis'ma D.P. Sviatopolka-Mirskogo k A.M. Remizovu (1922–1929) [“...you are the awkward one — untranslatable”: D.P. Sviatopolk-Mirski's letters to A.M. Remizov (1922–1929)], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Nove materialy. V* [Diaspora: New materials. V]. Paris, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

Suvorova V.P. Ia.P. Grebenshchikov — bibliotekar', bibliofil, chelovek [Ya.P. Grebenshchikov — librarian, bibliophile, person]. *Kniga: Issledovaniia i materialy. Kn. 70* [Book: Studies and materials. Book. 70]. Moscow, 1995, pp. 157–167. (In Russ.)

Fleishman L. Begstvo v Estoniiu. Remizov i revel'skoe izdatel'stvo "Bibliofil" [Flight to Estonia. Remizov and Revel publishing house "Bibliofil"]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2016, vol. 4, pp. 42–75. (In Russ.)

Fleishman L. Iz kommentariiev k «Kukkhe». Konkrektor Obezvelvolpala [From the commentary to "Kukkha". The concrector of Obezvelvopal]. *Slavica Hierosolymitana*, 1977, vol. I, pp. 185–193. (In Russ.)

Fleishman L., Kh'iuz R., Raevskaia-Kh'iuz O. *Russkii Berlin, 1921–1923: Po materialam arkhiva B.I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute* [Russian Berlin, 1921–1923: Based on B.I. Nikolayevsky archives in the Hoover Institution]. Paris, YMCA-Press, 1983. 422 p. (In Russ.)

A.M. Remizov

**“At the Evening Dawn”. Chapters from the manuscript;
Letters to S.P. Remizova-Dovgello.
1921–1922
(conclusion)**

*Commentaries by Elena R. Obatnina
Editing by Elena R. Obatnina and Anna S. Uriupina*

Abstract: The publication presents a continuation of the manuscript “At the Dawn” (1943–1948) by A.M. Remizov, based on author’s letters to his wife, S.P. Remizova-Dovgello, for 1921–1922. Although the writer’s letters reflect the discrete periods of first two émigré years in Berlin, yet they contain a detailed description of his day’s work, literary contacts and life of a Russian emigrant during inflation period. The Appendix contains Remizov’s original letters, which make it possible to evaluate methods of transformation of epistolary documents and analyze Remizov’s creative strategy concerning autobiographical works. The publication is illustrated with rare archival materials.

Keywords: A.M. Remizov, creative biography, epistolary literature, writer’s letters, archival materials.

Information about the authors: Elena R. Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS. St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna S. Uriupina, PhD, archivist, Dal State Museum of Russian Literary History (State Literary Museum). Moscow, Russia. E-mail: urjupina_anja@mail.ru

Citation: A.M. Remizov. “At the Evening Dawn”. Chapters from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1921–1922 (conclusion), comment. by Elena R. Obatnina, ed. by Elena R. Obatnina and Anna S. Uriupina. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 8–67.

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-68-103

УДК 821.161.1

**Эпизод из истории русской фольклористики:
Письма Г.И. Парихина к И.П. Сахарову***А.Л. Топорков*

Аннотация: Среди архивных материалов И.П. Сахарова (1807–1863) имеется подборка писем и фольклорных материалов, присланных ему из Тихвина купцом Григорием Ивановичем Парихиным в 1839 г. Тихвинский собиратель передал Сахарову 22 песни, 70 загадок, 16 заговоров, одну сказку и другие тексты, которые позднее были частично опубликованы в сборниках Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» и «Песни русского народа». Сверка текстов показала, что Сахаров правил и сокращал тексты, которые присылал ему Парихин. Письма из Тихвина позволяют выяснить факты из жизни одного из первых собирателей русского фольклора, его литературные вкусы, взаимоотношения с окружающими людьми. Публикуемые материалы представляют интерес и с точки зрения истории чтения и библиотечного дела. Второе письмо к Сахарову представляет собой своеобразную автобиографию, причем история жизни Парихина пишется главным образом как история добывания книг и их чтения. Знакомство Парихина с литературой началось с чтения подписей к лубочным картинкам, а затем продолжилось чтением русских и переводных сказок и повестей. Парихин не только выписывал для себя книги из Петербурга, но и давал их читать желающим, то есть создал небольшую частную библиотеку. В письмах проявляются литературные вкусы Парихина, в частности его отношение к поэзии А.С. Пушкина и прозе А.А. Марлинского. В стилистическом отношении письма можно рассматривать как пример смешения стилей деловой переписки и романтической художественной прозы в духе А.А. Марлинского. В письмах Парихина много диалектных и просторечных слов и выражений; благодаря фонетическому письму они позволяют воссоздать повседневную купеческую речь 1830-х гг.

Ключевые слова: история фольклористики, И.П. Сахаров, Г.И. Парихин, А.А. Краевский, песни, загадки, заговоры.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков, д.ф.н., главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН. Москва, Россия. E-mail: atoporkov@mail.ru

Цитирование: *Топорков А.Л.* Эпизод из истории русской фольклористики. Письма Г.И. Парихина к И.П. Сахарову // Литературный факт. 2018. № 8. С. 68–103.

Среди архивных материалов И.П. Сахарова (1807–1863) имеется подборка писем и фольклорных материалов, присланных ему из Тихвина купцом Григорием Ивановичем Парихиным. Всего в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее РНБ) сохранились четыре письма Парихина, отправленных Сахарову 22 января, 15 и 21 сентября и 24 октября 1839 г. Еще одно письмо Парихина к Сахарову (от 23 мая 1840 г.) обнаружено нами в фонде М.П. Погодина в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее РГБ).

Письма Парихина к Сахарову впервые привлекли внимание Н.В. Новикова, который использовал их в специальной статье¹. Н.В. Новиков восстановил в общих чертах биографию Парихина, описал историю взаимоотношений собирателя с А.А. Краевским и И.П. Сахаровым, изучил фольклорные материалы, переданные Парихиным Сахарову, и сверил их с публикациями в сборнике Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». Н.В. Новиков опубликовал также письма Парихина к А.А. Краевскому от 8 июля 1838 г. и к В.Ф. Одоевскому от 6 июня 1844 г.

Сведения о Г.И. Парихине, к сожалению, весьма немногочисленны; неизвестны даже даты его рождения и смерти. Родился он, по-видимому, около 1805 г. в г. Тихвине Новгородской губ. Происходил из небогатой купеческой семьи; 5 лет учился в приходской школе².

В очерке «Провинциальные увеселения» Парихин писал о занятиях тихвинских горожан: «...три четверти жителей находятся беспрестанно в разъездах, доставляя на собственных своих лодках товары, отправляемые по Тихвинской системе из Петербурга в низовые города и обратно...»³ Судя по письмам Парихина, его торговая деятельность также была сопряжена с частыми и долгими разъездами; например, он сообщал Сахарову 22 января 1839 г.: «Производимая мною торговля требует непрерывных разъездов по самым заулесным деревням, во время которых в продолжении 10 лет я слышал много *заговоров*, но не думая, чтобы они могли заслуживать

¹ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова (по архивным материалам) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 141–154.

² Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 142; История Тихвина в лицах: Библиографический указатель / Сост. А.А. Титова и др. Тихвин, 2004. Вып. 1, ч. 1: XIII–XIX вв. С. 96–101; *Виноградов В.В.* Парихин Григорий Иванович // Русские фольклористы. Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / ИРЛИ РАН; под ред. Т.Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 4 (в печати).

³ Г... и П... ь [*Парихин Г.И.*] Провинциальные увеселения (о посиделках, или посудухах) // Литературные прибавления [к «Русскому инвалиду»]. СПб., 1839. № 2. С. 34.

какое внимание и быть когда-либо напечатанными, пускал их мимо ушей!» (письмо 1; курсив мой — *А.Т.*).

Знакомство Парихина с литературой началось с чтения подписей к лубочным картинкам, а затем продолжилось чтением русских и переводных сказок и повестей. Парихин выписывал для себя книги из Петербурга и даже давал их читать желающим, то есть создал небольшую частную библиотеку.

По-видимому, Парихин не только записывал песни, пословицы, загадки и т.д., но и сам сочинял стихи в стиле народных песен, однако объем его литературного творчества, к сожалению, пока неизвестен. В письме к Сахарову от 23 мая 1840 г. Парихин уведомлял его о том, что одна из песен, которые он ему передал, была на самом деле сочинена им самим и была по недоразумению опубликована «в числе старинных песен» (письмо 5). Эта песня помещена в «Сказаниях» в разделе «Русские свадебные песни, собранные в Олонецкой губернии», причем имя собирателя в этом разделе не указано⁴.

Литературные интересы Парихина не находили понимания в провинциальной купеческой среде. В письме от 15 сентября 1839 г. Парихин жаловался Сахарову:

Я, тихвинский третьей гильдии купецкой сын, имею родителя, которой (заметьте это) почти вовсе не терпит книг; матушку, которая вполнину пренебрегает ими, и жену тоже вовсе не охотницу до чтения; а потому, избегая неудовольствий, я читаю, пишу и получаю журналы украдкой (вот вам объяснение, почему ваши книги обратились назад)! Но всегда ли убережешься? Иногда книги попадают не туда, куда следуют, отчего происходят семейные сцены, хотя самые пустячные, однако ж все-таки неприятные, потому что прежде мне не запрещали читать, но довольно об этом! (письмо 2)

Собирательская деятельность Парихина относилась к тому времени, когда еще не было создано Русское географическое общество и только появились губернские ведомости. В связи с этим возможности публикации фольклорно-этнографических материалов были весьма ограниченными. По существу, собиратели народной словесности могли передать свои записи или в один из петербургских или московских литературных журналов, или издателям таких сборников, как «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И.М. Снегирева или «Сказания русского народа» И.П. Сахарова.

⁴ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 201 (№ 7).

При собирании фольклора Парихину приходилось преодолевать презрительное и подозрительное отношение грамотных людей. Например, в предисловии к своему собранию загадок он сообщал: «...я должен сказать, что почти все, находящиеся в сем собрании загадки, списаны мною со слов совершеннолетних безграмотных или малолетних грамотных! Совершеннолетние же грамотники, с которыми мне случалось вести речь о загадках, отвечали мне, почти все, на один лад: “Стоят ли внимания такие дрязги!”»⁵.

Летом 1838 г. Парихин послал А.А. Краевскому этнографический очерк «Провинциальные увеселения» и пять заговоров, которые были услышаны им «в Тихвинском, Ладожском и Лодейнопольском уездах и списаны слово в слово»⁶. В своем письме Парихин рассказал о том, как непросто было ему решиться вступить в переписку с Краевским:

Знаете ли, милостивый государь, как робко неписателю писать первое письмо к журналисту. Я полгода собирался писать к вам и едва осмелился.

Воображение мое представляло мне вас строгим и неумолимым судьей, который получа мое *писемко*⁷ и заговоры, швырнет их в огонь, не читая, да еще разгневется за то, что незнакомый человек осмеливается писать к нему — да мало ли еще что представляло и представляет мне воображение⁸.

Очерк Г.И. Парихина был опубликован в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду». Что касается заговоров, то цензура воспрепятствовала их помещению в журнале, и А.А. Краевский передал их Сахарову, который в то время готовил новое, расширенное издание «Сказаний русского народа».

Эпистолярное общение с А.А. Краевским и И.П. Сахаровым открыло Парихину путь на страницы столичных периодических изданий. В 1839 г. Парихин опубликовал этнографический очерк «Провинциальные увеселения», а в 1840 г. несколько записей песен в «Маяке современного просвещения и образованности», «Литературной газете» и «Пантеоне русского и всех европейских театров»: «Старинные святочные песни», «Старинная свадебная песня», «Народная песня». Наибольшую ценность имеет подготовленное

⁵ [Парихин Г.И.] Русские народные загадки // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1842. Т. 6. Кн. 11. Отд. 3. С. 48.

⁶ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 144.

⁷ Так называют письмо почти все жители Онежского уезда (примеч. Г.И. Парихина).

⁸ Там же. С. 144–145.

Парихиным собрание «Русские народные загадки», включающее предисловие и более 330 текстов (1842). На этом публикации Парихина прекращаются.

22 января 1839 г. Парихин послал Сахарову несколько заговоров, песен и загадок и предложил в дальнейшем предоставлять ему и другие записи:

Ежли вы поощрите меня своим вниманием и ежли вам угодно, милостивый государь, то я готов доставлять вам по возможности все, что узнаю касательно деревенских и городских простонародных поверьев и суеверных обрядов, а также и *старинные русские песни, как простые, так и свадебные, которых я имею порядочное собрание*, из числа которых, может быть, найдутся и неизвестные вам (письмо 1; курсив мой — А.Т.).

Всего тихвинский собиратель прислал Сахарову 22 песни, 70 загадок, 16 заговоров, одну сказку, одну считалку («счетную скороговорку») и другие тексты, которые позднее были частично опубликованы в сборниках Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» и «Песни русского народа»⁹.

В предисловии к третьему изданию 1-го тома «Сказаний» Сахаров поблагодарил Парихина и поместил его имя в перечне тех людей, которые передавали ему свои материалы. В краткой преамбуле к 3-й книге 1-го тома, включающей народные песни, Сахаров указал, что тихвинские песни были предоставлены ему Парихиным.

Готовя к печати 3-ю часть своего сборника «Песни русского народа», Сахаров поместил в конце книги раздел «Варианты свадебных песен», в котором представил 5 песен, присланных Парихиным, под заглавием «Русские свадебные песни, собранные Гр.И. Парихиным в Тихвине»¹⁰. В 3-м издании 1-го тома «Сказаний» Сахаров опубликовал уже 11 песен из 22, переданных ему Парихиным¹¹. Н.В. Новиков установил, что только одна песня была напечатана без изменений, а в остальных публикатор кое-где опускал припевы, повторяющиеся строки, разночтения, допускал ошибки в прочтении отдельных слов и опечатки, заменял диалектные формы литературными, однако никаких грубых и целенаправленных фальсификаций текста в песнях не имеется¹².

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ [Сахаров И.П.] Песни русского народа. Ч. 3. СПб.: тип. И. Сахарова, 1839. С. 439–457 (№ 1–5).

¹¹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 180–187 (№ 1–11).

¹² Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 148–151.

В 3-м издании 1-го тома «Сказаний» Сахаров опубликовал (уже в третий раз) свою коллекцию заговоров и при этом включил в нее дополнительно 7 заговоров с примечанием: «Последние семь заговоров были сообщены г. Парихиным»¹³. Ранее мы уже опубликовали по рукописям все 16 заговоров, переданных Парихиным Сахарову, причем 7 заговоров были приведены параллельно с их версиями, напечатанными ранее Сахаровым, а 9 заговоров увидели свет впервые. Сверка текстов показала, что Сахаров существенно правил и сокращал заговоры Парихина¹⁴.

В 1820-е гг. Парихин начал собирать пословицы, песни, заговоры. На основании его писем можно восстановить с некоторой долей условности хронологию его собирательской деятельности. Например, в письме к Сахарову от 15 сентября 1839 г. Парихин восклицал: «Вы и без клятвы поверите этому, естли я скажу вам, что в продолжение 17 лет ваше письмо было первое одобрение, первое ласковое слово за пристрастие мое к словесности вообще и за письменные занятия в особенности!..» (письмо 2). На основании этих слов можно предположить, что литературные интересы Парихина пробудились в начале 1820-х гг. Под «письменными занятиями» Парихин мог подразумевать как опыты самостоятельного сочинительства, так и записи народного творчества.

В письме к В.Ф. Одоевскому от 6 июня 1844 г. Парихин сообщает, что решил доставить ему рукопись с тысячью русских пословиц, которые собирал «в продолжении двадцати лет»¹⁵, то есть он начал собирать пословицы около 1824 г.

Известно, что в 1829 г. Парихин записал со слов 90-летней женщины две старинные свадебные песни: «Ах вы, девки, девушки» и «Как на синем на море»¹⁶.

Хотя письма Сахарова к Парихину не сохранились, мы можем реконструировать отчасти их содержание. По-видимому, Сахаров сразу высоко оценил материалы тихвинского собирателя и спросил разрешения сослаться на его записи в своих изданиях, см. в письме Парихина от 15 сентября 1839 г.:

¹³ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 2. С. 35 (примеч. 27).

¹⁴ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 153–154; Топорков А.Л. «В наших Сказаниях не все то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 141–154; Топорков А.Л. Заговоры от вражеского оружия в контексте фольклорных фальсификаций И.П. Сахарова // Russian Literature. 2017. № 93/94. P. 103–130.

¹⁵ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 143.

Я сам страшусь своей смелости, но не могу кончить, не сказавши еще нескольких слов на ваше письмо. Вы пишете мне, что будете говорить о моих трудах в своих книгах и оканчиваете вопросом: «Верно это дозволите мне?» Боже правды!... Иван Петрович! Пощадите меня! Дозволю ли я говорить о себе печатно! Да стою ли я этого! Стоят ли мои ничтожные труды, чтобы говорить об них! Да это я почел бы для себя неизреченным счастьем, высочайшим благом, когда б вы после этого письма удостоили хотя одним словом упомянуть обо мне в своих книгах! (письмо 2)

Высокие оценки Сахарова, по-видимому, показались Парихину незаслуженными, и он даже сомневался в их искренности, о чем можно судить по следующим словам: «Прочитавши ваши письма, я не знал, что думать! Мистифицируете ли вы меня, или пишете от души! В последнем убеждала меня искренность ваших выражений, но... Отчего я так думал, быть может, спросите вы? Оттого, милостивый Государь, что я вовсе не заслуживаю того лестного отзыва, которым вы меня удостоиваете, которого я не смел и не осмелюсь присвоить себе!» (письмо 2).

Сообщая сведения о своей семейной жизни, Парихин опасался, что станет предметом насмешек, а его письма будут демонстрироваться другим людям как пример провинциальных нравов: «Надеюсь, что вы как благородный человек не станете показывать моего письма и смеяться моей откровенности!» (там же).

По-видимому, Парихин испытывал определенные трудности при сочинении своих посланий, так как понимал, что навык ведения деловой переписки с определенными клишированными оборотами и стандартными формулами обращения и завершения не годился для переписки со столичным издателем. Сам он обратил на это внимание адресата в начале своего второго письма:

Письмо ваше, пущенное от 22 октября 1838 года и другое 29 января 1839 года, я имел честь получить и содержание их видеть!

По привычке начинать этими словами, одними и теми же, каждое письмо, я невольно начертил их и здесь! Пусть же они и останутся тут, как обрашник штиля обыкновенных наших писем, и хотя несколько извинят меня в бессвязности сего письма. Оно первое, которое я пишу в ответ не к своему брату купцу, о товаре или уплате денег и тому подобном, касающемся до коммерции, а потому и покорнейше прошу вас заранее о снисходительности к беспорядочному, но откровенному и чистосердечному моему посланию.

Далее Парихин жалуется на то, что в его письме наверняка имеется много грубых ошибок, а он не имеет возможности их опознать и исправить:

Так как вам уже известно из сего письма, что я не получил никакого образования, и не знаю ничего основательно, то сделайте милость, пришлите мне чрез сего письмоподателя каких-нибудь учебных книг, из которых бы я мог почерпнуть правила русского языка для изложения своих мыслей на бумагу в должном порядке. А то, ей Богу, мне стыдно перед вами. Может быть, в моем письме что строчка, то ошибка, и я их не вижу; не могу исправить потому, что не знаю. Даже не знаю того, какие книги мне нужны для руководства, чтобы писать хотя несколько правильно и без грубых ошибок.

Письма Парихина представляют определенный интерес с лингвистической точки зрения, поскольку во многом воспроизводят его спонтанную повседневную речь с просторечием и диалектными формами.

Деловой стиль, к которому привык Парихин, в его письмах сочетается с литературным стилем в духе романтической прозы любимого им А.А. Марлинского. В одном и том же предложении встречаются и гиперболы, и канцелярские обороты, например: «Я думаю, что вы никогда *не встречали неудачи в своих предприятиях* и родились *под самой счастливейшей из миллиона миллионов звезд, украшающих небо*, которая не только на вас, но и *на имеющих с вами малейшее сношение* проливает благотворные лучи света» (письмо 3; курсив мой — А.Т.).

Хотя Парихин делает многочисленные орфографические ошибки, в целом его письма производят художественное впечатление, в них сохраняются живые интонации его колоритной личности. Обширные фрагменты его писем состоят из восклицательных предложений, например:

Теперь остается мне только благодарить вас как за подарок, так и за доброе ваше ко мне расположение, но это превышает мои силы! Сам красноречивейший Марлинский, в минуты высочайшего вдохновения, пламенным пером своим не выразил бы и сотой доли моей к вам благодарности! Что же могу сделать я, убогий — нищий — в красноречии!.. Я могу только чувствовать, сильно, глубоко чувствовать к вам благодарность! Откровенную, искреннюю благодарность, для выражения которой не изобретено еще слов — да и что слова: передадут ли они вам то чувство, которое горит во мне — да

и поверите ли вы им! Да и как знать, какое впечатление произведет на вас самое сильнейшее по-моему слово! Может быть, оно заставит вас рассмеяться! Бедные, жалкие слова, безжизненные чернильные каракули, вы никогда не сольетесь с чувствами, никогда не выразите их вполне — ни во веки веков, не передадите их так, как следует!.. Да, слова навсегда останутся словами, а чувства чувствами! В искренности моих к вам я могу поклясться всем священнейшим в мире! (письмо 2).

Парихин передает свое эмоциональное возбуждение посредством эмфатических повторений отдельных слов. Например, во втором письме на протяжении двух предложений 7 раз встречается глагол «Благодарю!»: «За что искреннейше благодарю вас, почтеннейший Иван Петрович! Благодарю за книги, за письмо; благодарю за ваше доброе расположение; благодарю за все пламенно и усерднейше благодарю вас! И снова повторю: *Благодарю, благодарю!*» (подчеркнуто Г.И. Парихиным).

Характерная черта стиля Парихина — активное использование превосходной степени прилагательных: *почтеннейший, счастливейший, глубочайший, милостивейший, покорнейший и даже наивсепокорнейший, всенижайший, первейший, ревностнейший, красноречивейший.*

Парихин неоднократно жалуется на отсутствие образования и обращается к Сахарову с просьбами помочь ему присылкой книг и руководством в их выборе для чтения. Впрочем, из писем Парихина выясняется, что он был знаком с творчеством В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина и А.А. Марлинского, выписывал книги из Петербурга, переплетал издания сказок в конверты. В связи с этим самоуничижительные характеристики Г.И. Парихина не всегда можно воспринимать буквально.

Местами стиль Г.И. Парихина приобретает балагурный характер. В соответствии с принципами народной смеховой культуры он как бы делает самого себя предметом добродушного осмеяния:

Жуковский и Пушкин везде у места: они помогли и мне привести к окончанию рацею болтовни моей. Вижу и чувствую, что она *глупа до крайности, длинна до бесконечности, скучна до приторности*, и не могу переменить ее! Нет смысла написать лутче! А вы сами знаете, что на нет и суда нет! Притом же у меня есть союзница-заступница — беспримерная доброта ваша! И сверх того, кто питался надеждою хотя один раз в жизни, в том числе и аз грешный, на этот раз льщусь и надеюсь, что вы одну половину болтовни моей велико-

душно простите; за другую не станете строго взыскивать и порадуете меня ответом! (письмо 2; курсив мой — А.Т.).

Во втором письме к Сахарову рисуются живые картины нравов, например:

Образования я не получил никакого, кроме того (если то стоит назвать образованием), какое можно было получить в приходской школе, около двадцатых годов, — когда у 70 или 80 учеников бывал только один учитель! Да и тот для того лишь заглядывал в класс, чтоб скомандовать: «Собирайтесь!» — «Иван Иванов! Читай молитву!» — «Расходитесь!» — и только! Правда, он иногда оставался в классе, пока мы не очистим залы, бросаясь друг перед дружкой вон, как сорвавшиеся с цепи собаки, и, умильно улыбаясь, приговаривал: «Тише! Тише!»

Трудно сказать, давал ли Сахаров Парихину какие-нибудь советы относительно собирания фольклорных материалов. Учитывая, что Парихин неоднократно просил его об этом, можно предполагать, что Сахаров сообщил ему, какие жанры народной словесности его интересуют.

В свою очередь Парихин посоветовал Сахарову публиковать свадебные песни вместе с описаниями соответствующих обрядов и отмечать различия в песнях и обрядах из разных местностей¹⁷. И в письмах к Сахарову, и в примечаниях к собранным им материалам Парихин настаивает на том, что песни нужно записывать дословно и с голоса, а не под диктовку. Он фиксировал тексты с повторами и разночтениями, сообщал сведения об их исполнителях. В своей публикации пяти святочных песен Парихин поместил обширное подстрочное примечание, в котором утверждал, что он никогда не изменил в записанных им песнях ни одного слова, и сетовал на таких издателей, которые позволяют себе «самоуправство с русскими старинными песнями»:

Впрочем, кто с какой точки смотрит на старинные песни: иной и вовсе не стал бы расспрашивать о такой бездельнице — об одном недостающем стихе, и для полноты песни заменил бы его по своему произволу каким-нибудь другим подходящим под масть, что и мне сделать советовали; но *я никогда не посягну на такое самоуправство с русскими*

¹⁷ Там же. С. 147.

*старинными песнями, какое позволяют себе некоторые издатели; и как здесь, так и везде при сообщении старины не прибавлю и не убавлю от себя ни полслова, а со всей дипломатическою точностию (передавал) передаю и буду передавать только то, что слышал из уст русского народа, просто, ясно и без всяких прикрас*¹⁸.

Между тем Сахаров относился как раз к тем недобросовестным публикаторам, которые свободно обращались с текстами, правили и сокращали их по своему желанию. Всё это со временем могло привести к явному или скрытому конфликту между собирателем и его публикатором, однако с Парихиным этого, по-видимому, не произошло. Во всяком случае, у нас нет данных, которые позволили бы судить о том, что Парихин был недоволен тем, как публиковались его материалы в «Сказаниях» и «Песнях русского народа».

С точки зрения историко-психологической заслуживает внимания своеобразный диалог между купцом-самоучкой и столичным публикатором. Роли обоих участников этого диалога весьма неоднозначны. Парихин, с одной стороны, ощущает свою необразованность и затрудняется определить, что именно ему следует записывать. С другой стороны, он знает, как нужно записывать фольклор, и владеет практическими навыками собирателя, не стесняется высказывать свое мнение перед петербургскими знаменитостями и даже вступать с ними в полемику. Сахаров же, с одной стороны, ведет заинтересованную переписку с Парихиным и посылает ему свои издания, помещает его материалы в своих сборниках и высказывает ему благодарности в предисловиях к ним. С другой стороны, он не только публикует произведения народного творчества, но и занимается их стилизацией и мистификацией в духе «официальной народности».

Фольклорные записи Парихина представляют интерес как примеры необработанных материалов, собранных в 1820–1830-е гг. Если Сахаров правил тексты, которые ему передавали, и даже сочинял сказки и заговоры, выдавая их за аутентичные образцы фольклора, то Парихин, по-видимому, просто записывал те произведения, которые ему удавалось услышать, или копировал их с предоставленных ему рукописей. У нас нет никаких оснований предполагать, что Парихин что-то осознанно и целенаправленно правил в этих текстах, как это делал Сахаров. Другой вопрос, что как поэт-любитель он сам мог сочинить какую-нибудь песню в народном духе.

¹⁸ Парихин Г. Старинные святочные песни // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1840. Ч. 6. Гл. 3. С. 89, примеч.; курсив мой — А.Т.

В целом Парихин мог только радоваться тому, что его записи получили такую высокую оценку известного публикатора, историка и журналиста и быстро печатались в его изданиях. Не случайно его письма переполнены выражениями благодарности и восхищения.

Можно предположить, что Парихин пережил определенное разочарование, когда его материалы появились в первом томе третьего издания «Сказаний» и он увидел, что они частично опубликованы в переработанном виде, а частично без ссылки на имя собирателя. При подготовке к публикации своей коллекции загадок в 1842 г. Парихин исключил из нее около 60 текстов, которые буквально совпадали с загадками, помещенными в 1841 г. в «Сказаниях». Вряд ли Парихин не понимал, что Сахаров заимствовал эти загадки из его рукописных материалов, присланных им ранее из Тихвина, хотя Сахаров и указал, что все эти загадки записал он сам в Туле и в Москве¹⁹.

Особая ценность фольклорных материалов Парихина обусловлена тем, что они позволяют установить на документальной основе, как именно Сахаров работал с фольклорными текстами, которые передавали ему другие собиратели. А это в свою очередь дает материал для оценки всего фольклористического наследия Сахарова.

Еще в 1839 г. Парихин писал Сахарову о своих проблемах со здоровьем: «... время летит, а я вот уже более четырех месяцев нездоров и не выхожу из комнаты. И только недавно оторвался с постели» (письмо 2). Судя по письму к В.Ф. Одоевскому от 6 июня 1844 г., к этому времени Парихин оказался в бедственном физическом и материальном положении. Тихвинский краевед сообщает князю, что его имущество сторело во время пожара и он окончательно разорился. Парихин описывает свою нищету и умоляет В.Ф. Одоевского о материальной помощи:

Я имел достаток и состояние, но несчастные обстоятельства по торговле и пожар, а главное продолжительная болезнь — вот уже 16 лет, как день-два здоров, а недели и более нездоров — довели меня до самого критического положения и свергнули в совершенную нищету. Не имея никаких средств к существованию, ибо бедность моя ныне так велика, что я не знаю, буду ли иметь на завтра кусок хлеба или день голодом, что уже и случалось неоднократно, и наслышавшись о беспримерной доброте вашей,

¹⁹ Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 151–152.

я решился доставить прилагаемую при сем рукопись тысячи русских пословиц, которые я сбирал в продолжении двадцати лет, в том мнении, что она может вам годиться для вашего издания, и убедительно вас просить: если она сколько-нибудь заслуживает ваше внимание, то сделайте милость, соблаговолите мне за нее какую-нибудь сумму, я буду доволен и самую малостию. Буде же она для вас не годится, то умоляю вас именем Бога, соблаговолите мне из сострадания к человечеству что-нибудь на бедность²⁰.

Письмо подписано: «Тихвинский (прежде бывший купецкий), мещанский сын», то есть Парихин был исключен из гильдии по причине его банкротства и разорения.

Ниже публикуются 5 писем Парихина к Сахарову: 4 письма 1839 г. из РНБ и одно 1840 г. из РГБ. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам. Очевидные орфографические ошибки исправлялись, однако сохранены диалектные и просторечные слова и выражения: *скался* (л. 52), *причина* (л. 52 об., 59, 59 об., 60), *нынечь* (л. 54 об.), *окроме* (л. 55, 58 об., 59 об.), *ндравилося* (л. 55 об.), в нонешном (л. 58), между прочим (л. 58 об.), лудче (л. 59 об.), лудчий (вместо лучший) (л. 59 об.), *надать* (л. 60), *впродчем* (л. 62) и др. Встречаются примеры фонетического письма: *щет* (л. 52 об.), *обрацик* (л. 55), *сщастие* (л. 55 об.), *нащет* (л. 56 об.), *покляся* (вместо поклясться) (л. 57).

Слова, подчеркнутые автором, выделяются курсивом или даются в кавычках в зависимости от контекста.

1. Г. И. ПАРИХИН — И. П. САХАРОВУ

22 января 1839 г.

(л. 52)

Милостивейший Государь (если не ошибаюсь) Иван Петрович!

Извините меня великодушно, что я, не зная вашего чина, пишу к вам просто и осмеливаюсь беспокоить вас своим письмом.

Производимая мною торговля требует бесперывных разъездов по самым заулесным²¹ деревням, во время которых в продолжении 10 лет я слышал много *заговоров*, но не думая, чтобы они могли

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ В ркп. *заулестным*.

заслуживать какое внимание и быть когда-либо напечатанными, пускал их мимо ушей! Вы, Милостивый Государь, разуверили меня в противном, напечатав часть таких *заговоров* в 1-й книге «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». Как я скаялся²² после этого, что не собирал этих простонародных поверьев и суеверий; теперь я мог бы доставить их вам на целый том, — но прошедшее невозвратно! По выходе вашей книги я стал по возможности собирать все относящееся к простому быту крестьян, и в том числе и *заговоры*! Вы сами изволите знать, что собирать их не так легко, как, может быть, думают многие и судя по себе думаю, что вам, Милостивый Государь, не безделицы стоило собрать столько *заговоров*, сколько вы напечатали в своей книге. *Полагаю²³, надобно было много времени, а оно драгоценнее всего человеку!

Собрав несколько заговоров, я послал из них прошедшего лета Господину Краевскому 5-ть или 6-ть штук с просьбою напечатать их в «Литературных Прибавлениях». Он был так добр, что обещал это сделать. Прошло много времени, но посланные мной заговоры не помещались в «*Литературных²⁴ Прибавлениях»; полагая из этого, что эти ж самые // (л. 52 об.) заговоры уже напечатаны в вашей книге (которой я не имею) или не заслуживают внимания, я не хранил остальных, которые, как мне казалось, еще менее стоили внимания, и приостановился собранием впредь, не зная, собирать ли их или нет. Только лишь недавно известился я от г. Краевского, что не вышеозначенные придчины²⁵ помешали к напечатанию доставленных от меня заговоров, а не позволила цензура; вместе с тем узнал я, что он передал вам эти заговоры. Еще раз прошу извинить меня великодушно за такое длинное вступление моего письма. Постараюсь закончить его в немногих еще словах.

Естли вы поощрите меня своим вниманием и естли вам угодно, Милостивый Государь, то я готов доставлять вам по возможности все, что узнаю касательно деревенских и городских простонародных поверьев и суеверных обрядов, а также и старинные русские песни, как простые, так и свадебные, которых я имею порядочное собрание, из числа которых, может быть, найдутся и неизвестные вам. Но чтобы мне не терять напрасно времени на то, что уже у вас напечатано, то осмеливаюсь всепокорнейшее просить вас, соблаговолите мне на время изданные вами книги «Сказания» и «Песни Русского

²² Так в ркп.

²³ Вписано над строкой.

²⁴ В ркп. *литературная*.

²⁵ Так в ркп.

народа», все вполне. Если эти книги не будут составлять вам большого щету²⁶ и если труды мои будут заслуживать ваше внимание, то наделите меня вашими книгами без возврата, потому что, скажу вам откровенно, по неприятным обстоятельствам, случившимся по коммерции, я не имею лишних денег приобрести эти книги покупкою. За одолжение меня книгами я буду весьма и весьма вам благодарен. К тому же этим одолжением вы обяжете меня к ревностнейшему собиранию простонародных преданий, из коих доставляю вам // (л. 53) на первой раз 4 заговора и 9 песен — наудачу, не зная, находятся ли они в вашем собрании или нет, — и одну (из десятка известных мне) счетную скороговорку, которая употребляется в городах мальчиками, а в некоторых деревнях взрослыми, при играх, описание которых повело бы меня далеко; и к тому же я доставляю эту скороговорку вам на пробу, не зная, стоит ли внимания собирать ей подобные, о чем осмеливаюсь просить вас известить меня хотя одним словом чрез подателя сего письма! Для меня будет достаточно, если вы потрудитесь чиркнуть на лоскутке бумаги «да!» — или «нет!» — не будут ли еще для вас годны самые простые загадки. У меня тоже есть их запасец, из которого прилагаю при сем 5 штук.

С истинным почтением ваш покорнейший слуга тихвинской купецкой сын Григорей Парихин.

NN Я предполагал доставить вам 5 загадок, но сейчас узнал, что они тоже входят в состав «Сказаний русского народа», и, что вы уже напечатали во 2-й части до 250 загадок, потому я вместо 5-ти доставляю вам 20 загадок, в том чаянии, что из сего числа, может быть, найдутся хотя две-три неизвестные вам. Впрочем²⁷, искренно желая чем-нибудь быть вам полезным, присовокупляю к этому на ваше усмотрение 3 суеверные приметы. Если они идут к делу, то я по желанию вашему могу доставить еще в этом же роде дюжины две-три-четыре.

22 января 1839 года.

Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 52–53.

Данное письмо близко по содержанию письму, которое было отправлено Парихиным А.А. Краевскому 8 июля 1838 г. и позднее передано по-

²⁶ Так в ркп.

²⁷ Так в ркп.

следним Сахарову вместе с пятью заговорами²⁸. Краевский предполагал напечатать письмо Парихина вместе с заговорами в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», однако публикация заговоров была запрещена цензурой²⁹. Вероятно, письмо Парихина А.А. Краевскому изначально предназначалось им для печати.

...«Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». — Еще в 1835 г. Сахаров подготовил к изданию рукопись 1-го тома «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков». Книга увидела свет в 1836 г. с подзаголовком «Сказания русского народа о чернокнижии», а в 1837 г. понадобилось ее 2-е издание. В том же году были опубликованы 2-я и 3-я части «Сказаний» с подзаголовками: «История русской народной литературы» и «Русские свадебные песни». Наибольшей оригинальностью, безусловно, отличалась часть 1-я, поскольку здесь впервые было опубликовано довольно большое собрание заговоров (всего 41 текст), описания магических способов воздействия на человека и гаданий. После этого Сахаров приступил к подготовке расширенного издания «Сказаний», которое по его плану должно было составить семь томов в тридцати книгах. Правда, увидели свет только два тома в четырех книгах каждый, но и в таком виде труд Сахарова поражал своим масштабом. Первый том нового издания «Сказаний» вышел в 1841 г.; его вторая книга называлась «Русское народное чернокнижие»; коллекция заговоров была включена в раздел «Сказания о кудесничестве». В публикациях 1836, 1837 и 1841 гг. количество заговоров постепенно увеличивалось: если в 1-м издании «Сказаний» был только 41 текст, то во 2-м — уже 57, а в 3-м — 64. Впрочем, заговоры можно встретить и в других разделах «Сказаний», поэтому приведенные цифры имеют относительный характер.

²⁸ Текст письма см.: Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова. С. 143–145.

²⁹ Там же. С. 145.

По привычке начинать этими словами, одними и теми же, каждое письмо, я невольно начертил их и здесь! Пусть же они и останутся тут, как образчик³¹ штиля обыкновенных наших писем, и хотя несколько извинят меня в бессвязности сего письма. Оно первое, которое я пишу в ответ не к своему брату купцу, о товаре или уплате денег и тому подобном, касающемся до коммерции, а потому и покорнейше прошу вас заранее о снисходительности к беспорядочному, но откровенному и чистосердечному моему посланию.

Прочитавши ваши письма³² я не знал, что думать! Мистифицируете ли вы меня, или пишете от души! В последнем убеждала меня искренность ваших выражений, но... Отчего я так думал, быть может, спросите вы? Оттого, милостивый Государь, что я вовсе не заслуживаю того лестного отзыва, которым вы меня удостоиваете, которого я не смел и не осмелюсь присвоить себе! Я никогда не был расположен пользоваться ошибками честных и благородных людей (хотя мимоходом сказать, это служило мне более во вред, нежели в пользу). И в этом случае более, нежели когда-либо, не хочу воспользоваться хотя и очень лестным для меня, но, быть может, ошибочным мнением честного и благородного человека — мнением вашим, пока не объяснюсь с вами и не скажу вам, кто я и что я!

Сделать это объяснение я нахожу не только нужным, но даже поставляю себе за непрременный долг и обязанность, чтобы вывести вас из заблуждения, в котором, как мне кажется, находитесь вы касательно меня, и потому покорнейше прошу вас не поскучать моим портретом.

Я, тихвинский третьей гильдии купецкой сын, имею родителя, которой (заметьте это) почти вовсе не терпит книг; матушку, которая вполнину пренебрегает ими, и жену тоже вовсе не охотницу до чтения; а потому, избегая неудовольствий, я читаю, пишу и получаю журналы украдкою (вот вам объяснение, почему ваши книги обратились назад)! Но всегда ли уберешься? Иногда книги попадают не туда, куда следуют, отчего происходят семейные сцены, хотя самые пустяшные, однако ж все-таки неприятные^{33**}, потому что прежде мне не запрещали читать, но довольно об этом!

Образования я не получил никакого, кроме того (если то стоит назвать образованием), // (л. 55 об.) какое можно было получить в приходской школе, около двадцатых годов, — когда у 70 или 80

³¹ Так в ркп.

³² За небытностью в Тихвине, это случилось 17 апреля. (Примеч. Г. Парихина.)

³³ **Надеюсь, что вы как благородный человек не станете показывать моего письма и смеяться моей откровенности! (Примеч. Г. Парихина.)

учеников бывал только один учитель! Да и тот для того лишь заглядывал в класс, чтоб скомандовать: «Собирайтесь!» — «Иван Иванов! Читай молитву!» — «Расходитесь!» — и только! Правда, он иногда оставался в классе, пока мы не очистим залы, бросаясь друг перед дружкой вон, как сорвавшиеся с цепи собаки, и, умильно улыбаясь, приговаривал: «Тише! Тише!»

После этого судите сами, учили ли нас? Вы, конечно, поверите мне на слово, если я скажу вам, что *писать* и читать, а также и первых четырех правил арифметики я выучился самоучкою с самого вступления моего в школу; вместо того, чтобы учить букварь, я принялся за перо и учился, то есть числился в школе, всего 5 лет, но в это время едва ли я 365 раз побывал в классе! Иной день болела голова, иной день спина! Там была имянинница тетушка, иногда учителя не было дома, и мы все вместе со старшим отправлялись вместо класса купаться на ручей!

Вот вам мое образование! Если же теперь я и выхожу несколько из круга моих собратий купцов и товарищей учеников (из коих многие оставили школу не выучившись писать), то этим единственно обязан охоте к чтению. И решительно одной охоте, потому что я был так несчастлив, что с самого оставления школы и до сего времени не было ни малейшего случая, не нашлось ни одного человека, от которого бы я мог получить хотя малейшую часть каких сведений; даже хотя бы совет, какие книги читать для первоначального понятия о той или другой науке!

Может быть, вы пожелаете узнать, как запала ко мне в душу охота к чтению? Право, я и сам не знаю! Помню только, что дойдя в школе до *бра* и *зла*, я стал собирать картинки, приобретая их от товарищей за козны, орехи и яблоки! Главное достоинство этих картинок заключалось для меня не в самых сюжетах, на них намалеванных, а в подписях, объясняющих их содержание; разбирать эти подписи нравилось³⁴ мне несравненно более, чем разбирать в букваре уроки! Оне завлекали мое любопытство и были, так сказать, первым зерном страсти моей к чтению книг! Но едва это зерно начало пускаться отрастели, как прекратился источник, его орошающий! Прервалось собирание картинок, пресеклось любопытное мое чтение, и страсть моя к оному, не имея вновь пищи, начала гложнуть день за день и едва-едва не пропала с корнем в самом начале, потому что подписи на старых картинках не интересовали меня уже нисколько, а новых у товарищей не оказывалось; к счастью³⁵, у некоторых из

³⁴ Так в ркп.

³⁵ Так в ркп.

второклассных (старших в классе) были сказки. И, к счастью, я узнал об этом *недолго*, иначе не писать бы мне к вам этих строчек. Другая склонность и склонность дурная уже быстро развивалась во мне, и сильно теснила остатки прежней! Еще неделя, и, может быть, заглушила б ей³⁶ вовсе, потому что, сколько упомяну, // (л. 56) я и то уже охладел препорядочно к чтению, и не только не старался об том, чтоб поскорее сблизиться с обладателем сказок, но, напротив, нарочно заводил с ним ссоры, задираю их сам и на них же жаловался! Однако ж любопытство мое было подстрекнуто, мне хотелось узнать, что это за сказки! Посмотреть на них (читать их у меня и в помышлении не было), какие они: большие ли, маленькие ли и только! На первой раз желание мое не простиралось дальше, и мир был заключен! Новые друзья-товарищи принесли с собой сказки и отдали их мне на рассмотрение во все продолжение класса. Но этого для меня уже было недостаточно; я выпросил их домой, и, одним словом, с самой первой попытки обеими руками принялся за сказки! За «Бову королевича», за «Ивана Царевича» и другие подобные им знаменитости, выменивая их у товарищей на успевшие уже опостыть мне картинки! Эти сказки, первенцы любви моей к чтению и первые книги моей библиотеки, переплетенные в несколько хорошеньких томиков, до сих пор сохраняются мною для памяти, и, право, в иных из них гораздо более занимательности, чем во многих, и очень многих, но немних³⁷ повестях и романах! После сказок охота моя к чтению не перерывалась! Последовательным³⁸ за ним чтением были: Франциль Венциан и неизбежный Милорд с Марцебрисом — эти книги показались мне скучнее сказок: я не воображал тогда, что любопытство доведет меня еще до скучнейших! За Милордом развилась предо мной фантастическая цепь увлекательных³⁹ — и завлекательных⁴⁰ рассказов Шехеразады! Это были книги, полученные мною из Питербурга и, что всего интереснее, были собственного моего выбора! Я думал, что любопытнее их уже ничего не может быть в свете; но выступивший вслед за Шехеразадою на сцену Роланд (которым и оканчивался первоначальный период моего чтения, и которым я заключу свою перечень) превзошел все мои ожидания. «Тысяча и одна ночь» казалась перед ним совершенною мелочью! Красоты поэмы и сказки я еще мерял тогда на один аршин, и Роланд своею общностью, своими беспримерными геройскими подвигами

³⁶ Так в ркп.

³⁷ Чтение условное; возможно чтение *нежных*.

³⁸ В ркп. *последовательным*.

³⁹ В ркп. *увлекательных*.

⁴⁰ В ркп. *завлекательных*.

брал безусловной верх над умными рассказами Шехеразады! Милый бесценный Роланд! Не над одною Шехеразадою брал он безусловной верх! Не было книги ни прежде, ни после, которую я читал бы с таким восхищением, с такою внимательностью, и так скоро, как читал я Роланда! Три части влюбленного, начатые мною читать в первый раз, во втором часу по полудни, были кончены к десятому вечера! В восемь часов я прочитал его от доски до доски, не срываясь со стула! Золотое время! Золотая книга! В ней было понятно мне все! От слова до слова, знал и толковал я все! Зато как часто случалось мне, после этих заброшенных книг, пробегая новейшие, сиживать часа по два над иным выражением, стараясь понять, что оно значит! Даже и теперь многие выражения и знаки по разным отроствелям // (л. 56 об.) наук, как, например: астрономии, геометрии, физике, математике и многим другим, ставят меня в совершенный тупик; о самых же этих науках я не имею никакого понятия и знаю только их по названиям!

Вот вам мой портрет и моя откровенная чистосердечная исповедь. За излишнюю болтовню прошу великодушно простить, потому что она казалась мне необходимою, для того чтобы вы вернее могли судить обо мне! Но чтобы суждение ваше получило более полноты и верности, позвольте прибавить мне о себе еще следующее! Естли б познания мои в науках равнялись моему усердию и любви к русской словесности, я беззаветно и безвозмездно обрел бы себя трудничеству на пользу ея; смело и бесстрашно бы спустился в самые глубочайшие шахты на разработку драгоценнейших рудников русской народности; и был бы, может быть, чем-нибудь полезен словесности! Но это одни лишь слова, которые, к несчастью, я ничем не могу подтвердить на деле! По крайней мере я бы желал хоть сколько-нибудь оправдать их исполнением, со всевозможным усердием, по крайнему моему уразумению ваших поручений, естли вы будете столь добры, что удостоите меня этим. На счет же собственных действий при собирании русской простонародности, я откровенно скажу вам, что я настоящий слепой, которой не видит ни солнца, ни свечки! Но в действительности последней убедится скорее, обжегши на ней пальцы.

После всего сказанного вы легко поймете, почтеннейший Иван Петрович, как то: почему я мог усумниться в искренности ваших посланий и счесть оные остроумной шуткой светского человека, равно как и то, почему я не мог (и не могу) принять на свой счет ни одного слова из вашего письма^{41*}, и кольми паче воспользоваться лестным

^{41*} Я получил их оба вдруг и потому сливаю их воедино. (Примеч. Г. Парихина.)

вашим мнением, пока вы не сделаете вновь заключения, в какой степени я могу оправдать его!

Теперь остается мне только благодарить вас как за подарок, так и за доброе ваше ко мне расположение, но это превышает мои силы! Сам красноречивейший Марлинский, в минуты высочайшего вдохновения, пламенным пером своим не выразил бы и сотой доли моей к вам благодарности! Что же могу сделать я, убогий — ничий — в красноречии!.. Я могу только чувствовать, сильно, глубоко чувствовать к вам благодарность! Откровенную, искреннюю благодарность, для выражения которой не изобретено еще слов — да и что слова: передадут ли они вам то чувство, которое горит во мне — да и поверите ли вы им! Да и как знать, какое впечатление произведет на вас самое сильнейшее по-моему слово! Может быть, оно заставит вас рассмеяться! Бедные, жалкие слова, безжизненные чернильные // (л. 57) каракули, вы никогда не сольетесь с чувствами, никогда не выразите их вполне — ни во веки веков, не передадите их так, как следует!.. Да, слова навсегда останутся словами, а чувства чувствами! В искренности моих к вам я могу поклясться всем священнейшим в мире! Вы и без клятвы поверите этому, если я скажу вам, что в продолжение 17 лет ваше письмо было первое одобрение, первое ласковое слово за пристрастие мое к словесности вообще и за письменные занятия в особенности!.. До вашего письма я только и слышал: «Дались тебе эти книги, пустякам⁴² занимаешься», и тому подобное с приложением не очень вежливых эпитетов, даже от многочисленных читателей моих книг (которых они зачитали у меня на веку около сотни и в том *числе⁴³ «Историю» Карамзина первого издания) не слышал я слова отрады, у меня брали книги да меня же и осуждали, зачем я трачусь на книги^{44*}. За письменные же мои занятия, надо сказать правду, я реже слышал упреки. Но и редки да метки были они! От них надрывалось сердце и рука покидала перо — надолго!.. И надолго пропадала охота писать, и, собирая на бумагу, сохранять разбросанные клочки старинной русской народности!.. Чтоб не имели вы сомнения в сказанном, приведу вам для примера последний случай, постигший меня за писанье.

Во 2 № «Литературных Прибавлений» нынешнего года добрый и снисходительный г-н Краевский напечатал мою статью «Провинциальные увеселения». Положа руку на сердце, я смело скажу,

⁴² Так в ркп.

⁴³ Приписано сверху.

⁴⁴ * Если это кажется вам невероятным, то в другой раз я представлю вам ясные доказательства. (Примеч. Г. Парихина.)

у меня и в помышлении не было оскорбить этой статьей своих сограждан! По крайней мере совесть моя покойна. Да и сколько могу судить я как тихвинец, в ней нет ничего предосудительного для Тихвина!.. Может быть, вы читали ее и можете поверить слова мои!.. Естли же где в начале периода и высказалась неволью несколько резкая истина, зато в конце тех же периодов всегда покрыта она всемогущим. Но! И что ж бы вы думали!.. Не только ни одного слова одобрения или соучастия не слыхал я, напротив того, меня осыпали упреками и укоризнами и какими же!.. Одна одной несправедливее, одна одной безалабернее! Начиная с того, что в купеческом звании неприлично заниматься словесностью, до того, что будто на сограждан своих сочинил я пасквиль!.. Выставив их в статье в самом невыгодном свете и написавши про них, что они // (л. 57 об.) питаются одним только хлебом. Последние слова были фундаментом для обвинения! Прочтите, пожалуйста, в примечании к тексту статьи эти слова в целой фразе, и скажите, естли тут хоть тень предосудительного и можно ли на таком шатком основании строить египетские пирамиды обвинений, подпирая их упреками и укоризнами, чтоб не свалились! Конечно, для них довольно бабьего вздоха и они рассыплется прахом, но до тех пор они все-таки обвинения и им верят и меня честят как Иуду!.. Каково вам это кажется!.. Я не знаю, да не дай бог и знать печатного *разругали*, но думаю, что оно рай против этого, когда почти на каждом шагу вас останавливает словами: «Ах, господин писатель, наше почтение, за что такая немилость на тихвинцов! Э, не стыдно пустякам⁴⁵ заниматься, да добро бы писал сказки, а то вздумал конфузить своих граждан!.. Ну, брат, спасибо тебе, отделал ты нас! Хватило у тебя совести написать, что мы едим один хлеб». Это в глаза, а по заглазью... Но довольно, после всех прежних и новых таких неудовольствий и неприятностей, лестное и оживительное письмо ваше вместе с подарком было для меня торжественным праздником, это день был для меня второй Христов день! Ваше письмо — пасхальное золотое яичко! Читая его, я чуть не сошел с ума от радости!

Здесь вы, наверно, подумаете про себя, а может, и скажете вслух: как судить по этому письму, так не из чего и сходить тебе, милый! Да что бы вы не думали и не говорили, я готов перенести от вас все! За что? Да так! От добрых и обиду легче терпеть, чем от злых. А вы первый, кто бескорыстно мне сделал добро! Первый, кто ласково молвил слово отрады! Первый, кто оживил соучастием сердце. Первый, кто спрыснул росой утешения иссыхающий источник

⁴⁵ Так в ркп.

страсти, не получивший ни настоящего развития, ни направления, но тем не менее непреодолимой, невольной страсти к русской словесности! Первые... Кто!.. Да, для исчисления всего недостало бы чернил и в канцелярской чернильнице, а в моей и подавно, одним словом. До вашего письма я весьма и весьма сомневался, стоят ли мои занятия, стоит ли собирание разных поверий какого внимания; в бескорыстное же добро я просто не верил. Теперь по крайней мере я знаю одного доброго человека на свете! И этот человек вы (да и кому же быть другому). Да, этот человек вы сами, почтеннейший Иван Петрович. // (л. 58) И поверьте! О, поверьте — неразвращенной искренности, ваше добро, ваше соучастие для меня незабвенно. Оно слилось с моей душою, спаялось с сердцем крепко! Неразрывно! Вечно!

Не считайте это лестью! Не считайте и преувеличенным! Помните только, что я от первого вас услышал слово отрады; поощрение любимейшей склонности; нашел в вас честного, благородного и бескорыстного человека, которой, смею льстить себя надеждою, не откажется при случае снабдить меня добрым советом, или нет! Не только советом, а одним односложным «да» или «нет», за которым я до сих пор не знал к кому обратиться с вопросом! Помните только все это, и вы убедитесь, естли не терпели часто обманов, или по крайней мере полуубедитесь, что не лесть, а искренность водила пером моим; притом же вы избавили меня от титула просителя, и я еще раз обязан вам благодарностию. Да и знаете ли что, почтеннейший Иван Петрович, ваше письмо, не обидитесь моей откровенности, знаю, что эта первономерная глупость, даже порок в нынешнем свете, большом и малом, но я пока еще люблю правду, и пишу то, что чувствую. Ваше письмо было бы для меня не столь лестно, естли бы не сопровождалось оно книгами! Не подумайте, однако ж, чтобы это происходило от корыстолюбия! О, нет! Я далёк и тени его! Просто-запросто я подумал бы, что ваше письмо одна учтивость светского человека, у которого ласковые выражения не купленные; но книги! Это другое дело. Это подороже ласковых светских выражений, и за пустяки, не стоящая внимания, вы бы их не кинули на ветер, а удовольствовались бы одним письмом и, что главное, вы послали мне книги без просьбы, и этим-то они для меня несравненно приятнее, в сто, в тысячу крат дороже, чем выпрошенные! *Выпрошенные!⁴⁶ Подаренные! Вот два слова, поставленные к ряду, а какое неизмеримое расстояние между ними! Это дальше,

⁴⁶ Приписано сверху.

*гораздо дальше⁴⁷, чем от петропавловского порта (даже помножив расстояние на расстояние) до Петропавловской крепости! Без всякого сомнения, я был бы вам благодарен, когда бы вы послали мне книги и после просительного письма моего, но тогда бы для меня не было тех минут наслаждения, которым вам угодно было подарить меня, предупреждая посылкою книг мою просьбу! За что искреннейше благодарю вас, почтеннейший Иван Петрович! Благодарю за книги, за письмо; благодарю за ваше доброе расположение; благодарю за все пламенно и усерднейше // (л. 58 об.) благодарю вас! И снова повторю: *Благодарю, благодарю!*

Кончаю, страшно перечесть!

Жуковский и Пушкин везде у места: они помогли и мне привести к окончанию рацею болтовни моей. Вижу и чувствую, что она глупа до крайности, длинна до бесконечности, скучна до приторности, и не могу переменить ее! Нет смысла написать лутче! А вы сами знаете, что на нет и суда нет! Притом же у меня есть союзница-заступница — беспримерная доброта ваша! И сверх того, кто питался надеждою хотя один раз в жизни, в том числе и аз грешный, на этот раз льщусь и надеюсь, что вы одну половину болтовни моей великодушно простите; за другую не станете строго взыскивать и порадуете меня ответом! А чтобы было вам, на что отвечать, кроме моей болтовни, беру смелость предложить вам два-три вопроса. В прошедший раз я доставил вам одну скороговорку и три суеверные приметы, и спрашивал у вас, годятся ли они или нет. Теперь вторительно прошу вас меня уведомить, стоят ли они внимания, и собирать ли их впредь; обращать ли внимание на подобные приложенной при сем детской сказки; также собирать ли простонародные песни, в выборе которых, к несчастью, я не могу ничем руководствоваться, ибо не имею никакого старинного Песенника, а потому, покорнейше вас прошу, разрешите по этому случаю мои сомнения и будьте моим руководителем в продчих⁴⁸ изысканиях, в которых, как я сказал уже вам, я действую слепо и могу легко пропустить без внимания стоящее, гонясь за вздором. Почему всепокорнейше прошу вас для пользы русской старины дать мне подробной совет, на что более обращать внимания, и что предпочтительнее⁴⁹ собирать из русской народности. Сверх того, будьте вполне моим благодетелем, покровителем и наставником. В вашем письме ко мне между продчим по неизреченной доброте своей вы позволили мне обращаться к вам

⁴⁷ Приписано сверху.

⁴⁸ Так в ркп.

⁴⁹ В ркп. *предпочтительнѣя*.

с просьбою. Опираясь на это и будучи уверен, что вы писали это не из тщеславия, я отбрасываю в сторону ложный стыд и накидывая на себя скучную неприятную фризую шинель просителя, обращаюсь к вам с убедительной просьбою! Так как вам уже известно из сего письма, что я не получил никакого образования, и не знаю ничего основательно, // (л. 59) то сделайте милость, пришлите мне чрез сего письмоподателя каких-нибудь учебных книг, из которых бы я мог почерпнуть правила русского языка для изложения своих мыслей на бумагу в должном порядке. А то, ей Богу, мне стыдно перед вами. Может быть, в моем письме что строчка, то ошибка, и я их не вижу; не могу исправить потому, что не знаю. Даже не знаю того, какие книги мне нужны для руководства, чтобы писать хотя несколько правильно и без грубых ошибок.

Вот причина, почему я прошу вас о присылке учебных книг, не назначая их названия. Я и сам не знаю, какие из них будут для меня полезны, конечно, грамматика необходима, но их много! А какая для меня будет полезна, не знаю, про логики же и риторики, стыжусь сказать, я только слышал! Короче, отдаюсь в полную вашу волю, вы пробудили во мне дремавшую склонность к русской словесности. Будьте же вы и единственным моим покровителем и благодетелем, почтеннейший Иван Петрович! Будьте и не откажите в моей просьбе⁵⁰! Прошу вас об этом во имя Бога живаго; будьте!

Я не знаю, богаты вы или нет. Имеете ли столько золота, сколько желания делать добро! Естли не богаты, извините, я говорю откровенно, то я заплачу вам деньги по вашему назначению за доставленные мне учебные книги. Естли же вы богаты и для вас не будет отяготительно, то сделайте милость, присовокупить к полезному приятное — пришлите мне чрез сего же письмоподателя (буде я заслуживаю это) полное собрание сочинений Марлинского. Чем чрезвычайно меня обяжете и доставите мне райские минуты удовольствия потому, что это мой любимейший автор. Не знаю, как для вас, а для меня его сочинения прелесть, и признаюсь, я особенно пристрастен к нему; для меня Марлинского проза звучнее Пушкина стихов.

Так как эти строчки запахли критикою, то позвольте кстати воспользоваться вашим позволением и высказать откровенное мнение о изданных вами книгах.

Три книги ваших «Сказаний русского народа о семейной жизни своих предков», имеют большой, очень большой недостаток; именно: почему их три, а не тридцать! Как вам угодно, а этот недостаток

⁵⁰ Так в ркп.

вы должны непременно исправить; иначе вся публика будет на вас в большой претензии, в особенности те любители своего родного русского, которых, слава Богу, нынче со дня на день пребывает больше и больше, будут на вас зело сетовать и огорчатся крайне! Ей Богу! Говоря по совести, вы так мастерски принялись за русскую частную старину, что она в ваших руках получает двойное достоинство: // (л. 59 об.) завлекает и умиляет своей стариною и простотою. За это, по моему мнению, что вы не хитрили, сто раз вам спасибо.

Третья часть, кажется, была бы еще занимательнее, естли бы вы приложили к свадебным песням церемонии, существующие при свадьбах (о которых вы упоминаете на 6 стр<анице> 3 час<ти>). Сколько мне известно, они неодинаковы, и во многих городах они имеют самобытной характер свой. Например у нас, в Тихвине, совсем не то, что у вас в Питербурге, не те обряды, не те церемонии. Тихвинские я опишу вам, сколько достанет смыслу! В других городах — опять большая разница — и против Питербурга, и против Тихвина. Право, это было бы любопытно. А естли бы вы описали эти обряды так, как описали старинные святки, было бы не только любопытно, но и восхитительно! Да вы сами знаете несравненно лудче⁵¹, нежели я, что стоит и что не стоит внимания. Мне остается только сказать, что в изданных вами книгах мне более всего пондравилось описание святок, еще более критический взгляд ваш на мифологию; но что всего лудче и совершеннее, так это ваше превосходное предисловие к песням русского народа! Конечно, я не могу судить верно, однако ж и софизмами не купить у меня убеждения, и по-моему лудче этого предисловия как по своей полноты⁵², отчетливости, здравости суждений, верности взгляда, так и по плавному, легкому изложению, не напишет никто, хоть будь семи пядей во лбу!.. Живо чувствую, что я истошаю ваше терпение и между тем еще одна просьба. Я должник г-на Краевского. Я обещал ему две-три статьи за «Литературные Прибавления» и вряд ли могу исполнить обещанное; время летит, а я вот уже более четырех месяцев нездоров и не выхожу из комнаты. И только недавно оторвался с постели. Вот причина, почему я так долго не отвечал на лестное ваше письмо. Вот почему на этот раз приложения мои будут бедны. Вновь я ничего не узнал. А из прежде писанных заговоров, оставшихся у меня, штук семь из самых кратких, от зубной боли, на унятие крови и продч. оказались напечатаны в 1-й части «Сказаний русского народа», и гораздо складнее, чем в моих списках. Затем оставалось у меня еще штук семь самых коротеньких

⁵¹ Так в ркп.

⁵² Так в ркп.

и самых нескладных, в которых, видимо, недоставало многого, и я их уволил вчистую, кроме одного, которой доставляю как лудчий для понятия о тех, которым дана мной отставка. Из песен же на этот раз я ограничился одною дюжиною, а из загадок полусотнею, во-первых, по вышеизложенной // (л. 60) придчины⁵³, а во-вторых, спеша отвечать вам скорее! Просьба же моя состоит в следующем. Мне крайне совестно г-на Краевского и хотелось бы сколько-нибудь заменить обещанные ему статьи. А потому и покорнейше прошу вас, нельзя ли при вашем содействии, почтеннейший Иван Петрович, напечатать в «Литературных Прибавлениях» что-нибудь из доставленных мною вам песен^{54*} или заговоров (с подписью «доставлены от Г.П.»). Я бы лично отнесся об этом к г-ну Краевскому, но не знаю, имеют ли эти песни и заговоры какое достоинство и стоят ли быть напечатанными. Через ваше же посредничество они обратят на себя должное внимание по самой простой придчине — не стоящего вы не одобрите к напечатанию, притом же эти песни и заговоры, доставленные мною вам при прежнем письме, и доставляемые при сем я считаю уже вашею собственностью, а чужою собственностью я не привык без просу пользоваться! И так все зависит от вас, почтеннейший Иван Петрович, я только убедительнейше прошу вас избавить меня хоть немного от долга г-ну Краевскому, доставив ему что-нибудь к напечатанию из доставленного мною вам.

Никому отродясь, даже не исключая милых сердцу во время молодости, не писал я с таким удовольствием, с такою охотою письма, как писал это к вам; и если бы это письмо было к вам не второе, я написал бы его длиннее втрое. Но при втором столько откровенности, столько длинноты... Я сам страшусь своей смелости, но не могу кончить, не сказавши еще нескольких слов на ваше письмо. Вы пишете мне, что будете говорить о моих трудах в своих книгах и оканчиваете вопросом: «Верно это дозволите мне?» Боже правды!... Иван Петрович! Пощадите меня! Дозволю ли я говорить о себе печатно! Да стою ли я этого! Стоят ли мои ничтожные труды, чтобы говорить об них! Да это я почел бы для себя неизреченным счастьем, высочайшим благом, когда б вы после этого письма удостоили хотя одним словом упомянуть обо мне в своих книгах!

Наконец мне остается только с терпением ожидать от вас ответа, сердце мое сильно бьется. Неужели я лишусь в вас покровителя и благодетеля? Неужели вы лишите меня более, чем жизни, не удо-

⁵³ Так в ркп.

⁵⁴ *Свадебные песни под №№ 1, 2, 7, 8 и 10-м, кажется, нигде не напечатаны. (Примеч. Г. Парихина.)

стоите своим ответом? За что же? Божусь вам Богом, что я не желал вас огорчить даже тенью огорчения, и естли вы найдете что-нибудь неприятное или слишком резкое в моем письме, то это произошло от моего незнания и я приношу вам заранее повинную голову. А повинной головы и // (л. 60 об.) меч не сечет! За что же еще и после этого вы прервете со мною сношения и лишите меня ответа? За просьбу мою о присылке книг! Нет! Ради Бога нет! Мне не надать⁵⁵ целой библиотеки Смирдина! За одну вашу строчку я не возьму всех книг в мире! Я могу разбогатеть, могу сделаться миллионщиком и закупить себе книг целые груды, но вашего соучастия, вашего доброго расположения я не могу купить и грудями золота, а оно мне всего дороже на свете! Впрочем⁵⁶, принимайте за что угодно мое письмо, а я писал его проникнутой чувством⁵⁷ благодарности, искренности и откровенности! И первое из этих чувств пота⁵⁸ будет теплиться в груди моей, пока вам будет не угодно залить его пламень холодной струей презрения, высказанного лично или в самых жестоких выражениях на бумаге. Иначе сердитесь на меня сколько угодно; это не помешает мне быть искренне вам благодарным, помня то удовольствие, которое вы доставили мне своим письмом вместе с книгами!

С истинным почтением и глубочайшею преданностью честь имею быть Ваш всенижайший и всепокорнейший слуга Григорей Парихин.

Сентября 15 дня
1839 года
Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 55–61.

Самое обширное из писем Парихина к Сахарову имеет отчасти характер исповеди или автобиографии. Оно написано после того, как Парихин получил от Сахарова два письма и три книги. Два первых письма Сахарова Парихину были посланы 22 октября 1838 г. и 29 января 1839 г. По-видимому, с первым письмом Сахаров послал Парихину и три части второго издания «Сказаний», однако они вернулись обратно в Петербург. Получив от Парихина письмо, посланное им 22 января 1839 г., Сахаров понял, что тот не получил посланные им ранее книги, и отправил их снова. Этим можно объяснить то, что в первом письме к Сахарову Парихин просит прислать ему «Сказания», а во втором благодарит за то, что тот прислал ему книги, хотя он не просил об этом.

⁵⁵ Так в ркп.

⁵⁶ Так в ркп.

⁵⁷ Так в ркп.

⁵⁸ Так в ркп.

...дойдя в школе до бра и зла... — Вероятно, имеются в виду буквы церковно-славянского алфавита «добро» и «зело».

...козны... — кости из ноги барана или другого животного, употребляемые для игры в бабки.

За *«Бову королевича»*... — «Повесть о Бове Королевиче» восходит к средневековому рыцарскому роману *«Buovo d'Antona»* («Буово из Антоны»), популярному в Италии, Франции и других европейских странах. Повесть широко бытовала в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. и многократно переиздавалась, например: Сказка о славном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной королевне Дружевне. М.: тип. Решетникова, 1819. 84 с.

Франциль Венциан — Имеется в виду «Повесть о Францилле Венциане»; печатные издания выходили в 1787, 1789, 1793, 1799 гг. и позднее; см., например: История о храбром рыцаре Францилле Венциане и о прекрасной королевне Ренцивене. 4-е изд., вновь пересмотр. и поправл. Смоленск: при Губернском правлении, 1812. 216 с.

Милорд с Марцебрисом — Произведение Матвея Комарова: Повесть о заключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе, с присовокуплением к оной Истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевны Терезии. 6-е изд. М., тип. Решетникова, 1819. 126, 80, 142 с.

...*рассказов Шехеразды!* — Сказки «Тысяча и одна ночь» были опубликованы в России в переводе с французского языка в 1763–1774 гг. (Тысяча и одна ночь. Сказки арабския / Переведены с французского языка. [М.]: Печатаны при Императорском Московском университете, 1763–1774. Т. 1–12). Впоследствии неоднократно переиздавались.

...*на сцену Роланд...* — На русском языке поэма Лудовико Ариосто (1474–1533) *“Orlando furioso”* («Неистовый Роланд») появилась в Москве в переводе с французского в 1791–1793 гг. (Неистойой Роланд. Героическая поэма г. Ариоста / Переведена с французского [П.С. Молчановым]. М.: Тип. М. Пономарева, 1791–1793. Кн. 1–3).

...*у меня и в помышлении не было оскорбить этой статьей своих сограждан!..* — Осуждение жителей Тихвина вызывал следующий фрагмент из очерка Парихина «Провинциальные увеселения»: «Должно заметить, что не много есть в России уездных городов, где бы можно найти столько жемчугу, как в Тихвине. В самом бедном семействе, где часто питаются одним хлебом, вы наверно отыщете 15–20 золотников порядочного жемчуга, а иногда и гораздо более!..»⁵⁹.

Кончаю, страшно перечеть! — Цитата из письма Татьяны Лариной Евгению Онегину:

Кончаю! страшно перечеть...

Стыдом и страхом замираю...

⁵⁹ Г...й П...ь [Парихин Г.И.] Провинциальные увеселения (о посиделках, или посудухах). С. 35, примеч. *.

Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю... (А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 3,
строфа 31).

...почему их три, а не тридцать! — По-видимому, высказанная Парихиным мысль понравилась Сахарову. Во всяком случае, в преамбуле к 3-му изданию «Сказаний» Сахаров поместил план, согласно которому издание в целом должно было включить 7 томов в 30 книгах. Правда, Сахарову удалось выпустить в свет только два тома в 8 книгах.

З. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ
21 сентября 1839 г.

(л. 62)

Милостивейший государь Иван Петрович!

Я думаю, что вы никогда не встречали неудачи в своих предприятиях и родились под самой счастливейшей из миллиона миллионов звезд, украшающих небо, которая не только на вас, но и на имеющих с вами малейшее сношение проливает благотворные лучи света. Да, почтеннейший Иван Петрович, не мое, а ваше счастье послужило мне после отправленного вам письма от 15 сентября с бедными приложениями вдруг нечаянно разжиться заговорами, которых спешу доставить вам 5 штук с сею почтою, и еще имею надежду впредь на десяток, сверх того будьте уверены, что каждая свободная минута будет посвящена мною на изыскания разных поверий и суеверий, и что будет узнано — немедленно доставлено вам! А неизвестного в нашей стороне таки еще есть довольно; только всего вдруг не схватишь. И как бы не желал я передать все в один раз, но поверьте, ей Богу, не имею ни средств, ни времени это сделать! Впрочем, смею вас уверить, что все мое усердие посвящено на то, чтобы угодить вам; все желание мое состоит лишь в том, чтобы заслужить ваше одобрение, из-за которого я готов жертвовать вам своим пользам⁶⁰ и выгодам⁶¹, зависящим от неусыпного надзора за нашим делом!

С истинным почтением и глубочайшею преданностию честь имею быть ваш Милостивейшего Государя покорнейший и всенижайший слуга, Григорей Парихин.

⁶⁰ Так в ркп.

⁶¹ Так в ркп.

21 сентября 1839 года
Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 62

4. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ
24 октября 1839 г.

(л. 54)

Милостивейший Государь Иван Петрович!

Чувствуя во всей полноте ваше доброе ко мне расположение, я дорожу им как первейшим благом в мире и страшусь утратить его, потому первая просьба этого письма состоит в извинении! Сделайте милость, извините меня великодушно, естли я писал вам от 15-го сентября слишком откровенно. Не огорчайтесь ради Бога за это, положите гнев на милость и порадуите меня ответом! Которого я ожидаю с нетерпением, поверьте, он для меня то же, что *быть* или *не быть*.

Как вам угодно, почтеннейший Иван Петрович, а я кудряво писать не могу (за что еще прошу извинения) и приступаю прямо к цели!

Роясь в каждой норке за стариною, я нечаянно нашел одну, кажется, довольно старинную свадебную песню, которую при сем вам прилагаю. Песня эта, слышанная мною от одной безграмотной 60-тилетней старушки, которая сказывала мне, что во время ее молодости⁶² эта песня не была уже в употреблении, а она слыхала ее от своей бабки — это самое и слово *Комунь*, которого я не находил ни в одной песне, породили во мне мысль, что ее стоит немедленно доставить вам на рассмотрение! Что и исполняю при сем случае вместе с покорнейшею просьбою.

Я уже писал вам, что я должник г-на Краевского, а так как честного человека есть долг платить долг; то и мне по мере возможности хочется расплатиться, но, не имея наличности, я вынужденным // (л. 54 об.) нахожусь открыть конкурс, в котором покорнейше вас прошу занять место куратора! В надежде, что вы по своей доброте не откажетесь, излагаю сущность⁶³ дела, и чтобы не затруднить⁶⁴ вас только в двух строчках!

⁶² В ркп. *модости*.

⁶³ Так в ркп.

⁶⁴ Так в ркп.

Если вы найдете стоящей внимания приложенную песню, то сделайте милость, доставьте оную г-ну Краевскому, с прилагаемым на имя его письмом, в котором прошу его о напечатании этой песни, в противном случае делайте что угодно и с письмом, и с песнею.

Нужны ли вам мои уверения в беспредельной моей к вам преданности? Я готов исписать ими⁶⁵ хоть целой лист — но все это будут не более как слова! А так как на слово нынеч⁶⁶ уж не очень верят, то огранчусь до другого письма пожеланием⁶⁷ вам всех земных благ.

С истинным почтением и глубочайшею преданностию, честь имею быть ваш, Милостивейшего Государя, наивсепокорнейший слуга Григорей Парихин.

24 октября 1839 года
Тихвин

РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). Ед. хр. 42. Л. 54–54об.

Песня эта, слышанная мною от одной безграмотной 60-тилетней старушки... — Песня была опубликована в «Литературной газете» с примечанием: «Эту песню получили мы из Тихвина, от г. Парихина, который слышал ее от 60-тилетней старухи, сказывавшей ему, что этой песни не певали уже во время ее молодости, но что она сама слышала ее от своей бабки. Следовательно, это одна из самых старинных наших песен, заслуживающая полного внимания собирателей. *Ред.*»⁶⁸.

5. Г.И. ПАРИХИН — И.П. САХАРОВУ

23 мая 1840 г.

(л. 1)

Милостивейший государь Иван Петрович!

Не имея счастья видеть вас лично вынужденным нахожусь уведомить вас письменно. В последний раз я доставил вам две песни, из коих одна начинающаяся словами:

Про тебя ль это красна девица,
Речь недобрая и прод.

⁶⁵ В ркп. *имъ*.

⁶⁶ Так в ркп.

⁶⁷ В ркп. *поланием*.

⁶⁸ *Парихин Г.* Старинные святочные песни. Примеч. на стб. 63.

Есть собственное мое произведение, что я хотел вам объяснить при доставлении упоминаемых песен, но не мог видеть вас лично. — После я видел мою песню напечатанную уже в числе старинных песен и неоднократно заходил к вам сказать про это, но не мог вас видеть, почему счел за нужное известить вас об этом с всепокорнейшею просьбою выключить мою песню или нельзя ли означить, что она не старинная, чтобы не навлечь // (л. 1 об.) вам какого неудовольствия.

За сим честь имею быть с истинным почтением ваш всепокорнейший слуга Григорий Парихин.

23 мая 1840. С.П.Б.

РГБ. Ф. 268. Карт. 6. Ед. хр. 31. Л. 1–1 об.

Про тебя ль это красна девица, / Речь недобрая и прод. — Песня опубликована в «Сказаниях», в разделе «Русские свадебные песни, собранные в Олонецкой губернии»⁶⁹.

Литература

Виноградов В.В. Парихин Григорий Иванович // Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / ИРЛИ РАН; под ред. Т.Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 4 (в печати).

Г...й П...ъ [Парихин Г.И.] Провинциальные увеселения (о посиделках, или посудухах) // Литературные прибавления [к «Русскому инвалиду»]. СПб., 1839. № 2.

История Тихвина в лицах: Биобиблиографический указатель / Сост. А.А. Титова и др. Тихвин, 2004. Вып. 1, ч. 1: XIII–XIX вв. С. 96–101.

Новиков Н.В. Г.И. Парихин и его фольклорные записи в сборнике И.П. Сахарова (по архивным материалам) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 141–154.

Парихин Г. Старинные святочные песни // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1840. Ч. 6. Гл. 3. С. 86–93.

[*Парихин Г.И.*] Русские народные загадки // Маяк современного просвещения и образованности. СПб., 1842. Т. 6. Кн. 11. Отд. 3. С. 47–78.

Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 1–4. 82+128+276+82 с.

⁶⁹ Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3. С. 570–571 (№ 7).

Топорков А.Л. «В наших Сказаниях не всё то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 141–154.

Топорков А.Л. Заговоры от вражеского оружия в контексте фольклорных фальсификаций И.П. Сахарова // Russian Literature. 2017. № 93/94. С. 103–130.

References

G...i P...n <Parikhin G.I.> Provintsial'nye uveseleniia (o posidelkakh, ili posudukhakh) [Provincial entertainments (about young people's gathering or talking)]. *Literaturnye pribavleniia <k "Russkomu invalidu">* [Literary additions to "Russian invalid"]. St. Petersburg, 1839, no 2. (In Russ.)

Istoriia Tikhvina v litsakh: Biobibliograficheskii ukazatel' [The history of Tikhvin in personal biographies: Bio-bibliographical index], comp. by A.A. Titova et al. Tikhvin, 2004, issue 1, part 1 (XIII–XIX centuries), pp. 96–101. (In Russ.)

Novikov N.V. G.I. Parikhin i ego fol'klornye zapisi v sbornike I.P. Sakharova (po arkhivnym materialam) [G.I. Parikhin and his folklore records in I.P. Sakharov's compilation (based on archival materials)]. *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. T. 4* [Russian folklore: Materials and studies, Vol. 4]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ, 1959, pp. 141–154. (In Russ.)

<Parikhin G.I.> Russkie narodnye zagadki [Russian folklore riddles]. *Maiak sovremennogo prosveshcheniia i obrazovannosti* [The beacon of modern enlightenment and education]. St. Petersburg, 1842, vol. 6, book 11, part 3, pp. 47–78. (In Russ.)

Parikhin G. Starinnye sviatochnye pesni [Old Christmas Songs]. *Maiak sovremennogo prosveshcheniia i obrazovannosti* [The beacon of modern enlightenment and education]. St. Petersburg, 1840, part 6, ch. 3, pp. 86–93. (In Russ.)

Skazaniia russkogo naroda o semeinoi zhizni svoikh predkov, sobrannye I.P. Sakharovym [The Russian people's tales of their ancestors' family life collected by I.P. Sakharov]. St. Petersburg, I. Sakharov's Press Publ., 1841, vol. 1, book 1–4. 82+128+276+82 p. (In Russ.)

Toporkov A.L. "V nashikh Skazaniakh ne vse to pomeshcheno, chto izvestno v seleniakh" (Fol'klornye zapisi iz arkhivnogo sobraniia I.P. Sakharova) ["Not everything known in villages is published in our Tales" (Folklore records from I.P. Sakharov's archive collection)]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2014, no. 4, pp. 141–154. (In Russ.)

Toporkov A.L. Zagovory ot vrazheskogo oruzhiia v kontekste fol'klornykh fal'sifikatsii I.P. Sakharova [Magic spells for an enemy weapon in the context of I.P. Sakharov's folklore forgeries]. *Russian Literature*, 2017, no. 93/94, pp. 103–130. (In Russ.)

Vinogradov V.V. Parikhin Grigorii Ivanovich. *Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t.* [Russian folklorists. Biobibliographical dictionary, in 5 vols.], IRLI RAN, ed. by T.G. Ivanova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. Vol. 4 (in print). (In Russ.)

An episode from the history of Russian folklore studies: G.I. Parikhin's letters to I.P. Sakharov

Andrei L. Toporkov

Abstract: In the archive of I.P. Sakharov (1807–1863) there is a set of letters and folklore materials, which were sent to him in 1839 by Grigorii Ivanovich Parikhin, a merchant from Tikhvin. This Tikhvin collector sent Sakharov 22 songs, 70 riddles, 16 magic spells, 1 fairytale and other texts, which were partly published later in Sakharov's compilations, such as *The Russian People's Tales of Their Ancestors' Family Life* and *Russian People's Songs*. A comparative textual analysis has shown that Sakharov edited and abridged texts sent to him by Parikhin. The letters from Tikhvin clarify facts from one of the first Russian folklore collectors' biography, his literary taste, and his relationships with those who surrounded him. The materials published are also important in respect of the history of reading and library science. The second letter to Sakharov contains a peculiar autobiography in which Parikhin describes his life as a history of searching out new books and reading them. Parikhin's acquaintance with literature started with reading the captions of Lubki (classic Russian prints made for the general public, used for entertainment and home decor) and developed as he read Russian and foreign fairytales and novels. Parikhin not only ordered books from St. Petersburg, but also lent them to those who were interested in reading and created a small private library. In his letters, Parikhin revealed his literary tastes, in particular, his attitude to A.S. Pushkin's poetry and A.A. Marlinsky's prose. In terms of stylistics these letters could be interpreted as an example of mixture of styles, both business correspondence and that of Marlinsky's romantic prose. In Parikhin's letters there are many dialect words and colloquialisms written phonetically, which makes it possible to reconstruct everyday merchant speech of the 1830s.

Keywords: history of folklore studies, I.P. Sakharov, G.I. Parikhin, A.A. Kraevskii, songs, riddles, magic spells.

Information about the author: Andrei L. Toporkov, Doctor Hab., chief research associate, RAS Institute of World Literature. Moscow, Russia. E-mail: atoporkov@mail.ru

Citation: Toporkov Andrei L. An episode from the history of Russian folklore studies: G.I. Parikhin's letters to I.P. Sakharov. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 68-203.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-104-111
УДК 821.161.1

Два письма Н.С. Лескова

Л.И. Соболев

Аннотация: Публикуются два письма Николая Семеновича Лескова, отправленные летом 1893 г. неизвестному адресату; в заметке устанавливается адресат этих писем (А.М. Хирьяков), обосновывается атрибуция адресата; публикация снабжена необходимым комментарием.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, А.М. Хирьяков, Л.Я. Гуревич, «Северный вестник».

Информация об авторе: Лев Иосифович Соболев, заслуженный учитель школы РФ, ГБОУ Школа № 67. Москва, Россия. E-mail: lev-sobolev@yandex.ru

Цитирование: *Соболев Л.И.* Два письма Н.С. Лескова // Литературный факт. 2018. № 8. С. 104–111.

В фонде Лескова в РГАЛИ (ф. 275) среди писем «неустановленным лицам» хранятся два письма, адресат которых, на мой взгляд, может быть установлен вполне определенно — Александр Модестович Хирьяков (1863–1940), писатель, критик, публицист, корреспондент Лескова и автор нескольких мемуарных очерков о нем¹.

Но сначала — несколько слов о тех людях, которых упоминает наш писатель.

В январском номере «Северного вестника» за 1892 г. был напечатан разбор лесковской повести «Полунощники». Рецензент А.Л. Волинский писал: «Г. Лесков займет несомненно видное место в рядах лучших русских беллетристов <...> В современной текущей литературе г. Лесков (если не считать Толстого) в отношении художественном едва ли не самая крупная величина» (с. 172–173). Такого Лесков о себе еще не читал. 30 января в письме к критику писатель благодарил его и обещал свое сотрудничество.

¹ Последняя их перепечатка: Н.С. Лесков в воспоминаниях современников. М., 2018. С. 453–469.

Лесков напечатал в «Северном вестнике» заметку «Литературный вопрос» (1892. № 6), святочный рассказ «Пустоплясы» (1893. № 1) и очерк «Вдохновенные бродяги» (1894 № 10).

Отзывы Лескова об издательнице — Любове Яковлевне Гуревич — всегда уважительны²; о ведущем критике журнала писатель говорил (в зависимости от повода) то вполне одобрительно, то критически.

Перспективы журнала писатель оценивал скептически, но при этом неоднократно повторял, что друзья Л.Я. Гуревич должны сделать всё, чтобы поддержать ее.

Лесков постоянно хлопотал об устройстве своих знакомых, будь то С.С. Гусев, оказавшийся без места с уходом из газеты «Русская жизнь», Ф.Ф. Александров, которого «Гоппе отрешил» от редакторства во «Всемирной иллюстрации»³. В публикуемых письмах речь идет об устройстве сотрудничества Хирьякова с Л.Я. Гуревич.

О Хирьякове как об адресате этих писем позволяет судить одно место из письма Лескова к Л.И. Веселитской (Микулич) от 5 августа 1893 г.: «Х[и]рьяк[ов] охотно бы сделал поездку в жидовию, но Улиту это по-видимому не занимает, и я ему советовал оставить это свое влечение, которое могло бы оч[ень] послужить в пользу журналу и евреям. — Связать успех издания с одним лицом, конечно, есть самая несчастная глупость. Впрочем, это дело беспомощное!»⁴

В первом письме, очевидно, речь идет о поездке Хирьякова в какую-то западную губернию в черте оседлости для статьи о положении евреев; о постоянных денежных затруднениях и долгах журнала Л.Я. Гуревич подробно пишет в «Истории “Северного вестника”»⁵.

Вот эти письма:

I.

25/VII.93. Мерекюль, 94.

По моему мнению, Вам нет повода избегать свидания с Л<ю>б<о>вь<ю> Як<овлевной>, особенно если есть надобность видеться; но

² В последние годы в жизни писателя большую роль занимали молодые женщины: Л.Я. Гуревич, Л.И. Веселитская, художница З.П. Ахочинская, падчерица В.М. Бубнова (Макшеева). Он трогательно заботился о них, опекал их и наставлял (это особенно заметно в переписке с Ахочинской).

³ См.: Н.С. Лесков в воспоминаниях современников. С. 507–512, 116.

⁴ ИРЛИ. Ф. 44. № 12. Л. 40об. (на полях). Публикуя это письмо в книге «Встречи с писателями» (Л., 1929; книга вышла под псевдонимом В. Микулич), Л.И. Веселитская эту фразу опустила.

⁵ Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 2004 (переизд.). С. 141–159.

делать теперь авансы в известного рода предложениях, — по меньшей мере, несвоевременно. Я полагаю, что и она стеснена в денежных средствах, и потому станет искать причин отклонить от себя предложение, вполне для нее выгодное, но требующее сейчас же выдачи денег на дорогу. При этом она сама этого вопроса не порешит, а станет сноситься с Житомиром; а ставить себя в зависимость от такой сложной комбинации я не советовал бы. Поэтому я думаю, что мне писать ей теперь не следует, чтобы не испортить дело на другой, более благоприятный час; а Вам идти и повидаться с нею оч<ень> можно и даже полезно. Вы увидите: полегли <?> мои слова ей на мысль и живут ли в ней, или они только скользнули и серьезного внимания к ним нет⁶. Ничего не подвигать вперед, но выяснить ее отношение к делу есть тоже оч<ень> полезный шаг, и Вам не должно этим пренебрегать. Мне начинает казаться, что всякие советы для нее напрасны и она почитает важным в издании только одно то, что ей кажется за таковое. Вас она могла бы приобрести с большою для себя пользою и без затрат на поездку, если бы дала Вам одну из хроник, кот<орые> у нее ведутся ужасно скучно и пошло (Я читал Вашу заметку о кн. Жанна д. Арк⁷). Вы могли бы хорошо вести такой отдел, но она, по-видимому, ничего не замечает, а говорить ей о худом ведении отделов значило бы вредить тем, кто их ведет, — чего, конечно, ни Вы, ни я делать не станем. А потому пока остается только присматриваться и от нее Вам не отбиваться. Что же можно будет делать — то окажется само собою невдолзе.

Н. Лесков.

РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 3–Зоб.⁸

Мерекюль (Меррекюль) — курортное место в Эстонии, на берегу Финского залива в 14 верстах от Нарвы; Лесков отдыхал там летом 1893 и 1894 гг. Среди его гостей были и А.М. Хирьяков, и Л.Я. Гуревич; в письме к издательнице «Северного вестника» от 10 марта 1895 г. (вскоре после смерти Лескова) Хирьяков замечал: «Воспоминание о Меррекюле теперь неразрывно связано с воспоминанием о Николае Семеновиче, который, помните, с таким жаром нападал на Вас за какие-то погрешности в журнале. Вспоминая эти нападки, нельзя не сказать, что этот человек любил и Вас и Ваш журнал, и эта любовь заставляла его видеть в самых ничтожных

⁶ В сохранившихся письмах Лескова к Л.Я. Гуревич (в основном за 1892 г.; опубликованы В.А. Тунимановым в кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 94–106; в ИРЛИ хранится еще одно письмо от 24 июня 1894 г.) Хирьяков не упоминается.

⁷ По-видимому, речь идет о рецензии на кн.: *Русова С.Ф.* Жанна Д'Арк, дева Орлеанская. Харьков, 1893. Рецензию Хирьякова разыскать не удалось.

⁸ Письма печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но с сохранением индивидуальных особенностей авторской орфографии.

иногда корректурных промахах чуть что не преступление» (ИРЛИ. Ф. 89. № 20137; цит. по обзору С.С. Гречишкина: Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978. С. 14).

сноситься с Житомиром — советоваться с А.Л. Волынским (Флексером), ведущим критиком «Северного вестника», который по семейным делам уезжал в Житомир.

одну из хроник, кот<орые> у нее ведутся ужасно скучно и пошло — ср. в письме к Л.И. Веселитской от 2 июля 1893 г.: «Беллетристика “С<еверно-го> В<естника>” оч<ень> плоха, а редакции нет и в намеке. В обозрениях “Провинци<альная> печать” есть разговоры pro domo sua, по поводу какого-то Маиашвили. (Это такая фамилия у писателя, кот<орый> что-то сказал о Флексере!) А в статье г-жи Венгеровой “Новая утопия” ни как не уловишь ни головы, ни хвоста, а зато в самом начале, на 249 странице, в четырех первых строках употреблено четыре раза одно слово: «Морис один... и вместе один... рассказывает одна в одной из улиц...» Это пехотные поручики даже так не пишут. Что же у них делают редакторы?! Бедная наша добрая знакомая! Неужто она думает, что это можно так вести журнал? О, как бы я был рад, если бы я ошибся, что все люди, собравшиеся у кормила этого судна, править не умеют!» (Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 547–548).

II.

З/VIII.93. Мерекюль, 94.

Конечно, дело стоит так, как оно Вам представляется. Я хотел писать Мимочке, что бы она пощупала курицу: с яйцом она, или уже охолостела, но и то раздумал: с одной стороны М<имочка> оч<ень> щепетильна для таких поручений, а с другой мне вполне ясно, что все разговоры с «Улитой» напрасны. Они оба ни чего в издательстве не понимают, и издание это будет скоро прикончено. Величайший проходимец в издательстве Катков говаривал: «всякое, последовательно проводимое направление мож<ет> иметь успех, но оно должно быть проводимо ярко. Самое же вредное для журнала, это если он делается смешным». Был журнал «Эхо». У них раз упал набор заголовка и № вышел под заголовком «Охэ!» Это подхватили и раздался всеобщий глупый хохот! Вместо «эхо» – «охэ!» Остроумие не велико, а издание было этим убито... Статья в августовской книге стоит «охэ». Что это за «принципы», которых словно «Макара» – ни как не высерут?!.. Всё еще «Улита едет»... А ей бы уже надо приехать. И что за пошлый конец статьи: кто кому служит: Ф<лексер> журналу или журнал Ф<лексе>ру? По видимому, издательница полагает последнее своею задачею. Бедная, слепая женщина! Судьба её издания, мне кажется, – самая унылая. С ней говорить об этом напрасно, да

и Мимочка тоже ничего не поймет, а если и поймет, то не поможет. После такой бестактной выходки «Улиты», я почитаю все мои намерения для Вас на этой «стороне неба» не пригодными и думаю, что об этом нечего и думать. Если бы она даже и сделала предложения, их принимать нельзя, т.к. становится у дел, очевидно обреченных на погибель, нисколько не расчетливо. Смотрите на «Р<усскую> м<ысль>» <?>: там всё таки есть место жизнеспособное. – От Меньшикова получил письмо: у него тоже не все ладно с Павлушей <?>. Толстому писали, и я, и он, и недостатков никто не указывал, т.к. сочинение прекрасно, а его недостатки относятся к необработанности, – о чем говорить нечего. Он, конечно, и сам это видит. Ответов от Л.Н. и Т.Л. я еще не имею. Сборника от Ваших комиссионеров еще не получал⁹. Вероятно, так же сделана рассылка и по редакциям, п.ч. везде, кругом дружное и повсеместное молчание... На дачу Орловской я сам тоже не поехал бы. Вчера «маленького-та Верушка» пела «консерт»¹⁰... Оч. было «gemütlich»¹¹! Мы с Варей были и Вас вспоминали. Думаю возвращаться 15–17. Н. Лесков.

РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 4.

Мимочка — Лидия Ивановна Веселитская (псевд. В. Микулич), автор трех повестей: «Мимочка-невеста» (Вестник Европы. 1883. № 9), «Мимочка на водах» (Вестник Европы. 1891. № 2, 3) и «Мимочка отравилась» (Вестник Европы. 1893. № 9, 10). Лесков в письмах к близким людям часто называл Веселитскую именем ее героини.

Улита — так в письмах Лесков называл Л.Я. Гуревич, о которой всегда писал уважительно и сочувственно; так, в письме к Веселитской от 27 июня 1893 г. читаем: «Она умная, образованная и порядочная девушка во всех смыслах. Таких немного на свете, а у нас меньше, чем где-либо, а на плечах у нее лежит дело ужасной тяжести, и притом “око ее несвободно”. Это грозит нехорошим. Модестыч <Хирьяков — Л.С.> отличился перед нею. Пришел, застал ее одну и сказал, что она — Мария на развалинах (Какв!). Она его поправила и сказала: “Здесь идет созидание, а не развалины”. Я оч<ень> радуюсь, что Вы для них что-то сделали. Вы со временем почувствуете, что это хорошо. Но не думаю, чтобы вы или я, или даже сам Лев Николаевич могли упрочить дело этого издания, в положении которого есть роковые вещи. Но мы должны делом оказать дружескую помощь этой милой особе. Пусть мы не будем укорять себя, что “мы могли сделать, да не

⁹ Очевидно, речь идет о книге «Путь-дорога: Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам» (СПб., 1893), в который Лесков отдал рассказ «Продукт природы»; Хирьяков участвовал в составлении сборника (см.: Н.С. Лесков в воспоминаниях современников. С. 453–456).

¹⁰ Речь идет о падчерице Лескова Вере Михайловне Макшеевой (рожденной Бубновой), обладавшей незаурядным голосом.

¹¹ уютно (нем.).

делали”. Пусть не от нас будет в ее деле что либо нежеланное» (Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. С. 543).

Мария на развалинах — реминисценция из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, где приведен ответ римского полководца Гая Мария посланнику наместника Африки Претора Секстилия. Когда тот после поражения и бегства Мария из Рима передал, что запрещает Марию высаживаться в Африке, иначе он будет арестован как враг римского народа, Гай Марий ответил посланцу Претора Секстилия: «“Возвести ему, что ты видел, как изгнанник Марий сидит на развалинах Карфагена”. Так в назидание наместнику он удачно сравнил участь этого города со своей судьбой» (Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 543).

«Эхо» (в 1881 г. «Эхо газет») — ежедневная газета, выходившая в 1882–1885 г. Об этом же эпизоде вспоминает А.Е. Кауфман: «Я помещал <...> статьи в газете <...> частного поверенного Трозинера “Эхо” или “Охэ”, как ее называли в литературных кружках: по недосмотру метранпажа номер однажды вышел с заголовком “Охэ”» (Кауфман А. Из журнальных воспоминаний // Исторический вестник. 1912. Т. 130, окт.–дек. С. 131).

Что это за «принципы», которых словно «Макара» — ни как не высерут?! — По-видимому, обценный вариант поговорки «Не Макара родить», т.е. «не составляет труда что-то сделать» (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 35. СПб., 2001. С. 137). Лесков имеет в виду заметку «От редакции. О некоторых полемических приемах» (Северный вестник. 1893. № 8. 2-я паг. С. 118–121), написанную в защиту Волынского от нападок на него в «Русской мысли» и «Книжках “Недели”». Слова «принципиальность», «принципиальная», «принципиальных» встречаются в соседних четырех строчках первой страницы — Лесков был всегда очень внимателен к стилистической отделке любого текста и неодобрительно замечал повторы однокоренных слов. При этом в заметке, написанной, очевидно, Л.Я. Гуревич, собственно о принципах Волынского ни слова не говорится (кроме «защиты философского идеализма»).

кто кому служит: Ф<лексер> журналу или журнал Ф<лексе>ру? — ср. в Дневнике С.И. Смирновой-Сазоновой о Л.Я. Гуревич: «Сама она т[ак] замоталась, ездила в Моск[ву], хлопотала открыть отделение своей конторы, что ни почитать, ни сходить в театр некогда. Всю жизнь свою кладет на журнал. И всё это для св[оего] Мордохая! Он же Флексер, он же Волынский. Чт[обы] он мог кажд[ый] мес[яц] писать св[ои] бездарн[ые] статьи, она влезает по уши в долги, судится третьейским судом и издает “Северный вестник”» (Н.С. Лесков в воспоминаниях современников. С. 373).

у него тоже не всё ладно с Павлушей — Вероятно, имеются в виду отношения М.О. Меншикова с редактором-издателем «Недели» П.А. Гайдебуровым; письмо Меншикова, где говорится об этом, по-видимому, не сохранилось.

Толстому писали, и я, и он, и недостатков никто не указывал — В письме к Толстому от 28 июля 1893 г. Лесков подробно рассказывает о чтении трактата «Царство Божие внутри вас» и высоко оценивает эту работу Тол-

стого: «Всё то, что Вы думаете и выражаете в этом сочинении — мне сродно по вере и по разумению, и я рад, что Вы это сочинение написали и что оно теперь пошло в люди» (*Лесков Н.С. Собрание сочинений*: В 11 т. Т. 11. С. 553). Письма Меньшикова к Толстому хранятся в ГМТ.

Мы с Варей — Долина Варвара Ивановна (1879–1968), приемная дочь Лескова.

Литература

Гречишкин С.С. Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 3–29.

Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М.: Гослитиздат, 1958. 862 с.

Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О.А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, коммент. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и коммент. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А.М. Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 832 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 35: Реветь – Рящик. СПб.: Наука, 2001. 360 с.

Туниманов В.А. Письма Н.С. Лескова к Л.Я. Гуревич // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1980. Л.: Наука, 1981. С. 94–106.

References

Grechishkin S.S. Arkhiv L.Ia. Gurevich [Lyubov Gerevich papers]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1976 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1976]. Lningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 3–29. (In Russ.)

Leskov N.S. *Sobranie sochinenii: V 11 t. T. 11* [Collected works in 11 vols. Vol. 11]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 862 p. (In Russ.)

N.S. Leskov v vospominaniiah sovremnikov [N.S. Leskov in memoirs of his contemporaries], comp., ed., publ. of memoirs by O.A. Fribes, A.E. Zarin and E.I. Zarina, comment. by L.I. Sobolev, publ. of diary extracts by S.I. Smirnova-Sazonova, comment. of diary by L.S. Danilova and V.V. Somina, introd. by A.M. Ranchin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 832 p. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 35: Revet' – Riashchik [Dictionary of Russian folk dialects. Issue 35]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 360 p. (In Russ.)

Tunimanov V.A. Pis'ma N.S. Leskova k L.Ia. Gurevich [N.S. Leskov's letters to L.Ya. Gurevich]. *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Pis'mennost', iskusstvo, arkhologiiia. Ezhegodnik. 1980* [Cultural monuments: New discoveries. Literature, art, archeology. Annual. 1980]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 94–106. (In Russ.)

Two letters by N.S. Leskov

Lev I. Sobolev

Abstract: In the present note two letters sent in the summer of 1893 by Nikolai Semenovich Leskov to an unknown addressee are published, the addressee of these letters is identified as A.M. Khiryakov, the attribution of the addressee is grounded. The publication is supplied with necessary comments.

Keywords: N.S. Leskov, A.M. Khiryakov, L.Ya. Gurevich, “Severnyi vestnik” (The Northern Herald).

Information about the author: Lev I. Sobolev, Honored Teacher of the School of Russia, GBOU School No. 67. Moscow, Russia. E-mail: lev-sobolev@yandex.ru

Citation: Sobolev Lev I. Two letters by N.S. Leskov. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 104-111.

БИОГРАФИКА

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-112-129

УДК 821.161.1

Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора российской словесности»

А.И. Рейтблат, В.А. Шкерин

Аннотация: В статье впервые излагается биография и дается характеристика творчества писателя Феоктиста Андреевича Улегова (1803–1830), бывшего крепостного уральских заводчиков Демидовых. Его книга «Гостинный двор российской словесности» (1830), содержащая памфлетное аллегорическое (в форме сна) изображение современных русских журналистики, литературы, исторической науки и философии, вызвала в свое время шумный скандал и обсуждение в печати.

Ключевые слова: русская литература первой трети XIX в., Ф.А. Улегов, С.Д. Нечаев, Н.А. Полевой, Демидовы, горнозаводской Урал.

Информация об авторах:

Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Владимир Анатольевич Шкерин, докт. ист. наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия. E-mail: shkerin_uit@mail.ru

Цитирование: *Рейтблат А.И., Шкерин В.А.* Феоктист Улегов, автор «Гостинного двора российской словесности» // Литературный факт. 2018. № 8. С. 112–129

На карте русской литературы герой этой статьи, Феокист Улегов, практически незаметен, его имени нет ни в одном биографическом справочнике. Максимум, что можно найти, это справка в указателе имен «Сочинений» А.А. Дельвига (Л., 1986), подготовленных выдающимся знатоком пушкинской эпохи В.А. Вацуро. И звучит она так: «Улегов Феокист Андреевич, поэт-самоучка». Немного лучше обстоит дело в исторической науке, где его имя несколько раз упоминалось в связи с историей демидовских заводов¹. Однако и там биография Улегова почти не освещена. В то же время и по своей очень необычно сложившейся жизни, и по весьма специфическому по направленности творчеству он заслуживает исследовательского внимания. В настоящей статье впервые делается попытка дать жизнеописание и характеристику произведений этого литератора.

Феокист Андреевич Улегов родился в 1803 г. в крепостной семье в Нижнетагильском горнозаводском округе, принадлежавшем уральским магнатам Демидовым. Отец его был портным при заводе. По свидетельству экономиста В.Д. Белова (происходившего из династии тагильских заводских служителей) «уральские заводы готовили у себя [...] все до последнего гвоздя»: «канаты и сальные свечи для рудников», «обувь рабочим», писчую бумагу, фаянсовые чернильницы и пр.² Пошив рабочей одежды также входил в число вспомогательных отраслей тагильского хозяйства³. Но авторитет Андрея Улегова строился скорее не на профессиональной, а духовной основе: правительственный агент С.Д. Нечаев называл его наставником здешней общины старообрядцев-поморцев и характеризовал как одного из «наиболее ревностных» ее представителей⁴. Старообрядцы — как поморцы, так и беглопоповцы — составляли на демидовских заводах многочисленные и влиятельные сообщества. Еще в 1760-х гг. Н.А. Демидов констатировал, что «ис прикащиков и служителей ревнителй церкви Божии нет, а все уклонились [...] во общество с раскольниками»⁵. При ужесточении конфессиональной политики во второй четверти XIX в. тагильские старoverы пи-

¹ См., например: *Виргинский В.С.* Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М., 1986. С. 70; *Мосин А.Г.* П.Н. Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. Екатеринбург, 1997. Вып. 3. С. 35; *Шкерин В.А.* От тайного общества до Святейшего синода: декабрист С.Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005. С. 187–193, 218–219, 253–260, 265–266.

² *Белов В.Д.* Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 27.

³ См.: *Гуськова Т.К.* Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск, 1995. С. 63.

⁴ *Нечаев С.Д.* Дневник // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 833; РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 301 об.

⁵ Цит. по: *Павловский Н.Г.* Демидовы и старообрядцы в XVIII веке // Демидовский временник: Ист. альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 60.

сали о себе с достоинством: «Мы, стародавние жители [...] заводов [...], местному начальству повинемся и всякие возлагаемые на нас заводские повинности в работах со успешною исправляем, а что касается до веры нашей [...], то сия душевная принадлежность есть единого Бога»⁶.

Начиная с 10-летнего возраста, Феокист «находился в поденных работах на железном руднике при отборке под завалами железорудного щебню»⁷. Очевидно, Андрей Улегов желал, чтобы сын унаследовал его место в поморской иерархии, да и в заводской поднялся повыше. И то, и другое предполагало некоторую образованность. Читать Феокист научился в семье в раннем детстве. Он был очень религиозен и в молодости содействовал распространению этого толка старообрядчества. В 1816 г. 15-тилетний Феокист был отправлен в Екатеринбург, где частным образом изучал грамматику, риторiku, поэзию, латынь и священную историю. Учителем его был выпускник Пермской семинарии Авраамий Оглоблин⁸. Он к 1818 г. и приобщил Феокиста (как и другого ученика из поморцев — екатеринбургского купца Василия Клюквина) к официальному православию⁹. Позднее отец Авраамий продолжил миссионерские труды, настаивая, что путь раскольников к истинной вере лежит через просвещение (для которого составил «Список духовных книг, нужных при всякой церкви»¹⁰), и вызывая многочисленные ответные жалобы старообрядцев¹¹.

В 1819 г. 16-тилетний Феокист Улегов вернулся в Нижнетагильский завод и вновь попал на рудник. Тогда же он женился на Авдотье Сергеевне Шарыбиной. О возникших новых сложных отношениях с отцом можно лишь догадываться. Вероятно, не случайно Ф. Улегов позднее поведал Нечаеву о судьбе тагильского углепоставщика Афанасия Ортюгина, который, уже живя «своим домом», осмелился перейти из поповства в лоно господствующей церкви. Узнав об этом, отец и братья решили «артельно его изувечить» и даже «засечь [...]

⁶ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 43. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 291 об. — 292.

⁷ Показания Ф. Улегова 1823 г. // РГИА. Ф. 1582. Оп. 2. Ед. хр. 2571. Л. 195.

⁸ См. о нем: Пермская духовная семинария. Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии. Издание священника Иакова Шестакова. Пермь, 1900. С. 6.

⁹ См.: *Нечаев С.Д.* Указ. соч. С. 581.

¹⁰ *Нечаев М.Г.* Деятельность церковных библиотек на Урале в начале XX века как социокультурный феномен // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 110.

¹¹ См.: ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 63–64 об.; Ед. хр. 2. Л. 148–150 и др.

до смерти». Лишь побег, предпринятый молодым Ортюгиным после долгих издевательств, спас ему жизнь¹².

И все-таки расчет Андрея Улегова оказался верен: сын на руднике не задержался. Владелец Нижнетагильского округа Николай Никитич Демидов в 1806 г. учредил в поселке Выйского завода (к тому времени фактически слившегося с Нижнетагильским заводом) училище для детей заводских служащих. Работало оно из рук вон плохо и в 1819 г. не смогло прислать по требованию заводчика «одного или двух писарей [...] элементарно обученных»¹³. В этой критической ситуации в 1820 г. Петербургская контора Демидова приняла на должность главного учителя Выйского училища отставного штабс-капитана Евлампия Максимовича Мосцепанова. Учителю полагались помощники из крепостных, одним из которых стал Улегов. Уральская служба Мосцепанова продлилась всего 14 месяцев и завершилась острым конфликтом¹⁴. В литературе отмечалось, что учитель происходил «из обедневших дворян»¹⁵, противостоявшие же ему заводские служащие оставались крепостными. Однако еще прадед учителя был крестьянином, дворянство получил дед, а отец, Максим Климентович, стал архитектором¹⁶. Застав училище «в худом состоянии», Мосцепанов обвинил служащих в казнокрадстве, кумовстве и иных грехах вплоть до истязаний и убийства крепостных. Он начал борьбу с заводской администрацией (путем подачи прошений владельцам заводов, министрам и царю), стремясь облегчить положение рабочих и защитить их от жестокости и злоупотреблений приказчиков. Мосцепанов писал, в частности, министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну в 1822 г., что Улегов, «обратившийся от перекрещиванских заблуждений отца своего к православной церкви, вместо достойной похвалы, из ненависти и как бы в страх другим заключен приказчиками в подземную медной руды тяжелую работу, не свойственную ни силам, ни примерному поведению его. Он, по дарованию ума, доброте сердца, трезвости и трудолюбию, достоин занимать лучшее место. Сверх

¹² Письма Феоктиста Улегова. Из архива С.Д. Нечаева // Братское слово. 1893. Т. 2. С. 502–503.

¹³ См.: *Черноухов Э.А.* Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. С. 102.

¹⁴ См.: *Струнина М.Д.* Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX века // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1962. № 187. С. 293–307.

¹⁵ [Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г.] Книги горного гнезда // Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 197.

¹⁶ Архитектор Мостипанов // Киевская старина. 1902. Т. 77. Апрель. Разд.: Документы, известия и заметки. С. 8–11. См. об архитекторе М.К. Мосцепанове также: *Мезько-Оглоблин О.* Люди Старої України та інші праці. Острого; Нью-Йорк, 2000. С. 166–172.

российской грамматики, прозаической словесности, поэзии, он изучен богословии, философии, латынскому и частию французскому языкам и арифметике, единственно по своему сильному желанию, не быв отдаваем в публичное училище»¹⁷.

Приказчики со своей стороны выдвинули против Мосцепанова обвинения в ложном доносительстве, подстрекательстве к бунту (говорилось, что Улегов «не устыдился войти в церковь, где уговаривал и склонял людей на составление и подачу просьб»¹⁸), в противоестественных связях с воспитанниками и прелюбодеянии с дочерью пономаря. По письмам Мосцепанова состоялся доклад царю, а Голицын по поводу Улегова отправил отношение министру внутренних дел В.П. Кочубею, в котором просил обратить на него особое внимание и оказать ему покровительство¹⁹.

Спор перешел в судебные инстанции, вплоть до Сената (в феврале 1824 г.). В 1825 г. контора Нижнетагильских заводов просила губернские горные власти разрешить направить Улегова в Петербург (все по той же причине нехватки грамотных людей). Пермское горное правление ответило отказом, поскольку названный «крестьянин» проходил по делу «в соучастии с отставным штабс-капитаном Мосцепановым, которое представлено на утверждение в Правительствующий Сенат»²⁰. В сентябре 1825 г. Мосцепанов был приговорен к ссылке в Сибирь с лишением чинов и дворянства, а Улегов и еще ряд крестьян — к наказанию плетью, однако по коронационному манифесту Николая I в августе 1826 г. все они были помилованы. Вопреки утверждениям о том, что Мосцепанов «в остроге скончался»²¹, он после тюремного содержания был лишь выслан с территории Пермской губернии²².

Улегов продолжил службу писцом в конторе Нижнетагильских заводов. Казалось, жизнь его вошла в прочную колею, покинуть которую уже не суждено. Но случай готовил новую встречу.

В сентябре 1826 г. для расследования деятельности старообрядцев на Урале в помощь флигель-адъютанту А.Г. Строганову был командирован чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе князе Д.В. Голицыне надворный советник

¹⁷ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Ед. хр. 1818. Л. 114–114 об.

¹⁸ Цит. по: *Струнина М.Д.* Указ. соч. С. 298.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Ед. хр. 1819. Л. 9.

²⁰ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 213.

²¹ *Ганьжа С.В.* Тагильская летопись XVI–XIX Нижний Тагил, 2000. С. 42.

²² См.: *Черноухов Э.А.* Дело Е.А. Мосцепанова // *Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность.* Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 247.

Степан Дмитриевич Нечаев (1792–1860)²³. Он состоял в Обществе любителей российской словесности и Обществе истории и древностей российских и был известен как поэт и автор статей по истории и археологии. В начале ноября в Екатеринбурге Нечаев встретился с Клюквиным, который рекомендовал ему свести знакомство с Оглоблиным и Улеговым. В записных книжках Нечаева появилась помета: «В Нижнетагильском заводе помощник полицейского, обращенный из поморцев Феоктист Улегов. Там справиться о поморском согласии и новой секте, которая крестит детей и венчает браки в нашей церкви только для гражданского порядка, но существом к нему не принадлежит»²⁴. Позже (очевидно, после знакомства) была внесена поправка: «Улегов в Главной конторе»²⁵.

Между Нечаевым и Улеговым установились доверительные отношения, Улегов взялся написать для Нечаева записки о старообрядческих толках и приобретал старообрядческие книги и рукописи.

К началу декабря Нечаев уже покинул Нижнетагильский завод, а Улегов отправил ему вослед пространное послание: «Одному только Богу известно, сколько мне приятно и усладительно было разделять с вами краткие часы нашего свидания в откровенно-занимательных разговорах. Время казалось для меня необыкновенно кратким и изменяющим моему сердечному удовольствию. [...] И вот теперь все исчезло. Осталось одно только печальное воспоминание, ободряемое лестною надеждою, что хотя чрез переписку я буду изливать пред вами мои сердечные чувства и тем дополнять недостаток личного свидания»²⁶. Письмо содержало не одни сантименты, но и первый отчет о проделанной агентурной работе: написаны «Частные мнения секты поповщинской и частные мнения перекрещенской», а также рассуждение «О причинах распространения поморской ереси и о средствах прекратить оную», скопирована «маленькая книжка с застешками о плате и о прочем», приобретена «письменная поморской секты книга, наполненная разными душепагубными лжами и бреднями»²⁷.

Староверческие сочинения покупались и копировались на средства Нечаева, он же оплачивал услуги Улегова. За полученные день-

²³ О нем см.: *Глаголева О.Е.* Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // *Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края)*. Тула, 1991. Т. 2. С. 337–342; *Вацуро В.Э.* Нечаев С.Д. // *Русские писатели 1800–1917: биографич. словарь*. М., 1999. С. 292–293; *Шкерин В.А.* Указ. соч.; *Грачева И.В.* «Путь трудной чести и добра...»: Жизнь и творчество С.Д. Нечаева. Рязань, 2009.

²⁴ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 50.

²⁶ Письма Феоктиста Улегова. С. 255–256.

²⁷ Там же. С. 256–257.

ги агент горячо благодарил патрона: «При настоящей моей бедности толь значительное пособие в домашнем состоянии составляет для меня неожиданное и почти невероятное благодеяние...»²⁸. И тут же просил впредь вести переписку через «екатеринбургских приятелей» (вероятно, того же Клюквина), так как приказчики подозревали его во «всем для них неприятном» и сердились за скрытность. Однако Нечаев вновь отвечал напрямую и даже советовал предъявить свое послание всем любопытствующим, поскольку извещал в нем о хлопотах по переводу Улегова в Москву.

Хлопоты увенчались успехом, хотя и несколько неожиданным. Письмом от 25 февраля 1827 г. Улегов сообщал Нечаеву с дороги (из прикамского городка Оханска) о важной перемене в своей судьбе: «Его превосходительство г. Николай Никитич Демидов [...] приказал здешней конторе отправить меня в Одессу, чтобы тамошний управляющий Лонгинов, взглянув на меня, отправил через Константинополь к нему в Италию. [...] Отправка моя из завода была назначена на 15-го же сего месяца, а совершилась 17-го в 2 часа пополудни»²⁹. В Москве Улегов встретился с молодым хозяином: «...я был представлен к Его Высокоблагородию г. Павлу Николаевичу Демидову, который на довольно обширных разговорах со мною, наконец, изъявил мне свое расположение и признался, что я был описан ему недоброжелателями моими самым злым, опасным, бессовестным и безбожно-пакостливейшим на свете человеком, прибавив к тому, что он теперь ничего подобного во мне не находит и подарил мне 50 р., за что я его отблагодарил стихами»³⁰. Улегов получил место одного из секретарей Н.Н. Демидова и спустя некоторое время отбыл вместе с женой во Флоренцию, где доживал отведенный ему век старший владелец Тагильских заводов. В Италии Улегов изучил итальянский и французский языки, читал и переводил с латинского.

Упоминание о стихотворной благодарности П.Н. Демидову — едва ли не первое признание Улегова в сочинительстве. Впрочем, еще 24 декабря 1826 г. он сетовал в послании тому же Нечаеву: «Милосердный Господи! Как не пожалуешься на слабость и недостаток словесности человеческой, когда не в силах она изобразить тени одной тех чувств восхищающих, которыми сердце человеческое бывает иногда изобильно наполнено! [...] Но что же делать? Не я один нуждаюсь в красноречии»³¹. Улегов прекрасно знал, к кому обраща-

²⁸ Там же. С. 261.

²⁹ Там же. С. 325.

³⁰ Там же. С. 413.

³¹ Там же. С. 260.

ется. Среди изданий, выписываемых Нижнетагильской заводской конторой, имелись журналы с публикациями стихов и «мыслей» Нечаева: «Вестник Европы» за 1816, 1821 и 1824 гг., «Сын отечества» за 1821 г.³²

Перемена судьбы придала Улегову смелости в его литературных притязаниях. В послании Нечаеву от 14 (26) января 1828 г. из Флоренции он писал: «С некоторого времени я желание сильное чувствую в свободные часы переводить или сочинять что-либо для пользы людей нравственное и полагаю, что сие желание мое исходит не от худого источника, — я хочу, чтобы маленькие отрывочки моих переводов и сочинений о разных предметах, какие придут в голову, были отпечатаны в периодических каких-нибудь изданиях в России, так чтоб под переводами поставлялось только имя оригинального автора, а под сочинениями какое-либо вымышленное, напр.: *Странник на севере* или *Пустынник в юдоли изгнания*, или иное какое, сему подобное, но не мое собственное, кое я хочу чтоб никогда и никак не было узнано публикою [...]. Поверенным сей моей тайны я желал бы избрать вас одних и по временам к вам пересылать таковые отрывки переводов и сочинений, кои прочтя, вы могли бы отсылать их к издателям для отпечатывания, сказав, что получили их от неизвестного, а в случае, если бы я когда по неопытности написал то, чего нельзя отпечатать, то вы бы могли таковые места вымарать и заменить точками...»³³. При этом по своему обычаю Улегов предлагал писать к нему тайно, через посредника — на сей раз иеромонаха Иринарха³⁴: «На скромность и скрытность сего доброго священника положиться можно... [...]. Осторожность всегда есть мать премудрости, в чем, я думаю, и вы со мной согласны»³⁵.

Нечаев ответил лишь в апреле и посоветовал оставить мысли о писательстве. Улегов благодарил за совет горячо, но (как показало недалекое будущее) неискренне: «Предприятие сочинять что-либо для печатания, по получении сего письма Вашего Высокоблагородия, совершенно я оставил [...]. За одолжение меня толь назидательными убеждениями я приношу вам искреннюю мою благодарность и утвердительноше прошу вас на будущее время таковыми не оставлять меня»³⁶. Если бы Улегов читал публикации своего покровителя вни-

³² См.: [Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г.]. Указ. соч. С. 202; ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 395. Л. 70 об., 112, 136 об.

³³ Письма Феоктиста Улегова. С. 423.

³⁴ О нем см.: *Крастелев М.* Архиепископ Иринарх (Попов): некоторые дополнения к биографическим сведениям // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 96–102.

³⁵ Письма Феоктиста Улегова. С. 422, 425.

³⁶ Там же. С. 498.

мательнее, так, возможно, не решился бы и на эту попытку. «Бесполезно рекомендовать приятеля своего за сочинителя, если слава о сочинениях его не предварила первого знакомства, точно так же, как портрет ничем не известного человека не сделаешь интереснее, написав его имя», — рассуждал Нечаев в 1824 г.³⁷

В это же время, 22 апреля (4 мая) 1828 г., скончался Н.Н. Демидов. Улегову эта смерть грозила скорым возвращением на Урал, но обернулась благом. В письме от 25 августа (6 сентября) из тосканского города Баньи-ди-Лукка он сообщал Нечаеву: «Состояние мое по смерти прежнего господина, по милости божией, не только не изменилось к худшему, но еще обратилось на лучшее. Его Высокоблагородие г. Павел Николаевич явил ко мне особое и совсем неожиданное расположение, до того простершееся, что в 6-е число августа (по русскому стилю), в день своего рождения, в знак особой ко мне милости он наградил меня отпускою [...]. Жалования мне теперь положено 1200 р. в год, кое, думаю, не убавится и в России. Я покамест нахожусь при Его Благородии вторым секретарем. Коренная же должность, как видно, назначится мне на заводах. Жена моя туда давно отправлена [...], а за нею и я вскоре туда последую»³⁸.

В ноябре Улегов планировал быть в Петербурге, где рассчитывал с помощью Нечаева оформить в гражданском суде вольную, зарегистрированную на тот момент лишь российским посольством в Тоскане. Однако у заводчика имелись свои планы на секретаря: поручить ему доставку покойного родителя в Россию. Началось «медленное следование» двух траурных карет («ехать шагом и отнюдь не рысью и не более делать 30 или 35 верст в день», — предписывал П.Н. Демидов³⁹), одна из которых везла тело, а в другой ехал Улегов с переводчиком. Все сделанные на этом пути расходы — «за караул по ночам, на починку кучерам платья, на покупку простой и почтовой бумаги и сургучу, на отправку к особе Вашего Высокоблагородия донесений, разным людям за показание дороги, на покупку жиру для колес, по покупке цепей для спуска с гор, и прочие тому подобные», всего на сумму в 8883 франка — Улегов тщательно фиксировал в шнуровой книге⁴⁰. Выехав из Флоренции 6 октября и проведя в дороге 67 дней, траурная процессия прибыла 12 декабря в Радзивилов — пограничный город Российской империи. Там печальную эстафету принял управляющий Петербургской конторы Демидовых

³⁷ С.Н. [Нечаев С.Д.] Мысли и замечания // Вестник Европы. 1824. № 6. С. 150.

³⁸ Письма Феоктиста Улегова. С. 495.

³⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 210. Л. 65 об.

⁴⁰ Там же. Л. 2–5 об.

Федор Петрович Соловьев. Улегов же, взяв с собой хозяйские ящики с иконами и бумагами, продолжил путь на перекладных. В столицу он добрался лишь к середине января 1829 г.

В Петербурге состоялась новая встреча с Нечаевым, при которой свежемю вольноотпущеннику, возможно, показалось, что теперь он вправе говорить на равных с дворянином и коллежским советником. Позже, в письмах с Урала, Улегов каялся: «Прошу [...] извинить меня в том, что я очень просто говорил с вами в Петербурге, ибо простота не всегда бывает у места, особливо ныне, когда политика воцарилась повсюду и почти всегда необходима»⁴¹. И вновь он предлагал себя на роль агента: «Мне кажется, никто вернее меня не может видеть и угадывать дух раскольников, ибо, как не безвестно вашему превосходительству, я сам долго страдал сим опасным недугом»⁴². Но миссия Нечаева была завершена, и предложение едва ли могло вызвать его интерес.

18 февраля 1829 г. Улегов вступил в должность тагильского конторщика. 1 марта он и приказчик (бывший плотинный мастер и механик) Петр Степанович Макаров⁴³ прибыли в Пермь, чтобы встретить там и сопроводить в Нижний Тагил тело Н.Н. Демидова. В губернской столице посланцам пришлось «приободждать, обдумав и приготовив все нужное для печальной церемонии при проезде чрез сей город», до 12–13 марта. «В Нижнетагильские [...] заводы 26 числа в полдень прибыли благополучно, и гроб вынят из кареты и ящика невредимо и поставлен в церкви прилично убранной трауром на катафалку»⁴⁴. Скорбная эпопея завершилась упокоением Н.Н. Демидова в центре принадлежавшего ему заводского округа, который он при жизни посетил лишь однажды — в далеком 1806 г.⁴⁵

Приступая к новым служебным обязанностям, Улегов изначально предвзято отнесся к коллегам по главной Нижнетагильской заводской конторе. «Гг. прикащики по наружности на первый раз обошлись со мною весьма ласково и дружелюбно, каково же у них на сердце — о том, можно догадываться, — доносил он П.Н. Демидову уже 15 февраля 1829 г. (т.е. едва прибыв на место и не приступив к делам). — Последствие покажет их расположение и то, приятель или нет им порядок по делам, восстановление коего лежит

⁴¹ Письма Феоктиста Улегова. С. 501.

⁴² Там же. С. 504–505.

⁴³ О нем см.: *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале: XVII — начало XX века. Свердловск, 1981. С. 72.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 210. Л. 41, 46, 49.

⁴⁵ См.: *Гуськова Т.К.* Указ. соч. С. 31; *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 94.

теперь на моей ответственности»⁴⁶. «Заводские прикащики и директор покамест обходятся со мной не враждебно, а даже с видимою дружбою. Конторские дела не успел еще я хорошенько обозреть, но по некоторым частям оных начинаю вводить порядок, коему гг. прикащики, по-видимому, не противятся [...], — развивал ту же тему в донесении от 6 марта из Перми. — Что будет далее, в каком виде по принятии найду конторские дела, и каковы будут успехи по введении конторского порядка, буду иметь щастие доносить Вашему Высокоблагородию по возвращении в заводы Ваши»⁴⁷.

Поступая по примеру своего прежнего покровителя Мосцепанова, Улегов дерзко шел на обострение отношений со служителями, характеризовал всех (за исключением Макарова) нелицеприятно: «Василий Густомесов только занимает место, почти ничего не делая. Шептаев⁴⁸, по известной Вашему Высокоблагородию ограниченности понятий и самонадеянности, больше говорит и спорит, нежели делает»⁴⁹ и т.п. «День Вашего сюда вождеденнейшего прибытия будет для меня днем неизъяснимой радости и сладостнейшего душевного удовольствия», — писал он⁵⁰. Служители, разумеется, также были небезгрешны и небезответны: прежний конторщик Василий Григорьевич Густомесов тянул с передачей дел, приказчики распряжались писцами и повытчиками через голову Улегова, а сам он вынужден был оставаться «в конторе только наместо картинки»⁵¹.

Между тем, Демидов внезапно отказался от намерения посетить уральские заводы, а недруги Улегова послали заводчику ответную жалобу. «Известие, что Ваше Высокоблагородие изволили отправиться из Петербурга в Париж, произвело в сердце моем глубокую грусть, ибо не удостоюсь уже ныне видеть лично Благодарительной Особы Вашей, что для меня было самым лестным ожиданием, — сокрушался Улегов в донесении Демидову от 25 октября 1829 г. И далее: «Не имея никакого себе защитника, кроме Благодарительнейшей Особы Вашей, я не удивлюсь, что стрелы зависти поражают так метко мою неопытность. Если б я не был уверен в истинно-отеческом ко мне благорасположении и глубокой проницательности духа Вашего Высокоблагородия, всегда умеющих различить истину от натяжки, то бы, конечно, погрузился в бездну уныния и печальных ожиданий.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 244. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁸ Шептаев Федор Аврамович — приказчик, специалист медеплавильного производства и механик, крепостной, в 1832 г. получил вольную. О нем см.: *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале. С. 168.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 244. Л. 4–4 об. Письмо от 6 марта 1829 г.

⁵⁰ Цит. по: *Мосин А.* Указ. соч. С. 35.

⁵¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Ед. хр. 244. Л. 11 об.

Но, надеясь на алмазную твердость Вашего великодушия и Вашу любовь к справедливости, я не страшусь в рассуждении будущего и под мирною сению Вашего покровительства и защиты всегда надеюсь найти убежище, отраду и успокоение, зная, что скорее Сена обратит вверх свое течение, нежели ослабевут или изменятся искренняя моя преданность к Благодетельнейшей Особе Вашей и огненная ревность споспешествовать всегда и везде, где только можно выгодам Вашего Высокоблагородия»⁵².

Вопреки этим пышным словесам, будущность их автора вновь представляла в самом неопределенном и тревожном свете.

Но в феврале 1830 г. П.Н. Демидов дал указание прислать Улегова к нему для исполнения обязанностей секретаря⁵³. Отправившись в Италию, в марте Улегов оказался в Москве, где в том же году были изданы несколько небольших его книг. Сначала вышли переводы с французского духовно-нравственных повестей швейцарского пастора Сезара Малана «Валежская крестьянка» и «Герман Дроворуб». Переводы были встречены одобрительным откликом анонимного рецензента «Московского телеграфа», отметившего, что тут «в виде сказаний выражены многие нравственные истины, основанные на евангельском учении. Честь и благодарность г-ну переводчику, исполнившему свое дело очень хорошо!»⁵⁴ Эти похвалы, возможно, объясняются протекцией Нечаева, прежде нередко печатавшегося в «Московском телеграфе» и поддерживавшего тесные отношения с Н.А. Полевым. Позднее Улегов выпустил переводы еще двух повестей Малана: «Извозчик Лабранш» и «Отличные и честные мальчики».

Книга Улегова «Подарок другу на новый год, или Пук из семи цветов на именины, и Небольшой завтрак для голодного, состоящий из семи блюд с приправами» (М., 1830) содержала религиозно-этические размышления, изложенные в аллегорической форме, с ориентацией на французских моралистов Паскаля, Николя и особенно Фенелона (Улегов называет его «великим», «любезнейшим из христианских наставников и душой моей морали»). Рецензент писал в «Московском телеграфе», что тут, как и в повестях Малана, «изложены полезные истины, только уж слишком замысловато, так что в иных местах надобно угадывать мысль автора»⁵⁵. В «Северном Меркурии» же был помещен издевательский отклик: «Друзья не

⁵² Там же. Л. 16, 17–17 об.

⁵³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Ед. хр. 114. Л. 25.

⁵⁴ Московский телеграф. 1830. № 8. С. 512.

⁵⁵ Московский телеграф. 1830. № 15. С. 388.

должны пренебрегать именинными подарками, как бы они ни были незначачи, которые делаются им по чувству искренней приязни, равно и голодный гость не осудит хозяина за небольшой завтрак, если только он в гостеприимстве руководствуется пословицею: *чем богат, тем и рад*. Но как в настоящем случае дело идет о печатном *Подарке другу* и о печатном же *Небольшом завтраке*, то есть о книжечках г. Улегова, то за *Подарок другу* мы, к сожалению, не можем отдарить автора лестным для него приветствием, а за *Небольшой завтрак* читатель не станешь пенять на него — если будет иметь в виду хороший обед»⁵⁶.

Следующая книга Улегова — брошюра «Гостинный двор российской словесности» (М., 1830) — привлекла к себе повышенное внимание. Она представляла собой памфлетное аллегорическое (в форме сна) изображение современной литературы, где в периодических изданиях «ядовитые насмешки, придирки, фейерверки заблуждения и легкомыслия», «смесь пустяков и скучных повторений», «пустые фразы, без сердечного огня и без умственной энергии, набор лжи и мечтаний, разнородные выходки надменности и самолюбия, бестолковые мысли» и т.д. (с. 10, 12, 13). В этом «гостинном дворе» есть «журнальная аптека» (то есть периодика) «для излечения людей от глупости, бездействия и разврата», но «доктора, пишущие рецепты, не знают хорошо своей науки и крайне ошибаются. Совсем не то прописывают, что обещают» (с. 7–8). В журнальной аптеке имеются бутылки «Сокровище литературы» («ядовитые насмешки, придирки, фейерверки заблуждения и легкомыслия, с их принадлежностями, под краскою приличия и притворной скромности», с. 10), «Магазин драгоценных правил хозяйственной экономии» («небывалые изобретения, всем известные секреты экономии, смесь пустяков и скучных повторений», с. 12), «Цветник нравственных и философических истин, полезных всякому полу и возрасту» («пустые фразы, без сердечного огня и без умственной энергии, набор лжи и мечтаний, разнородные выходки надменности и самолюбия, бестолковые мысли, сухие, нескладные правила жизни, ничему не учащие...», с. 13). В другой «торговой точке» — «Магазине русской истории» — на диване сидят Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой и любезно беседуют. При этом Карамзин защищает Полевого от нападков критики, обвиняющей его в самохвалстве, излишней гордости, недооценке заслуг Карамзина. В находящемся там же магазине «Философия под русским флагом» отечественных «философических изысканий» «почти вовсе и нет», поскольку «русские умы так ленивы на

⁵⁶ Северный Меркурий. 1830. № 121. 8 окт.

философическую неутомимость, что бояться и подумать о подобном предприятии» (с. 23). Ригористичный, унаследованный от старообрядчества подход Улегова к художественной литературе четко проявился в проводимом им противопоставлении порождаемых модой «любовных романов, соблазнительных стихотворений, незаконных элегий и прочих исчадий нечистого воображения», с одной стороны, и произведений, «полных чистой любви к истине» и «прямой христианской нравственности», с другой (с. 27, 29). Не в печати, а в частном письме Нечаеву Улегов был еще более резок: «...чем скорее будут умы учащихся образовываться в науках, тем удобнее они могут преклоняться ко злу и удачнее исполнять законопреступные прихоти развращенной природы, если заранее бдительное правительство не употребит всех возможных усилий к умягчению сердец ученических правилами христианского благочестия и не превратит божественные истины откровения, так сказать, в соки и кровь сих молодых отраслей человечества, от нравственности коих будет зависеть некогда участь целых семейств, целых обществ, а со временем и целой империи»⁵⁷.

Николай Полевой (которому, по-видимому, принадлежали и предыдущие отзывы в «Московском телеграфе»), сочувственно отозвался о книге Улегова, заметив, что «во многом, признаемся, мы вовсе не согласны с ним, но много замечено у него дельно»⁵⁸, но журнальные противники Полевого, воспринимая Улегова как его креатуру, обрушились на книгу с резкой критикой. Рецензент «Литературной газеты» (по-видимому, А. Дельвиг), находя в его книге «странность предметов и отсутствие вкуса в изобретении и изложении», отмечал, что Улегов «не знает приличия слов и выражений, и “Гостинный двор русской словесности” яснее всего высказывается в его вымыслах и слоге [...]. Если бы и в самом деле привиделся кому такой сумбур, то лучше бы его не пересказывать другим, чтоб не подумали, что сочинитель одержим бывает во сне бредом расстроенного воображения». О переводах рецензент отзывался не столь негативно, извиняя несовершенство слога «добрыми намерениями» и «нравственной целью» Улегова⁵⁹. Не приводя никаких примеров (как и рецензент «Литературной газеты»), автор анонимного отзыва в «Галатее» назвал брошюру Улегова «жалкой книжонкой», наполненной «нелепостями относительно языка и образа мыслей», и счел ее «святоотатством в литературе и просвещении»⁶⁰ (см. там же анонимный

⁵⁷ Братское слово. 1893. № 15. С. 421. Письмо от 15 (27) ноября 1827 г.

⁵⁸ Московский телеграф. 1830. № 17. С. 111.

⁵⁹ Литературная газета. 1830. № 65. 17 нояб.

⁶⁰ Галатее. 1830. № 30. С. 366, 369.

отклик в рубрике «Известия и замечания», где «Гостинный двор...» с целью дискредитации автора был уравнен с лубочной продукцией, распространявшейся на Нижегородской ярмарке⁶¹). Аналогичным образом поступил И.В. Васильев, оценив «Гостинный двор...» как «карикатурное произведение» и «литературный мусор»⁶².

В том же году в Москве вышла книга «Два послания Выпивалина к водке и к бутылке. С прибавлением послания к г. Выпивалину. В стихах», в которой к двум анонимным воспевающим водку стихотворениям было прибавлено «Послание к г. Выпивалину» Улегова против винопития:

Слышал я, мой друг любезный!
 Ты настойку расхвалил.
 Вот уж подвиг бесполезный!
 Труд и время ты убил...
 Ты убил их и напрасно,
 Сей злодейке подарив,
 Ум и мысли, — ах, несчастной
 В этом зельи погубив.
 и т.д.

Рецензент «Северной пчелы», обильно цитируя два первых стихотворения и не упоминая о последнем, отрицательно оценил книгу как апологию пьянства⁶³. Поскольку первые два стихотворения были опубликованы без подписи, которая стояла только в конце книги, под стихотворением Улегова, и рецензент, и позднейшие библиографы ошибочно приписали Улегову всю книгу⁶⁴. Однако наряду с содержащимися в книге двумя посланиями (к водке и к бутылке) ранее, еще до приезда Улегова в Москву и начала его издательской деятельности, было выпущено анонимное «Послание Выпивалина к ерофеичу» (М., 1829)⁶⁵, что позволяет сделать вывод, что и другие послания «Выпивалина» не принадлежат Улегову.

В основном книги Улегова выходили после его отъезда из Москвы. 5 апреля 1830 г. Петербургская контора доносила П.Н. Демидову: «Вчерашнего дня явился сюда конторщик Ф. Улегов, которого

⁶¹ Галатея. 1830. № 29. С. 287.

⁶² В-ъ И-ъ [Васильев И.В.] [Рец. на: Гольберг. Оловящик-политик. М., 1830] // Северная пчела. 1830. № 123. 14 окт.

⁶³ В-ъ И-ъ [Васильев И.В.] [Рец. на: Улегов Ф. Два послания Выпивалина к водке и к бутылке. С прибавлением послания к г. Выпивалину. М., 1830] // Северная пчела. 1830. № 134. 8 нояб. См. также краткий отрицательный отклик Дельвига в «Литературной газете» (1830. № 60. 23 окт.).

⁶⁴ См.: Второе прибавление к Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1832. С. 99; Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801–1975. М., 1992. Т. 5. С. 120.

⁶⁵ В каталоге Российской национальной библиотеки эта книга числится как произведение Улегова.

контора отправит к Вашему Высокоблагородию по вскрытии навигации через Любек на пароходе [...]»⁶⁶. Дальше след Улегова теряется, сведений о дальнейших его передвижениях найти не удалось. Однако в рапорте Московской конторы Демидовых от 10 января 1831 г. речь идет об отправленной в Нижнетагильский завод вдове Улегова. Из этого можно сделать вывод, что Улегов умер в 1830 г., скорее всего во второй половине года. Так неожиданно оборвалась жизнь этого литератора, выходца из крепостных, который выбрал путь не «поэта-самоучки», воспеваящего прелести крестьянской жизни (как Ф.Н. Слепушкин, М.Д. Суханов, Н.Г. Цыганов и др.), а критика современных нравов с религиозно-моралистических позиций.

Литература

Вацуро В.Э. Нечаев С.Д. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия; ФИАНИТ, 1999. С. 292–293.

Виргинский В.С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М.: Наука, 1986. 234 с.

Ганьжа С.В. Тагильская летопись XVI–XIX. Нижний Тагил, 2000. 172 с.

Глаголева О.Е. Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула: Приокское кн. изд-во, 1991. Т. 2. С. 337–342.

Грачева И.В. «Путь трудной чести и добра...»: Жизнь и творчество С.Д. Нечаева. Рязань: Узорочье, 2009. 56 с.

Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX века. Челябинск: Челяб. Дом печати, 1995. 233 с.

[*Дашкевич Л.А., Пирогова Е.П., Пихоя Р.Г.*] Книги горного гнезда // Книги старого Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. С. 185–214.

Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале: XVII — начало XX века. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. 224 с.

Крастелев М. Архиепископ Иринарх (Попов): некоторые дополнения к биографическим сведениям // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 96–102.

Мезько-Оглоблин О. Люди Старої України та інші праці. Острог, Нью-Йорк: Українське Історичне Товариство, Острозька академія, 2000. 454 с.

Мосин А. Павел Николаевич Демидов: портрет в первом приближении // Уральская старина. Екатеринбург: Архитектон, 1997. Вып. 3. С. 10–98.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004. 596 с.

Нечаев М.Г. Деятельность церковных библиотек на Урале в начале XX века как социокультурный феномен // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 109–118.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 8. Ед. хр. 105. Л. 49.

Павловский Н.Г. Демидовы и старообрядцы в XVIII веке // Демидовский временник: Исторический альманах. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. Кн. 1. С. 30–64.

Струнина М.Д. Из истории рабочего движения на Урале в первой четверти XIX века // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1962. № 187. С. 288–307.

Черноухов Э.А. Дело Е.А. Мосцепанова // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Екатеринбург, 2008. Кн. 1. С. 244–248.

Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2011. 176 с.

Шкерин В.А. От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С.Д. Нечаев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 421 с.

References

Chernoukhov E.A. Delo E.A. Mostsepanova [E.A. Mostsepanov's case]. *Kultura Urala v XVI–XXI vv.: istoricheskii opyt i sovremennost'* [Culture of the Urals in the XVI–XXI centuries: historical experience and modernity]. Yekaterinburg, 2008, book 1, pp. 244–248. (In Russ.)

Chernoukhov E.A. *Sotsial'naiia infrastruktura Nizhnetagil'skogo gornozavodskogo okruga Demidovykh v XIX veke* [Social infrastructure of Demidovs' Nizhny Tagil mining district in the XIX century]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2011. 176 p. (In Russ.)

<Dashkevich L.A., Pirogova E.P., Pikhoya R.G.> *Knigi gornogo gnezda* [Books of the mountain nest]. *Knigi starogo Urala* [Books of the old Urals]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe Book Publ., 1989, pp. 185–214. (In Russ.)

Gan'zha S.V. *Tagil'skaia letopis' XVI–XIX* [The Tagil chronicle of the XVI–XIX]. Nizhnii Tagil, 2000. 172 p. (In Russ.)

Glagoleva O.E. Osnovatel' narodnykh uchilishch Stepan Dmitrievich Nechaev [The founder of public schools Stepan Dmitrievich Nechaev]. *Gordost' zemli Tul'skoi (Zamechatel'nye liudi nashego kraia)* [Pride of Tula land (Remarkable people of our region)]. Tula, Priokskoe Book Publ., 1991, vol. 2, pp. 337–342. (In Russ.)

Gracheva I.V. "Put' trudnoi chesti i dobra...": *Zhizn' i tvorchestvo S.D. Nechaeva* ["The way of difficult honor and goodness ...": Life and Work of S.D. Nechaev]. Riazan', Uzoroch'e Publ., 2009. 56 p. (In Russ.)

Gus'kova T.K. *Zavodskoe khoziaistvo Demidovykh v pervoi polovine XIX veka* [Demidovs' plant economy in the first half of the XIX century]. Cheliabinsk, Cheliabinsk Press House Publ., 1995. 233 p. (In Russ.)

Kozlov A.G. *Tvortsy nauki i tekhniki na Urale: XVII — nachalo XX veka* [Creators of science and technology in the Urals: XVII — the beginning of the XX century]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe Book Publ., 1981. 224 p. (In Russ.)

Krastelev M. Arkhiepiskop Irinarkh (Popov): nekotorye dopolneniia k biograficheskim svedeniim [Archbishop Irinarkh (Popov): some additions to biographical information]. *Cheliabinskii gumanitarii*, 2010, no. 2 (11), pp. 96–102. (In Russ.)

Mez'ko-Ogloblin O. *Liudi Staroi Ukraini ta inshi pratsi* [People of the Old Ukraine and other works]. Ostrog, New York, Ukrainian Historical Society Publ., Ostrog Academy Publ., 2000. 454 p.

Mosin A. Pavel Nikolaevich Demidov: portret v pervom priblizhenii [Pavel Nikolaevich Demidov: a portrait in the first approximation]. *Ural'skaia starina* [Ural antiquity]. Yekaterinburg, Arkhitekton Publ., 1997, issue 3, pp. 10–98. (In Russ.)

Nechaev M.G. Deiatel'nost' tserkovnykh bibliotek na Urale v nachale XX veka kak sotsio-kul'turnyi fenomen [Work of church libraries in the Urals at the beginning of the 20th century as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 11 (265), History, issue 50, pp. 109–118. (In Russ.)

Nekliudov E.G. *Ural'skie zavodchiki v pervoi polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniia* [Ural manufacturers in the first half of the XIX century: owners and ownerships]. Nizhny Tagil, State Social Pedagogical University Publ., 2004. 596 p. (In Russ.)

Pavlovskii N.G. Demidovy i staroobriadtsy v XVIII veke [Demidovs and Old Believers in the XVIII century]. *Demidovskii vremennik: Istoricheskii al'manakh* [Demidov studies: Historical almanac]. Yekaterinburg, Demidovskii Institute Publ., 1994, book 1, pp. 30–64. (In Russ.)

Shkerin V.A. *Ot tainogo obshchestva do Sviateishego Sinoda: Dekabrist S.D. Nechaev* [From the secret society to the Holy Synod: Decembrist S.D. Nechaev]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2005. 421 p. (In Russ.)

Strunina M.D. Iz istorii rabocheho dvizheniia na Urale v pervoi chetverti XIX veka [From the history of the Ural labor movement in the first quarter of the XIX century]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V.I. Lenina*, 1962, no. 187, pp. 288–307. (In Russ.)

Vatsuro V.E. Nechaev S.D. *Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'. T. 4* [Russian writers 1800–1917. Biographical dictionary. Vol. 4]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., FIANIT Publ., 1999, pp. 292–293. (In Russ.)

Virginskii V.S. *Efim Alekseevich i Miron Efimovich Cherepanovy* [Efim Alexeevich and Miron Efimovich Cherepanovs]. Moscow, Nauka Publ, 1986. 234 p. (In Russ.)

Feoktist Ulegov, author of “The Guest Court of Russian Literature”

Abram I. Reitblat, Vladimir A. Shkerin

Abstract: The article introduces the biography and characterizes works of Feoktist Andreevich Ulegov (1803–1830), the former serf of Ural manufacturers Demidovs. His book “The Guest Court of Russian Literature” (1830), which contained a pamphlet allegorical (in the form of a dream) depiction of contemporary Russian journalism, literature, historical science and philosophy, aroused a noisy scandal and discussion in the press at the time.

Keywords: Russian literature of the first third of the XIX century, F.A. Ulegov, S.D. Nechaev, N.A. Polevoy, Demidovs, mining Urals.

Information about the authors:

Abram I. Reitblat, PhD, “New Literary Review” / Russian State Library of Arts, Moscow, Russia. E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Vladimir A. Shkerin, Doctor Hab., RAS Ural Branch Institute of History and Archeology, Yekaterinburg, Russia. E-mail: shkerin_uit@mail.ru

Citation: Reitblat Abram I., Shkerin Vladimir A. Feoktist Ulegov, author of “The Guest Court of Russian Literature”. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 112–129.

К 125-ЛЕТИЮ В.В. МАЯКОВСКОГО

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-130-148

УДК 821.161.1

**«Про это» Владимира Маяковского и поэзия
«промежутка»
Статья первая: «В этой теме, и личной, и мелкой...»**

А. Устинов, И.Е. Лоцилов

Аннотация: Статья открывает цикл работ, посвященный поэтике, источникам и ранней рецепции поэмы В.В. Маяковского «Про это» (1923). Внимание сосредоточено на критических суждениях о поэме филологов круга ОПОЯЗа, в первую очередь, Ю.Н. Тынянова и Р.О. Якобсона, а также более поздних откликах В.Б. Шкловского и К.Ф. Тарановского. Показано значение места, которое занимает анализ поэмы Маяковского в статье Ю.Н. Тынянова «Промежуток» (1924), и связь с историко-литературными занятиями последнего. Анализируется соотношение ключевых тем любви и быта в восприятии первого поколения читателей поэмы Маяковского. Показано, что любовь и патетическое переосмысление этого понятия доминируют в «Про это» над темой преодоления быта, которая бросалась в глаза современникам благодаря ближайшему контексту творчества поэта. Устанавливается связь поэмы с камерными лирическими стихотворениями Маяковского дореволюционного периода; привлекаются редкие печатные источники и архивные материалы.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, поэма «Про это», футуризм, поэтика, Ю.Н. Тынянов, «Промежуток», В.Б. Шкловский, Р.О. Якобсон, ОПОЯЗ, формализм, «формальный метод», К.Ф. Тарановский.

Сведения об авторах:

Андрей Устинов, доктор фил. наук, филолог. E-mail: abooks@gmail.com

Игорь Евгеньевич Лоцилов, канд. фил. наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия. E-mail: loshch@yandex.ru

Цитирование: *Устинов А., Лоцилов И.Е.* «Про это» Владимира Маяковского и поэзия «промежутка». Статья первая: «В этой теме, и личной, и мелкой...» // Литературный факт. 2018. № 8. С. 130–148.

«Он» и «она» баллада моя.
Не страшно нов я.
Страшно то,
что «он» — это я
и то, что «она» —
моя.

Владимир Маяковский

О «вещах», о готовых стихах,
тем паче о книгах «промежутка»
трудно говорить. О поэтах,
которые идут через промежуток,
легче.

Юрий Тынянов

Поэма «Про это» была написана Маяковским «на переломе». Она подводила итог его предыдущему творчеству, одновременно намечая новый маршрут его поэтического роста. «Имя Маяковского, я думаю, теперь никого не пугает, — уверенно заявлял в фельетоне «Парнасские заросли» Михаил Кузмин, — с тех пор, как он вырос из чемпиона футуризма, официального революционера и добровольного пугала — в поэта Маяковского. Но признание позволяет и лучше рассмотреть его чисто поэтические свойства. Богатая изобретательность в области риторических образов, ораторский темперамент, чувство ритма <...>, долгое дыхание и внутренняя сентиментальность покуда отличительные черты этого выдающегося поэта. Но мне кажется, что первый круг его творчества близок к концу»¹.

«Про это» кардинально отличалась от произведений «первого круга его творчества», прежде всего тем, что не была написана «на злобу дня». Роман Якобсон считал ее «интимнейшей поэмой»² Маяковского. Она открывала поэта, совершенно незнакомого для многих читателей, — не бунтаря и не скандалиста, а тонкого лирика, выбравшего в качестве главной и единственной тему, которая рифмуется, но не называется в финале пролога поэмы («Про что — про это?»):

¹ Кузмин М. Парнасские заросли // Завтра: Литературно-критический сб. Берлин, 1923, С. 117.

² Якобсон Р. За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vol. I/II. P. 306.

Эта тема пришла,
остальные оттерла
и одна
безраздельно стала близка.
Эта тема ножом подступила к горлу.
Молотобоец!
От сердца к вискам.
Эта тема день истемнила, в темень
колотись — велела — строчками лбов.
Имя
этой
теме:
.....! (С. 6)³

Как отмечал Юрий Тынянов в статье «Промежуток», законченной им в июне 1924 г. и первоначально называвшейся «Высокая игра (о современной поэзии)»⁴, эта «тема давит» Маяковского, «высовывается из него»⁵. На таком восприятии поэмы настаивал позже Якобсон: «Согласно прологу к поэме *Про это*, лирическая тема овладевает поэтом»⁶, — безоговорочно считая, что «Про это» — это «любовная лирика или поэзия сердца, как определял ее по старинке Маяковский».

В контексте его творчества поэма заставляла вспомнить не приезженные на «колеснице зычного голоса», по выражению Осипа Мандельштама⁷, «Нате!» и «Вам», не выкрикнутые «во весь голос»

³ *Маяковский В.В.* Про это. М.—Пг., 1923. Далее ссылки на текст поэмы приводятся по этому изданию; страницы указываются в скобках после цитат.

⁴ *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История Литературы. Кино. М., 1977. С. 471. Как отмечено в комментарии, первоначальное название статьи — это «цитата — ср. “игру высокую” в концовке поэмы Н. Тихонова “Шахматы” (1923)» (Там же).

⁵ *Тынянов Ю.Н.* Промежуток // *Русский Современник*. 1924. Кн. 4. С. 217; В этом последнем выпуске «Русского Современника», вышедшем в свет 25 декабря 1924 г. (*Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История Литературы. Кино. М., 1977. С. 472), статья была напечатана не целиком с обещанием продолжения — публикация обрывается после 8-ой главки об Илье Сельвинском. Полный текст статьи — с перераспределением главок — был напечатан в монографии Тынянова «Архаисты и Новаторы» (Л., 1929) и включен в этой редакции в: *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История Литературы. Кино. М., 1977. С. 168–195.

⁶ *Якобсон Р.* За и против Виктора Шкловского // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1959. Vol. I/II. P. 308.

⁷ *Мандельштам О.Э.* Литературная Москва // *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2: Проза. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2017. С. 86. Роман Якобсон рассказывал Виктору Дувакину, что видел Маяковского в первый раз на похоронах Валентина Серова, и ему запомнилось, как тот «необычайно зычным голосом, но в то же время без всякого ложного пафоса произнес речь от имени учеников Серова» (Устные воспоминания Р.О. Якобсона о Маяковском (1967) // *Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения*. Рига—М., 1995–1996. С. 300).

«Наш марш» и «Левый марш», а «камерные» «Хорошее отношение к лошадям», «Скрипка и немножко нервно» и «Послушайте!», поскольку, как эти стихотворения, «Про это» была написана Маяковским «вполголоса». Даже если он переходит в поэме на крик, то он кричит *шепотом*. «Рос Маяковский, рос с голоса», — замечал Виктор Шкловский⁸.

Как поясняет Тынянов, в «Про это» «его митинговый криковой стих, рассчитанный на площадной резонанс (как стих Державина был построен с расчетом на резонанс дворцовых зал), был не сродни стиху XIX века; этот стих породил особую систему стихового смысла»⁹. Он сближает поэму с его ранними лирическими стихотворениями именно по уровню звука и уже непосредственно в этом видит в «Про это» подведение творческих итогов и, одновременно, начало новой поэтики Маяковского:

В «Про это» — он перепробовал, как бы ощупал все стиховые системы, все затверделые жанры, словно ища выхода из себя. В этой вещи Маяковский переключается с «Флейтой-Позвоночником», со своими ранними стихами, подводит итоги <...>. Маяковский в ранней лирике ввел в стих *личность*, не «стершегося поэта», не расплывчатое «я», и не традиционного «инока» и «скандалиста», а поэта с адресом. Этот адрес всё расширяется у Маяковского; биография, подлинный быт, мемуары вырастают в стих («Про это»). Самый гиперболический образ Маяковского, где связан напряженный до истерики высокий план с улицей, — сам Маяковский.

(Еще немного, — и этот гиперболический образ высунет голову из стихов, прорвет их — и станет на их место). В «Про это» Маяковский еще раз подчеркивает, что стихия его слова враждебна сюжетному эпосу, что своеобразие его большой формы как раз в том и состоит, что она — не «эпос», а «большая ода»¹⁰.

В статье-реквиеме «О поколении, растратившем своих поэтов»¹¹ Роман Якобсон противопоставил его лирике «подлинно-эпические творения» Хлебникова, который «дал нам новый эпос <...> после

⁸ Шкловский В.Б. Случай на производстве (1931) // Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 431.

⁹ Тынянов Ю.Н. Промежуток // Русский Современник. 1924. Кн. 4. С. 217.

¹⁰ Там же. С. 219.

¹¹ «Статья интересная — мрачная и патетическая, — характеризовал ее в письме к Шкловскому от 13 августа 1930 г. Борис Эйхенбаум. — Фигура Маяковского дается не канонизированная. Буду ему на днях писать» (Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 534). Под впечатлением от «О поколении, растратившем своих поэтов» Шкловский написал собственную статью-реквием «Золотой край», включенную им в книгу «Поиски оптимизма» (М., 1931).

многих десятилетий безвременья», и декларативно обозначил это направление литературной работы Маяковского: «В противоположность Хлебникову, М. воплотил в себе лирическую стихию поколения. “Широкие эпические полотна” ему глубоко чужды и неприемлемы. Даже тогда, когда он покушается на “кровавую Илиаду революций”, на “Одиссею голодных лет”¹², вместо эпопеи вырастает только героическая лирика громадного диапазона»¹³. Как он подчеркивал далее, с «Про это» начинается новый «лейт-мотив» в его поэзии, который встраивается в лирическую парадигму Маяковского вместе с его другими произведениями: «Порою поэт непосредственно в стихах подчеркивает эту связь, отсылает к старшим вещам (например, в поэме Про это — к Человеку, а там — к ранним лирическим поэмам)»¹⁴, Оба они устанавливают ее преемственность, в терминологии Тынянова «сукцессивность», по отношению к довоенному творчеству Маяковского. Если Тынянов вспоминает «Флейту-позвоночник», то Якобсон — поэму «Человек»¹⁵, — но оба сходятся во мнении, что поэма безоговорочно перекликается с ранней лирикой, однако представляет собой новый шаг в его литературной эволюции.

Сразу после выхода «Про это» в свет Сергей Буданцев, считавший себя в те годы поэтом-футуристом, рассуждал в одном из его «литературных писем» о возвращении Маяковского к лирической тематике, категорически утверждая, что новизна поэмы заключается в ее магистральной теме — «теме о любви», которая звучит в противостоянии быту, — и это еще один важный лейтмотив поэмы:

¹² Образы из поэмы «150 000 000»; ср. название заметки: *Климанов Ал.* Кровавая Илиада и голодная Одиссея // *Курьер* (Владивосток). 1921. № 4, 2 окт.

¹³ *Якобсон Р.О.* О поколении, растратившем своих поэтов // *Смерть Владимира Маяковского*. Берлин, 1931. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Якобсон сравнивает «Про это» с поэмой «Человек», раскрывая в ней тему двойников поэта: «Другой двойник автобиографического героя поэмы *Про это* — “человек из-за семи лет”, автобиографический герой старшей поэмы *Человек*, который зовет из прошлого “отменить муку”, тогда как младший двойник не находит в “нынчести” предпосылку отмены. Но лирическому я поэмы *Про это* противостоит еще третий, ненавистный, бытовой, клопный двойник: “... бегу и вижу... себе навстречу сам иду с подарками под мышками”. Дальше о нем же: “... самое страшное: по росту, по коже, одеждой, сам и походка моя! — в одном узнал — близнецами похожи — себя самого — сам я”. Этот же двойник, с которым герой *Человек* тщится отождествить героя *Про это*: “Ты, может, к ихней примазался касте? Целуешь? Ешь? Отпускаешь брюшко? Сам в ихний быт, в их семейное счастье намереваешься пролезть петушком?”, и это тот самый двойник Присыпкин, про которого в комедийном плане расскажет *Клоп*» (*Якобсон Р.О.* За и против Виктора Шкловского // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* (s'-Gravenhage). 1959. Vol. I/II. P. 308). О связях «Про это» с поэмой «Человек» подробно рассказано в статье К.Ф. Тарановского «Поэма Маяковского “Про это”. Литературные реминисценции и ритмическая структура» (*Тарановский К.Ф.* О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 224–225, 227–230, 233).

Чудесную поэму «Про это» написал В. Маяковский. На его могучем даровании та изнурительная работа в Роста, в газетах, в журналах и журнальчиках, та поистине гигантская ежедневная работа, которая некоторым искренно любящим поэта казалась жертвой революции и коммунизму, отразилась только благотворно. Такого овладения темой, такой мощи дыхания, такой меткости слова и выверенности образа мы не наблюдали и в прежних лучших видах Маяковского. Маяковский после «человека-вещь» вновь обращается к теме о любви. Мы не возьмемся пересказывать поэму: бесплодный и долгий труд развертывать здесь прозаическое суконцо. Никогда Маяковский не был так, исходя из узкой лирической темы, «общественен». Вся поэма — сплошной вопль против нэповского мещанства и против мещанства старого, еще не изжитого. <...> В последней поэме Маяковский — нов. Он подает такие сгустки времени, так связывает душевные события, происшедшие на протяжении семи лет, а быть может и двух дней, как это возможно только в музыке. Его пейзаж, вся внешняя обстановка поэмы почти натуралистична, только стремительно летящее время движет тему поэмы, организуя материал в настоящий «авантюрный» роман. <...> Революционирующий эффект последней поэмы Маяковского поистине громаден...¹⁶

Про значение этой вторичной темы ретроспективно писал и Якобсон, разъясняя специфическую русскость самого понятия «быт»:

Творческому порыву в преображенное будущее противопоставлена тенденция к стабилизации неизменного настоящего, его обрастание косным хламом, замирание жизни в тесные окостенелые шаблоны. Имя этой стихии — *быт*. Любопытно, что в русском языке и литературе это слово и производные от него играют значительную роль, из русского оно докатилось даже до зырянского, а в европейских языках нет соответствующего названия — должно быть потому, что в европейском массовом сознании устойчивым формам и нормам жизни не противопоставлено ничего такого, чем бы эти стабильные формы исключались. Ведь бунт личности против косных устоев общества предполагает их наличие. Подлинная антитеза быта — непосредственно ощутительный для его соучастников оползень норм¹⁷.

Он называет быт «изначальным врагом поэта», темой, к которой тот «не устаёт возвращаться»¹⁸, и приводит среди примеров из поэзии Маяковского два катрена из «Про это»:

¹⁶ Буданцев С. Литературные письма // Зори (Нижний Новгород). 1923. № 4, 1 июня. С. 23–24; цит. по: Владимир Маяковский: pro et contra. СПб., 2006. С. 781–782.

¹⁷ Якобсон Р.О. О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Владимира Маяковского. Берлин, 1931. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 14.

Воскреси
 хотя б за то,
 что я
 ПОЭТОМ
 ждал тебя,
 откинул будничную чушь!
 Воскреси меня
 хотя б за это!
 Воскреси –
 свое дожить хочу!
 Чтоб не было любви — служанки
 замужеств,
 похоти,
 хлебов.
 Постели прокляв,
 встав с лежанки,
 чтоб всей вселенной шла любовь (С. 43).

Сконфуженность Маяковского в отношении главной темы поэмы отразилась в двух редакциях его автобиографии «Я сам». В варианте 1922 г. он писал о замысле «Про это»: «Задумано: О любви. Громадная поэма. В будущем году кончу»²⁰. В версии 1928 г. отчитывался о событиях пятилетней давности: «Написал: “Про это”. По личным мотивам об общем быте»²¹. При этом для людей, близких Маяковскому, авторской дилеммы, какая тема является главной, не существовало в принципе. Так, Эльза Триоле поддерживает строками из «Про это» свой рассказ о женщинах в жизни поэта:

Женщины занимали в жизни Маяковского много места, вот отчето я так долго останавливаюсь на этой теме...

Имя
 этой
 теме:

.....!

Дон-Жуан, распятый любовью, Маяковский так же мало походил на трафаретного Дон-Жуана, как хорошенькая открытка на написанное великим мастером полотно. В нем не было ничего пошлого, скабрязного, тенористого, женщин он уважал, старался не обижать,

²⁰ *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1955. С. 374.

²¹ Там же. С. 26.

но, когда любовь разрасталась — предъявлял к любви к женщине величайшие требования, без уступок, расчета, страховок...²²

В свою очередь, Тынянов в «Промежутке» также умаляет значение в «Про это» бытовой составляющей, рассматривая ее как признак «канона» Маяковского. Другими словами, «быт» относится к тематике поэта, которая соответствует привычному восприятию его литературной продукции читателями и создает материал для банальной переработки поэтических находок Маяковского его подражателями. Напротив, тему любви, как подчеркивает Тынянов, поэт делает «по старому грандиозной»:

Положение у Маяковского особое. Он не может успокоиться на своем каноне, который уже облюбовали всякие эклектики и эпигоны. Он хорошо чувствует подземные толчки истории, потому что они и сам когда-то был таким толчком. И поэтому он — так мало теоретизировавший поэт — так сознателен во время «промехутка». Он нарочно возвращается к теме «и личной, и мелкой, перепетой не раз и не пять» (и тут же делает ее по старому грандиозной)²³.

Тема противостояния быту, на его взгляд, возникает в «Про это» только по необходимости, когда поэт, «почувствовав бессилие», не может отделаться от «поэтических шор». В такие моменты, «канон» Маяковского отбрасывает его назад. «Когда канон начинает угнетать поэта, — размышляет Тынянов, — поэт бежит со своим мастерством в быт, — так Пушкин писал альбомные полу-эпиграммы, полу-мадригалы. <...> Стиху ставятся в быту такие задания, что он волей-неволей сходит с насиженного места, — всё дело в этом. Compliments в наше время даром не говорят; мадригалом стала для нас реклама. Мадригалы Маяковского Моссельпрому — это очень нужный иногда “поэтический разврат”». ²⁴ Противопоставляя лирике Маяковского его ангажированность стихотворной рекламой, вообще «бытовым» версификаторством²⁵, — в конце главки о Маяковском

²² Триоле Э. Воинствующий поэт // Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays. / Ed. by Bengt Jangfeldt, Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1975. P. 50. (Stockholm Studies in Russian Literature. Vol. 2). P. 25–69.

²³ Тынянов Ю.Н. Промехуток // Русский Современник. 1924. Кн. 4. С. 219.

²⁴ Там же. С. 219. Ср. также записанное М.Л. Гаспаровым замечание И.Ю. Подгаецкой: «Аполитизм Маяковского: у него нет прямых откликов ни на троцкизм, ни на шахтинское дело, его публицистичность условна, как мадригал (сказала И. Ю. П.)» (Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 223).

²⁵ Ср. оговорку Тынянова о выступлении Маяковского в Ленинграде в его письме к Шкловскому от 25 мая 1924 г.: «У нас был Маяковский (читал доклады с пустым залом),

в «Промежутке» он задает риторический вопрос: «Оплодотворит ли Маяковского хладнокровный Моссельпром, как когда-то оплодотворил его пылкий плакат Роста?»²⁶, — Тынянов использует идиому почти столетней давности, извлеченную им из журнала «Библиотека для чтения».

В 79-м томе этого «журнала словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод» была напечатана рецензия на первую книгу Алексея Плещеева «Стихотворения» (СПб., 1846)²⁷. Этот поэт, насколько мы знаем, никогда не входил в круг научных интересов Тынянова, однако, в рецензии, как ни парадоксально, речь идет прежде всего о Генрихе Гейне. Как переводчик его стихов и исследователь присутствия Гейне в русской литературе, Тынянов вряд ли мог пропустить эту публикацию, скорее всего, имеющую отношение к подготовительным материалам для его работы «Тютчев и Гейне», писавшейся на протяжении 1920-х гг., но так и незавершенной²⁸.

В рецензии есть пассаж, где автор отказывает поэту в способности передать в своих «песнях» какое-либо чувство, «доброе движение своей души», то есть высказаться на тему любви. По мнению рецензента биение своего «беспокойного сердца» Гейне подменяет «дикими поэтическими звуками» фантастических химер:

Гейне за всё берется; ему доступно каждое чувство, каждое движение души; но не верьте ему; это поэт неправды, и вся его поэзия — ложь. У него нет ни убеждения, ни святости. Он грустит, он плачет или смеется; не верьте ему — Гейне кокетничает, Гейне дурачится. Это отсутствие чистого нравственного начала, твердого теплого убеждения превращает все его песни в бесстыдную пародию чувства, в горькую гримасу, в жалкую карикатуру острого, но грязного ума. Гейне всё приносит в жертву своему остроумию и с наглым

с «Лефом» мы наполовину поладили. Впрочем, я в рекламы и невертящиеся колеса не могу уверовать. Это что-то вроде Евангелия» (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 722). Тынянов упоминает здесь также обсуждении с Маяковским коллективного выступления формалистов в № 1 (5) «Лефа» за 1924 г. со статьями о языке и стиле Ленина (в этом выпуске журнала были напечатаны работы Шкловского, Тынянова, Эйхенбаума, Л.П. Якубинского, Б.В. Томашевского, Б.В. Казанского). Ср. также использование «мадригал» Маяковского Моссельпрому как клише в концовке письма Шкловского к Якобсону:

«Живи счас<t>ливо и не топи подтяжек в клзетной чашке.

Виктор, 16 августа 1924 г.

Нигде кроме как в Моссельпроме (Скрепил Маяковский)»

(Виктор Шкловский и Роман Якобсон. Переписка (1922–1956) // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 117)

²⁶ Тынянов Ю.Н. Промежуток // Русский Современник. 1924. Кн. 4. С. 220.

²⁷ Стихотворение А. Плещеева // Библиотека для чтения. 1846. Т. LXXIX. Отд. V: Критика. С. 1–12. Эта находка принадлежит О.А. Проскурину, которому мы признательны за сообщение рецепта формулы, использованной Тыняновым в «Промежутке».

²⁸ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История Литературы. Кино. М., 1977. С. 558.

самодовольствием издевается над каждым добрым движением своей души, как будто он его стыдиться, как будто совестно ему этой мелкой слабости человеческой природы. И потому Гейне с особенным, заметным удовольствием обращается к темной стороне жизни и к мрачным, загадочным ее явлениям²⁹.

Впрочем, даже здесь, по мнению рецензента, Гейне проигрывает фигурам воображения Эрнста Теодора Амадея Гофмана:

Но все эти тихие бредни воображения, весь этот фантастический мир привидений только мимоходом волнуют сердце поэта и выражают внутреннюю, случайную тревогу его души. Это не Гофман, который жил и веровал в свои привидения, которого пугали все эти дикие, пестрые выдумки собственного расстроенного ума. У Гейне совсем другое дело. Среди литературного неряшества и *поэтического разврата* <курсив наш. — И.Л., А.У.>, он окружает себя уродливыми привидениями, гримасничает чувствами и, чуждый вдохновения правды, тешится дикими выдумками больного воображения. Все эти песни — или выражение тайного горя души, которого он стыдится, или вопли боязни, от которой он отделяется новым криком, новыми дикими песнями³⁰.

Разумеется, Тынянов использует эту формулу в ином контексте, где «поэтический разврат» обозначает несвоевременное творческое беспутство, растрату своих творческих сил, а главное — игнорирование главной темы. Не случайно, что в интервью берлинскому журналу «Politik und Gesellschaft» (1929. 24 Juni. Heft 17–18), беседуя о современной литературе, он охарактеризовал в двух словах прозу Виктора Шкловского как «циническое изящество», уподобив ее творческому подходу Гейне³¹.

Соответственно, по мнению Тынянова, иногда нужный «поэтический разврат», на самом деле, не заслуживает усилий Маяковского. Более того, ангажированность «бытовым» сочинительством для него вредна, поскольку отбрасывает поэта в его футуристическое прошлое, которое неуместно и несвоевременно:

Но

²⁹ Стихотворение А. Плещеева. С. 4.

³⁰ Там же. С. 5–6.

³¹ Литература и литераторы в Советской России. Беседа Ганса Веземана с Юрием Тыняновым // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига–М., 1995–1996. С. 102.

только действие инерции, — промежуток, когда инерции нет, по оптическим законам истории кажется нам тупиком. <...> У истории же тупиков не бывает. Есть только промежутки³³.

Как бы ненароком и явно мимоходом, он указал на особенность поэмы Маяковского, которую много позже сформулирует Роман Якобсон, не вчитываясь в статью «Промежуток», но придерживаясь научной траектории своего «прозорливого до ясновидения»³⁴ коллеги и друга.

В полемической заметке «За и против Виктора Шкловского» (1959), ставшей одной из причин ссоры Якобсона с Шкловским и их последующего разрыва³⁵, он обращал внимание на следующую особенность поэмы Маяковского:

Поэма *Про это*, которую сам автор считал „вещью наибольшей и наилучшей обработки“, была самым литературным, самым цитатным из всех его творений. Помимо включения старших вещей Маяковского — *Человека*, *Облака* <в штанах>, *Мистерии буфф* — непосредственно в тематику новой поэмы, там же находят себе место параллели из биографий Пушкина и Лермонтова, пародийная ссылка на *Нечаянную радость* Блока, подражание цыганскому романсу, отголоски евангельских мотивов, образы *Острова мертвых* Беклина, и даже заглавия частей поэмы вторят — первое *Балладе Редингской тюрьмы* Уайльда, а второе гоголевской *Ночи перед Рождеством*³⁶.

Как замечал вслед ему Кирилл Тарановский, «вопрос об источниках образов в поэме “Про это” давно уже привлекает внимание исследователей. <...> Одну деталь в этом перечне <Якобсона. — И.Л., А.У.> нам удалось уточнить. “Процыганенный романс” в “Про это” (“Мальчик шел в закат глаза уставя”) восходит к популярному романсу XIX века на слова стихотворения Лермонтова “Выхожу один я на дорогу”, мелодия которого не лишена сентиментального налета цыганщины”»³⁷.

³³ Там же. С. 210.

³⁴ Якобсон Р.О. Из комментария к стихам Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» // *Semiosis*. In *Honorem Jurij Lotman* / Ed. by K. Pomorska, M. Halle, et al. Ann Arbor, 1984 (Michigan Slavic Contributions. Vol. 10). P. 65.

³⁵ Галушкин А.Ю. Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Якобсона // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М., 1999. С. 136–143.

³⁶ Якобсон Р.О. За и против Виктора Шкловского // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1959. Vol. I/II. P. 306.

³⁷ Тарановский К.Ф. Поэма Маяковского «Про это». Литературные реминисценции и ритмическая структура // *Slavica Hierosolymitana*. 1979. Vol. IV. P. 114. Здесь Тарановский ссылается на свою первопродходческую статью «О взаимоотношении стихотворного

Активно споря с положениями Шкловского, высказанными в его книге «За и против» (М., 1957), этом наборе «сопоставлений, догадок и находок» о Достоевском,³⁸ Якобсон подробно комментирует то же место в «Про это», к которому подводил читателя «Промежутка» Тынянов:

Шкловский останавливается на «возвращениях» Раскольниковца в квартиру убитой, как , одном из эмоционально наполненных примеров «повторного разглядывания» в мировой литературе. Повторно сближая поэму *Про это*, точнее — ее вторую часть с тематикой Достоевского, он цитирует захватывающее сравнение Маяковского: <строка> 1135 «Вот так, убив, Раскольников пришел звенеть в звонок». На первый взгляд кажется, что поэт сравнивает не *себя* с Раскольниковым, а только «*свои возвращения* к дому любимой с возвращениями героя Достоевского». Между тем, весь контекст полон реминисценций из *Преступления и наказания*. Заголовок отрывка — «Деваться некуда» — отвечает словам Мармеладова — «некуда больше идти», которые возвращаются на ум Раскольникова, когда им овладевает мысль об убийстве (I/IV). <...> Таким образом первоначально сравнение с раскольниковским колокольчиком получало подробную мотивировку, дающую ключ и к балладной тюрьме в заглавии и стихах первой части, так как Редингский узник «ту убил, кого любил он, и вот за то умрет». Формула «сам казнится», прозвучавшая в стихах *Войны и мира*, становится лейтмотивом поэмы *Про это*³⁹.

Якобсон и Тарановский устанавливают подтексты в «Про это», оправдывая совет Маяковского молодым поэтам: «Учитесь у классиков проклятого прошлого»⁴⁰, — тем более, что эти параллели с классической литературой оправданы личными обстоятельствами автора. Так Маяковский сравнивал свое двухмесячное «добровольное заточение» для работы над поэмой с участием узника из баллады

ритма и тематики» (1963), где говорится: «Смены ритмов в этой поэме всегда очень резко ощутимы. В первый раз хорейский ритм вводится в поэму в главе “Спаситель” в сцене самоубийства <...>. Это хорейское четверостишие является своего рода введением к романсу: оно подготавливает его ритмический рисунок и задает заранее его напевную, “романсную” тональность. <...> В обеих строфах романса строго выдержана напевная тональность, заданная уже в последней строке введения. Конечно, не само лермонтовское стихотворение, а скорее его музыкальное оформление, не лишенное сентиментального налета цыганщины, породило поэтическую модель “процыганенного романса”. А ирония, как часто бывает у Маяковского, служит только маскировкой сокровенного трагизма ситуации» (Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 393–394).

³⁸ Якобсон Р.О. За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vol. I/II. P. 305.

³⁹ Там же. P. 306–307.

⁴⁰ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 396.

Оскара Уайльда⁴¹, а упоминание повести Николая Гоголя Якобсон связывал с «помыслами» лирического героя, «томимого любовью и ревностью, о самоубийстве», и так же, как и «его фантастический полет в Петербург и обратно», они переброшены из забавного гротеска о похождениях кузнеца Вакулы в трагическую повесть о страстях Маяковского⁴². Он также расширял реестр возможных параллелей:

Известен ли круг чтения Маяковского в его добровольном заточении в месяцы работы над поэмой? Во всяком случае в ней свежа память о *Преступлении и наказании*, включая «неприятный случай» Раскольникова с кучером, связавший главку «Боль была» в поэме Маяковского со строками о кучерских плетнях, которые стегали Евгения в *Медном всаднике*⁴³.

Вослед Якобсону можно утверждать, что, помимо классической литературы, значимые «источники образов» в «Про это» были позаимствованы Маяковским из поэзии «промежутка».

Литература

Буданцев С. Литературные письма // Зори (Нижний Новгород). 1923. № 4, 1 июня. С. 23–24.

В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930 / Сост., подгот. текста, введение и коммент. Б. Янгфельдта. Stockholm: Almqvist & Wiksell intern., 1982 (Stockholm Studies in Russian Literature. Vol. 13). 299 с.

Виктор Шкловский и Роман Якобсон. Переписка (1922–1956) / Предисл., подгот. текста и коммент. А.Ю. Галушкина // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 104–135.

Владимир Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Дядичева. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2006. 1072 с.

Галушкин А.Ю. Еще раз о причинах разрыва В.Б. Шкловского и Р.О. Якобсона // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 136–143.

⁴¹ В письме к Лиле Брик 19 января 1923 г. Маяковский обозначил свой адрес, как «Москва. Редингетская <sic!> тюрьма» и подписал его: «Твой Щен он же Оскар Уайльд он же шильонский узник...». Под следующим письмом тоже проставлена байроническая подпись: «Шильонский узник Урожденный Щен» (В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. Stockholm, 1982. С. 102–103).

⁴² *Якобсон Р.О.* За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vol. I/II. P. 306.

⁴³ Там же. P. 307.

- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 416 с.
- Климанов Ал.* Кровавая Илиада и голодная Одиссея // Курьер (Владивосток). 1921. № 4, 2 окт. С. 2–3.
- Кузмин М.* Парнасские заросли // Завтра. Литературно-критический сб. / Под ред. Евг. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского. Берлин, 1923. С. 116–118.
- Литература и литераторы в Советской России. Беседа Ганса Веземана с Юрием Тыняновым / Пер. с нем. Г. Раггауза // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига–М., 1995–1996. С. 99–102.
- Мандельштам О.* Литературная Москва // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 2: Проза. Изд. 2-е, испр. и доп. / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. СПб.: Гиперион, 2017. С. 86–89.
- Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 464 с.
- Маяковский В.В.* Про это / Фотомонтаж обложки и иллюстраций конструктивиста Родченко; Фотография Вассермана, Капустянского и Штеренберга. М.–Пг.: Государственное Издательство, 1923. 43 с.
- Стихотворение А. Плещеева // Библиотека для чтения. 1846. Т. LXXIX. Отд. V: Критика. С. 1–12.
- Тарановский К.* О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- Тарановский К.* Поэма Маяковского «Про это». Литературные реминисценции и ритмическая структура // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. IV. P. 114–125.
- Триоле Э.* Воинствующий поэт // Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays. / Ed. by Bengt Jangfeldt, Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1975 (Stockholm Studies in Russian Literature. Vol. 2). P. 25–69.
- Тынянов Ю.* Поэтика. История Литературы. Кино / Изд. подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Тынянов Ю.* Промежуток. (О поэзии). Есенин — Ходасевич — Казин — Ахматова — Маяковский — Сельвинский — Хлебников — Пастернак — Мандельштам — Тихонов — Асеев — Безыменский // Русский Современник. 1924. Кн. 4. С. 209–223.
- Устные воспоминания Р.О. Якобсона о Маяковском (1967) / Вступ. заметка и примеч. Е.А. Тоддеса // Седьмые Тыняновские чтения: материалы для обсуждения. / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига–М., 1995–1996. С. 297–317.
- Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / Сост. А.Ю. Галушкина и А.П. Чудакова; предисл. А.П. Чудакова; коммент. и подгот. текста А.Ю. Галушкина. М.: Советский писатель, 1990. 544 с.
- Якобсон Р.* За и против Виктора Шкловского // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1959. Vol. I/II. P. 305–310.
- Якобсон Р.* Из комментария к стихам Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» // Semiosis. In Honorem Jurij Lotman / Ed. by K. Pomorska, M. Halle, et al. Ann Arbor, 1984 (Michigan Slavic Contributions. Vol. 10). P. 65–69.
- Якобсон Р.* О поколении, растратившем своих поэтов // Смерть Владимира Маяковского. Берлин: Петрополис, 1931. С. 7–45.

References

Budancev S. Literaturnye pis'ma [Literary letters]. *Zori* (Nizhnii Novgorod), 1923, no. 4, June 1, pp. 23–24. (In Russ.)

Galushkin A.Iu. Eshche raz o prichinakh razryva V.B. Shklovskogo i R.O. Jakobsona [Revisiting the reasons of break in relations between V. Shklovsky and R. Jakobson]. *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts, documents, studies], ed. by H. Báran, S. Gindin. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999, pp. 136–143. (In Russ.)

Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski* [Records and extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)

Iakobson R. Iz kommentariia k stikham Maiakovskogo “Tovarishchu Nette — parokhodu i cheloveku” [From the commentary to Mayakovsky's poem “To Comrade Nette — the Steamer and the Man”]. *Semiosis. In Honorem Jurij Lotman*, ed. by K. Pomorska, M. Halle, et al. Ann Arbor, 1984 (Michigan Slavic Contributions. Vol. 10), pp. 65–69. (In Russ.)

Iakobson R. O pokolenii, rastrativshem svoikh poetov [On the generation that has wasted its poets]. *Smert' Vladimira Maiakovskogo* [Vladimir Mayakovsky's death]. Berlin, Petropolis Verlag A.G., 1931, pp. 7–45. (In Russ.)

Iakobson R. Za i protiv Viktora Shklovskogo [Pro et contra Viktor Shklovsky]. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1959, vol. I/II, pp. 305–310. (In Russ.)

Klimanov A.I. Krovavaia Iliada i golodnaia Odisseia [The sanguinary Iliad and the hungry Odyssey]. *Kur'er* (Vladivostok), 1921, no. 4, Oct. 2, pp. 2–3. (In Russ.)

Kuzmin M. Parnasskie zarosli [Parnassian thicket]. *Zavtra. Literaturno-kriticheskij sb.* [Tomorrow. Literary critical collection], ed. by Evg. Zamiatin, M. Kuzmin and M. Lozinskii. Berlin, 1923, pp. 116–118. (In Russ.)

Literatura i literatory v Sovetskoi Rossii. Beseda Gansa Vezemana s Iuriem Tynianovym [Literature and men of letters in Soviet Russia. Hans Wesemann's conversation with Yuri Tynyanov], transl. by G. Rathaus. *Sed'mye Tynianovskie chteniia: Materialy dlia obsuzhdeniia* [Seventh Tynyanov conference: Materials for discussion], ed. by M.O. Chudakova. Riga–Moscow, 1995–1996, pp. 99–102. (In Russ.)

Maiakovskii V.V. *Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 1* [Complete works: In 13 vols. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955. 464 p. (In Russ.)

Maiakovskii V.V. *Pro eto* [About this], cover photomontage and illustrations by Constructivist Rodchenko, photos by Wassermann, Kapustiansky and Sterenberg. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1923. 43 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O. Literaturnaia Moskva [Literary Moscow]. Mandel'shtam O.E. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. T. 2: Proza*. [Complete works: In 3 vols. Vol. 2: Prose], 2nd print, comp., ed. and comment. by A.G. Mets. St. Petersburg, Giperion Publ., 2017, pp. 86–89. (In Russ.)

Shklovskii V.B. *Gamburgskii schet. Stat'i — vospominaniia — esse (1914–1933)* [Hamburg reckoning: Articles — memoirs — essays (1914–1933)], comp. by A.Iu.

Galushkin and A.P. Chudakov, intro. by A.P. Chudakova, comment. and ed. by A.Iu. Galushkin. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 544 p. (In Russ.)

Stikhotvorenie A. Pleshcheeva [A poem by A. Pleshcheyev]. *Biblioteka dlia chteniia*, 1846, vol. LXXIX, part V: Criticism, pp. 1–12. (In Russ.)

Taranovskii K. *Opoezii i poetike* [On poetry and poetics], comp. by M.L. Gasparov. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)

Taranovskii K. Poema Maiakovskogo “Pro eto”. Literaturnye reministsentsii i ritmicheskaia struktura [Mayakovsky's poem “About this”. Literary reminiscences and rhythmic structure]. *Slavica Hierosolymitana*, 1979, vol. IV, pp. 114–125. (In Russ.)

Triole E. Voinstvuiushchii poet [Militant poet]. *Vladimir Majakovskij. Memoirs and Essays*, ed. by Bengt Jangfeldt, Nils Åke Nilsson. Stockholm, 1975 (Stockholm Studies in Russian Literature. Vol. 2), pp. 25–69. (In Russ.)

Tynianov Iu. *Poetika. Istoriia Literaturnykh Istorii* [Poetics. Literary history. Cinema], ed. by E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, Nauka Publ., 1977. 576 p. (In Russ.)

Tynianov Iu. Promezhutok. (O poezii). Esenin — Khodasevich — Kazin — Akhmatova — Maiakovskii — Sel'vinskii — Khlebnikov — Pasternak — Mandel'shtam — Tikhonov — Aseev — Bezymenskii [Interlude. (On poetry). Yesenin — Khodasevich — Kazin — Akhmatova — Mayakovsky — Selvinsky — Khlebnikov — Pasternak — Mandelstam — Tikhonov — Aseev — Bezymensky]. *Russkii Sovremennik* [Russian Contemporary], 1924, book 4, pp. 209–223. (In Russ.)

Ustnye vospominaniia R.O. Iakobsona o Maiakovskom (1967) [R.O. Jakobson's oral memoirs of Mayakovsky], intro. and comment. by E.A. Toddes. *Sed'mye Tynianovskie chteniia: materialy dlia obsuzhdeniia* [Seventh Tynyanov conference: Materials for discussion], ed. by M.O. Chudakova. Riga–Moscow, 1995–1996, pp. 297–317. (In Russ.)

V.V. Maiakovskii i L.Iu. Brik: Perepiska 1915–1930 [V.V. Mayakovsky and L.Yu. Brik: Correspondence 1915–1930], comp., ed., intro. and comment. by B. Jangfeldt. Stockholm, Almqvist & Wiksell intern., 1982 (Stockholm Studies in Russian Literature. Vol. 13). 299 p. (In Russ.)

Viktor Shklovskii i Roman Iakobson. Perepiska (1922–1956) [Viktor Shklovsky and Roman Jakobson. Correspondence (1922–1956)], intro., ed. and comment. by A.Iu. Galushkin. *Roman Iakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia* [Roman Jakobson: Texts, documents, studies], ed. by H. Băran, S. Gindin. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999, pp. 104–135. (In Russ.)

Vladimir Maiakovskii: pro et contra, ed. by V.N. Diadichev. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2006. 1072 p. (In Russ.)

**Vladimir Mayakovsky's "About This"
and the poetry of "Interlude"**
Part One: "In this theme, both personal and petty..."

Andrei Ustinov, Igor E. Loshchilov

Abstract: This article is the first in a series dedicated to poetics, literary sources and early reception of Vladimir Mayakovsky's longer poem "About This" (1923). It is focused on literary analysis of the poem undertaken by the philologists of the OPOIAZ circle, primarily, Yury Tynianov and Roman Jakobson, and, later, Viktor Shklovsky and Kirill Taranovsky. The authors discuss the significance of the critical study of "About This" in Tynianov's article "Interlude" (1924), and its direct connection with the critic's historical and literary studies at the time. Further, the authors demonstrate the correlation of key themes of love and *byt* as they were perceived by the first generation of Mayakovsky's readers. The theme of love is passionately conveyed by the poet, and it clearly overpowers his ruminations about everyday existence. The authors establish relations of "About This" with Mayakovsky's early lyrical pieces. In their discussion they rely upon rare printed sources and unpublished archival materials.

Keywords: Vladimir Mayakovsky, the poem "About This," Russian Futurism, poetics, Yury. Tynianov, "Interlude," Viktor Shklovsky, Roman Jakobson, OPOIAZ, Russian Formalism, the "formal method", Kirill Taranovsky

Information about the authors:

Andrei Ustinov, Dr. Hab., philologist. E-mail: abooks@gmail.com

Igor E. Loshchilov, Ph. D. Lead Researcher, Institute for Philology, Siberian Section of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: loshch@yandex.ru

Citation: Ustinov Andrei, Loshchilov Igor E. Vladimir Mayakovsky's "About This" and the poetry of "Interlude". Part One: "In this theme, both personal and petty..." *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 130–148.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-149-159
УДК 821.161.1

Дарственные надписи Маяковского в фонде Государственного музея В.В. Маяковского*

Г.А. Антипова

Аннотация: Статья посвящена описанию коллекции дарственных надписей Маяковского на книгах и анализу инскриптов как с точки зрения их связи с определенными этапами жизни и творчества поэта, так и по степени информационной полноты. Данное исследование проводится впервые на материалах Рукописно-документального фонда ГММ. Результаты работы будут использованы при подготовке 19-го тома Полного собрания произведений Маяковского в 20-ти томах.

Ключевые слова: Маяковский, дарственные надписи на книгах, Государственный музей В.В.Маяковского, Полное собрание произведений Маяковского.

Информация об авторе: Галина Александровна Антипова, научный сотрудник, Государственный музей В.В. Маяковского, Москва, Россия. E-mail: gal.antipova@mail.ru

Цитирование: *Антипова Г.А.* Дарственные надписи Маяковского в фонде Государственного музея В.В. Маяковского // Литературный факт. 2018. № 8. С. 149–159.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №17-04-00132 «Новые материалы к биографии Маяковского: историко-литературный и общественно-политический контекст».

Дарственные надписи на книгах — самый распространенный и лучший всего сохраняющийся вид дарственных надписей на предметах. Они достаточно давно стали объектом эмпирического, а в последние годы и теоретического изучения. Но эти теоретические подходы¹ остаются скорее умозрительными. Построение практически полезной типологии инскриптов, их статистическое обследование, сопоставление данных по историческим периодам, социальным стратам, жанрам изданий еще впереди. Предлагаемый обзор — опыт продвижения в методике работы с инскриптами на количественно небольшом, но исторически ценном материале. Кажется, этот опыт дает возможность уточнить, какого рода выводы можно делать на материале дарственных надписей одного автора.

Судя по всему, Маяковский должен был надписывать очень много книг. Он жил в те времена, когда дарение с инскриптом было уже обязательным действием для пишущего человека, имел множество друзей и знакомых, а главное — регулярно выступал с поэтическими вечерами, что всегда подразумевает просьбы об автографе и почти всегда именно на книге. Учитывая достаточно большие тиражи советских изданий поэта, счет надписанных им экземпляров должен идти на многие сотни, а скорее всего, их общее число четырехзначно.

Между тем на сегодня выявлено и зафиксировано на государственном хранении всего 194 дарственных надписи Маяковского на книгах², из них 110 хранится в Государственном музее В.В. Маяковского³. Понятно, что немало книг имеется в частных библиотеках. С коллекцией М.С. Лесмана в Музей А.А. Ахматовой поступило 16 инскриптов Маяковского — прибавилась почти десятая часть! Это дает представление о том, сколько их может находиться у коллекционеров вообще. Какое-то количество сохранилось, несомненно, и в собраниях не библиофильского характера. Но для изучения доступны лишь эти менее чем две сотни экземпляров, а из них собрание ГММ составляет, как видим, больше половины. Таким образом,

¹ Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180; *Рейтблат А.И.* К социологии инскрипта // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: НЛЮ, 2011. С. 466–475; *Зубков Н.Н.* О подходах к изучению дарственных надписей // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 576–588. В последнем сборнике ср. также интереснейшие замечания об инскриптах А.М. Пескова в тексте: *Немзер А.С.* О подарках. С. 632–638.

² Описание документальных материалов В.В. Маяковского, находящихся в государственных хранилищах. Вып. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 98–117. К ним прибавлено три опубликованных инскрипта Р.О. Якобсону (*Якобсон Р.* Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. С. 213).

³ См.: Русская футуристическая книга из коллекции Государственного музея В.В. Маяковского. Вып. 1: В.В. Маяковский. Каталог прижизненных изданий. М.: ГММ, 2009. Далее при упоминании описанных в этом каталоге экземпляров приводится номер по каталогу и инвентарный номер музея. В «Описании документальных материалов» дополнительно выявлено 5 экземпляров изданий, не включенных в каталог, добавлено 6 надписей, сделанных Маяковским на сборниках, журналах и на книге другого автора, а также уточнены некоторые чтения и атрибуции.

его анализ вполне релевантен для представления а стилистике дарственных надписей Маяковского и в значительной мере — для характеристики круга их адресатов. Подсчеты в этой статье выполнены только на материале фондов ГММ, для содержательной же характеристики привлекается и остальной материал.

Беглый взгляд на список адресатов сразу открывает несколько не вполне обычных обстоятельств.

Всего отмечено около 50 надписанных Маяковским изданий (в ГММ — 42), т.е. в среднем около 4 экземпляров каждого издания. Но среднее число инскриптов каждому адресату гораздо меньше, причем по 5 — только Л.Ю. Брик и Л.В. Маяковской. Считая 2 экземпляра с надписями О.М. Брику, один (почему-то на сборнике А. Безыменского) — В.А. Катаняну и 4 — маленькому В.В. Катаняну, из семьи Бриков-Катанянов происходит 12 экземпляров: 5 «катаняновских» — в ГММ, 7 «бриковских» — в других хранилищах⁴. У сестер Маяковских (ныне мемориальный фонд ГММ) сохранилось 13 книг с надписями брата, еще три подарены Ольге, одна — матери и четыре — всем вместе. Остальные книги Маяковского в мемориальном фонде его надписей не имеют. Если основываться только на этих данных, пришлось бы думать, что Маяковский даже близким людям не дарил книг регулярно. Можно было бы предположить, что Брикам с определенного времени автографы Маяковского стали нужны только в особых случаях, но это не подтверждается наличием инскриптов на таких изданиях, как «Испания. Океан. Гавана. Мексика» (1926) — Лиле и пятый том собрания сочинений (1927) — Осипу, который вообще-то был редактором этого собрания (оба в ГЛМ). Куда делись надписи на остальных изданиях (в том числе, вероятно, на других томах собрания), непонятно. Инскриптов Л. Арагона и Э. Триоле в библиотеке Лили (ныне в ВГБИЛ) сохранилось заметно больше.

Что касается родных, то создается впечатление, что поначалу Маяковский дарил им книги всем вместе, потом начал дарить по экземпляру матери и каждой из сестер, а с 1924 г. дарить почти перестал. Поэма «Про это» в мемориальном фонде имеется в трех экземплярах с идентичными надписями: «Мамочке Вол», «Людочке Вол», «Олечке Вол» (№ 27, экз. 25589–25591); точно так же надписан сборник «Маяковский для голоса» (№ 22, экз. 27988/21–22), только не сохранился экземпляр Александры Алексеевны. Позже известна лишь одна книжка, подаренная Люде, — по любопытному совпадению, та же «Испания...» (№ 64, экз. 27988/20); в этой надписи появляется исчезнувшее из прежних подарков слово «дорогой». Учитывая, что библиотека сестер, в отличие от бриковской, не дробилась

⁴ Известная стихотворная надпись Лиле («Вы и писем не подпускаете близко...»), сделанная в январе 1923 г., воспроизведена ею по памяти на одном из экземпляров Библиотеки-музея Маяковского (№ 21, экз. 116793), оригинал же хранится в Государственном литературном музее (Описание. С. 100).

и никуда не переезжала, а брата они почитали сильно, можно думать, что других инскриптов в последние годы действительно не было или почти не было.

Для остальных адресатов степень близости к автору и количество известных экземпляров, им подаренных, никак не коррелируют. Некоторые из инскриптов определенно близким людям, конечно, не учтены, потому что находятся в частном владении или за границей (ср. упомянутые выше надписи Якобсону). С другой стороны, существование Музея А.М. Горького привело к тому, что в государственном хранилище оказались, по-видимому, все четыре надписанных ему экземпляра, хотя добрые отношения Маяковского с ним продолжались, как известно, недолго. И всё же трудно избавиться от ощущения случайности, видя, что опубликовано три автографа на книгах полпреду в Париже В.С. Довгалеvскому⁵, столько же — секретарю А.В. Луначарского В.Д. Зельдовичу⁶, но всего два — Н.Н. Асееву, по одному — В.Э. Мейерхольду и самому Луначарскому, ни одного — Н.А. Брюханенко, В.В. Полонской, В.Б. Шкловскому, С.И. Кирсанову и многим другим людям из круга самого тесного общения. Поэтому известные (не говорим «сохранившиеся») записи Маяковского в целом не являются надежным источником для его биографии, а в случае гипотетического исчезновения всех остальных источников создавали бы а ней и вовсе искаженное представление. В какой-то мере это, очевидно, верно для любого автора, и надо только иметь это в виду, чтобы не ожидать от источника того, чего он дать не может.

Характеристикой же дарителя является *стиль* его инскриптов, и в этом отношении имеющийся материал инскриптов Маяковского дает, надо думать, достаточную базу для выводов, опирающихся на подсчеты.

Для классификации дарственных надписей Маяковского мы выбрали два параметра:

I. Наличие / отсутствие указания имени адресата («именные» и «анонимные» надписи). Надписи с перифрастическим обозначением адресата («Другу великолепному футуру» — № 21, экз. Р-5678) считаются анонимными.

II. Наличие / отсутствие стандартных («дорогому», «милому» и т.д.) или нестандартных расширений надписи.

Таким образом, выделяется шесть основных групп:

1.1. Именные надписи без расширения («Тиванову В. Маяков<ский>»: № 2, экз. 10666).

1.2. Именные со стандартным расширением («Дорогому Васичке Володя»: В.В. Каменскому, № 57, экз. 11792). Здесь мы дополнительно выделяем надписи с обозначением:

1.2.1. Только имени;

1.2.2. Только имени и отчества;

⁵ Описание. С. 103; все в ГММ.

⁶ Там же. С. 104; все в РГАЛИ.

1.2.3. Фамилии с именем или без него.

1.3. Именные с нестандартным расширением («Всеволоду Эмильевичу Маяковский (может пригодиться)»: № 3, экз. P-5741).

2.1. Анонимные без расширения («ВлМаяк<овский>»: № 51, экз. P-6601).

2.2. Анонимные со стандартным расширением («Маяковский Нежно» (№ 8, экз. P-5863).

2.3. Анонимные с нестандартным расширением («Свидетелю впутывания Малкина в футуристическую авантюру Маяковский...»: № 10, экз. P-5330).

Итоговый результат сведен в следующих таблицах (с округлением до 0,5%):

Табл. 1

	1.1	2.1	1.2.1	1.2.2	1.2.3	2.2	1.3	2.3	Итого
Изданий	22	7	15	7	10	3	12	4	42
Экземпляров	23	9	17	10	16	1	19	5	110
% экземпляров	21,0	8,0	15,5	9,0	14,5	1,0	17,0	4,0	100
Изданий	29		34			14			
Экземпляров	41		42			22			
% экземпляров	39,0		40,0			21,0		100	
Общее количество меньше суммы столбцов, поскольку экземпляры одного издания имеют инскрипты разных типов.									

Табл. 2

С именными инскриптами	
Изданий	39
Экземпляров	95
% экземпляров	86,5
С анонимными инскриптами	
Изданий	11
Экземпляров	15
% экземпляров	13,5

Из первой таблицы видно, что стиль инскриптов Маяковского ближе соответствует общей норме, принятой в литературной среде, чем это можно было бы предположить. В самом деле, по резонному утверждению А.И. Рейтблата, именно поэты авангарда положили начало широкому распространению нестандартных надписей⁷, а вскоре сначала писатели, затем и не только они всё больше перенимали эту манеру (вследствие чего инскрипт как текст становится всё более загадочным). В библиотеке А.Е. Крученых надписей с нестандартными расширениями по самому строгому подсчету больше половины, а если сделать критерии нестандартности мягкими (все, кроме вежливых эпитетов и указания на обстоятельства дарения) — едва ли

⁷ Рейтблат А.И. К социологии инскрипта. С. 473.

не три четверти⁸. 21% нестандартных надписей Маяковского — может быть, немалая цифра для «буржуазного» литератора и была бы очень большой для дореволюционного профессора, но для его среды, как видим, скорее мала. К тому же, как только что было сказано, доля нестандартных надписей со временем увеличивалась (в библиотеке Крученых вообще не сохранилось инскриптов раньше конца 1920-х гг.), у Маяковского же половина их приходится на 1918–1919 гг. (собственно, четыре издания: № 7–10 по каталогу ГММ), а после 1925 г. такая надпись в ГММ зафиксирована всего *одна*⁹ и еще одна в ГЛМ (Б.Л. Пастернаку)¹⁰. Это, на наш взгляд, показывает, что в первое послереволюционное время процесс дарения книг для Маяковского был игровым, под конец же стал рутинным.

Остальные экземпляры с инскриптами практически поровну делятся между надписями без расширения и со стандартным расширением. Такое точное совпадение (42 и 44), конечно, случайно, но реальную пропорцию отражает, очевидно, правильно. Выводы отсюда делать, наверное, рано, потому что в этих категориях смешиваются разные ситуации. В каких-то случаях надпись без расширения может означать дарение почти незнакомому (может быть, даже и совсем незнакомому) человеку: «Холмогорову ВМаяков<ский>» (№ 7, экз. Р-5679), но большинство их иного рода. Исчезновение эпитетов в надписях родным, возможно, отчасти подтверждает версию Л.Ю. Брик об охлаждении отношений Маяковского с ними, но лишь до известной степени. Может быть, здесь сказалось охлаждение скорее к процессу дарения: ведь есть безэпитетные надписи, адресованные людям, близкое и доброе знакомство с которыми зафиксировано: В.М. Ходасевич («Вуалеточке В. Маяковский» — № 7, экз. 11145), П.И. Лавуту («Павлу Ильичу Лавуту Владимир Маяков<ский>» — № 64, экз. 11698). Нередко в последние годы такие инскрипты адресованы детям: экз. 1933 (№ 58) и пара надписей, возможно, сделанных одновременно: «Васе Катаняну Володя Маяковский» (№ 73, экз. 5485) и «Василию Васильевичу от Владимира Владимировича» (№ 74, экз. 5439). Таким образом, отсутствие расширения можно считать немаркированным признаком (что, думается, верно не для любого дарителя), присутствие же его — признак маркированный, указывающий на существование так или иначе осознанных дарителем отношений. И хотя выбор эпитета не обязательно отражает истинное отношение дарителя к получателю, их отбор так или иначе характеризует обоих. В этом смысле показательно, что у Маяковского часто встречается эпитет «милый», производные от слов «любовь» и «нежность» (даже в анонимных надписях)¹¹ и никогда — «уважение».

Несколько удивительно, что мало известно примеров самого простого типа анонимных надписей (только росчерк): ведь массовые раздачи автографов обычно предполагают именно его. Один экземпляр второго издания

⁸ Основная часть инскриптов библиотеки Крученых опубликована в: Советский художественный авангард: Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1. М.: Рудомино, 2012. С. 48–115.

⁹ Описание. С. 107, экз. ГММ 11699.

¹⁰ Там же. С. 131.

¹¹ № 8, экз. Р-5683; Описание. С. 109 (И.А. Малютину).

«Облака в штанах») (№ 7, экз. Р-5304) и один экземпляр «Человека» (№ 8, экз. Р-5305) дополнены указанием на место («Кафе поэтов») и, возможно, надписаны именно при такой раздаче. Другие анонимные надписи на «Облаке», сделанные в кафе, имеют нестандартные расширения: «Втирайте До суха!» (экз. 11248); «Для внутреннего употребления» (экз. 11347). Несколько простых автографов, зафиксированных в других хранилищах, относятся также к 1918 г. Затем таких встречается пять, из которых один явно связан с гастрольным выступлением, поскольку имеет указание на место (Баку) и дату¹², а один, адресат которого атрибутирован как А.А. Жаров, заведомо не связан¹³.

Соотношение именных надписей с анонимными в целом (табл. 2) характеризует, видимо, не практику дарения Маяковского, а отношение к подаренным им книгам: на государственное хранение их передавали в основном те, кто считал себя как-то связанным с поэтом. Это подчеркивается еще преобладанием инскриптов без упоминания фамилии над инскриптами с ее упоминанием, что видно по цифрам группы 1.2 (в группах 1.1 и 1.3 соотношение примерно такое же). В первом случае несомненно, что люди друг другу по меньшей мере представлены (а обращение без отчества говорит а коротком знакомстве); во втором это не обязательно, хотя и тут среди адресатов встречаются такие близкие знакомые и друзья, как П.И. Лавут¹⁴, Д.Д. Бурлюк (№ 4, экз. Р-5486) и др.

Отметим еще, что из инскриптов, находящихся в ГММ, датировано 40 или 36,4%, все не позднее 1926 г. Интерпретировать это соотношение мы затрудняемся. Возможно, до какого-то времени Маяковский датировал или не датировал надписи относительно случайно. Впрочем, можно заметить, что родным он не датировал их никогда, а людям с положением (Горькому, Довгалеvскому, Д.А. Фурманову), как правило, датировал. Но поздняя надпись Довгалеvскому — без даты.

Табл. 3

	1.1	2.1	1.2	2.2	1.3	2.3	Итого
1913–1917 (№ 1–6)							
Изданий	2	0	5	0	0	0	5
Экземпляров	3	0	7	0	0	0	10
1918–1923 (№ 7–37)							
Изданий	11	3	8	3	8	3	15
Экземпляров	18	4	20	3	12	5	60
1924–1930 (№ 38–85)							
Изданий	8	4	9	0	2	1	17
Экземпляров	10	4	12	0	2	1	29
В таблице для наглядности последующих рассуждений учтены только инскрипты на изданиях произведений Маяковского, включенных в каталог ГММ.							

¹² Описание. С. 110, № 47, экз. 12335; адресат атрибутирован как Ф.С. Непряхин (со ссылкой на статью М.А. Немировой).

¹³ Там же. С. 104, экз. ГММ 28423.

¹⁴ См. выше, а также: Описание. С. 107.

Третья таблица, дающая хронологическую разбивку, нуждается в предварительном пояснении. Выбор 1917 г. в качестве границы периода очевиден. Другая грань — выход двухтомного собрания «13 лет работы» и сопутствующих ему сборников («Стихи а революции», «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издается», «Избранный Маяковский», «255 страниц Маяковского» и др.), после которого изменились как характер работы поэта, так и характер ее книжного представления. Можно было бы взять и 1924 г., в котором зафиксирован только один инскрипт (простой автограф неустановленному лицу — № 41, экз. 11392) на одном из семи изданий Маяковского, вышедших в этом году¹⁵. С 1925 г. надписанных изданий становится опять несколько больше, и всё же тенденция вполне очевидна. Из шести дореволюционных изданий Маяковского неизвестны только инскрипты на «Простом как мычание» (кроме того, есть два надписанных экземпляра «Требника троих»). В первые советские годы доля изданий с опубликованными инскриптами падает (15 из 31), зато значительно выше среднее число подписанных экземпляров на издание: 4 против 2 раньше и 1,7 позже. Иными словами, на эти шесть лет приходится больше половины известных инскриптов Маяковского, изданий же вышло немногим более трети. В фонде ГММ есть по 10 инскриптов на втором издании «Облака в штанах», «Человеке» и «Для голоса», следом идет «Про это» — шесть надписей (правда, три из них — родным). С другой стороны, в те же годы вышло 8 агитационных изданий (включая «Советскую азбуку»), ни на одном из которых автографы Маяковского не известны. К той же категории относится и четыре из семи изданий «безавтографного» 1924 г. Тенденция очевидна: агитброшюры Маяковский знакомым, похоже, не дарил, даже если это большая поэма «Вон самогон!», а дарить незнакомым в начале 1920-х гг. не было случаев — тогда он реже, чем в другие годы, выступал на публике. Пик же дарений 1918 г. связан как раз с активными выступлениями в «Кафе поэтов».

По контрасту впечатляет статистика последнего шестилетия: 17 надписанных изданий из 48 при падении среднего числа надписанных экземпляров даже ниже дореволюционного уровня. Материал других хранилищ разве что ненамного изменит это отношение. Получается, что чем больше Маяковский издавал книг, тем меньше надписывал. Между тем, как сказано в самом начале, в постоянных турне он должен был раздавать многое множество автографов, и надписи, несомненно связанные с выступлениями, действительно есть. Три из них сделаны в один день: одна анонимная (№ 47, экз. 12335) упомянута выше, две других — именная и анонимная на двух экземплярах более раннего издания (№ 22, экз. Р-5299 и Р-5378)¹⁶. Очевидно, сохранение и обнаружение сразу трех книг, надписанных на одном утреннике, связано с какими-то особыми обстоятельствами. Происхождение еще трех простых автографов неизвестно, но обычно такие делаются

¹⁵ Автограф Фурманову на журнале «ЛЕФ» (№ 4) в подсчет не вошел.

¹⁶ Анонимная запись атрибутируется Е.П. Конушкиной (Описание. С. 106).

именно при массовых раздачах. Мы не можем сказать, сколько таких автографов пропало или ждет своего часа.

С другой стороны, сохранившиеся инскрипты, несмотря на их малое количество, позволяют с достаточной долей уверенности сказать, что друзьям и знакомым Маяковский в последние годы надписывал еще меньше книг, чем прежде. Довольно характерны исключения: это, во-первых, детские книги, затем книги, связанные с заграницей (нью-йоркское «Открытие Америки», «Париж», «Испания...»), возможно, «Американцам для памяти» с анонимной надписью — № 51, экз. Р-6601), «Хорошо!»¹⁷, «Клоп», собрание сочинений. Из стихотворных сборников последних лет известен только экземпляр сборника «Слоны в комсомоле» с надписью В.С. Довгалевскому (№ 78, экз. Р-5457). Напрашивается вывод, что сам Маяковский отчетливо делил свои работы на серьезные и проходные, из которых только серьезные были достойны дарения с надписью. Конечно, подтвердить или опровергнуть такой вывод может лишь более широкий материал, если он появится.

Таким образом, с большей или меньшей степенью достоверности наш анализ привел к таким заключениям.

На сегодня выявлена лишь малая доля дарственных надписей Маяковского на книгах, причем известно очень мало автографов, сделанных при их массовых раздачах. Инскрипты знакомым сохранились или выявлены очень неравномерно и в целом не являются достаточно надежным источником биографии Маяковского. Разумеется, в отдельных случаях они, как и большинство инскриптов вообще, могут помогать дальнейшим разысканиям или, скорее, провоцировать на них. Стиль дарственных надписей Маяковского в большей степени, чем можно было бы ожидать, ориентирован на стандарт ритуала дарения, хотя и нестандартные надписи попадаются в заметном количестве, но лишь на ограниченном временном отрезке. Число надписанных экземпляров и разнообразие надписей растет от начала деятельности Маяковского до первых послереволюционных лет, а затем, начиная с 1924 г., скачкообразно падает: дарение книг, видимо, стало для Маяковского малоинтересной во всех отношениях вещью. Возможно, количество экземпляров издания, подаренных известным адресатам, соотносится со значимостью этой книги для самого поэта.

Если стиль инскриптов одного человека в определенной мере характеризует дарителя, то и дарственные надписи, адресованные одному человеку, небезразличны к личности адресата. Поэтому представляется полезным обследовать также опубликованные надписи на книгах, адресованные Маяковскому. Это должно стать темой следующей работы.

¹⁷ В ГММ инскрипты только на втором издании, но сохранились также экземпляры первого, надписанные Л.В. Кулешову (Описание. С. 107, в РГАЛИ) и Б.Л. Пастернаку (Там же. С. 111, в ГЛМ — упомянутая выше нестандартная надпись).

Литература

Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180.

Зубков Н.Н. О подходах к изучению дарственных надписей // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 576–588.

Немзер А.С. О подарках // А.М.П.: Памяти А.М. Пескова. М.: РГГУ, 2013. С. 632–638.

Описание документальных материалов В.В. Маяковского, находящихся в государственных хранилищах. Вып. 3. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 286 с.

Рейтблат А.И. К социологии инскрипта // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 466–475.

Русская футуристическая книга из коллекции Государственного музея В.В. Маяковского. Вып. 1: В.В. Маяковский. Каталог прижизненных изданий. М.: ГММ, 2009. 213 с.

Советский художественный авангард: Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1. М.: Рудомино, 2012. 183 с.

Якобсон Р. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с.

References

Iakobson R. *Budetlianiin nauki: Vospominaniia, pis'ma, stat'i, stikhi, proza* [Budetlyanin of science: Memoirs, letters, articles, poems, prose], comp., ed., introd. articles and comment. by B. Jangfeldt. Moscow, Gileia Publ., 2012. 306 p. (In Russ.)

Nemzer A.S. O podarkakh [About gifts]. *A.M.P.: Pamiati A.M. Peskova* [A.M.P.: In memory of A.M. Peskov]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 632–638. (In Russ.)

Opisanie dokumental'nykh materialov V.V. Maiakovskogo, nakhodiashchikhsia v gosudarstvennykh khranilishchakh. Vyp. 3 [Description of V.V. Mayakovsky's documentary materials in state repositories. Issue. 3]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopeidiia Publ., 2013. 286 p. (In Russ.)

Reitblat A.I. K sotsiologii inskripta [On the sociology of inscription]. *Ot Kibirova do Pushkina: Sb. v chest' 60-letii N.A. Bogomolova* [From Kibirov to Pushkin: A collection in honor of N.A. Bogomolov's 60th anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ, 2011, pp. 466–475. (In Russ.)

Russkaia futuristicheskaia kniga iz kolleksii Gosudarstvennogo muzeia V.V. Maiakovskogo. Vyp. 1: V.V. Maiakovskii. Katalog prizhiznennykh izdani [Russian futuristic book from the State Mayakovsky Museum collection. Issue. 1: V.V. Mayakovsky. Catalog of lifetime editions]. Moscow, State Mayakovsky Museum Publ., 2009. 213 p. (In Russ.)

Sovetskii khudozhestvennyi avangard: *Inskripty knizhnogo sobraniia RGALI. Вып. 1* [Soviet artistic avant-garde: Inscriptions in the RGALI book collection. Issue. 1]. Moscow, Rudomino Publ., 2012. 183 p. (In Russ.)

Zalizniak A.A. Dnevnik: k opredeleniiu zhanra [Diary: on the genre definition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 106, pp. 162–180. (In Russ.)

Zubkov N.N. O podkhodakh k izucheniiu darstvennykh nadpisei [On approaches to the study of dedicatory inscriptions]. *A.M.P.: Pamiati A.M. Peskova* [A.M.P.: In memory of A.M. Peskov]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 576–588. (In Russ.)

Mayakovsky's dedicatory inscriptions in the State Mayakovsky Museum collection

Galina A. Antipova

Abstract: The article describes the collection of Mayakovsky's dedicatory inscriptions on books, the inscriptions are analyzed from the point of view of their connection with certain stages of poet's life and work as well as the degree of informative completeness. The present research is made on the materials of State Mayakovsky Museum Manuscript and Document Department for the first time. The results of the work will be used during preparation of the 19th volume of Mayakovsky's Complete Works in 20 volumes.

Keywords: Mayakovsky, dedicatory inscriptions on books, State Mayakovsky Museum, Mayakovsky's Complete Works.

Information about the author: Galina A. Antipova, research associate, State Mayakovsky Museum, Moscow, Russia. E-mail: gal.antipova@mail.ru

Citation: Antipova Galina A. Mayakovsky's dedicatory inscriptions in the State Mayakovsky Museum collection. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 149–159.

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-160-175

УДК 821.161.1

**О жанровом составе рукописного сборника,
принадлежавшего боярину М.П. Головину***А.С. Демин*

Аннотация: В статье анализируется как литературный факт один из неизученных древнерусских повествовательных рукописных сборников XVII в. Публикуются два интересных анонимных произведения из его состава: «Послание печальнымъ человекомъ» и вирши «О житии человекомъ».

Ключевые слова: древнерусская литература, сборники, текстология, поэтика, эпистолография, стихотворство.

Информация об авторе: Анатолий Сергеевич Демин, д.ф.н., главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: anatolydemin@gmail.com

Цитирование: Демин А.С. О жанровом составе рукописного сборника, принадлежавшего боярину М.П. Головину // Литературный факт. 2018. № 8. С. 160–175.

Научная традиция изучать рукописные четьи сборники как литературные источники заложена трудами многих ученых, особенно Я.С. Лурье, И.М. Кудрявцева, О.В. Творогова, Р.П. Дмитриевой, В.И. Малышева. Для историков литературы сборники интересны цельностью их содержания и литературностью их состава.

В предлагаемой работе речь пойдет о сравнительно небольшом сборнике XVII в.: НИОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 809 (1874), в 4°. 298 л. Целен ли этот сборник в каком-нибудь отношении? Рассмотрим его состав:

л. I–II об. Пустые.

л. 1–1 об. «Главы книги сея»¹.

¹ Текст сборника цитируется по оригиналу. Электронная версия: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=809>

- л. 2–18. «Послание печальнымъ человекомъ»².
- л. 18 об.–19. «Слово о видении ангела»³.
- л. 19–21 об. «Толкование о кадиле: что есть кадило»⁴.
- л. 21 об.–22. Без заглавия⁵.
- л. 22 об.–126. «Послание въ Кириловъ монастырь»⁶.
- л. 126 об. Пустой.
- л. 127–128. «Предословие грамоте: что предложено после сей грамоты <...>»⁷.
- л. 128 об.–131 об. Пустые.
- л. 132–295 «Житие и подвизи и отчасти чудесь исповедание иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго и всеа России. Благослови отче»⁸.
- л. 295 об.–298. Пустые.

Несмотря на пустые листы в середине сборника, формальная цельность рукописи все-таки просматривается. Ведь бóльшая часть сборника написана одним красивым классическим полууставным почерком.

Можно предположить, что рукопись составила из двух частей. Судя по счету тетрадей на нижнем поле листов тем же почерком, писец переписал 17 тетрадей (л. 2–122 об.), но почему-то не завершил «Послание» Ивана Грозного, дойдя до тетради 18, оставшейся пустой (л. 123–130 об.). Отдельно же он переписал еще 23 тетради с «Житием Филиппа», начав счет тетрадей заново. К обеим частям сборника писец добавил оглавление (л. 1–1 об. вне счета тетрадей).

Затем кто-то позже очень крупным неряшливым наклонным полууставом дописал окончание «Послания» Ивана Грозного и «Предословие грамоте» (л. 123–128). На то, что это произошло позже, указывает оглавление первого, основного писца, где «Предословие грамоте» не упомянуто. После добавлений рукопись была переплетена как нечто целое.

² В оглавлении пояснено: Глава 1-я. Послание печальным человеком от божественнаго писания на утешение [л. 1].

³ В оглавлении это коротенькое «Слово» не указано.

⁴ В оглавлении пояснено: Глава 2-я. Толкование о кадиле: что есть именуется кадило [л. 1].

⁵ В оглавлении пояснено: Глава 3-я. О житии человекомъ [л. 1].

⁶ В оглавлении пояснено: Глава 4-я. Послание в Кириловъ монастырь царя и великаго князя Иоанна Васильевича [л. 1–1 об.].

⁷ В оглавлении это «Предословие» не указано.

⁸ В оглавлении немного иначе: глава 5-я. Житие и подвизи иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго и всеа России чудотворца.

Сборник составился, по-видимому, примерно в третьей четверти XVII в., в 1650–1670-х гг., во всяком случае не ранее 1618 г., так как в сборнике переписана вторая, Тулуповская редакция «Жития митрополита Филиппа», датированная Г.Г. Латышевой этим временем. Больше того, сборник был переписан после 1652 г., так как в заглавии «Жития» митрополит Филипп назван святым («иже во святыхъ»), а канонизирован он был в 1652 г.; кроме того? «Житие» завершается новой формулой «во веки вековъ, аминь» (а не старой «во веки векомъ»), новоутвержденной церковным собором 1654 г. В «Послании печальнымъ человекомъ» по-новому же написано «Иисусъ Христосъ» [л. 11 об.], а не по-старому «Исусъ». С другой стороны, сборник уже существовал до 1682 г., так как на начальном пустом л. I имеется владельческая запись скорописью XVII в.: «Книга боярина Михаила Петровича Головина», а боярство М.П. Головин, судя по многочисленным справочникам, получил именно в 1682 г. Итак, 1654–1682 гг. Точнее датировать сборник пока не удастся. Его составитель и протографы неизвестны.

Содержательная связность сборника заметна не сразу, оттого что его тематический и жанровый состав довольно разнообразен — это и послания, и «слово», и «толкование», и вирши, и житие: 1) в начале образец послания, пригодный для письмовника; 2) затем «Слово о видении ангела» попом Аммонием, восходящее к «Синайскому патерику» («слово» 336); 3) далее богословское «Толкование о кадиле», присутствующее и в Троицком сборнике № 808; 4) за ним следует виршевое предисловие к неназванной книге, известное уже в середине XVII в.; 5) потом «Послание» Ивана Грозного» и 6) «Предословие» к нему; 7) и в конце «Житие митрополита Филиппа».

Но что-то объединяющее эти произведения, пожалуй, есть. Большая часть сборника выдает интерес составителя к жестокой деятельности Ивана Грозного, ругавшего монахов и церковных иерархов за неповиновение уставам и царю и даже казнившего митрополита Филиппа Кольчева. Весь сборник пронизывают мотивы людских наказаний и несчастий, хотя и выраженные с разной настойчивостью в переписанных произведениях.

С начала и до конца сборника прямо, но чаще косвенно упоминается опала. В «Послании печальнымъ человекомъ» пострадавшему прямо советуют «терпети болезни и *изгнания*» [л. 15]; приводятся намекающие на опалу примеры из жизни Евстафия Плакиды, который «претерпе беду и *разлучение* от жены и от чадъ своихъ <...> въ чюжей стране» [л. 4], и примеры других опальных людей, кото-

рые «невольное *разлучение* от жень и детей своихъ прияша» [л. 14]; напоминает закономерность: «великому кораблю великое *падение* бываетъ» [л. 10 об.]. Примечательно, что далее в сборнике в «Послании въ Кириловъ монастырь» Иван Грозный намеревается «опала своя положити» [л. 76], а в «Житии митрополита Филиппа» тем же самым уже занимается Иван Грозный: «*изгнаниемъ* прещаше» [л. 237 об.]; «*изъгнание* сотвори» [л. 264, 271 об.], «сродникъ <...> *разлучения*» [л. 265].

Кроме того, более тяжкие, чем опала, наказания упоминаются почти во всех произведениях сборника. В «Слове о видении ангела» ленивые люди «по 13 днѣи умроша» [л. 19]. В «Толковании о кадиле» небрежных людей «проклятию предають» [л. 20 об.]. В «Послании Ивана Грозного предлагается непослушным людям «законнаго суда прияти мучение» [л. 54–54 об.], а в «Житии митрополита Филиппа» непокорные получали «всякъ видъ мучения и досаждения» [л. 252]; «безчестие, и поругание, и уничижение <...> и конечно поносную смерть» [л. 156].

Лейтмотив сборника создают частые повторы трагических понятий. В «Послании печалнымъ человекомъ» повторяются одни и те же сетования на «многия скорби и напасти» [л. 2 об.], «беды и напасти» [л. 3], «скорби <...> и печали» [л. 8 об.], «намъ <...> напасти» [л. 9 об.], «тужити о напастехъ» [л. 10], «скорби и наказания» [л. 17] и т. д. и т. п. с выводом: «человецы <...> бедами венчаются» [л. 10]. Вирши «О житии человекомъ» в сборнике тоже жалуются на несчастья и бедность: люди «погибають <...> по дворамъ <...> ходять <...> утопають» [л. 21 об.]. Иван Грозный в своем «Послании» обозначает широкую масштабность людских несчастий: «среди лютаго сего треволнения <...> света сего, паче же въ настоящемъ семъ многмятежном и жестокомъ времени» [л. 25 об.], «люте обуреваемы треволнениемъ» [л. 29 об.], «плачь есть настоящее ее житие» [л. 49 об.], «отвсюду скорбь неутешна» [л. 50 об.] и мн. др. Наконец, «Житие митрополита Филиппа» тоже жалуется на «всякие бесчестныя скорби и раны» [л. 219 об.], на «страдания нынешняя» [л. 237 об.], на «совершенныя беды» [л. 264 об.], на «страдалческое житие» [л. 266] и пр.

Итак, при всем различии переписанных произведений и разнообразии их мотивов выделяется сквозная тема сборника, посвященная несчастным «печалнымъ человекомъ». Неясно, сознательно ли добивался подчеркивания этого трагического смысла жизни составитель сборника исследовал ли он, подбирая произведения, словам Ивана Грозного: «зело къ нынешнему времени ключаемо» [л. 35 об.].

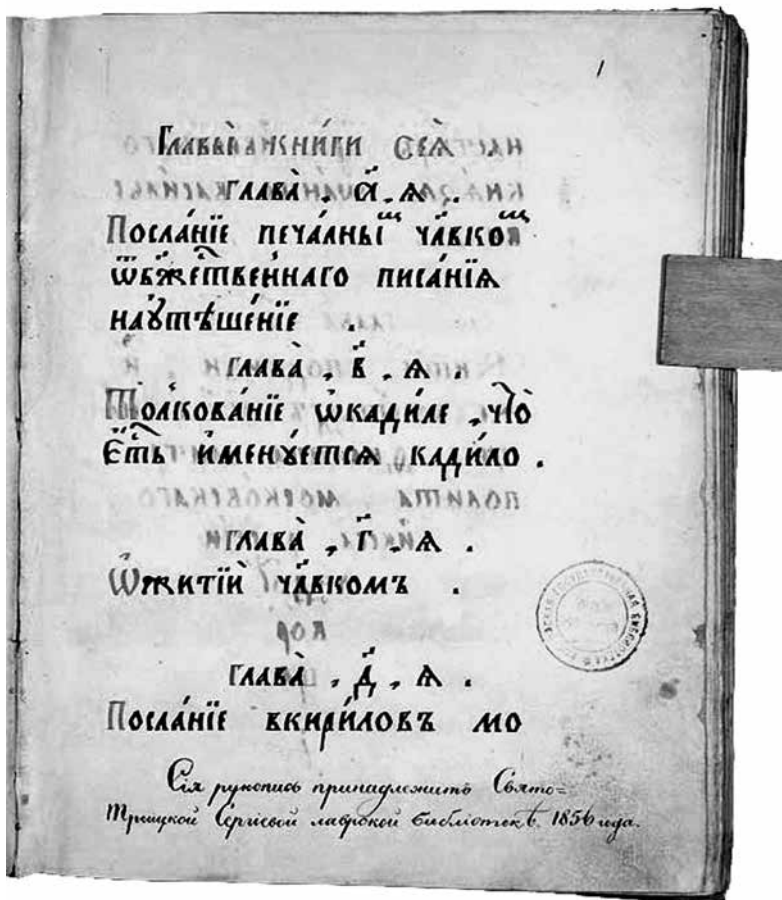
И все-таки на некоторую публицистическую направленность сборника указывают содержащиеся в нем обращения к современным читателям. В «Послании печальнымъ человекомъ»: «О, правовернии человецы <...> терпите» [л. 7 об.]; особенно характерна авторская концовка: «Да того ради написалъ послание, — почитайте печальнымъ человекомъ, да всемъ вам на ползу будетъ» [л. 18]. К патериковому «Слову о видении ангела» писец прямо добавил обращение к современникам: «Да се ведуще, братия, прежде отпущения не исходите из церкви» [л. 19]. Вирши «О житии человекомъ», судя по форме, тоже обращены к читающим: «На велице <...> добре не погибають ли? <...> На малыхъ рекахъ и на лужахъ не утопляютъ ли?» [л. 21 об.]. «Предословие» к «Посланию» Ивана Грозного также заканчивалось призывом к читателям: «Смотри же ми, благоразумный читателю, и прочитай» [л. 128].

Таким образом, можно предполагать, что содержание сборника как-то было связано с неладом российской жизни третьей четверти XVII в., но с какими именно? Возможно, с церковными пертурбациями тех лет, хотя указаний на обстановку второй половины XVII в. в сборнике нет, только однажды упомянуты какие-то «правоверию развратницы» [л. 6 об.].

В заключение скажем о взаимодействии жанров в сборнике. Несомненно, одна из жанровых черт посланий — побуждение адресатов к действиям — повторялась и в иных произведениях сборника. Неудивительно, если побуждения автора адресатам, выраженные в повелительной форме глаголов, заполняли послания: «уповай <...> помяни» [л. 3, 10, 11 об., 13], «возверзи» [л. 14 об.] «не поддавайся» [л. 16]; или «не дейте» [л. 25 об.], «помните» [л. 30], «мужайтесь» [л. 36], «такъ и делаите» [л. 125] и мн. т. п. Но повеления есть и в «Слове о видении ангела»: «не исходите» [л. 19]; в «Толковании о кадиле»: «взяти <...> да положити» [л. 21]; в «Житии митрополита Филиппа»: «подобаетъ <...> испытovati и исправляти» [л. 168], «кротокъ же буди <...> отверзай» [л. 198 об.], «приемли» [л. 200 об.], «чти <...> запрещай» [л. 201 об.–202], «престани» [л. 212 об.], «обличи и отжени» [л. 226 об.], «потщися» [л. 258 об.] и пр.

Причина обилия повелительной формы глаголов в сборнике кроется не во влиянии именно посланий на произведения других жанров, а в поучительном характере всего сборника в целом, помогающем пассивному сочетанию разных жанров, кстати говоря, очень распространенному в рукописной традиции на основе сходного содержания произведений.

Теперь немного скажем о владельце сборника боярине М.П. Головине. У него, вероятно, была библиотека: известны, например, еще два сборника с его владельческой записью — РГБ, МДА, № 144 и РНБ, QII, №. 16. Сборник же Троицкий № 809, возможно, привлек его темой опалы, ведь в нее попадали многие из рода Головиных. Сам М.П. Головин помог установить регентство царевны Софьи, и о дальнейшей его деятельности при Петре I мы не знаем (М.П. Головин умер то ли в 1689 г., то ли в 1695 г. — сведения разнятся). Не отставили ли его тоже от дел? Не на все вопросы к рассмотренному сборнику удастся ответить.

Приложения

В Приложении мы отвечаем на вопрос о неизвестных или малоизвестных литературно примечательных произведениях в анализируемом сборнике.

«Послание въ Кириловъ монастырь» Ивана Грозного издавалось неоднократно. «Житие митрополита Филиппа» Тулуповской редакции издано В.А. Колобковым и И.А. Лобаковой в 2002, 2004 и 2006 гг. Из остальных произведений Троицкого сборника № 809 редки и некоторый литературный интерес представляют «Послание печалнымъ человекомъ» и вирши «О житии человекомъ».

По образцу старопечатных книг в рукописном сборнике над большинством слов поставлены знаки ударения. Передаем их, если знаки обозначены, в случаях отличия от нынешних ударений или при возможной вариативности. Тексты публикуются с упрощением орфографии, принятым в литературоведческих изданиях.

1. «Послание печалнымъ человекомъ»

Это неизданное многословное коллективное послание несет следы не очень искусной переделки конкретного текста в некий эпистолярный образец. Вот некоторые (не все) приметы этого.

С одной стороны, послание обращено к одному человеку, и в тексте сохранились неясные намеки на реальные обстоятельства жизни какого-то знатного, но горюющего лица: «Господину имярекъ. Слышали есьмы от тебя, что ты, господине, великою печалию одержим бысть» [л. 2]; «скорбь свою и печаль другу своему и брату извещаши и слезами весь разливаешися» [л. 4 об.]; «Еустафей <...> Плакида какову претерпе беду <...> предавъ себе на работу въ сей стране, и не воспрять ли превышняго сана и почести вóиньства» [л. 4]; «и ты, господине <...> не ищи от власти, ни от царя седалища славна» [л. 17].

С другой стороны, в середину послания вдруг вставлены поучения всем людям: «О, братия и друзи! Делайте въ правду <...> О, правоверънии челоуцы! <...> тёрпите» [л. 7–7 об.]. Далее обращения к «христоименитымъ людемъ» следуют вперемешку с обращениями к «господину», но заканчивается послание опять-таки призывом к «братии»: «будемъ готови на всякъ часъ» [л. 18].

Черты литературности придают посланию стандартные поучительные афоризмы книжного происхождения. Но они тоже выдают неуклюжесть автора. Смыслового единства у подбора афоризмов нет. Сначала адресата афоризмами призывают к торжественной и душевной праведности и просветлению: «правда Богу сердечная радость, а всякому человеку правда — великая мудрость» [л. 7 об.]; «злато и сребро от огня чисто и светло является» [л. 8 об.]. Потом, пожалуй, не очень удачной серией афоризмов, не обнадеживая, пытаются его успокоить обычностью несчастья: «Не мы, господине, первые, не нами ся и коньчаеть. Великому кораблю великое и падение бывает. Величьи дерева сильные ветри поламляют» [л. 10–10 об.]. Но, судя по афоризмам, доброжелатели остаются в сомнении о том, что же выберет «господин»: «Давыдскимъ, господине, согрешаемъ, а не давидски каемся» [л. 12 об.]; «въ два пути грядеши: во спасенный и беззаконныи. И двои врата праведнымъ и грешнымъ: едины на востокъ, а другие на западъ. Рай отворенъ, а бездна открыта» [л. 5 об.]. Иногда же афоризмы незаметно для автора противоречат друг другу в одной связке: «Печаль душу спасеть, а радостное житие душу на злодейство приведетъ. Яко же червь древо скоро присушить, такóжде и печаль человека ко старости и ко смерти приведетъ» [л. 16 об.] — печаль спасает или убивает? Автор послания был не таким уж грамотеем.

В послании нужно отметить также своеобразное, но типичное явление — так сказать, «книжное просторечие», когда не очень искусленный автор пересказывал книжные сюжеты и выражения своим языком, неясным и выспренне-отвлеченным словоупотреблением: «остани сего нрава» [л. 2]; «делайте въ правду» [л. 7–7 об.]; «на грехъ помышляеши» [л. 4 об.]; «во всякомъ находении» [л. 2 об.]; «наше неудержание» [л. 5 об.]; «всячески непокойны» [л. 15]; «дому исполнение» [л. 16 об.] и мн. др. Разговорно звучали целые фразы: «Разумъ свой пожалей самъ о себе» [л. 2 об.–3]; «въ какову работу прогнанъ бысть» [л. 4 об.]; «еще мало — и не будетъ грешника» [л. 7] и пр. Нередко такие «неправильности» высказываний приобретали лаконичную образность: «претерпе черви и гной» [л. 3 об.]; «грехи наша на кресте пригвозди» [л. 9]; «питаеши его, яко скот» [л. 12]; «во гневе Божии погибоша» [л. 13 об.]; «въ песнь места во адъ сведени быша» [л. 14–14 об.]. Все послание было настолько дружески-заботливым, что помогло ему стать эпистолярным образцом поддержки несчастного человека на фоне формальных преукрашенно-бодрых образцов в письмовниках XVII в.

(Л. 2) ¹⁻¹. Послание печальнымъ человекомъ⁻¹

Господину имярекъ. Слышали есьмы от тебя, что ты, господине, великою печалию одержимъ бысть. И мы, господине, молимъ тя: остави сего нрава, не уподобляйся неразумнымъ людемъ, не знающимъ закона Христова и не введущимъ от Писания силы Божия. Милостивый мой Боже нашъ, лю (л. 2 об.) бячи христианский родъ, наводитъ многия скорби и напасти, смиряетъ и наказуетъ, и на покаяние приводитъ, дабы не хулилося имя Спасово усты человеческими. Божии есмь во всякомъ нахождении.

О чем, господине, сердце свое печалию отягчеваша? Разумъ свой пожалей самъ о се (л. 3) бе. Уповай на Бога. Помяни, господине, родове древний и вечныя дни. Не такожде ли человецы въ бедѣхъ пострадали? Иные, господине, претерпели имени ради Божия и царствия для небеснаго. А иные, господине, слышания ради от Бога прияли беды и напасти грехъ ради своихъ, страждуща, да лучшая от Бога прияли (л. 3 об) обетования. Аще бы, господине, не обратилъ нас Богъ от путей злыхъ, и мы бы въ безумии своемъ забыли сотворителя своего и истиннаго небеснаго царя Христа, бога нашего.

Помяни, господине, како Иовъ праведный претерпе черви и гной, и напоследок славу свою преизлившую улучи, и на (л. 4) следи седмерицею прежняго, и царствию небесному причастникъ бысть. А Еустафей, господине, Плакида, какову претерпе беду и разлучение от жены и от чадъ своихъ и въ какову беду предавъ себе на работу въ чужей стране? Не воспрятъ ли превышняго сана и почести воинства? (л. 4 об.) А Иосиф, господине, Прекрасный въ какову работу прогнанъ бысть от братии своя и напоследокъ каковъ престоль царства египетскаго наследилъ?

Также, господине, и ты о чемъ печалию своею смущаешься и на грехъ помышляеши, оставя помощь Вышняго, да скорбь свою и печаль другу своему и брату извещаеши и (л. 5) слезами весь разливаешься — и те наши слезы и частое въздыхание на пагубу души — и милость Божию на гневъ превращаеши? От помощи искати намъ от Бога, а не от человекъ. И та наша безумна печаль и частое въздыхание — законъ Божий на насъ беззаконие превращаеши и светъ во тму полагаеши, лета и дни (л. 5 об.) живота своего во гресѣхъ пребываеши, а воли Божия не твориши, въ два пути грядеши: во спасенный и беззаконный.

¹⁻¹ Заглавие написано киноварью.

И двои врата праведнымъ и грешнымъ: едины на востокъ, а другіе на западъ. Рай отворёнъ, а бездна открыта. И за то наше неудержание и неразумное житіе милостивый Богъ наше² (л. 6), любя христианский родъ и хотя насъ избавити вечнаго мучения, ожидаетъ от насъ обращения и покаяния и, смиряючи за грехъ, наказуетъ, мало нечто попустить на насъ скорби и напасти.

И непокоривии человецы воли Божия не творятъ и за грехъ не каются, яко же огурникі³, и преслушники закону (л. 6 об.) Господню, и правоверію развратницы. Прелщаются славою и богатством света сего, а о будущемъ вѣце не пекущеся, како бы душа спасти и вечнаго мучения избыти. О таковыхъ Богъ глаголя усты пророческими: «Прокляти уклоняющеся отъ заповѣдей твоихъ». И инде пишетъ: «Законопреступницы по (л. 7) трѣбятъ вкупе, и останцы нечестивыхъ потребятъ».

Обаче очима своима смотриши и воздаяние грешникомъ ўзриши. Еще мало — и не будетъ грешника. Взыщѣши место его — и не обрящѣши. Скончуются грешницы — отъ земли беззаконницы, яко не быти имъ.

О, братія и друзи! Делайте (л. 7 об.) въ правду! За неправду Богъ гнѣвается. Правда Богу — сердечная радость, а всякому человеку правда — великая мудрость. О, правовернии человецы! Аще благодарне болѣзни терпитѣ, а враговъ Божиихъ и врачей не призовете, или иныя лютыя бѣды, хваля Бога, претерпитѣ, а отъ человекъ помощи не ищѣте, — (л. 8) то с мученики равны будете въ день онъ. Они бо мучения и страсти терпели, вы же болѣзни, и бѣды, и вся находящая на вы Господа ради претерпѣте — то с мученики отъ Христа-бога мзду восприимете.

Такожде, господине, и ты, како не хочѣши Господа ради претерпети скорби и напасти, а во гресѣхъ пребываеши: (л. 8 об.) яко же злато и сребро отъ огня чисто и светло является, такожде человекъ скорби претерпитъ и печали света сего, гресѣ свои потребитъ и душу спасетъ. Иоанъ Богословъ пишетъ: «Оставьте безуміе и живи будете, и взыщѣте Христа, и спасѣни будете». Господь Богъ нашъ Иисусъ Христосъ, сотворивый небо и землю, Богъ (л. 9) живый, Богъ истинный, Богъ безсмертный, в Троице прославляемый, како страсти претерпе нашего ради спасения, и на крестѣ пригвоздися избавления ради падъшаго Адама, и грехи наша на крестѣ пригвозди.

² Так в рук.

³ Огурникъ, огурщикъ — ленивый, нерадивый, неповинующийся человек (Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 12. С. 262, стб. 2).

О чемъ, господине, пророцы, и апостоли, и мученицы по страдании своемъ венцы от Христа-Бога приемлютъ? Яко (л. 9 об.) последуютъ страстемъ его и телесъ своихъ не пощадеша, богатство славы света сего не брегоса наследия ради вечныхъ благъ.

А намъ, господине, христоименитымъ людемъ закона Господня, подобаеъ напасти приимати со благодарениемъ. Помяни, господине, слово, реченное пророкомъ Давидомъ, яко же рече: «Показуя, (л. 10) наказа мя Господь, смерти же не предасть мя». Какоеъ, господине, бывъ царь во Израиле, и многия беды претерпе. И ты, господине, помяни слово того же Давида-пророка: «Терпя, потерпехъ Господа, и внят ми».

И ты, Господине, о чемъ тужиши о напастехъ? Понеже от Адама и до сего дни везде человецы за грехи своя бедами венчаются. Не мы, господине, (л. 10 об.) первые, не нами ся и кончается. Великому кораблю великое и падение бываетъ. Велицыи дресеса силные ветри поламляютъ. За великое согрешение человекомъ велико от Бога и наказание бываетъ. Грехи безо епитемии никогда не прощаются.

Подобаеъ намъ, господине, Богу плакаться до своея смерти о гресехъ (л. 11) своихъ. Иоаннь Златоустъ пишетъ: «Сими дѣлы избыти грехов: первое — покаяние, еже къ тому не согрешати; второе — плакаться о гресехъ, а не о житейскихъ вѣщехъ; третье — любовь имети ко всемъ человекомъ», не токмо любовнымъ или ближнимъ, но и малу, и велику, и досадителю. А во отчаянии (л. 11 об.) не быти, понеже силень богъ нашъ Иисусъ Христосъ, можетъ избавити от обидимаго изъ рукъ силнаго и немилостивыхъ сердца на милость превратити.

Помяни, господине, Божие величие, како Езекий-царь при часе смертнемъ восплакася предъ Господемъ о гресехъ своихъ, и господь Богъ еще ему приложи пятнадесять лет (л. 12) жити слезнаго ради покаяния. А Манассія, господине, царь великъ грехъ предъ Богомъ сотвори, — иноплеменникомъ на казнь преданъ бысть. Они же затвориша его в воль медянь и питаше его, яко скот, травую. Онъ же, воспомянувъ первыя своя грехи, и нача предъ Богомъ плакаться о гресехъ своихъ. И (л. 12 об.) господь Богъ ради его слезнаго покаяния приведе его, избави⁴ от иноплеменникъ: аггель Господень медь развѣрзе и невидимую силоу постави его из Вавилона во Иерусалиме 2000 попришь.

Давыдскимъ, господине, согрешаемъ, а не давыдски каемся. Како трехъ отрокъ господь Богъ от пламени пещнаго спасе? За благоверие человекомъ (л. 13) милость от Бога всегда, и помощь, и заступ-

⁴ Испр.; в рук.: избави.

пление от престола величества его, и десница Господня помогает имъ на сопротивныя враги ихъ. А на злочестивыхъ человекъ тягость церковная предълежать, и гневъ Божий грядеть на нихъ безъ милости.

Помяни, господине, времена и лета прежнихъ родов, како многия цари и (л. 13 об.) великие державные государи от праведнаго гнева Божия за свои гресѣи и законопреступныя дела много пострадали и всячески наказалися. Да в томъ они во всемъ покаялися, угодно Богу учинили. Неверныя въ веру приидоша, а грешницы на покаяние обратишася, а законопреступницы во гневѣ Божии погибоша (л. 14), царие и царства ихъ изринуша, а храбрыя от острія меча умроша, а невольное разлучение от женъ и детей своихъ прияша, и от великаго богатства въскоре отпадоша, и домове ихъ разъграблены и въ заустении быша, и далныя отоцы ихъ огнемъ пожжѣни быша. Беззаконно согресиша, и умроша, и въ песнь места во адъ (л. 14 об.) сведѣни биша.

Ты же, господине, по Давидову пророчеству, возверзи на Господа печаль свою, и той же препитаеть, и от всякия напасти избавить, и печаль твою на радость приложитъ. Исаиа-пророкъ рече: «Господи, въ печали помянухомъ тя. Аще ли и недостатки, то мне си скудостию жития». То помяни пророки, и апостолы, и вся пра (л. 15) ведники, алчны, и жадны, и всячески непокойны, и многими нуждами одержими, и нази ходящи, а скорби и напасти с радостію терпяше для будущаго века.

Такожде, господине, и ты терпи Господа ради. Буди всемудръ ратоборець на диавола. И уготови душу свою во искушение скорби, а сердце свое Господа ради терпети болезни (л. 15 об.) и изгнания. А зла за зло никому не воздавай, и дабы́ человеческими усты законъ Господень и вера христианская не хулилася.

Давидъ-пророкъ пишеть: «Вси языци восплещите руками, воскликните Богу гласом, радуитесь, печаль отрините, и яко бремя тяжкое, а не сетуйте, ни скорбите, с радостію угождайте Богу». От (л. 16) печали приходитъ человекомъ напрасная смерть, а крепость душевную и сердечную портить, разумъ и память рушитъ, и умъ въ те поры не царствует. И ты, господине, молися Богу и глаголи себе: «Благо мне, яко смирилъ мя еси, и научося заповедемъ твоимъ». А не скорби́ ни о чемъ, печали не поддавайся. Ни печаль без (л. 16 об.) утешения, ни радость безъ наказания не бывает. Печаль душу спасеть, а радостное житие душу на злодейство приведетъ. Яко же червь древо скоро присушитъ, такожде и печаль человека скоро ко старости и ко смерти приведетъ. По вере всемъ человеком-добродеемъ милость от Бога и до́му исполнение, а на злодеевъ многия (л. 17)

скорби и наказания попускаетъ Богъ. Господь убожить и богатить, смиряетъ и высить, а воздвигнетъ от земли нища, и отъ гноища воздвизаетъ убога.

И ты, господине, не твори зла, и не постигнетъ тебе зло, и не ищи от власти, ни от царя седалища славна. Иоаннъ Предтеча пишет: «Покайтесь, людие Божии! (л. 17 об.) Приблужи бо ся царство небесное. Уже секира при корени древа лежит». И сего ради не смущаемъся о семь, братия, славою света сего, ни богатствомъ, ни друзми многими. Аще гневъ Божий на кого приидеть, не пособит ему богатство, ни друзи многия не пособятъ ему. Но дела добрая и покаяние, (л. 18) еже къ Богу о гресех своихъ.

Да того ради написаль послание — почитайте печальнымъ чело- векомъ, да всемъ вам на ползу будетъ.

Некогда еще умилосердится милостивый господь Богъ наш и попуститъ нечто мало грешнымъ, ожидая нашего обращения и покаяния. И будемъ готови на всякъ часъ верою (л. 18 об.) къ Богу и покаяниемъ за грехи, милостию и любовию ко всемъ человекомъ, ожидаючи смертнаго часа и страшнаго втораго Христова грознаго пришествия.

2. Вирши «о житии человекомъ»¹

Эти вирши в настоящее время известны нам в трех списках: в сборнике-конволюте середины XVII в. Тверского педагогического института, № 1 (29), л. 10 об.; в сборнике 1650-х — 1660-х гг. ГИМ, Чудовск., № 359–57, л. 4; в сборнике 1654–1682 гг. РГБ, Троице-Серг., №. 809, л. 21 об.–22. Все три списка имеют разночтения, по которым трудно определить, каков был оригинал и тем более — кто являлся автором. Публикуем вирши по новонайденному неизданному Троицкому списку с разночтениями по публикациям Тверского и Чудовского списков (ввиду труднодоступности самих рукописей). Отрывок Тверского списка процитирован в кн.: *Демин А.С.* О древнерусском литературном творчестве. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 370 (до слов «не утопают ли»). Чудовский список издавался дважды: *Лопарев Х.М.* Описание рукописи московского Чудова монастыря № 57–359 // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1886. Кн. 3, отд. V. С. 1–20; Виршевая поэзия: первая половина XVII века / Изд. подгот. В.К. Былинин и А.А. Илюшин. М.: Сов. Россия, 1989. С. 323. В разночтениях списки обозначены буквами Тр., Тв. и Ч.

¹ Предисловие книги сея, добрый читателю. *Заглавие в Ч. Нет заглавия в Тр. и Тв.*

В литературном отношении в публикуемом памятнике обращает на себя внимание серия резких, даже «кусательных» вопросов, не характерная для виршевого стихотворства, о несправедливости жизни, неустройства. Правда, эта мысль выражена не совсем внятно. В конце стихотворного текста, возможно, был акростих с именем автора «Анания» (если считать первоначальным чтение: «А на мори <...> **На** малыхъ <...> **Ни**щии у богатаго <...> **А** богатый <...>»). Но тут можно подозревать и случайное совпадение.

Кроме того, по Троицкому списку видно, как вирши не очень логично переходят в прозаическое поучение, так и не дописанное (нет жирной точки в конце текста, а лишь точка с запятой).

(Л. 21 об.)² На велице и на добре² не погибають ли?

На мале³ худе⁴ не провожають⁴ ли?

Безумным⁵ Богъ не промышляетъ ли?

А с умомъ по дворамя не ходять ли?

⁶По морю и по великимъ рекамъ⁶ плавающих⁷

Богъ не соблюдаетъ ли?⁸

⁹На малыхъ рекахъ и на лужахъ⁹ не утопають ли?

(Л. 22) ¹⁰Нищии у богатаго трапéзю питаются¹¹.

А богатый убогаго¹¹ молитвою спасается.

¹²Аще человекъ Бога съ верою где ни призоветь,
тои спасение получи́тъ.

Во всякомъ языке бояйся Бога и делай правду

приятень ему есть на всякомъ месте владычества его¹².

Во время работы над публикацией был обнаружен еще один, поздний список виршей: РГБ, Румянц., № 365, л. 195. Не ранее 1716 г.

Вирши «О житии человекомъ» в Троицком сборнике соответствовали тревожным настроениям верхов общества 1682–1683 гг., когда после стрелецкого бунта даже в официальных книгах стали

²⁻² На великом добре Тв, Ч.

³ модем Ч; А на малом Тв.

⁴⁻⁴ проживают Тв, Ч. В Тр. явная ошибка.

⁵ безумным Ч.

⁶⁻⁶ На море и на великих реках Ч; На мори и на реках и на езерах Тв.

⁷ Нет Тв.

⁸ спасает Ч; сохраняет Тв.

⁹⁻⁹ А на малых источниках Ч; А на малых источниках Тв.

¹⁰⁻¹⁰ Нищий богатым питается Ч. Отсюда разночтения *только по Ч.*

¹¹ нищаго Ч.

¹²⁻¹² Нет Ч.

задавать аналогичные рифмованные эмоциональные вопросы на тему о том, как жить:

Царем ли подобает повиноваться,
или за мужики безумными гоняться?

<...>

Пастырям ли истинным послушание отдавати,
или бесноватым таимищным врагом внимати?

<...>

Воздержным ли людям сокровища вверяют,
или пьяницам и вертопрахом то предавают?

и т. д.

Эти вопрошания были помещены, в частности, в старопечатном «Увете духовном» (М.: Мос. печатный двор, 1682. Л. 72). Вот какой актуальный сборник оказался в библиотеке боярина М. П. Головина.

Литература

Вишневая поэзия: первая половина XVII века / Изд. подгот. В.К. Былинин и А.А. Илюшин. М.: Советская Россия, 1989. 480 с.

Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве. М.: Языки славянской культуры, 2003. 759 с.

Лопарев Х.М. Описание рукописи московского Чудова монастыря № 57–359 // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). М., 1886. Кн. 3, отд. V. С. 1–20.

References

Demin A.S. *O drevnerusskom literaturnom tvorchestve* [On the ancient Russian literary works]. Moscow, Iazyki slavianskoj kul'tury Publ., 2003. 759 p. (In Russ.)

Loparev Kh.M. *Opisanie rukopisi moskovskogo Chudova monastyria № 57–359* [Description of the Moscow Chudov Monastery manuscript № 57–359]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh (ChOIDR)* [Proc. in the Society of history and Russian antiquities]. Moscow, 1886. Book 3, part V, pp. 1–20. (In Russ.)

Virshevaia poezia: pervaja polovina XVII veka [Syllabic verses: the first half of 17th century], ed. by V.K. Bylinin and A.A. Iiushin. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 480 p. (In Russ.)

On the genre composition of a manuscript collection from M.P. Golovin's library

Anatoly S. Demin

Abstract: The article analyzes one of the Old Russian narrative manuscript collections of the 17th century as a literary fact. Two interesting anonymous works from it are published: "Epistle of a Sad Man" and the verse "About Human Life".

Keywords: Old Russian literature, collections, textology, poetics, epistolography, writing of poetry.

Information about the author: Anatoly S. Demin, Doctor Hab., chief research associate, RAS Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: anatolydemin@gmail.com

Citation: Demin Anatoly S. On the genre composition of a manuscript collection from M.P. Golovin's library. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 160–175.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-176-195
УДК 821.161.1

Щелкунчик и книдский миф (Статуи, куклы и автоматы в литературе эпохи романтизма)

Т.А. Китанина

Аннотация: Настоящую статью можно рассматривать как сильно запоздалую ответную реплику на книгу Ростислава Шульца «Пушкин и Книдский миф». Термин «книдский миф», изначально использовавшийся для обозначения фабулы преданий о любовниках Афродиты Книдской, в книге Шульца трактуется как «миф о разъединении мужчины и женщины потусторонней силой». В статье рассматривается только комплекс сюжетов о любви человека к статуе или статуи к человеку и сделана попытка проследить те трансформации, которые претерпели подобные истории в литературе конца XVIII — начала XIX вв. Сформировавшись во времена раннего христианства, получив новое развитие в средневековых миражах, сюжет о статуе Венеры пришел в литературу XIX в. вполне узнаваемым, и здесь с ним стали происходить любопытные метаморфозы. В эпоху увлечения механическими чудесами и попыток создать совершенный автомат-андроид сюжет о ревнующей губительной статуе преобразовался в сюжет о губительной кукле, вобрав в себя попутно элементы сатирической традиции механистических анатомий и развернутых метафор «светской куклы» и «кукольности» света. На этом пересечении, преломленные призмой романтической философии, и статуи и антроиды обрели новые литературные коннотации, шлейф которых прослеживается в литературе по сей день.

Ключевые слова: литература романтизма, ожившая статуя, кукла, автомат-андроид, сюжетология.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Китанина, к.ф.н., старший научный сотрудник, Отдел пушкиноведения ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tkitanina@gmail.com

Цитирование: Китанина Т.А. Щелкунчик и книдский миф (Статуи, куклы и автоматы в литературе эпохи романтизма) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 176–195.

Настоящую статью можно рассматривать как сильно запоздалую ответную реплику на книгу Ростислава Шульца «Пушкин и Книдский миф»¹. Сам термин «книдский миф» вошел в литературоведение именно после появления этой работы, хотя впервые он был использован Х. Блинкенбергом для обозначения фабулы преданий о любовниках Праксителевой Афродиты Книдской². В книге Шульца термин трактуется весьма расширительно, как «миф о разъединении мужчины и женщины потусторонней силой»³, однако автор ссылается как на предшественников на Фридриха фон Бецоляда и Жедеона Юэ, в работах которых разрабатываются подобные сюжеты, названные у Бецоляда повествованиями о «помолвленном со статуей» («Statuenverlobung»), а у Юэ — «легендой о статуе Венеры»⁴. И хотя Шульц рассматривает в рамках книдского мифа такие произведения, как, например, «Влюбленный дьявол» («Le Diable amoureux», 1772) Жака Казота (Cazotte, 1719–1792), все же основной корпус анализируемых им текстов — это истории о любви и ревности статуи. В настоящей статье будет рассмотрен только комплекс сюжетов о любви человека к статуе или статуи к человеку и будет сделана попытка проследить те трансформации, которые претерпели эти сюжеты в литературе конца XVIII — начала XIX в.

По предположению Шульца, книдский миф, формирование которого он связывает с периодом борьбы раннего христианства с язычеством и идолопоклонством, — своего рода христианская антитеза античному мифу о Пигмалионе, где Афродита *соединяет* влюбленных⁵. В таком случае, по-видимому, как некий промежуточный вариант можно назвать третий античный сюжет, связанный со статуей, — сюжет о Лаодамии, где Афродита соединяет разлученных смертью любящих на короткое время, с тем чтобы затем они соединились уже посмертно⁶. В утраченной трагедии Еврипида «Протесилай», где разрабатывался этот сюжет, присутствовало восковое изображение мужа Лаодамии и говорилось о любви героини к ее «бездушному другу», и, хотя сохранившиеся фрагменты трагедии не

¹ Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München, 1985.

² Blinkenberg Chr. Knidia. Kopenhagen, 1933. P. 213.

³ Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 7, 9.

⁴ Bezold F. von. Das Fortleben der antiken Goetter im mittelalterlichen Humanismus. Bonn; Leipzig, 1922. S. 64 и след.; Huet G. La Legende de la Statue de Venus // Revue de l'histoire des religions. 1913. Vol. 67. P. 203 и след.

⁵ См.: Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. С. 8.

⁶ Лаодамия, молодая жена Протесилая, погибшего при осаде Трои, так оплакивает мужа, что Афродита, сжалившись над ней и Протесилаем, разрешает последнему покинуть на короткое время Аид и посетить жену; после завершения свидания Лаодамия умирает, соединяясь с мужем в царстве мертвых.

позволяют установить, как именно была связана со статуей гибель героини, позднейшие отзвуки и обработки этого сюжета соотносят гибель Лаодамии именно со статуей ее мужа: отец Лаодамии Акаст, увидев статую в объятиях дочери, сжигает фигуру Протесилая, а Лаодамия бросается в огонь следом за ней (ср., например, изложение сюжета в «Мифах» Гигина⁷ или «Хилиадах» Цеца⁸ и т. д.)⁹. Существовал и другой вариант мифа о Лаодамии, в котором героине являлся призрак мужа, и, не в силах расстаться с ним, она также отправлялась в царство мертвых (закалывалась в конце свидания). Византийский грамматик Иоанн Цец (Tzetz, ок. 1110 — ок. 1180) объяснял появление мифа о призраке Протесилая неверным истолкованием «правдивой истории» о любви Лаодамии к статуе мужа¹⁰. Так или иначе, призрак и статуя в этом сюжете тесно связаны и один оказывается двойником-заместителем другого. Близкий сюжет продолжает в Новое время существовать в литературе, в том числе и в литературе эпохи романтизма, — так, с мифом о Лаодамии нередко ассоциируют бюргеровскую «Ленору» («Lenore», 1773), где мертвый жених является к невесте и забирает ее с собой, а также многочисленные перепевы этой баллады и ответные реплики на нее¹¹. Однако статуя из этого сюжета исчезает, возвращаясь лишь в литературе Серебряного века, при попытках вернуться именно к античному мифу (ср. «Лаодамия» Иннокентия Анненского (1902, публ. 1906)).

Судьба книдского мифа иная. В эпоху средневековья он прочно обосновался в Западной Европе, где его связывали с римской статуей Венеры, и отлился в довольно жесткую сюжетную структуру: юноша надевает кольцо на палец Венеры — Венера отказывается вернуть кольцо (сгибает палец) — когда юноша хочет жениться, Венера препятствует его соединению с невестой, предъявляя на него свои права («О кольце, препорученном статуе» (1125) Вильяма Мальмсберийского; анонимный текст «О том, кто женится на каменной статуе» и др.; этот сюжет подробно рассмотрен в книге Р. Шульца). Причем в более ранних вариантах, восходящих, по-видимому, к Лукиану («Изображения», «Две любви») и Филострату («Жизнь Аполлония Тианского», кн.6, гл. 40), центральной оказывается любовь *человека*

⁷ Hyg. CIV.

⁸ Tzetz. Chil. II, 52

⁹ Реконструкцию сюжета трагедии и последующей традиции, с ней связанной см.: Зелинский Ф. Ф. Античная Ленора // ВЕ. 1906. Т. 3 (март). С. 167–193; Анненский И. Ф. Лаодамия // Анненский И. Ф. Избр. произведения. Л., 1988. С. 248–250.

¹⁰ Tzetz. Chil. II, 52. Ст. 782–784

¹¹ Например, «Людмила» (1808) В. А. Жуковского, «Наташа» (1815) и «Ольга (из Бюргера)» (1816) П. А. Катенина и др.

к статуе (см. рассказ регенсбургского священника в «Императорской хронике» (1135–1150)¹²), тогда как в более поздних вариантах сюжет преимущественно разворачивается вокруг любви и ревности *статуи*. Юноша в этих текстах не пылает любовью к идолу, а лишь надевает кольцо на статую во время игры в мяч, иногда — просто потому, что оно мешает ему играть. Однако и в том и в другом случае принципиально важным оказывается то, что *статуя не равна своей внешней оболочке*. Человек может полюбить прекрасную форму или сделать по отношению к мертвой материи игровой жест — но в любом случае он оказывается не готов к тому, что за этой формой стоит нечто большее — будь то божество или демон. Важным элементом сюжета часто оказывается также восходящий к Филострату образ заступника (обычно священника), помогающего герою справиться с демоном статуи, — или демонического посредника.

Через средневековые миракли (в которых статуя Венеры превращалась в статую Девы Марии и где снова усиливался мотив восхищения статуей, скрывавшей в себе, разумеется, не демоническое, а божественное начало¹³) этот сюжет пришел в литературу XIX в. вполне узнаваемым, и именно здесь, на фоне продолжающихся появляться «канонических» вариантов, с ним стали происходить любопытные метаморфозы. Если Томас Мур (Moore, 1779–1852) в «Кольце» («The Ring», опубл. 1801), Проспер Мериме в «Венере Ильской» («La Vénus d'Ille», 1837) и Франц фон Гауди (Gaudy, 1800–1840) в «Госпоже Венере» («Frau Venus», 1838) более или менее точно следуют традиционному сюжету, то в «Мраморной фигуре» («Das Marmorbild», 1817, опубл. 1819) Йозефа фон Эйхендорфа (Eichendorff, 1788–1857), хотя и просматриваются некоторые его характерные черты, сюжет оказывается сильно трансформирован. Вкратце он выглядит так. Молодой человек по имени Флорио, прибыв в Лукку, влюбляется в прекрасную юную Бьянку, затем ночью попадает в таинственный сад, где видит мраморную статую Венеры, оживающую под его взглядом. Мрачный проводник Донати помогает ему посещать таинственную даму, в которой узнается ожившая статуя, а другой знакомец, набожный певец и поэт Фортунато предостерегает от этой связи и возвращает к реальности и живой возлю-

¹² Der Keiser und der kunige buoch oder die sogenannte Kaiserchronik. 1849. Bd. 2. S. 265–283.

¹³ О том, как эти миракли в рассматриваемый период преломляются в пушкинской «Легенде» см.: Якубович Д.П. Пушкинская «Легенда» о рыцаре бедном // Западный сборник. I. М.; Л., 1937. С. 227–256; Дмитриева Н.Л. Стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»): Источниковедческие разыскания // Вече. Вып. 5. СПб., 1996. С. 91–101.

бленной. Отношения статуи и живой невесты здесь осложняются, граница между ними отчасти размывается: образ статуи возникает в мечтах Флорио из образа завладевшей его воображением живой девушки (имя которой переводится как «белая»), но возникает как некое более высокое и прекрасное продолжение ее земной красоты. Не случайно вводится сцена маскарада, во время которого Флорио видит двух девушек в масках и туниках, одна из них — таинственная дама-Венера, а вторая — Бьянка. На протяжении маскарада герой, по-видимому, встречает в разных местах то одну, то другую, но так и не может понять, когда с кем из двоих он разговаривал¹⁴. Здесь присутствуют два персонажа-посредника: заступник Фортунато, чья песня в итоге побеждает морок, и демонический посредник Донати. Последний имеет весьма характерную особенность: он не просто подчинен демону — чары Венеры как будто высосали из него жизнь. Это особенно заметно в сцене, где Флорио натывается во владениях Венеры на спящего Донати, который кажется ему странно, болезненно изменившимся, похожим на мертвеца. Очевидно, он — одна из жертв призрака богини, о которых рассказывает Фортунато, из тех, кто, попав под ее колдовство, утратил душу и не может ни жить, ни успокоиться в могиле. На рисунок сюжета падает отсвет двух до сих пор не связывавшихся с ним мотивов: двойничество (девушка и статуя) и вампиризм: статуя впервые начинает оживать под взглядом Флорио, наполняясь и согреваясь этим восхищенным взглядом. Когда он отводит взгляд, она вновь становится холодной и мертвой:

Je länger er hinsah, je mehr schien es ihm, als schlüge es die seelenvollen Augen langsam auf, als wollten sich die Lippen bewegen zum Gruße, als blühe Leben wie ein lieblicher Gesang erwärmend durch die schönen Glieder herauf. Er hielt die Augen lange geschlossen vor Blendung,

¹⁴ Не отзвук ли этой повести прочитывается в отрывке из «Барнава» («Barnave», 1831) Жюль Жанена (Janin, 1804–1874), отмеченном В.А. Мильчиной, где герой, встретив на балу незнакомку в маске «оживляет» ее: «Она была моя, она жила для меня, и все же я целовал мрамор [...] Так жива и так мертва! Пигмалион, твоя статуя не ожила до конца, в ней еще слишком много мрамора; пусть эти губы приоткроются, пусть дыхание вырвется из этих уст, пусть забьется сердце в этой груди! Я подожду, я согласен страдать и дальше, забери назад свой жестокий дар, о пифийский бог; возврати мою статую на пьедестал, пусть она снова охладает, пусть снова станет совсем бесчувственной; мне нужна настоящая женщина или статуя с головы до пят» (цит. по: Мильчина В.А. Французская литература в произведениях А.С. Пушкина 1830-х гг. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. № 3. С. 251). Там же указано и на целый сюжет с оживлением статуй под взглядом влюбленного человека, рассказанный Жаненом в предисловии к «Фантастическим повестям» («Contes fantastiques», 1832), где автор постоянно апеллирует к Гофману, показывая тем самым важность для него немецкого романтического контекста. Так или иначе, указанные отрывки явно принадлежат к той же литературной традиции, подтверждая ее широкую распространенность.

Wehmut und Entzücken. Als er wieder aufblickte, schien auf einmal alles wie verwandelt [...] das Venusbild, so fürchterlich weiß und regungslos, sah ihn fast schreckhaft mit den steinernen Augenhöhlen aus der grenzenlosen Stille an. Ein nie gefühltes Grausen überfiel da den Jüngling [Чем дольше он смотрел, тем сильнее ему казалось, что в глазах статуи постепенно проступает одушевление, губы готовы произнести приветствие, что жизнь расцветает, как сладкая песня, наполняя теплом ее прекрасное тело. Он надолго зажмурился в ослеплении, тоске и восторге. Когда он открыл глаза, все, казалось, вдруг преобразилось [...] статуя Венеры, такая страшная, белая и неподвижная, смотрела на него почти испуганно своими каменными глазницами из беспредельного молчания. Юношу объял такой ужас, какого он никогда не испытывал — нем.]¹⁵.

Белая и холодная возлюбленная — знаковый и часто цитируемый в немецкой литературе образ баллады Гёте «Коринфская невеста» («Die Braut von Corinth», 1797). Страх, который охватывает Флорио каждый раз, когда прекрасная Дама-Венера представляется ему холодной и бледной, перекликается с гётевскими стихами:

Aber, ach! berührst du meine Glieder,
Fühlst du schauernd, was ich dir verhehlt.
Wie der Schnee so weiß,
Aber kalt wie Eis...¹⁶

Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна...

(пер. А. К. Толстого)

Переключка с «Коринфской невестой» явно прочитывается и в рассказанной Фортунато легенде о Венере, покидающей могилу, чтобы губить юношей своими чарами:

Auch sagt man, der Geist der schönen Heidengöttin habe keine Ruhe gefunden. Aus der erschrecklichen Stille des Grabes heißt sie das Andenken an die irdische Lust jeden Frühling immer wieder in die grüne Einsamkeit ihres verfallenen Hauses heraufsteigen und durch teuflisches Blendwerk die alte Verführung üben an jungen, sorglosen Gemütern, die dann, vom Leben abgeschieden und doch auch nicht aufgenommen in den Frieden

¹⁵ Eichendorff J. von. Aus dem Leben eines Taugenichts und das Marmorbild. Berlin, 1826. S. 155—156.

¹⁶ Goethe J.W. Gedichte / Hrsg. von E. Trunz. München, 1982. P. 271.

der Toten, zwischen wilder Lust und schrecklicher Reue, an Leib und Seele verloren, umherirren und in der entsetzlichsten Täuschung sich selber verzehren [Говорят также, что дух прекрасной богини не нашел успокоения. Каждую весну воспоминание о земных наслаждениях поднимает ее из жуткой тишины могилы. Она возвращается в зеленое одиночество своего разрушенного дома и создает дьявольские наваждения прошлого, совращающие молодые беспечные души, которые затем удаляются от жизни, но и не обретают покоя смерти, между диким вожделением и невыносимым раскаянием скитаются, потеряв тело и душу, изводя себя ужасными иллюзиями — нем.]¹⁷.

Ср. у Гёте:

Aber aus der schwerbedeckten Enge
Treibet mich ein eigenes Gericht.
[...]
Aus dem Grabe werd' ich ausgetrieben,
Noch zu suchen das vermißte Gut,
Noch den schon verlohrnen Mann zu lieben
Und zu saugen seines Herzens Blut.
Ist's um den geschehn,
Muß nach andern gehn,
Und das junge Volk erliegt der Wut.
Schöner Jüngling! kannst nicht länger leben,
Du versiechest nun an diesem Ort.¹⁸

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
[...]
Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим, —
Я должна идти за жизнью вновь!
Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завясть...

(пер. А.К. Толстого)

¹⁷ *Eichendorff J. von*. Aus dem Leben eines Taugenichts und das Marmorbild. S. 194–195. Здесь явственно прочитывается еще один важный для Эйхендорфа европейский сюжет — легенда о Тангейзере и Гроде Венеры (или Венериной горе) — не случайно автор делает своих героев певцами. Однако череда несчастных жертв-призраков, из которых Венера, ежегодно встающая из могилы, «высосала» жизнь, как кажется, восходит именно к балладе Гёте.

¹⁸ *Goethe J.W.* Gedichte. P. 272–273.

По-видимому, эта параллель указывает на то, что вампировский мотив, положенный в основу «Коринфской невесты», должен был прочитываться и в новелле Эйхендорфа. Однако, по всей вероятности, источником привнесения этих мотивов и гётевских реминисценций в повесть о статуе был другой текст, речь о котором впереди. Но до того, как перейти к нему, следует сделать еще одно отступление, рассмотрев еще один вариант книдского мифа, который Шульц назвал «иберийским ответвлением».

Под этим названием описывается легенда о Дон Жуане. До Пушкина она напрямую с интересующим нас сюжетом не соотносится, поскольку в ее сюжете не было ни любви статуи или к статуе, ни разлучения влюбленных. Однако Пушкин, превратив в «Каменном госте» (1830) статую в ревнивого мужа, пришедшего помешать свиданию жены с другим, действительно приблизил «иберийское направление книдского мифа» к рассматриваемому сюжетному комплексу. Впрочем, начальная ситуация «Каменного гостя» (ежедневные тайные посещения Доной Анной статуи мужа) скорее напоминает историю Лаодамии. Трудно сказать, до какой степени Пушкин был знаком с этой легендой и могла ли у него возникнуть подобная ассоциация, но ему во всяком случае были известны Лукиановы «Разговоры в царстве мертвых» на эту тему и соответствующий эпизод «Героид» Овидия — обе книги были в библиотеке Пушкина во французском переводе¹⁹, причем том с «Героидами», где подробно рассказано о любви Лаодомии к статуе мужа, разрезан именно начиная с письма Лаодамии. Однако для Доны Анны посещения памятника — лишь исполнение долга перед покойным мужем, ни о какой любви к статуе речи здесь не идет. Статуя и в этом случае остается чем-то большим, чем внешний облик (к чему герои, как и в сюжете со статуей Венеры, оказываются не готовы), но, полностью утратив связь с античностью, она утратила также способность вызывать любовь и любить — теперь на ее долю приходится только ревность и месть.

Параллельно с утратой статуями их «романтических» функций в литературе начала XIX в. с «книдским» сюжетом происходят неожиданные изменения — способность статуи вызывать любовь перехватывает у нее механическая кукла. Этот персонаж к тому времени уже имеет свою историю и ряд связанных с ним традиционных контекстов. XVIII век — время увлечения механическими чудесами,

¹⁹ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 1113, 1232.

также уходящими корнями в античность²⁰. В журналах и сборниках конца века встречаются сообщения о такого рода диковинках (например: «Жан де Кониксберг сделал железную муху, которая летала по комнате и наконец садилась на руку своего господина. Он сделал также орла, который летал пред императором Фридериком на пятьсот шагов и возвращался наконец к тому месту, откуда был пущен. Корнель Дребель сделал музыкальный инструмент, который сам собою раскрывался при восходе солнечном и играл до тех пор, пока солнце было на горизонте...»²¹). К этому приплетаются самые невероятные легенды, например: «Журнал ученых 1680 [г.] упоминает об [...] некоторой железной статуе, выдуманной и сделанной в тюрьме содержащимся колодником, которая, вышед из тюрьмы, пошла через многие обороты подавать челобитную Марокскому владельцу в его дворце, становилась перед ним на колени и возвратилась обратно в тюрьму»²². В конце XVIII в. широко известны были удивительные «живые» автоматы Жака Вокансона (Vaucanson, 1709–1782) и Пьера Жаке-Дроза (Jaquet-Droz, 1721–1790), а также механический шахматист («Турок», оказавшийся впоследствии фальшивкой — за него играл спрятанный человек²³), сконструированный Вольфгангом фон Кемпеленом (von Kempelen, 1734–1804)²⁴. В начале XIX в. большую популярность приобретают технические чудеса бельгийского физика и воздухоплатателя Этьена Гаспара Робертсона (Robertson, 1763–1837), демонстрировавшего свои изобретения в Европе и в России²⁵. В мемуарах встречаются описания механических кабинетов редкостей, сделанных по образцу знаменитого робертсоновского кабинета. Такого рода текст есть, например, в «Записках» Федора Толстого. Вот характерный фрагмент этого описания:

²⁰ Наиболее известны механические театры и другие автоматы Герона Александрийского (I в.), в частности, описанные им в книге «Об автоматах» (*Аυτόματα*).

²¹ Удивительные машины // Отрада в скуке. М., 1788. Ч. 2. С. 23.

²² Там же. С. 25.

²³ История создания «Турка» и раскрытия его секрета была напечатана в Отечественных записках в 1839 г. (Тайна знаменитого автомата, обыгрывавшего всех в шахматы // Отечественные записки. 1839. Т. 6, отд. 8. С. 86–94).

²⁴ Подробный очерк истории автоматов-андроидов опубликовал в 1841 г. А.П. Башуцкий (*Башуцкий А.П.* Краткая история автоматов и андроид // Отечественные записки. 1841. Т. 16, отд. 2. С. 1–29). Подобные автоматы, история их возникновения и эволюции описаны в работах: *Riskin J.* Eighteenth-Century Wetware // *Representations*. 2003. №. 83. P. 97–125 (исследовательница обращает особое внимание на попытки мастеров XVIII в. не просто сконструировать автомат, но максимально имитировать его «живость», к примеру, заставить механическую пианистку вздыхать от полноты чувств и следить глазами на движениями своих рук); *Wood G.* Living Dolls: A Magical History of the Quest for Mechanical Life. London, 2002 и др.

²⁵ О нем и об интересе к его механическим кабинетам см. примеч. М.А. Турьян в изд.: *Антоний Погорельский.* Соч.; Письма. СПб., 2010. С. 664–665 (Сер. «Лит. памятники»).

На правой [...] стороне стены [...] находится небольшая четырехугольная дощечка, горизонтально поддерживаемая двумя весьма тоненькими подставками, на которой стоит на низеньком пьедестале фигура, сделанная из воску, не более шести вершков, изображающая арапа, держащего небольшой стальной молоток. У ног статуйки стоит тоненький фигурный столбик, на котором сверху находится медный, полушаром, колокольчик. Я снимаю эту статуику с пьедестала, даю рассмотреть ее зрителям, как и горизонтальную дощечку, на которой она стояла. Потом ставлю ее опять на то место, с которого снимал. Потом предлагаю кому-нибудь из зрителей взять одну карту из цельной колоды и держать у себя, не показывая мне, и спросить статуику, какая карта была им взята, и спросить следующим образом: во-первых, какой масти карта, называя порознь: червонная, пиковая, трефовая и бубновая. Статуика при названии той масти, которой у него карта, наклоняет голову в знак того, что у него карта этой масти, а при названии других она вертит головой из стороны в сторону. При вопросе, какая карта, он молотком по колокольчику [отбивает] то число очков, которое она изображает²⁶.

Обращает на себя внимание постоянное подчеркивание того, что все можно было снять, подо все заглянуть, все части тонкие и плоские, так что в них нельзя спрятать механизм, приводящий игрушку в действие, то есть нет никакого «обмана», причем под «обманом» понимается собственно механистическое объяснение происходящего. Это очень характерная деталь, говорящая о существовании уже некоего шаблона описания подобных «чудес»: речь изначально идет о чисто механических игрушках, сделанных, по словам мемуариста, его собственными руками, однако при рассказе о них инженерная составляющая отходит на второй план, повествователь подводит читателя фактически к сверхъестественному восприятию свойств куклы. То же стремление подчеркнуть отсутствие объяснимых ухищрений мы обнаруживаем в гофмановском «Автомате» («Die Automate», 1814): «Посредине небольшой скудно меблированной комнаты сидела на низеньком треножнике большая, величиной с человека, кукла, одетая в богатый турецкий костюм»; «Догадкам и предположениям относительно устройства механизма не было конца. Исследовали стены, соседние комнаты, мебель, — все напрасно [...] Хозяин [...] не мог удержать иронического смеха, когда присутствовавшие двигали треножник с места на место, щупали куклу, рассматривали ее

²⁶ Толстой Ф.П. Записки. М., 2001. С. 201–202.

с помощью увеличительных стекол...»²⁷. В обоих случаях автомат делает нечто, выходящее за пределы обычных человеческих возможностей (у Толстого — отгадывает карты, у Гофмана — судьбу). Таким образом, в этом контексте чудо инженерного искусства также оказывается чем-то большим, чем просто механическая кукла, и приобретает некие мистические способности. К концу 1830-х гг. эта особенность автоматов-андроидов, по всей видимости, уже была вполне ощутима и осознана. Во всяком случае в 1841 г. Башуцкий в своем очерке прямо пишет: «Алхимик искал философского камня; механик составления андроида, который бы прорицал скрытое от человека»²⁸.

С другой стороны, общим местом была метафора женщины-куклы, причем с XVIII в. эту метафору было принято распространять. Публикуются так называемые механистические анатомии. Так, журнал «Полезное увеселение» печатает переведенную из аддисоновского «Зрителя» «анатомию» сердца кокетки²⁹, а в сборнике «Отрада в скуке» появляется следующий текст:

ЧТО ТАКОЕ КОКЕТКА?

Кокетка есть искусственная машина, движущаяся, прикрытая белилами, румянами, лентами, кружевами и дорогими камнями, перетянутая китовыми усами, кои на зло природы делают стан ее хорошим. Сей механический состав имеет говорящие глаза, рот, открывающийся для показания маленьких слоновых косточек, кои поутру в оный вставляются, а ввечеру кладутся на уборный столик. По снятии строения поставленного на голове, к ночи убывает ее более четвертой доли.³⁰

До целого сюжета распространил метафору куклы-возлюбленной Гёте в шуточной пьесе «Триумф чувствительности» («Der Triumph der Empfindsamkeit», 1777): комический принц Оронаро, создавший себе для сентиментальных размышлений искусственную «природу», располагающуюся в комнате, испытывает нежные чувства к кукле, изображающей королеву Мандандану. Кукла набита

²⁷ Гофман Э.Т.А. Собр. соч. СПб., 1994. Т. 1. С. 324; 325–326 (пер. З.П. Вершининой).

²⁸ Башуцкий А.П. Краткая история автоматов и андроид. С. 4.

²⁹ См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 16. Сатирический прием литературных «анатомий», возник, по-видимому, не случайно: в это же время наблюдаются и попытки сделать (в учебных или медицинских целях) действующую механическую анатомию — модель организма живого существа, полностью имитирующую жизненные процессы. Об этих проектах XVIII в. см.: *Riskin J. Eighteenth-Century Wetware*. P. 111–115.

³⁰ Отрада в скуке. Ч. 1. С. 48–49.

соломой, а в груди у нее спрятан мешок с чувствительными книгами. Когда на место куклы сажают живую Мандандану, принц испытывает охлаждение и разочарование — и лишь получив назад свою куклу, вновь обретает покой и счастье. Вероятно, эта шутка Гёте была первым «наложением» куклы XVIII в. на античные истории со статуями: хотя в пьесе статуи не упоминаются, она вся проникнута игрой с античностью — герои посещают оракула, разыгрывают сцену с Прозерпиной в Аиде и т. д.³¹

Различные варианты распространения «кукольной» метафоры предложил в «Пестрых сказках» (1833) Одоевский («Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и «Деревянный гость, или Сказка об очнувшейся кукле и господине Кивакеле»). Этот злой памфлет, включающий и превращения человека в куклу, и безуспешные попытки одушевления куклы человеком, и «вдыхание» в нее жизни древним мудрецом, обыгрывает различные сюжеты, связанные с куклами и статуями³², в том числе и миф о Пигмалионе. И юноша, купивший куклу и ожившая красавица, пытающаяся возродить к жизни «деревянного» Кивакеля, стремятся и не могут стать Пигмалионом — вместо того, чтобы вдохнуть жизнь в статую-куклу, им удается лишь обучить ее новым механическим движениям и фразам. Тем самым, они оказываются в одном ряду с мастером-механиком, но не с творцом. В «сказках» Одоевского нравоучительно-сатирическая традиция, идущая от «механистиче-

³¹ Любопытный пример неразличения куклы и двигающейся статуи обнаруживается в ранней «восточной» повести И. А. Крылова «Каиб» (1792), где также присутствует отсылка к античности. К калифу, обдумывающему, как отправится в предначертанное путешествие без ущерба для правления, является фея и предлагает: «Каиб, [...] я выдумала способ сокрыть путешествие твое от народа и от самых визирей твоих. Проснувшись, ступай из дворца твоего, не говоря никому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такие способности, что она, до возвращения твоего, заменит с успехом твое место. Так некогда Аполлон на Троянской брани подменил Энея подделанною под его вид статуею; и между тем как Эней отдыхал дома, то статуя храбро сражалась с греками; хотя Гомер ничего не говорит, но я знаю точно, что тогда многие славные дела ее приписаны самому Энею, чему он, по сговорчивости своей, никогда не противоречил. То же точно намерена я с тобою сделать. Иди и старайся только исполнить волю оракула; достальное я беру на себя. Поверь: ни одна душа не узнает, как изрядно подмену я тебя статуею из слоновой кости, которая в твое отсутствие наделает много славных дел; все они умножат в народе к тебе благодарность» (Крылов И. А. Полное собрание сочинений. М., 1945. Т. 1. С. 362–363). Забавная история про статую Энея выглядит зеркальной карикатурой статуи Протесилая, замещавшей в доме Лаодамии героя, ушедшего в войну и погибшего там (см. выше).

³² Само название «Деревянный гость», объединяющее каменного гостя, «губительную статую», с деревянной куклой, представляется весьма показательным. На столкновение в романтической литературе мифов о статуе и кукле указал, не ссылаясь, впрочем, на конкретный материал, Ю. М. Лотман: «Кукла оказалась на скрещении древнего мифа об оживающей статуе и новой мифологии мертвой машинной жизни. Это определило вспышку мифологии куклы в эпоху романтизма» (Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 379).

ских анатомий», достигает своей вершины, одновременно становясь уже объектом литературной рефлексии.

До XIX века метафора «кукольной», «искусственной» красавицы существовала как чисто сатирический прием. Однако Генрих фон Клейст (Kleist, 1777–1811) в драме «Кетхен из Гейльброна» («*Käthchen von Heilbronn*», 1808) наполняет эту искусственную форму зловещим содержанием. Его Кунигунда коварно плетет интриги, ослепляя героя ложной красотой. Случайно узнавшей ее тайну Кетхен грозит гибель. Верному другу и вассалу героя удается раскрыть тому глаза, и он в итоге спасается от чар Кунигунды.

Иная судьба постигает Натанаэля, героя гофмановского «Песочного человека» («*Der Sandmann*», 1816), влюбившегося в механическую куклу Олимпию. Натанаэль, помолвленный с живой девушкой, начинает пылать страстью к Олимпии, которую все остальные считают пустой куклой, хотя и воспринимают это как метафору: «Сделай мне удовольствие, братец, — сказал однажды Зигмунд, — скажи мне, как это такой робкий малый, как ты, мог врезаться в это восковое лицо и деревянную куклу?»³³ Однако для Натанаэля, глядящего на нее через подзорную трубку, подсунутую ему страшным посредником Копполой-Коппелиусом, она оживает, наполняется теплом и чувством, разъединяя юношу с его живой невестой. Когда кукла уничтожена, а верным друзьям, казалось, удалось вырвать Натанаэля из-под власти Коппелиуса и герой уже готов обвенчаться со своей настоящей невестой Кларой, зловещая фигура вновь возникает между ними: посмотрев на Клару все в ту же подзорную трубку, Натанаэль вдруг видит куклу и с криком «Вертись, деревянная кукла, вертись!»³⁴ сначала пытается убить Клару, а затем кончает с собой. Явление «губительной куклы» перед свадьбой с живой невестой здесь практически тождественно явлению «губительной статуи» у брачной постели юноши в сюжетах о Венере. Итак, бывшая до сих пор лишь сатирической метафорой, красавица-кукла теперь отчетливо приобретает демонические черты статуи³⁵. Однако кукла по сути своей пуста, она — воплощение чистой внешней оболочки,

³³ Гофман Э. Т. А. Собр. соч. СПб., 1896. Т. 1. С. 226 (пер. М. Бекетовой).

³⁴ Там же. С. 232.

³⁵ Высказывалось предположение, что само имя Олимпия указывает на связь куклы со статуями олимпийских богов (см. *Andermatt M. Artificial life and Romantic brides // Romantic prose fiction. Amsterdam, 2008. P. 212*). Отметим также, что, отправляясь для решительного разговора к Олимпии, Натанаэль берет с собой кольцо, которое подарила ему при прощании мать и которое он хочет дать возлюбленной (Гофман. Собр. Соч. Т. 1. С. 228).

имитирующей жизнь³⁶. Человек, полюбивший статую, поклоняется совершенной форме, которая неожиданно оказывается носителем некоего духовного (или демонического) начала. Человек, полюбивший куклу, считает, что предмет его любви одухотворен, а он оказывается пустым. Поэтому в «Песочном человеке» совершенно явственно проступает «вампировский» мотив: влюбленный отдает кукле свое тепло, свою душу, наполняя ее собой. Прикосновение ледяной руки Олимпии каждый раз вызывает у Наганаэля содрогание, и лишь его жар согревает ее руки и губы. Гофман практически цитирует гётевское «как лед хладна» («Eiskalt war Olimpias Hand») и прямо ссылается на «легенду о мертвой невесте»:

...er küßte Olimpias Hand, er neigte sich zu ihrem Munde, eiskalte Lippen begegneten seinen glühenden! — So wie, als er Olimpias kalte Hand berührte, fühlte er sich von innerem Grausen erfaßt, die Legende von der toten Braut ging ihm plötzlich durch den Sinn; aber fest hatte ihn Olimpia an sich gedrückt, und in dem Kuß schienen die Lippen zum Leben zu erwärmen [...он поцеловал руку Олимпии, склонился к ее лицу, его пылающие губы встретились с ее ледяными устами! Он снова почувствовал ужас, ему вдруг пришла на ум легенда о мертвой невесте; но Олимпия крепко прижала его к себе, и, казалось, что в поцелуе ее уста загорелись жизнью — нем.]³⁷.

Ср. у Гёте:

Heftig faßt er sie mit starken Armen,
 Von der Liebe Jugendkraft durchmannt:
 «Hoffe doch bei mir noch zu erwärmen,
 Wärst du selbst mir aus dem Grab gesandt!»
 Wechselhauch und Kuß!

³⁶ Характерно, что защищая «Шахматиста» Кемпелена от нападок разоблачителей, Башуцкий пишет: «...нет средств ни предполагать, ни допустить, чтоб известное сочетание механических частей, как бы впрочем не было высоко искусство их сочетания, могло когда-либо проявлять действия, требующие чисто воли и прямого разума, т. е. души», однако «игрок, скрытый в пьедестале, был *душа* [...], но автомат был настоящее органическое *тело*, он приводил в исполнение волю этой души, и этого было уже совершенно достаточно для славы Кемпелена» (Башуцкий А. П. Краткая история автоматов и андроид. С. 17). Статья Башуцкого вообще выглядит отчасти попыткой снять с автоматов флер дополнительных (часто негативных) коннотаций, привнесенных в их восприятие литературой романтизма, и вернуть им былую славу и ценность с позиции просвещения.

³⁷ Hoffmann E. T. A. Gesammelte Schriften. Berlin, 1872. Bd. 5. S. 32–33. Пер.: Гофман Э. Т. А. Собр. соч. Т. 1. С. 225. На связь более поздних сюжетов об искусственных женщинах-андроидах с вампировскими мотивами указал Владислав Дегтярев в статье «Архитекторы человеческих тел, или Великая и ужасная эпоха Адольфа Лооса» (Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 18). Не исключено, что истоки этого устойчивого соединения мотивов нужно искать именно у Гофмана.

Liebesüberfluß!
 «Brennst du nicht und fühlst mich entbrannt?»
 Liebe schließet fester sie zusammen,
 Tränen mischen sich in ihre Lust;
 Gierig saugt sie seines Mundes Flammen,
 Eins ist nur im andern sich bewußt.
 Seine Liebeswut
 Wärmt ihr starres Blut;³⁸

Но, кипящий жизненною силой,
 Он ее в объятия заключил:
 «Ты хотя бы вышла из могилы,
 Я б согрел тебя и оживил!
 О, каким вдвоем
 Мы горим огнем,
 Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,
 Уж она, припав к нему на грудь,
 Пьет его горячее дыханье
 И уж уст не может разомкнуть.
 Юноши любовь
 Ей согрела кровь

(пер. А. К. Толстого)

По всей вероятности, родственность гофмановской куклы со статуей бросилась в глаза Эйхендорфу: его «Мраморная статуя», написанная через год после публикации «Песочного человека», содержит поразительные совпадения с гофмановской новеллой. В частности, «оживание» эйхендорфовской статуи (см. приведенный выше фрагмент «Мраморной статуи») очень напоминает оживание Олимпии под взглядом Натанаэля, который смотрит на нее через увеличительную трубку Коппопы-Коппелиуса:

Nun erschaute Nathanael erst Olimpias wunderschön geformtes Gesicht. Nur die Augen schienen ihm gar seltsam starr und tot. Doch wie er immer schärfer und schärfer durch das Glas hinschaute, war es, als gingen in Olimpias Augen feuchte Mondesstrahlen auf. Es schien, als wenn nun erst die Sehkraft entzündet würde; immer lebendiger und lebendiger flammten die Blicke. Nathanael lag wie festgezaubert im Fenster, immer fort und fort die himmlisch-schöne Olimpia betrachtend [Только теперь увидел Натанаэль дивно прекрасное лицо Олимпии. Только глаза по-

³⁸ Goethe J. W. Gedichte. P. 271.

казались ему как-то странно неподвижными и безжизненными. Но, пристально глядя на них через стекло, Натанаэль заметил, что в глазах Олимпии точно будто промелькнули какие-то лунные лучи. Как будто только теперь получили они дар зрения и взгляд их становился все живее и живее. Натанаэль стоял у окна, точно привороженный, глядя на небесно прекрасную Олимпию — нем.]³⁹

По-видимому, именно «Песочный человек» был тем самым текстом, который побудил Эйхендорфа ввести в сюжет о статуе «вампировский» мотив и связать его с «Коринфской невестой». Таким образом, не только кукла обрела черты «губительной статуи», но и статуя, в свою очередь, позаимствовала у куклы обретенные ею демонические свойства. В дальнейшем сюжеты о статуях продолжали развиваться, наполняться новыми смыслами и оттенками, статуя, вновь обрета и связь с античностью и способность пробуждать любовь, появляется еще во многих текстах. Так, практически все мотивы, заложенные Гофманом и Эйхендорфом, мелькают в истории о любви Максимилиана к греческой мраморной статуе (и к ее в некотором смысле двойнику — загадочной мадемуазель Лоранс⁴⁰) во «Флорентийских ночах» Г. Гейне (1836)⁴¹.

Любопытно, что Антоний Погорельский в повести «Пагубные последствия необузданного воображения», пересказывая гофмановскую повесть, последовательно освободил свою куклу Аделину от всего, что могло ассоциироваться со статуей: в его варианте нет ни неподвижных и мертвых глаз, ни постепенного оживления, ни холодной как лед руки, ни вторичного появления куклы перед свадьбой героя с живой невестой (поскольку там вообще нет живой невесты). Однако в обрамляющем разговоре, следующем непосредственно после повести, есть такая реплика: «...происшествие это совсем не ново: вспомните о Пигмалионе, который, как говорит предание, влюбился в статую, им самим сделанную, перед которою наша кукла по крайней мере имеет то преимущество, что она двига-

³⁹ Hoffmann E.T.A. Gesammelte Schriften. Bd. 5. S. 29. Пер.: Гофман Э.Т.А. Собр. соч. Т. 1. С. 222.

⁴⁰ На вопрос, кто была мадемуазель Лоранс — «мраморная статуя или картина, мертвая или сновидение», — Максимилиан отвечает: «Пожалуй, все это вместе» (Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. М.; Л.: Academia, 1937. Т. 5. С. 110); позднее, рассказывая о встрече с Лоранс в Париже, он описывает ее как мраморную статую, чуть тронутую временем, и подчеркивает простоту и белизну ее наряда (Там же. С. 149–150).

⁴¹ О позднейших метаморфозах и отражениях историй о статуях см., напр.: Назиров Р.Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов: Межвуз. сб. Уфа, 1991. С. 24–37; Солнцева Н.М. Сюжет о статуе // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. 2014. № 2. С. 29–35.

лась»⁴². Анализ «Двойника» Погорельского показывает, что один из самых характерных приемов трансформации чужих текстов в этом цикле — вынесение важных элементов первоисточника из ткани повести в обрамляющие разговоры⁴³. Кроме того, постоянно ссылаясь на источники своих сюжетов, Погорельский никогда не называет ближайшие, а указывает на нечто лишь отдаленно похожее, как будто нарочно уводя внимание от наиболее очевидных (и бесспорных) претекстов. То, что приведенное упоминание о Пигмалионе не случайно и Погорельский уловил черты статуи в гофмановской кукле, не вызывает, как кажется, никаких сомнений⁴⁴. Но отмеченная особенность его отсылок наводит на мысль, что, вероятно, и он увидел в «Песочном человеке» иной, более близкий сюжет о статуе, который, как и в других случаях, не захотел называть.

Как уже говорилось, в рассматриваемом сюжете кукла, в отличие от статуи, есть нечто меньшее, чем кажется. Однако сразу после упоминания о Пигмалионе Погорельский рассказывает несколько анекдотов о механических чудесах, в том числе о кукле, которая была так умна, что ученый, ее создавший, «советовался с нею во всех важных случаях»⁴⁵, а также про деревянного турку, обыгрывающего в шахматы известнейших игроков⁴⁶, — то есть случаи, в которых кукла может то, что не под силу обычному человеку. Тем самым Погорельский хотя и шутивно, но вполне очевидно отсылает читателя к сюжетам, где и кукла оказывается чем-то большим, чем просто механическая игрушка.

И все же по-настоящему серьезно и самоотверженно любить куклу, причем куклу как таковую, может только ребенок. Для ребенка любимая игрушка тоже может оказаться чем-то большим, чем просто внешняя оболочка. Причем большим не за счет особой

⁴² Антоний Погорельский. Соч.; Письма. С. 58.

⁴³ См.: Китанина Т.А. «Двойник» Антония Погорельского: Структура романтического цикла // Русский текст. 1993. № 1. С. 26–42. В тот же разговор Погорельским вынесена и метафора «кукольности» светского общества: «Взгляните на свет: сколько встретите вы кукол обоего пола, которые совершенно ничего иного не делают и делать не умеют, как только гуляют по улицам, пляшут на балах, приседают и улыбаются. Несмотря на то, частехонько в них влюбляются и даже иногда предпочитают их людям, несравненно достойнейшим!» (Антоний Погорельский. Соч.; Письма. С. 58).

⁴⁴ См. об этом: Турьян М.А. Рефлексии мифа о губительной статуе: А. Погорельский // Пушкинские чтения в Тарту. 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 208.

⁴⁵ Антоний Погорельский. Соч.; Письма. С. 58–59.

⁴⁶ Там же. С. 59. Деревянный турок — вполне конкретный известный автомат Кемпелена (см. о нем выше), однако в контексте плотной атмосферы гофмановских ассоциаций, нагнетаемой Погорельским в «Двойнике», он воспринимается и явной перекличкой и с турком-предсказателем из «Автоматов».

искусности, как автоматы-фокусники, а за счет неожиданной одухотворенности, как статуя. Этот «высокий» вариант сюжета о любви к кукле реализован в гофмановском «Щелкунчике» («Nußknacker und Mausekönig», 1816). Но то чувство, которое испытывает Мари к простому некрасивому Щелкунчику (а не к техническим чудесам Дроссельмейера), это любовь-сострадание, любовь бескорыстная, жертвенная, христианская, — поэтому здесь снова оказывается возможным оживление рукотворного образа и соединение влюбленных, хотя это соединение и происходит в игрушечном, конфетном царстве. «Щелкунчик» становится, таким образом, в каком-то смысле антитезой книдскому мифу — своего рода христианской легендой о Пигмалионе.

Литература

Дегтярев В. Архитекторы человеческих тел, или Великая и ужасная эпоха Адольфа Лооса // Вопросы культурологии. 2007. № 6. С. 14–18; № 7. С. 18–24.

Дмитриева Н.Л. Стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»): Источниковедческие разыскания // Вече. Вып. 5. СПб., 1996. С. 91–101.

Китанина Т.А. «Двойник» Антония Погорельского: Структура романтического цикла // Русский текст. 1993. № 1. С. 26–42.

Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 377–380.

Мильчина В.А. Французская литература в произведениях А.С. Пушкина 1830-х гг. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 3. С. 244–254.

Назирова Р.Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов: Межвуз. сб. Уфа, 1991. С. 24–37.

Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб.: Академический проект, 1998. 336 с.

Солнцева Н.М. Сюжет о статуе // Вестник РУДН. Литературоведение. Журналистика. 2014. № 2. С. 29–35.

Турьян М.А. Рефлексии мифа о губительной статуе: А. Погорельский // Пушкинские чтения в Тарту. 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 200–213.

Шульц Р. Пушкин и Книдский миф. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985. 134 с.

Якубович Д.П. Пушкинская «Легенда» о рыцаре бедном // Западный сборник. I. М.; Л., 1937. С. 227–256.

Andermatt M. Artificial life and Romantic brides // Romantic prose fiction. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 204–225. (Comparative History of Literatures in European Languages, XXIII).

Riskin J. Eighteenth-Century Wetware // *Representations*. 2003. № 83. P. 97–125.

Wood G. *Living Dolls: A Magical History of the Quest for Mechanical Life*. London: Faber & Faber, 2002. 304 p.

References

Andermatt M. Artificial life and Romantic brides. *Romantic prose fiction*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008, pp. 204–225. (Comparative History of Literatures in European Languages, XXIII).

Degtiarev V. Arkhitektory chelovecheskikh tel, ili Velikaia i uzhasnaia epokha Adol'fa Loosa [Architects of human bodies, or The great and terrible era of Adolf Loos]. *Voprosy kul'turologii*, 2007, no. 6, pp. 14–18; no. 7, pp. 18–24. (In Russ.)

Dmitrieva N.L. Stikhotvorenie Pushkina “Legenda” (“Zhil na svete rytsar' bednyi...”): Istochnikovedcheskie razyskaniia [Pushkin's poem “The Legend” (“There lived a poor knight...”): Source studies]. *Veche*. Issue 5. St. Petersburg, 1996, pp. 91–101. (In Russ.)

Iakubovich D.P. Pushkinskaia “Legenda” o rytsare bednom [Pushkin's “Legend” about the poor knight]. *Zapadniy sbornik. I* [Western collection. I]. Moscow, Leningrad, 1937, pp. 227–256. (In Russ.)

Kitanina T.A. “Dvoinik” Antonia Pogorel'skogo: Struktura romanticheskogo tsikla [Antony Pogorelsky's “The Double”: The structure of the romantic cycle]. *Russkii tekst*, 1993, no. 1, pp. 26–42. (In Russ.)

Lotman Iu.M. Kukly v sisteme kul'tury [Dolls in the cultural system]. Lotman Iu.M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: In 3 vols]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 377–380. (In Russ.)

Mil'china V.A. Frantsuzskaia literatura v proizvedeniiakh A.S. Pushkina 1830-kh gg. [French literature in A.S. Pushkin's works of the 1830s]. *Izvestiia AN SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 1987, vol. 46, no. 3, pp. 244–254. (In Russ.)

Nazirov R. G. Siuzhet ob ozhivaiushchei statue [The plot of a statue coming alive]. *Fol'klor narodov Rossii. Fol'klor i literatura. Obshchee i osobennoe v fol'klоре raznykh narodov: Mezhevuz. sb.* [Folklore of the peoples of Russia. Folklore and literature. The general and the special in the folklore of different peoples: Interacademic collection]. Ufa, 1991, pp. 24–37. (In Russ.)

Rak V.D. *Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniia vtoroi poloviny XVIII veka* [Russian literary collections and periodicals of the second half of the 18th century]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1998. 336 p. (In Russ.)

Riskin J. Eighteenth-Century Wetware. *Representations*, 2003, no. 83, pp. 97–125.

Shul'ts R. *Pushkin i Knidskii mif* [Pushkin and the Knidian myth]. München, Wilhelm Fink Verlag, 1985. 134 p. (In Russ.)

Solntseva N.M. Siuzhet o statue [The plot of a statue]. *Vestnik RUDN. Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2014, no. 2, pp. 29–35. (In Russ.)

Tur'ian M.A. Refleksii mifa o gubitel'noi statue: A. Pogorel'skii [Reflections of the myth of a pernicious statue: A. Pogorelsky]. *Pushkinskie chteniia v Tartu. 4: Pushkinskaia epokha: Problemy refleksii i kommentariia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Pushkin readings in Tartu. 4: Pushkin's era: Problems of Reflection and Commentary: Proc. Int. Conf.]. Tartu, 2007, pp. 200–213. (In Russ.)

Wood G. *Living Dolls: A Magical History of the Quest for Mechanical Life*. London, Faber & Faber, 2002. 304 p.

The Nutcracker and the Cnidian myth (Statues, dolls and machines in Romantic literature)

Tatyana A. Kitanina

Abstract: The article can be regarded as a very belated response to Rostislav Schultz's book "Pushkin and the Knidian myth". The term "Knidian myth", originally used to designate the storyline of the legends about the lovers of Aphrodite of Knidus, is treated in Schultz's book as "the myth of the separation of man and woman by a supernatural force". The article deals only with a complex of subjects about a human's love for a statue or a statue's love for a human and makes an attempt to trace transformations of the mentioned subjects in the literature of the late 18th and early 19th centuries. Formed in the beginning of Christian era, having received a new development in medieval miracle plays, the plot of the statue of Venus entered the literature of the 19th century being quite recognizable and underwent curious metamorphosis. In the era of fascination with mechanical miracles and attempts to create a perfect automatic android, the plot of a jealous, destructive statue transformed into a plot of the destructive doll, absorbing the satirical tradition of mechanistic anatomy and the unfolded metaphors of "worldly doll" and "dollishness" of the world. At this intersection both statues and androids, refracted in the prism of romantic philosophy, acquired new literary connotations, the trail of which can be traced in literature to the present day.

Keywords: literature of romanticism, animated statue, doll, automaton-android, plot theory.

Information about the author: Tatyana A. Kitanina, Ph.D., Senior Researcher, Pushkin Studies Department of the RAS Institute of Russian Literature (Pushkin House), St. Petersburg, Russia. E-mail: tkitanina@gmail.com

Citation: Kitanina Tatyana A. The Nutcracker and the Cnidian myth (Statues, dolls and machines in Romantic literature). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 176–195.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-196-212
УДК 821.161.1

**Стихи В.Г. Бенедиктова
на юбилей князя П.А. Вяземского.
Текст и комментарий**

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Аннотация: Вводится в научный оборот полный текст стихотворения В.Г. Бенедиктова, написанного по случаю празднования 50-летия творческой деятельности П.А. Вяземского на специальном торжественном заседании Петербургской Академии наук; комментируются детали академического мероприятия, литературные переклички произведения, отклики на него.

Ключевые слова: В.Г. Бенедиктов, П.А. Вяземский, Д.Н. Блудов, М.П. Погодин, Ф.И. Тютчев.

Информация об авторах: Николай Леонидович Васильев, д. филол. н., профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru;

Дмитрий Николаевич Жаткин, д. филол. н., профессор Пензенского государственного технологического университета, Пенза. E-mail: ivb40@yandex.ru

Цитирование: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Стихи В.Г. Бенедиктова на юбилей князя П.А. Вяземского. Текст и комментарий // Литературный факт. 2018. № 8. С. 196–212.

Поэтическое наследие В.Г. Бенедиктова (1807–1873), плодovitого лирика и переводчика, представлено в относительно цельном виде в собрании его «Стихотворений» во втором издании Большой серии «Библиотеки поэта»¹.

Б.В. Мельгунов в связи с этим пишет: «...настоящее издание является наиболее полным научно подготовленным собранием стихотворений Бенедиктова»². Вместе с тем сюда не вошли многие сочинения автора, отмеченные составителем в «Списке оригинальных произведений В.Г. Бенедиктова, не включенных в настоящее издание» (всего 48)³, «Списке стихотворений, приписываемых В.Г. Бенедиктову» (всего 16)⁴, а также немалое число переводов поэтом зарубежных классиков, поскольку «эта часть его творческого наследия огромна и лишь частично может быть отражена в настоящем издании»⁵.

Среди произведений Бенедиктова в указанном издании помещено его лирическое обращение к П.А. Вяземскому по случаю 50-летия литературной деятельности последнего – «<Стихи, читанные на юбилей князя П.А. Вяземского 2 марта 1861 г.>»⁶. Стихотворение напечатано в виде 8 четверостиший с рядом отсутствующих строк, что объясняется Б.В. Мельгуновым ссылкой на «первоисточник»: «Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина, т. 18. СПб., 1904, с. 315–316, с пропусками, восстановить которые за неимением других источников не представляется возможным. Бенедиктов читал эти стихи после речи М.П. Погодина на обеде, данном Академией наук 2 марта 1861 г. в честь пятидесятилетнего юбилея деятельности Петра Андреевича Вяземского... А.В. Никитенко... записал в дневнике: "Лучшее из всего читанного здесь были стихи Бенедиктова"...»⁷.

Нам удалось обнаружить первую и, кажется, единственную аутентичную публикацию стихотворения Бенедиктова⁸. Оно ярко иллюстрирует отношение автора к Вяземскому, его взгляд на историю русской поэзии, общественную позицию и т. д.⁹ Воспроизводим это

¹ Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Вступ. ст. Ф.Я. Приймы; сост., подгот. текстов и прим. Б.В. Мельгунова. Л., 1983.

² Бенедиктов В.Г. Стихотворения. С. 716.

³ Там же. С. 769–771.

⁴ Там же. С. 771–772.

⁵ Там же. С. 717.

⁶ Бенедиктов В.Г. Стихотворения. С. 511–512.

⁷ Бенедиктов В.Г. Стихотворения. С. 758.

⁸ См. также: Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 345.

⁹ См.: Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861. С. 29–31.

стихотворение в современной графике, орфографии и пунктуации с некоторыми комментариями:

Поклон Вам, деятель наш славный
 В течение полусотни лет!
 Поклон, привет и клик заздравный
 Вам, светло-родный наш Поэт!
 И молвим здесь, как зачастую
 От Вас же словом поживясь:
 Вы «с Музой свадьбу золотую»¹⁰
 Сегодня празднуете, Князь.

*

Когда напором исполинским
 Враг угрожал стенам Москвы –
 С войсками, к лаврам Бородинским,
 Назад полвека мчались Вы:
 В груди – огонь, под мышкой – лира,
 А при бедре – булатный меч;
 Потом – в руке олива мира,
 В устах бряцающая речь.

*

Душа, богатая любовью,
 Стих – чадо бойкого пера,
 Добрейший взгляд, под строгой бровью,
 С улыбкой – вестницей добра,
 Глубокость веры, чувства живость,
 Прямого сердца теплота,
 Ума кипучего игривость
 И резвых шуток острота!

¹⁰ Цитата из стихотворения Вяземского «Песнь в день юбилея И.А. Крылова», ср.: «На радость полувековую / Скликает нас веселый зов: / Здесь с музой свадьбу золотую / Сегодня празднует Крылов», «И этот брак был не бесплодный! / Сам Феб его благословил! / Потомству наш поэт народный / Свое потомство укрепил». Стихотворение было напечатано к тому времени, по крайней мере, трижды: Рус. инвалид. 1838. 4 февр.; С.-Петербург. вед. 1838. 5 февр.; Лит. прибав. к Русскому инвалиду. 1838. 12 февр. (вместе со стихотворением Бенедиктова «На пятидесятилетний юбилей Крылова»); причем Вяземский лично правил общую наборную рукопись для «Литературных прибавлений...». См.: *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. С. 731–732.

*

Но не шутя по жизни полю
Вдаль шли Вы из конца в конец.
И скорбь давалась Вам на долю,
И терн вплетался в Ваш венец.
Но чем судьба была к Вам злее,
Тем выше стали Вы над злом,
И тем венец тот стал светлее
Над Вашим мыслящим челом.

*

Ваш стих, что прежде так смеялся
И бойко, весело шутил,
Потом глубоко отозвался
Беседой с таинством могил;
Былая прыть, мечты и грезы –
Молитвой, думой стали в нем,
И рифмы канули, как слезы,
Звеня в падении своем.

*

Для всех светило в Вас осталось,
Где свет заветный сохранен.
Нам Ваше имя красовалось
В созвездье памятных имен;
В Вас смотрят группой знаменитой
На нас с заоблачных вершин:
Крылов – наш дедушка маститый,
Жуковский, Пушкин, Карамзин.¹¹

*

Сияй, блистай, звезда родная,
Наш Князь по сердцу и уму!
Вдвойне сиятельный, сияя
Не по титулу одному!
Пусть долго, долго – всем на радость –
Живет возлюбленный Поэт,
И новых звучных песен сладость
Дает вкушать нам много лет!

¹¹ Ср. в стихотворении Ф.И. Тютчева «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского»: «Нет отклика на голос, их зовущий, / Но в светлый праздник Ваших именин / Кому ж они не близки, не присущи – / Жуковский, Пушкин, Карамзин!...».

*

Он будет юн душою вечно,
 Душа не ведает седин.
 В нем все глубоко-человечно:
 Упреков нет... Иль есть – один,
 Что Князя Вяземского дети
 От брака с Музою его¹² –
 Вразброд гуляют в белом свете,
 Не зная дома своего.

*

Порою странствуя далёко,
 Он их оттуда, где бывал,
 Из стран Заката и Востока
 В свою отчизну присылал.
 Там – их родины, там – крестины;
 Те – от заветных шли сторон,
 Под знойным небом Палестины¹³,
 Крестившись там, где Бог крещен.

*

Пусть он к ним нежную приложит
 Заботу, вкупе их сберет¹⁴,
 И их сторицею умножит
 И всех семейно в мир введет!
 И мир, при кликах громогласных
 Приняв их заодно с отцом,
 Покроет чад его прекрасных
 Академическим венцом¹⁵.

¹² Шутливая реминисценция из стихотворения Вяземского «Песнь в день юбилея И.А. Крылова» (см. выше).

¹³ Подразумевается стихотворение Вяземского «Палестина» (1850), напечатанное, в частности, в «Известиях II отделения имп. Академии наук» (СПб., 1858. Т. 7. Вып. 1 – под рубрикой «Пять стихотворений князя П.А. Вяземского». С. 71–80).

¹⁴ Первый сборник избранных произведений поэта вышел спустя год: В дороге и дома: Собрание стихотворений князя П.А. Вяземского / <Под ред. и с прим. М.Н. Лонгинова>. М., 1862.

¹⁵ Намек на желание Академии наук издать сочинения Вяземского, ср. в речи ее президента и председателя юбилейного собрания Д.Н. Блудова: «Дозволю себе сказать только, что пора бы, и давно пора собрать эти *рассеянные перлы*... Не согласитесь ли Вы, любезнейший Князь, поручить это нашему обществу <...>?» (Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 10), а также в опубликованном в указанном издании письме из Москвы М.Н. Лонгинова к юбиляру: «К поздравлению моему позвольте присовокупить возобновление старинной просьбы моей об издании собрания Ваших сочинений, которое так давно ждут все любящие родное слово. Усердно желаю, чтобы день, посвященный возданию почета тому, кто полвека

В юбилейном сборнике сообщалось, что Бенедиктов лично приветствовал литературного патриарха: «Из окружавших московского гостя слушателей поэт Владимир Григорьевич Бенедиктов обратился после него [М.П. Погодина] к князю П.А. Вяземскому с своим поздравлением...»¹⁶.

Итак, поэтическое обращение поэта к Вяземскому структурировано в виде 10 восьмистиший. Оно содержит отзвуки лирики самого Вяземского и остроумные каламбурные штрихи, характерные для его же поэтики.

Не случайно, что А.В. Никитенко высоко оценил это не «казенное» приветствие, записав в дневнике в тот же день: «Обед, данный Академиею <наук>, некоторыми литераторами и знакомыми князю П.А. Вяземскому, который приобрел литературную известность и всеобщую любовь и уважение. Я охотно согласился принять участие в этой овации и даже приготовил маленькую речь, но не сказал ее, потому что и без нее было много речей и стихов. Лучшее из всего читанного здесь были стихи Бенедиктова. Но еще лучше было благодарственное слово самого князя, проникнутое чувством и искрящееся остроумием. Стихов Тютчева я не расслышал, но их многие хвалили»¹⁷. Праздник вообще был довольно оживлен. Я встретил много знакомых. На эстраде, огороженной великолепными растениями и цветами, зрительницами сидели дамы»¹⁸.

В указанном издании очень подробно описываются все детали юбилейного торжества, например: «В императорской Академии Наук, по Отделению русского языка и словесности, князь Петр Андреевич Вяземский состоит ординарным академиком с 19-го октября 1841 года, бывши прежде Действительным членом Императорской Российской академии (до слияния ее с АН. – *Н. В., Д. Ж.*) со 2-го октября 1839 года. Этим почетным избранием он обязан постоянному участию и счастливым успехам в отечественной литературе, явившись в среде русских писателей шестнадцати лет от роду»; «Таким образом, пятидесятилетие литературных трудов его исполнилось еще в октябре 1858 года»; «К сожалению своему, Академия Наук не могла в то время приступить к торжественному выражению полного сочувствия своего и уважения к сознаваемым всеми заслугам Академика, потому что расстроенное здоровье, в это самое время, удер-

украшал ими литературу, решил и исполнение этого предприятия, которому я с такой радостью готов всегда содействовать» (Там же. С. 55).

¹⁶ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 29.

¹⁷ См. об этом ниже.

¹⁸ *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. 2. М., 1955. С. 179.

живало его за границу. Подобным образом, и следовавшие затем два года не оказались вполне удобными для празднования юбилея, по некоторым семейным обстоятельствам Академика»; «Наконец, в начале нынешнего года, Академии удалось привести в исполнение давнишнее ее желание. Граф Дмитрий Николаевич Блудов, Президент Академии Наук, по докладу об этом Непременного Секретаря (К.С. Веселовского. – *Н. В., Д. Ж.*), ходатайствовал чрез Министра Народного Просвещения о всемилостивейшем соизволении Государя Императора на празднование Академиею исполнившегося пятидесятилетия литературных трудов Академика, столь уважаемого и любимого всеми. В 20-й день февраля последовало на то Высочайшее Его Императорского Величества разрешение»; «Приготовляя торжественное собрание... Академики предугадывали, что, для полного оживления праздника... недостаточно их исключительного присутствия, более или менее всегда официального. <...> Это соображение побудило Академию сообщить нескольким лицам из родственного круга князя П.А. Вяземского о предположенном празднике и просить их составить список тех особ, которые, принадлежа к числу его родных, или друзей, или находясь в близких с ним сношениях, неожиданным присутствием своим в собрании Академии могли бы составить тем ему живейшее удовольствие»; «Распоряжением по устройству праздника заведывали: Николай Алексеевич Муханов, Алексей Владимирович Веневитинов и князь Владимир Федорович Одоевский»¹⁹.

Запротоколировано было выступление самого Вяземского, присутствовавших гостей и академиков, например П.А. Плетнева, прочитавшего стихи Тютчева, «написанные по случаю совершающегося празднества... и для прочтения переданные ему автором» («У музы есть различные пристрастья»)²⁰. Выступили, в частности, В.А. Соллогуб (с приветственными стихами в виде «куплетов» в музыкальном сопровождении)²¹, М.П. Погодин. Последний спорил с модной в то время утилитарной концепцией искусства и заниженной «ше-

¹⁹ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 5–7.

²⁰ Там же. С. 19–20. Об обстоятельствах написания указанного стихотворения Тютчевым говорится в письме Д.Ф. Тютчевой к Е.Ф. Тютчевой от 27 февраля 1861 г.: «В будущий четверг будут праздновать 50-летний литературный юбилей Вяземского – по этому поводу папá написал прекрасные стихи, которые я отправлю тебе, как только они будут прочитаны. Папá не хочет, чтоб о них говорили прежде времени». См.: Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публ. К.В. Пигарева и Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 323.

²¹ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 21–23.

стидесятниками» оценкой творчества Вяземского, который, заметим, никогда не был камерным поэтом: «Наша новая критика... восстает против искусства для искусства, и на этом основании осуждает князя Вяземского. <...> Искусство для искусства есть вместе и для души, для духа...»; выстроил свой ряд выделяющихся поэтических фигур среди почивших современников Вяземского: «...Карамзин, Дмитриев, Крылов, Озеров, Гнедич, Мерзляков, Жуковский, Пушкин, Грибоедов, Баратынский, Дельвиг, ваши друзья, наставники, товарищи, воспитанники!»²². Прозвучали также речи В.П. Орлова-Давыдова, Н.И. Греча, зачитавшего... четверостишие юбиляра «К портрету императора Александра I» (1814)²³, немецкого поэта, драматурга, журналиста и переводчика Вильгельма Вольфсона (1820–1865), автора лейпцигской антологии русской поэзии 1857 г.²⁴, познакомившего слушателей со своим переложением старого стихотворения Вяземского «Слезы» (перевод напечатан вместе с русским оригиналом)²⁵.

Во время торжественного обеда было озвучено много «приветствий отсутствующих лиц», нескольких десятков «петербургских дам» с персональным их перечислением в виде приветственного адреса, телеграмм из заграницы²⁶. Одна из телеграмм была от Д.П. Северина, процитированная в юбилейном сборнике вместе с ответным многостраничным обращением к нему Вяземского: «"И сердце полное, и полный твой бокал" / На празднике моем я сердцем отыскал», «Ты первых строк моих читатель терпеливый, / Мой строгий аристарх...»²⁷. Выступили также Я.К. Грот – с пространной академической речью, Н.Ф. Щербина – с небольшим стихотворением, приветствовавшим не только виновника торжества, но и общественные перемены в стране²⁸: «В славный год, когда свобода / Бросит первый блеск лучей, / В год великий для народа / Твой свершился юбилей...»²⁹. Были зачитаны или, по крайней мере, включены в данное издание письма к юбиляру Д.Г. Бибикова, А.С. Норова, Н.В. Путьяты, послание в стихах Б.М. Федорова («Поэт, писатель

²² Там же. С. 24–25, 28.

²³ Надпись над бюстом императора Александра I (см.: *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 3. СПб., 1880. С. 45).

²⁴ См., в частности: *Бондаренко В.В.* Вяземский. 2-е изд. М., 2014. С. 439.

²⁵ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 34–36.

²⁶ Там же. С. 37–42.

²⁷ Там же. С. 40–44. См. также: Послание к Дмитрию Петровичу Северину (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 11. СПб., 1887. С. 362–367).

²⁸ 19 февраля Александром II был подписан долго готовившийся «Манифест об отмене крепостного права», обнародованный 5 марта 1861 г.

²⁹ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 45–49.

и сановник, / Родня и друг Карамзина!..)»³⁰. Не обошлось без свидетельства знаков высочайшего внимания к писателю со стороны императора и императрицы, как бы обрамляющих весь ход праздника³¹. В конце памятного издания прилагался «Список лиц, участвовавших в юбилее князя Петра Андреевича Вяземского», насчитывающий десятки имен...

П.А. Валуев, родственник Вяземского, в отличие от А.В. Никитенко, по-своему «профессионально» и в то же время остроумно запротоколировал в дневнике многие детали описанного события: «Был на юбилейном обеде. Гр. Блудов, после "loyalty toast'a [тоста преданности]" в честь е. величества и другого, мною не слышанного тоста в честь императорского дома или России, провозгласил беззвучным голосом (*parlant comme le sombres de L'Odyssé* [говоря, как тени "Одиссеи"], по выражению Тютчева) тост в честь юбиляра. Кн. Вяземский читал ответную речь, весьма хорошо написанную. Жаль только, что он ее читал», «Плетнев читал приветствие от Академии и стихи Тютчева, Бенедиктов декламировал, а Соллогуб пел свои стихи. Погодин, нарочно приехавший из Москвы, сказал речь... наконец... *Wolfsohn* также произнес *speech* по-немецки и к тому же бесконечный, а гр. Орлов-Давыдов, сказав *speech* по-русски, провозгласил тост в честь отсутствующего сына юбиляра. На обеде присутствовали многие сильные сего мира и вообще празднество, по-видимому, удалось. (Жаль, что распорядители исключили многих современных литераторов из списка приглашенных к участию в обеде)», «Познакомился на обеде с Писемским, Майковым, Бенедиктовым и Погодиным»³². Сдержаннее описал данное событие В.А. Муханов, не упомянув о Бенедиктове: «Хлопоты у брата [Н.А. Муханова] с юбилеем князя Вяземского» (24 февраля); «Еду с братом поздравить кн. Вяземского, к которому мы не вошли, ожидая герцога Мекленбургского, приехавшего также поздравить. Обилие букетов. Из речей знаменательны самого князя Вяземского, Плетнева и Погодина; потом граф Соллогуб пропел прекрасные стихи, и были читаны еще лучшие стихи Тютчева. Дамы тоже прислали адрес» (2 марта)³³.

Требует отдельного внимания вопрос о присутствии на указанном мероприятии Тютчева, стихотворение которого зачитал Плетнев... В «Списке лиц, участвовавших в юбилее князя...» его имя

³⁰ Там же. С. 52–56.

³¹ Там же. С. 9, 49.

³² Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 78–79.

³³ Из дневных записок Владимира Алексеевича Муханова // Рус. архив. 1897. Кн. 1. С. 46.

значится, но под этим *участием* можно понимать и прозвучавшее стихотворение. Исходя из материалов юбилейного сборника и отчасти упоминавшихся дневниковых записей участников торжества, напрашивается предположение, что Тютчев по каким-то причинам не мог быть лично на званом обеде. Однако в эти дни он находился в Петербурге и, между заседаниями Комитета цензуры иностранной, где председательствовал, в частности, 1 и 8 марта 1861 г.³⁴, деятельно занимался переводом на французский язык манифеста об освобождении крестьян для газеты «Journal de S.-Pétersbourg», о чем упоминается в переписке А.Ф. Тютчевой с Е.Ф. Тютчевой: «Папá пришлось переводить манифест об освобождении крестьян. Я читала его, он великолепен, но не говори об этом» (27 февраля 1861 г.); «Сегодня манифест напечатан на французском языке. Переводил его папá. Ему пришлось порядком поработать над ним» (6 марта 1861 г.)³⁵.

Составители «Летописи жизни и творчества Ф.И. Тютчева» противоречиво сообщают: «**Март 2. Петербург.** Тютчев присутствует на банкете в честь 50-летия литературной деятельности П.А. Вяземского. П.А. Плетнев читает его стихи "На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского"»; «**Март 2. Петербург.** П.А. Вяземский приезжает благодарить Тютчева за участие в юбилее и за стихи, написанные к этому дню»³⁶ – со ссылкой на автограф Вяземского на его фотографии, подаренной Тютчеву: «Пр<иезжал> благодарить. 2 марта 1861»³⁷; «**Март 3. Петербург.** Тютчев обедает у П.А. Вяземского в обществе М.П. Погодина и П.А. Валуева»³⁸.

Если исходить из того, что Тютчев был на юбилейном мероприятии, но по каким-то причинам препоручил чтение своего стихотворения Плетневу, то непонятно, зачем и когда в таком случае Вяземский, не ограничившись общением во время «обеда», приезжал к нему в тот же день, чтобы поблагодарить друга и вручить свою «карточку», поскольку после многочасового мероприятия юбиляр и часть гостей должны были в спешном порядке отправиться с Васильевского острова на другую сторону Невы: «Время, которое предполагалось провести на праздничном обеде, давно кончилось, и начиналась пора вечерних собраний. Многие из гостей, бывших в Академии, а в их числе и Князь П.А. Вяземский, должны были

³⁴ Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева: [В 3 кн.] / Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский. Кн. 3. М., 2012. С. 10–11.

³⁵ Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников. С. 322.

³⁶ Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 3. С. 10–11.

³⁷ См.: Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников С. 324 (прим).

³⁸ Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Кн. 3. С. 11.

в этот день явиться на вечернем собрании у Е. И. В. Государыни Великой Княгини Елены Павловны»; «Для Поэта день юбилея его, с поздравлениями, приветствиями и выражением самых искренних, приятнейших желаний, продолжался и в новом кругу, где он так же и любим, и уважаем, как между Академиками. Наконец, за ужином Государь Император, поздравив к себе Князя П.А. Вяземского, поздравил его и поднял бокал за здоровье Русского Поэта. Это милостивое высочайшее внимание было для Поэта счастливейшим окончанием дня...»³⁹.

Ф.М. Толстой, присутствовавший на чествовании Вяземского, перечисляя поименно находившихся там писателей, о Тютчеве не упоминает⁴⁰. С другой стороны, из дневника Валуева, пожалуй, явствует, что на юбилейном торжестве Тютчев находился рядом с ним и прокомментировал речь Блудова шуточной ремаркой «*parlant comme le sombres de L'Odyssée*»⁴¹... Можно предположить, что Тютчев по каким-то причинам был вынужден покинуть торжественное собрание до того момента, когда слово могло быть предоставлено ему.

Чрезвычайно любопытно еще одно обстоятельство, косвенно, не исключено, объясняющее предшествующее. 12 июля 1861 г. происходит очередное чествование Вяземского, на этот раз связанное с днем его рождения. В первой половине дня Тютчев опять председательствует в Комитете цензуры иностранной; после чего едет в Петергоф на праздник в честь Вяземского, которому покровительствует царская семья. По дороге или на месте он пишет послание «Князю П.А. Вяземскому» («Теперь не то, что за полгода...»), вспоминая о мартовском юбилейном мероприятии, – и неожиданно снова игнорирует возможность очного лирического обращения к другу, по причине весьма *прозаической* для поэта: «Кстати, кажется, я совсем забыла рассказать тебе о прелестном празднике, устроенном для княгиней Вяземской в Монплеzure в день рождения ее мужа. Мы намеревались ограничиться небольшим интимным сборищем... Но <...> к половине десятого вечера весь двор мало-помалу собрался

³⁹ Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. С. 49–50.

⁴⁰ См.: Толстой Ф. Письмо к издателю «Северной Пчелы». (По случаю юбилея князя Вяземского.) // Сев. пчела. 1861. № 55 (10 марта). С. 219.

⁴¹ Менее вероятно, что Валуев вспоминает какой-то поэтический образ Тютчева, например контаминируя строки стихотворения «Поминки (Из Шиллера)» (1850–1851), где упоминаются и *Одиссей*, и *тени*: «...Рек Афиной всеблагою / Вдохновенный Одиссей...», «И твой теперь державной / Тени, доблестный Пелид, / Сын твой, Пирр, воитель славный, / Возлияние творит...». Если образы *тени* чрезвычайно активны в поэтике Тютчева, то онимы *Одиссей*, *Одиссея* у него в иных произведениях не встречаются. См.: Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск, 2009. С. 800–803, 940.

на берегу моря – государь, государыня, вел. кн. Мария, ее дочери, старший сын и вся свита. <...> Папá, который был в Петергофе, не явился из-за своего туалета, состоявшего из некоего знакомого тебе малоизящного сюртука. Однако императрица пожелала его видеть, и мы сказали ей о причине его отсутствия, тогда она отправила кого-то, чтобы позвать его. Но дома его уже не нашли, и, к нашему большому сожалению, он так и не появился, тем не менее *честь была предложена*» (Е.Ф. Тютчева – Д.И. Сушковой. 17 июля 1861 г.)⁴². На следующий день, 13 июля, приятели как ни в чем не бывало «обедали у Вяземских в обществе нового министра Валуева»⁴³. Уклонение Тютчева в те годы от бесконечных светских мероприятий и развлечений объяснялось и определенной психологической усталостью, о чем его близкие знали⁴⁴.

Чествование Вяземского вызвало бурную и неоднозначную реакцию в газетной и журнальной прессе⁴⁵.

Н.И. Греч, описывая увиденное и услышанное на торжественном мероприятии, подробно остановился на анализе стихотворения Бенедиктова: «Потом прочитал г. Бенедиктов свое поздравительное стихотворение, в котором изобразил торжествуемого поэта в разных возрастах его жизни, на различных степенях развивавшегося его таланта, изобразил его, всегда умного, зоркого, глубокомысленного, и острого, и чувствительного, и строгого, и снисходительного. Г. Бенедиктов упомянул между прочим сказанное и самим юбиляром в речи его, что доньше сочинения князя Петра Андреевича еще не собраны, даже не все отысканы: они рассеяны по периодическим и другим сборникам, печатавшимся в разных местах в течение полувека»⁴⁶.

Были и скептические отклики на это литературное событие, задевавшие, в частности, оценку творчества поэта в стихотворениях Тютчева, Бенедиктова, Соллогуба...

Один из них принадлежал, вероятно, фактическому в то время редактору «Отечественных записок» и постоянному автору раздела «Русская литература» С.С. Дудышкину⁴⁷, уничижительно отозвав-

⁴² Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников. С. 325.

⁴³ Там же. С. 325 (Е.Ф. Тютчева – Д.И. Сушковой. 14 июля 1861 г.).

⁴⁴ См.: *Благой Д.Д.* Тютчев и Вяземский // *Благой Д.Д.* Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933. С. 244–246.

⁴⁵ См. об этом, напр.: *Лонгинов М.* Из современных записок // *Рус. вестн.* 1861. Т. 32. № 4. С. 106–113.

⁴⁶ *Н. Гр.* [Греч Н.] Юбилей князя П.А. Вяземского (К издателю «Северной Пчелы») // *Сев. пчела.* 1861. № 55 (10 марта). С. 219.

⁴⁷ См.: *Войналович Е.В., Кармазинская М.А.* Дудышкин Степан Семенович // *Русские писатели. 1800–1917: Биограф. слов. Т. 2. М., 1992. С. 193.*

шему о юбилейном издании и комплиментарных высказываниях в адрес старейшего писателя: «Мы полагаем, что вышедшая недавно брошюрка в 60 страниц, испещренная прозой и стихами и называемая "Юбилей академика князя Вяземского", имеет в нашей литературе то же значение, которое имели статьи за г-жу Толмачеву и против г-жи Толмачевой»; «...пусть нам укажут положительные следы влияния князя Вяземского на нашу литературу»; «...в статье, напечатанной в апрельской книжке "Русского Вестника", имя князя Вяземского ставится постоянно между именами Жуковского, Пушкина, Карамзина? Следы этих трех деятелей слишком ясны в нашей литературе, чтобы не спросить: укажите нам ту тропинку, которую протапывал князь Вяземский между этими большими направлениями нашей умственной деятельности»; «Г. Бенедиктов сказал князю Вяземскому: "В вас смотрят группой знаменитой / <...> / Жуковский, Пушкин, Карамзин"». Наконец, г. Тютчев сказал: "<...>". Всюду, как видите: Карамзин, Жуковский, Пушкин... и Вяземский»; «Мы понимаем, что на юбилее нельзя говорить правды в глаза, но ведь есть же и пределы лести»⁴⁸.

М.П. Розенгейм иронически описал юбилейное событие: «Представителями литературы на обеде князя Вяземского были: из древней истории Греч и кн. Одоевский, из средней – граф Соллогуб, Погодин и Бенедиктов, а из новой – Гончаров, Майков, Писемский, Полонский и Щербина», «Много было сказано почтенному юбиляру, ветерану нашей литературы, речей, и много прочтено стихотворений. Стихотворения принадлежали Ф.И. Тютчеву, В.Н.(sic!) Бенедиктову и графу Соллогубу; хороши были стихотворения двух первых, но отличился более всех последний. Не пожаловал его сиятельство, граф, современную русскую литературу...»⁴⁹.

Д.Д. Минаев в серии фельетонов, в свою очередь, задел не только Вяземского и его литературных доброжелателей, но и оппонента последних С.С. Дудышкина: «Кого я ни спрашивал, никто не участвовал на этом торжестве»; «– Каким же образом, – удивлялся я: на юбилее русского писателя не был почти ни один русский писатель»; «Вот что я узнал... Число всех бывших на празднике гостей, состоявших из сочленов князя по академии, родственников его и близких

⁴⁸ Русская литература // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXVI. № 6. Отд. IV. С. 93–95.

⁴⁹ М. Р-ъ [Розенгейм М.] Заметки празднующающегося // Отечественные записки. 1861. Т. СXXXV. № 3. Отд. VI. С. 39–40. Об авторстве М.П. Розенгейма см., в частности: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958. С. 23; Шугарева Ю.В. Розенгейм Михаил Павлович // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. слов. Т. 5. М., 2007. С. 346.

друзей, простиралось до 110 человек. <...> Немецкий литератор Г. Вольфзон читал речь на немецком языке; также прочли свои стихи гг. Бенедиктов и Тютчев, затем бессрочно-отпускной русский писатель, а ныне французский литератор граф Соллогуб, пропел в сопровождении музыки свои приветственные куплеты»; «Присутствие литераторов на этом празднике не только было не необходимо, но даже, по нашему мнению, неуместно»⁵⁰; «Искони твердит просодия, / Что связала всех история – / Всех: с Кирилла и Мефодия / До Рачинского Григория. / Дружно связаны столетия / Письменами – от Туровского, / От Смотрицкого Мелетия / До Кириллы Тредьяковского, / От Трилунного до Пушкина, / И от Пушкина до Шишкина, / Гончарова и Якушкина / И великого Дудышкина»; «Ведь от связи исторической до нравственного сближения еще далеко, и г. Лонгинов никак не может понять, что по своему принципу и направлению "век нынешний и век минувший" две крайности, два полюса»; «Что же касается до мнений г. Лонгинова о бессмертном значении литературной деятельности кн. Вяземского, то об этом говорить много нечего»; «Пред героем юбилея / Рвется с уст моих привет, / И пою, благоговей: / – Вот он, вот он, наш поэт... / <...> / ...Может быть, на склоне лет / Стал ты славный академик, / Но какой же ты поэт?!»; «Избавь нас Бог: от мыслей детских / От всех писак великосветских / <...> / Избавь от юбилейных книжек / С набором бесполезных слов, / Избавь – от вяземских коврижек / И озлобленных стариков»⁵¹.

В привычном для «Искры» тоне отозвался на это событие не упускавший случая кольнуть Вяземского, а заодно и близких к нему литераторов В.С. Курочкин в пародии «Стансы на будущий юбилей пятидесятилетней русско-французской водевильной и фельетонной деятельности Тараса Толерансова (самим юбиляром сочиненные)»: «...Без вдохновенного волненья, / Без жажды правды и добра / Полвека я стихотворенья / На землю лил как из ведра» и т.д.⁵²

Таким образом, указанное стихотворение Бенедиктова, вызвавшее резонанс в связи с широко обсуждавшимся в печати юбилеем литературной деятельности П.А. Вяземского, дополняет представление о позднем творчестве поэта, его отношении к старшему современнику, свидетельством чего являются и другие факты бытового и эпистолярного общения этих писателей.

⁵⁰ Дневник темного человека // Рус. слово. 1861. № 4. С. 27–29. Об авторстве этого цикла см., в частности: *Майорова О.В.* Минаев Дмитрий Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. слов. Т. 4. М., 1999. С. 74.

⁵¹ Дневник темного человека // Рус. слово. 1861. № 5. С. 40–45.

⁵² Искра. 1861. № 10. С. 144–146; *Курочкин В.С.* Собрание стихотворений / Вступ. ст., ред. и прим. И.Г. Ямпольского. Л., 1947. С. 85–88, 540 (прим.).

Литература

Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Вступ. ст. Ф.Я. Приймы; сост., подгот. текстов и примеч. Б.В. Мельгунова. Л.: Сов. писатель, 1983. 816 с.

Благой Д.Д. Тютчев и Вяземский // Благой Д.Д. Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М.: Сов. лит., 1933. С. 236–268.

Бондаренко В.В. Вяземский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2014. 680 с.

Войналович Е.В., Кармазинская М.А. Дудышкин Степан Семенович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 2. М.: Большая сов. энциклопедия; Фианит, 1992. С. 193–195.

Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 392 с.

Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.

Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. / Ред., введ., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского. М.: Изд-во Академии наук, 1961. с. 1010.

Курочкин В.С. Собрание стихотворений / Вступ. ст., ред. и примеч. И.Г. Ямпольского. Л.: Сов. писатель, 1947. 604 с.

Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева: [В 3 кн.] / Сост.: Т.Г. Динесман, И.А. Королева, Б.Н. Щедринский. Кн. 3: 1861–1873. М.: Индрик; Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева, 2012. 592 с.

Майорова О.В. Минаев Дмитрий Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 4. М.: Большая рос. энциклопедия; Фианит, 1999. С. 73–76.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958. 416 с.

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1955–1956.

Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Публ. К.В. Пигарева и Т.Г. Динесман // Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 171–432.

Шигарева Ю.В. Розенгейм Михаил Павлович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 5. М.: Большая рос. энциклопедия, 2007. С. 344–346.

References

Benediktov V.G. *Stikhotvoreniia* [Poems], comp., ed. and notes by B.V. Mel'gunov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1983. 816 p. (In Russ.)

Blagoi D.D. *Tiutchev i Viazemskii* [Tyutchev and Vyazemsky]. Blagoi D.D. *Tri veka. Iz istorii russkoi poezii XVIII, XIX i XX vv.* [Three centuries. From the history of Russian poetry of XVIII, XIX and XX centuries]. Moscow, Sovetskaia literatura Publ., 1933, pp. 236–268. (In Russ.)

Bondarenko V.V. *Viazemskii*. 2nd ed. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2014. 680 p. (In Russ.)

Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del: V 2 t. [The diary of P.A. Valuyev, Minister of Internal Affairs, in 2 vols], ed., intro., biogr. and comment. by P.A. Zaionchkovskii. Moscow, Academy of Sciences Publ., 1961. 1010 p. (In Russ.)

Gillel'son M.I. *P.A. Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo* [P.A. Vyazemsky: Life and works]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 392 p. (In Russ.)

Golovanevskii A.L. *Poeticheskii slovar' F.I. Tiutcheva* [F.I. Tyutchev's poetic vocabulary]. Bryansk, Bryansk State University Publ., 2009. 962 p. (In Russ.)

Kurochkin V.S. *Sobranie stikhotvoreniĭ* [Collected poems], comp., ed. and notes by I.G. Iampol'skii. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1947. 604 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva F.I. Tiutcheva: V 3 kn. [Chronicle of F.I. Tyutchev's life and works: In 3 books], comp. by T.G. Dinesman, I.A. Koroleva, B.N. Shchedrinskii. Book 3: 1861–1873. Moscow, Indrik Publ, Muranovo Museum Publ., 2012. 592 p. (In Russ.)

Maierova O.V. Minaev Dmitrii Dmitrievich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biogr. slovar'. T. 4* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 4]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1999, pp. 73–76. (In Russ.)

Masanov I.F. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei: V 4 t. T. 3* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures, in 4 vols. Vol. 3]. Moscow, Central Institute of Bibliograph Publ., 1958. 416 p. (In Russ.)

Nikitenko A.V. *Dnevnik: V 3 t.* [Diary, in 3 vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955–1956. (In Russ.)

Shigareva Iu.V. Rozengeim Mihail Pavlovich. *Russkie pisatel'i. 1800–1917: Biogr. slovar'. T. 5* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 5]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 344–346. (In Russ.)

Tiutchev v pis'makh i dnevnikakh chlenov ego sem'i i drugikh sovremennikov [Tyutchev in letters and diaries of members of his family and other contemporaries], publ. by K.V. Pigarev and T.G. Dinesman. *Literaturnoie nasledstvo* [Literary heritage], vol. 97, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 171–432. (In Russ.)

Voinalovich E.V., Karmazinskaia M.A. Dudyshkin Stepan Semenovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biogr. slovar'. T. 2* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 2]. Moscow, Bol'shaia sovskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1992, pp. 193–195. (In Russ.)

**V.G. Benediktov's poem on the anniversary
of Prince P.A. Vyazemsky.
Text and commentary**

Nikolay L. Vasilyev, Dmitriy N. Zhatkin

Abstract: The article introduces into scientific circulation the full text of V.G. Benediktov's poem written on the occasion of the celebration of the 50th anniversary of P.A. Vyazemsky's creative activity at the special ceremonial meeting of St. Petersburg Academy of Sciences; the details of the academic event, literary interconnections of the work, responses to it are commented.

Keywords: V.G. Benediktov, P.A. Vyazemsky, D.N. Bludov, M.P. Pogodin, F.I. Tyutchev.

Information about the authors:

Nikolay L. Vasilyev, Doctor of Philology, Professor, National research Mordovia State University, Saransk, Russia. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Dmitriy N. Zhatkin, Doctor of Philology, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia. E-mail: ivb40@yandex.ru

Citation: Vasilyev Nikolay L., Zhatkin Dmitriy N. V.G. Benediktov's poem on the anniversary of Prince P.A. Vyazemsky. Text and commentary. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 196–212.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-213-218
УДК 821.161.1

Современность в исторических записках А.С. Хомякова*

Н.В. Серебренников

Аннотация: Главе славянофильства А.С. Хомякову принадлежит единственный в русской историографии опыт всемирной истории, оставшийся, однако, черновым и незавершенным. Осознание духовного пути человечества сопрягалось у Хомякова с нуждами современности, понимание исторического процесса позволяло делать оправданные прогнозы на ближайшее будущее, но заставляют отнестись к его запискам критически.

Ключевые слова: Хомяков, историческая критика, источниковедение, современность, преодоление европоцентризма.

Информация об авторе: Николай Валентинович Серебренников, д.ф.н., доцент, Томск, Россия. E-mail: niva7@yandex.ru

Цитирование: Серебренников Н.В. Современность в исторических записках А.С. Хомякова // Литературный факт. 2018. № 8. С. 213–218.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Научный проект № 17604600170а («А.С. Хомяков и его наследие: подготовка комментированного издания сочинений»).

Редакторы 8-томного собрания сочинений А.С. Хомякова заметили, что в исторических записках (1839–1852)¹ он хотел выявить «основные нити тех духовных явлений, которые его занимали в современном человечестве»². Современность ставила цели и задавала тон.

Даже идейное обоснование записок было вызвано необходимостью ответить «наблюдателю», коему жизнь России представилась «глубоко, вполне, без возврата искаженной» (С. 128) и в ком нетрудно узнать П.Я. Чаадаева с его 1-м «Философическим письмом»³. В отличие от своего хрестоматийного антагониста Хомяков стремился определить исторические основы русской духовности и доказать дееспособность идей, заложенных православием в русскую культуру.

Насколько велика плотность мнений о современности и недавних событиях, еще весьма остро воспринимающихся, можно уяснить, если ограничить себя, например, первой полусотней страниц.

Сухое описание для Хомякова не свойственно. Иногда он в вызывающей на спор манере заострял положение до *pes plus ultra*: «Носил ли Сезострис имя Рамезеса Великого или Второго, и был ли у него флот в 440 галер, ходила ли Семирамида со своею *vieille garde* на слонах и на колесницах в индийские страны? Это, право, вопросы не важные. <...> я готов поставить изобретателя супа из костей выше того, кто нашел бы весь ряд царей скифских...» (С. 29). Дальше земель, захваченных у мидийских племен, войско царицы, действительно, не двинулось⁴, однако здесь важна не столько она, сколько... Наполеон, ибо подчеркнутая французская фраза «*vieille garde*» (старая гвардия), в памяти людей начала XIX в. связанная с армией Наполеона, соотносит его намерение покорить Индию с намерением Семирамиды и делает венценосного полководца ее смешным подражателем.

Древняя история смыкалась со временем настоящим. В XII–XIX вв. имело хождение слово «каготы», применявшееся к некоему социально ущемленному, неясного происхождения населению Франции и севера Испании. Вероятно, Хомяков поддерживал версию о выродившихся

¹ См.: *Серебрянников Н.В.* Датировка «И.и.и.и.» Хомякова и опыт раскрытия аббревиатуры // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск: Водолей, 1998. С. 274–282.

² <Бартенев П.И., Хомяков Д.А. Примечание к «Предисловию» А.Ф. Гильфердинга> // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. в 8 тт. М.: Университетская тип., 1900. Т. 5. С. XXII. Далее ссылки на страницы этого тома даются в скобках в основном тексте.

³ См.: *Серебрянников Н.В.* Исторические записки Хомякова в связи с «Философическими письмами» Чаадаева // Духовное наследие А.С. Хомякова: теология, философия, этика. Тула: Тульский гос. пед. ун-т, 2003. С. 145–153.

⁴ См.: *Страбон.* География. Л.: Наука, 1964. С. 640.

вестготах. Его фраза про пришедших победителей, которые «упали в рабство (как напр., каготы в Пиренеях)» (С. 46), понимается именно так.

Глядя на прошлое и настоящее, Хомяков мог наметить и будущее: «В этом золоте, которое развратило землю Фердинанда, в ее постыдном упадке, в ее <...> глупо-страдальческой жизни, в ее ничтожестве перед остальною Европою, кажется, видишь карающую руку Провидения <...> долго будет еще мучиться уничтоженная Испания...» (С. 2). «Уничтоженная» — т.е. уничтоженная⁵, поскольку испанское королевство растратилось в войнах с Великобританией и Францией и утратило положение могущественной державы, а в 1833–1839 гг. погрязло в «глупо-страдальческой» и, как позже оказалось, не единственной гражданской войне за престолонаследие.

Предрекая грядущее, Хомяков не голословен. Если он утверждал, что «Аравия будет еще иметь историю, когда кончится рассказ о случайной власти Оттоманов» (С. 16), то за этим утверждением кроются выводы из соотношения сил. В XVI в. турки завоевали Аравию, но в 1744–1817 гг. проявился чрезвычайно агрессивный нрав молодой аравийской секты ваххабитов и состоялись два продолжительных опыта местной государственности (1744–1817, 1824–1891), позволяющие считать, что арабы добьются полной самостоятельности.

«Дарданеллы и скаты Тавра будут опять в области индогерманских народов; но Средняя Азия, колоссальные твердыни Гималайского хребта, берега Киянга <Янцзы> и острова Японии еще представят будущим поколениям развитие народов в размерах огромных и великолепных» (С. 15). Здесь участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. высказался о неизбежном крахе Османского султаната и, судя по намеку, о российском вступлении в права византийского политического наследия. В заявлении о великом будущем Азии Хомяков исходил из ее культурного и человеческого потенциала, а как историк по мере сил боролся с наглым европоцентризмом.

«Китайцы не понимают обязанности своей позволять англичанам их обманывать, обсчитывать и одурять опиумом» (С. 3–4), — иронизировал он, ощущая накалившуюся ситуацию накануне бедственной для Китая Опиумной войны 1840–1842 гг.

«Замечательно, что сущность тогда только удостоилась милостивого внимания немцев, когда она прикинулась законом, — усмеялся Хомяков по поводу немецкого характера. — Videas Hegel» (С. 52).

⁵ К сожалению, рукопись записок о всемирной истории не обнаружена. Исходным текстом становится первоиздание (1871, 1873), в целом добротное, но с подчас сомнительным прочтением автографа. Дальнейшие ж переиздания оказались раз от раза небрежней.

Призыв «Смотрите Гегеля» совпадал с указанием на слабый узел его диалектики, учение о сущности явления, в течение двадцати лет подававшееся в трех вариантах. Философ, ставший после смерти и в отсутствие авторского права чрезвычайно популярным на книжном рынке Пруссии, воспринимался как заказной авторитет, в истории общественной мысли местный и временный.

Публицистичность хомяковского труда очевидна. «Я знаю землю, где пишут историю государства, историю народа и прочие тому подобные истории, никогда не доводя разысканий до XVIII-го столетия» (С. 22), — писал он с грустью. И о той же неназываемой стране с гордостью: «Мне даже известна земля, где рабство (весьма недавно введенное государственною властью) не внушило владельцам презрения к своим невольникам—землепашцам; земля, в которой выслужившийся крестьянин уравнивается не только законом, но и обычаем, и святынею всеобщего мнения, с потомками основателя самого государства» (С. 47).

Хомяков мог попасть в просак и, похоже, поверил байке о главном агенте Ост-Индской компании в Бенгалии, который, располагая в 1690 г. в местном торговом центре Каликате, якобы основал Калькутту. Хомяков написал, что английская нация «созидает новые города и новые державы в Гангесском полуострове...» (С. 12). В Индостане в XVIII в. с распадом империи великих моголов формировались новые государства, но Британская Ост-Индская торговая компания (акционерное общество с армией, судом и чеканкой монеты) не имела к этому отношения. Колониальная администрация не стремилась и к градостроительству: например, по улучшению планировки Бомбея за работу, начатую в 1817 г., отчитались в 1845-м, но и после государственной ликвидации компании (1858) коронная власть долго руководила тем же процессом.

При обращении к современной теме Хомякову даже не требовалась применяемая в записках удобная система отступлений, и после фонологических заметок о немецкой и северо-индийской речи он сообщил о зоологе, некогда напечатавшего чепуху о собачьей помеси. Память у Хомякова была замечательно богатой, но, оказывается, давала сбой: Хомяков перепутал эпаньоля со спаниэлем (См. с. 32–33).

Попутно попытаемся ответить на обвинение, якобы глава славнофильства мог «выдумать факт, процитировать место писателя, которого никогда не бывало...»⁶ Неясно, о чем С.М. Соловьев говорит: по логике — о цитате, по слогу — о писателе, но важна сама

⁶ *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг.: «Прометей» Н.Н. Михайлова, <1915>. С. 104.

вероятность лжи. Очевидно, причина кроется в слипании источников. Так, Хомяков отмечал, что «в мифах козлы, упряжь колесницы Аза–Тора посвящены осетами (аланами) святому Илье. В день, в который церковь празднует память великого пророка, осеты приносят ему в жертву козлов; на могиле людей, убитых громом, вешают кожу черного козла. Этот странный обычай, засвидетельствованный Олеарием, ничем иным не объясняется, кроме мифологии Скандинавии» (С. 41). Но у Олеария сказано, что в Дагестане в Ильин день «приносят в жертву козу», а ее шкура «насаживается на длинный шест»⁷, а то, что «убитому грозой сооружают шест с насаженной козлиной шкурой и головой», Хомяков прочел в анонимных заметках Леонтия Штедера при описании ингушского кладбища⁸. В подобном случае, заглянув в оговоренный источник, С.М. Соловьев мог увериться, что Хомяков солгал. Хомяков же не делал ссылок на опорную литературу, полагаясь на память, которая иногда его подводила.

В довершение к обзору частных и довольно частых отсылок к современности следует подчеркнуть постоянное сетование Хомякова на то, что «критика историческая еще не получила систематического направления» (С. 24) и недостаточно разработаны исторические проблемы, важные для сегодняшних общечеловеческих нужд. Его записки предстают свидетельством духовных потребностей своей эпохи по сути их замысла.

⁷ *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. С. 517.

⁸ *Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Granzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden*. SPb.; Leipzig: Johann Zacharias, 1797. S. 42.

Литература

Серебрянников Н.В. Датировка «И.и.и.» Хомякова и опыт раскрытия аббревиатуры // Хомяковский сборник. Т. 1. Томск: Водолей, 1998. С. 274–282.

Серебрянников Н.В. Исторические записки Хомякова в связи с «Философическими письмами» Чаадаева // Духовное наследие А.С. Хомякова: теология, философия, этика. Тула: Тульский гос. пед. ун-т, 2003. С. 145–153.

References

Serebrennikov N.V. Datirovka «I.i.i.» Khomiakova i opyt raskrytiia abbreviatury [Khomyakov's dating "I.I.I.I." and the experience of disclosing the abbreviation]. *Khomiakovskii sbornik. T. 1* [Khomyakov collection. Vol. 1]. Tomsk, Vodolei Publ., 1998, pp. 274–282. (In Russ.)

Serebrennikov N.V. Istoricheskie zapiski Khomiakova v svyazi s "Filosoficheskimi pis'mami" Chaadaeva [Khomyakov's historical notes in connection with Chaadaev's "Philosophical Letters"]. *Dukhovnoe nasledie A.S. Khomiakova: teologiya, filosofiya, etika* [A.S. Khomyakov's spiritual heritage: theology, philosophy, ethics]. Tula, Tula State Pedagogical University Publ., 2003, pp. 145–153. (In Russ.)

Modernity in A.S. Khomyakov's historical notes

Nikolay V. Serebrennikov

Abstract: A research of world history by the leader of Slavophilism A.S. Khomyakov, although rough and unfinished, is unique in Russian historiography. Khomyakov associated realisation of the spiritual path of mankind with the needs of modernity, understanding of the historical process made it possible to make justified forecasts for the near future, but publicism and neglect of accurate references allow to treat his notes critically.

Keywords: Khomyakov, historical criticism, source studies, modernity, overcoming the European centrism.

Information about the author: Nikolay V. Serebrennikov, Doctor Hab. of Philology, associate professor, Tomsk, Russia. E-mail: niva7@yandex.ru

Citation: Serebrennikov Nikolay V. Modernity in A.S. Khomyakov's historical notes. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 213–218.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-219-245
УДК 821.161.1

Идеи и образы русской литературы в революционной публицистике журнала «Народоправство» (1917–1918)

О.А. Богданова

Аннотация: Главное содержание работы — обзор и классификация встречающихся на публицистических страницах либерально-патриотического еженедельника «Народоправство» (1917–1918) обращений к персоналиям, образам и идеям русской литературы «петербургского периода» отечественной истории, за исключением Ф.М. Достоевского, которому, из-за обилия связанного с его личностью и творчеством материала, будет посвящена отдельная статья. В формате специальной работы будет рассмотрен и корпус художественных произведений современников революции, напечатанных в номерах журнала. Также особое исследование планируется посвятить новозаветным мотивам и образам в целостном дискурсе журнала. Таким образом, настоящая статья станет первым шагом в исследовании художественно-публицистической продукции «Народоправства», фундаментом для последующих выводов. Используются историко-типологический, междисциплинарный, концептуально-константологический и дискурсивно-интертекстуальный методы и подходы.

Ключевые слова: Журнал «Народоправство», публицистика, русская революция 1917 г., русская литература, литературность, «петербургский период» русской истории, народ, нация, интеллигенция.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Цитирование: *Богданова О.А.* Идеи и образы русской литературы в революционной публицистике журнала «Народоправство» (1917–1918) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 219–245.

Настоящая статья является первым подступом к системному литературоведческому изучению целостного художественно-публицистического дискурса журнала «Народоправство», до сих пор не привлекавшего к себе пристального научного внимания. Собрал под своей обложкой крупные литературные и культурные силы современности (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, Вяч.И. Иванов, Г.И. Чулков, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, А.Н. Толстой, М.М. Пришвин, В.Ф. Ходасевич, С.М. Соловьев, И.Г. Эренбург, И.А. Новиков, С.С. Кондурушкин и др.), либерально-патриотический еженедельник «Народоправство» в течение революционных месяцев 1917–1918 гг. вырабатывал в своих разножанровых и стилистически экспериментальных публикациях новый художественный язык, релевантный катастрофически изменявшейся действительности.

Главным основанием неиссякаемой веры в Россию со стороны вдохновителя и редактора журнала, крупного писателя-символиста, критика и публициста Г.И. Чулкова была русская культура, давшая «Ломоносова и Лобачевского, Пушкина и Достоевского, А<лександра> Иванова и Врубеля, Глинку и Мусоргского, Вл<адимира> Соловьева»¹, и ее сердце — великая русская литература, чьи имена, идеи и образы буквально пронизывают страницы чулковского издания. И это несмотря на все большее погружение страны в хаос анархии и озверения, этапы которого с болью и возмущением прослеживал в течение судьбоносных месяцев 1917 г. его еженедельный журнал. Присущий русской культуре литературоцентризм, еще не поколебленный в начале XX в., обусловил включенность большинства авторов «Народоправства» в семантическую парадигму, заложенную в судьбах и произведениях русских писателей «петербургского периода» отечественной истории.

Необходимо отметить, что русский художественно-литературный дискурс стал языком описания и осмысления бурлящей современности далеко не только для одного Чулкова и авторов его журнала, но также, например, для участников сборника статей о русской революции «Из глубины», собранного к августу 1918 г. из статей, написанных по горячим следам российских событий конца 1917–1918 гг. Его авторы зачастую выводили свое понимание русской действительности из художественных образов А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, М. Горького и, конечно же, Ф.М. Достоевского, количество об-

¹ *Кремнев Б. [Г.И. Чулков]. Судьба России и наше правительство // Народоправство. 1917. № 13. 23 окт. С. 14.*

ращений к которому в названном издании наиболее значительно². В этом же ключе — «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова (1918) с его шокирующим заявлением: «Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения. Трудно представить себе... И, однако, — так»³. Несмотря на кажущееся отрицание литературы («По содержанию литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература. <...> Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чем разговаривали” <...>»⁴ и т. п.), ее значение в русской жизни, по Розанову, не просто огромно, но — определяюще.

Кроме того, на страницах журнала «Народоправство» печатались стихотворения, рассказы и очерки современных революционным событиям художников русского слова, таких как сам Чулков, а также Вяч.И. Иванов, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, А.Н. Толстой, М.М. Пришвин, В.Ф. Ходасевич, С.М. Соловьев, И.Г. Эренбург, И.А. Новиков, С.С. Кондурушкин и др.

Столь ярко выраженная «литературность» общественно-политического еженедельника, близкого по направлению к «партии народной свободы» (т. е. конституционным демократам, сокращенно кадетам) и имевшего задачей «хронику идей и событий русской революции» от «падения самодержавия» до «Брест-литовского соглашения», отнюдь не случайна. Концепция журнала заключена уже в его названии — «Народоправство». Народ здесь понимается в расширительном смысле — как нация. Это «все русские люди», все социальные слои населения: рабочие, крестьяне, интеллигенция, буржуазия, духовенство, помещики, военные и т. д.⁵ Писатели и поэты, совесть и честь русской литературы, тоже являются органической частью народа, получившего, наконец, свободу и возможность самостоятельно определять свою судьбу. Кроме того, народовластие здесь понимается сугубо демократически, неизменно в правовом поле, созданном либерально-христианской западноевропейской цивилизацией. Это не произвол, не анархия, не разгул национальных страстей, но именно народоправство, т. е. подчинение высшим

²См.: Богданова О.А. Достоевский и революция 1917 г. в осмыслении авторов сборника «Из глубины» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 47–54.

³Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. 1–10 // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Собр. соч. под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 43. Курсив В.В. Розанова.

⁴Там же. С. 7. Курсив В.В. Розанова.

⁵См.: Бердяев Н.А. Свободный народ // Народоправство. 1917. № 1. С. 2.

началам, проистекающим из евангельской Истины с ее уважением к человеческой личности и гражданскому законодательству. По мысли Н.А. Бердяева, автора первой программной статьи нового журнала, «<...> душа русского человека, душа целого народа нашла себе выражение в великой русской литературе, у Пушкина и Гоголя, у Толстого и Достоевского»⁶; именно ее имена и образы способны просветить, воспитать пока еще темные демократические массы, а также объяснить смысл происходящих событий.

Так как целостный художественно-публицистический корпус журнала «Народоправство» (всего 24 номера, из них два — сдвоенных) становится предметом литературоведческого изучения практически впервые, перед постановкой и решением каких-либо исследовательских задач и тем более — формулировкой выводов, необходимо провести первичную классификацию имеющихся здесь материалов. Краткий обзор обращений к русской литературе на страницах независимого либерально-патриотического еженедельника и станет главным содержанием настоящей статьи. Дальнейшее изучение, как мне представляется, будет невозможно без опоры на полученные здесь результаты.

Обзор распадается на две части. В первой из них будут рассмотрены контекст и характер упоминаний тех или иных классических и современных литераторов в статьях и очерках, откликающихся на животрепещущие события 1917–1918 гг. Во второй — художественные произведения современников революции, напечатанные в номерах журнала. Конечно, проводимая классификация (как и любая другая) весьма условна, и образы русской литературы на деле пронизывают весь журнальный дискурс без деления на художественное и публицистическое.

Так как размеры небольшой статьи не позволяют вместить столь объемный материал, то вторая часть указанного обзора, будучи логическим продолжением настоящей работы, станет, тем не менее, самостоятельным исследованием. Так что сузим пока предмет нашего рассмотрения до публицистики журнала «Народоправство», без обращения к собственно художественным текстам.

Еще одно предварительное замечание. Так как личность и художественные образы Ф.М. Достоевского на страницах «Народоправства» по количеству обращений занимают лидирующее положение, заметно отрываясь от других писателей, то исследованию этого феномена будет посвящена отдельная, специальная работа. В рамках же настоящей статьи важно, во-первых, отметить этот факт, а во-вто-

⁶ Там же. С. 2.

рых, дать самое общее представление о характере «достоевских» мест журнального дискурса.

Итак, за неполный год издания журнала их можно в совокупности насчитать примерно с полсотни у таких авторов, как Н.А. Бердяев, Г.И. Чулков, А.Р. Крандиевская, С.М. Соловьев, И.Г. Эренбург, В.С. Дороватовская, Вяч.И.Иванов, Д. Аркин и др. Одна группа обращений — упоминания Достоевского среди других великих литературных имен, в первую очередь Пушкина и Л. Толстого, а также восхищение его мудростью и пророческой прозорливостью. Следующая — оперирование, применительно к текущей современности, образами и категориями писателя, ставшими культурными константами: «подполье» («Записки из подполья»), «сон о трихинах» («Преступление и наказание»), «мечтатель» («Белые ночи»), «деревенский нигилист» («Дневник писателя. 1873»), Петербург как самый фантастический, «отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре» («Слабое сердце», «Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Записки из подполья»), «сердце человеческое», в котором «диавол с Богом борется», «если Бога нет, то все позволено», «русские мальчишки», «карамазовщина» («Братья Карамазовы»), «мир спасет красота» («Идиот»), «дьявол в водевиль», «право на бесчестье», «шигалевщина», «гражданин кантона Ури» («Бесы»), «всечеловечность» («Речь о Пушкине») и др. И последняя из предельно выделенных мной групп, не очень многочисленная, — это диалог с Достоевским: с одной стороны, развитие идей великого писателя в новых исторических условиях (например, о «лекарях-социалистах» и зле, глубоко лежащем в душе человека⁷; или о соединенности злости и сентиментальности в человеческой природе на примере Федора Павловича Карамазова; и т. п.), с другой — полемика с Достоевским, иногда очень резкая, как в статье С.М. Соловьева «К церковному собору», где на основании фактического опыта революции опровергаются идеи автора «Великого инквизитора» о приоритетности для человеческих множеств «хлеба духовного» по сравнению с «хлебом земным»⁸.

Тем не менее, оставив намеченную классификацию за пределами настоящего исследования, сосредоточимся на тех именах и образах

⁷ Ср.: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой <...>» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 г. Июль-август. Глава вторая. III. «Анна Каренина» как факт особого значения // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 201).

⁸ *Соловьев С.М., свящ.* К церковному собору // *Народоправство.* 1917. № 10. 25 сент. С. 7.

русской литературы в публицистике журнала «Народоправство», которые не имеют отношения к Достоевскому. Они могут быть сгруппированы по следующим рубрикам:

1. общее значение литературы в «петербургский период» русской истории (XVIII — начала XX в.);
2. упоминания русских писателей и их литературных героев в различных контекстах;
3. суждения о писателях, трактовки и интерпретации их творчества;
4. литературные образы как иллюстрации к текущим событиям;
5. диалог с литературными предшественниками и современниками: или развитие их идей в новых исторических условиях, или полемика с ними.

Начнем с пункта 1. Новое издание в июне 1917 г. открылось программной статьей своего постоянного автора Н.А. Бердяева «Свободный народ», в которой разъяснялись ключевые для журнала понятия «народовластие» и «народоправство». Душа и судьба народа, объединяющего всех русских людей вне зависимости от сословной, имущественной и профессиональной принадлежности, — в великой русской литературе (Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский). Диктатура одного класса, пролетариата, которую предлагают социал-демократы, на деле враждебна подлинной демократии и народу как нации. Главная задача сейчас — «воспитание и просвещение народа, подготовка его к демократии», к освоению «культуры человеческого духа», чтобы уберечь от опасности нового деспотизма. Ведущая роль в этом деле принадлежит русской литературе⁹.

В статье «О свободе и достоинстве слова» философ высказывал озабоченность происходившей в революционные месяцы девальвацией литературных ценностей: «померкли достоинство и значение русской литературы»; русские писатели «растерялись», они испуганы и подавлены грубой силой. «Не звучит свободный, независимый <...> голос национальной совести, национального разума», возвышающийся над борьбой классовых и групповых интересов. Наступил «словесный <...> разврат» — ложные обещания немедленного «социального рая»¹⁰.

А в статье «Задачи национальной демократии» Бердяев констатировал, что оказавшаяся у власти революционная демократия

⁹ Бердяев Н.А. Свободный народ // Народоправство. 1917. № 1. С. 2–4.

¹⁰ Бердяев Н.А. О свободе и достоинстве слова // Народоправство. 1917. № 11. 7 окт. С. 5–7.

в большинстве своем связей с Россией и русским народом не имеет, это «приехавшие из-за границы интеллигенты»; цели происходящей революции — нерусские. На деле все народы Российской державы объединены, по мысли философа, не революцией, а великой русской литературой и языком¹¹.

В одном из последних номеров журнала, осмысляя в статье «Духовный и материальный труд в русской революции. Памяти Ф.Ф. Кокошкина» гибель от рук революционных матросов 7 января 1918 г. депутатов Учредительного собрания от партии кадетов А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина, Бердяев указал на реакционность текущего этапа революции, преобладание в нем тьмы над светом; обнищание трудовой интеллигенции (врачей, учителей, ученых, инженеров, юристов, писателей) на фоне роста материального благосостояния крестьян и рабочих — это опасность гибели «русского культурного слоя». «Темная народная стихия тянет вниз культурные верхи»; народ, как воплощение варварства, восстал против дела Петра и Пушкина — дела культуры¹².

В концептуальной статье Д. Аркина «Судьба языка», одного из откликов на орфографическую реформу 1917–1918 гг., также подчеркнута роль литературы в судьбе России: современный русский язык болен из-за разрыва интеллигенции и народа — обе части нации говорят на разных языках. Обновленный общенациональный русский язык, дитя «живого тела русской речи», может быть воссоздан только поэзией как единственной пока сокровищницей единого языка. Поэтому в деле подъема национального самосознания роль поэзии и литературы в целом — определяющая¹³.

О неоднозначности этой роли, об отрицательном влиянии ряда явлений русской литературы на судьбу народа — статья В.С. Дороватовской «Французский учебник». Здесь патриотизм и гражданственность, которым учат французских детей, противопоставлены литературным влияниям на русских детей школьного возраста. Так, например, Н.А. Некрасов проповедовал «любовь-ненависть» к России, что во многом и привело к сегодняшней катастрофе: «Нас учили ненавидеть пороки России, но не учили ее любить»¹⁴.

¹¹ Бердяев Н.А. Задачи национальной демократии // Народопр. 1917. № 16. 2 дек. С. 6.

¹² Бердяев Н.А. Духовный и материальный труд в русской революции. Памяти Ф.Ф. Кокошкина // Народопр. 1918. № 21–22. 21 янв. С. 4.

¹³ Аркин Д.Е. Судьба языка // Народопр. 1917. № 8. 1 сент. С. 8.

¹⁴ Дороватовская В.С. Французский учебник // Народопр. 1917. № 12, 16 окт. С. 13.

Горячую веру в спасение и возрождение России, залогом которых является великая русская литература, неоднократно выражал на страницах «Народоправства» Г.И. Чулков. Обеспокоенный нерешительностью А.Ф. Керенского и железной волей рвущихся к власти большевиков В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, в победе которых он видел угрозу для существования страны, редактор «Народоправства» утешал себя тем, что, если у России есть Пушкин и Достоевский, «такой народ погибнуть не может»¹⁵.

Полемизируя с горькой оценкой русского народа в статье Бердяева «Была ли в России революция?»¹⁶, Чулков утверждал, что народ — это не только полуграмотные озверевшие толпы, но «и св. Сергей, Пушкин, Достоевский, святые, пророки, поэты. Его нельзя безусловно осуждать»¹⁷.

В статье «Метель. Листки из дневника» Чулков отмечал, что «поругание имени Достоевского», средоточия русской литературы, сигнал «для оплевания России» как целого. Интеллигенты, не знающие русской культуры (икон, песен, святых, Пушкина, Петра I, Достоевского, Вл. Соловьева) не дорожат Россией и ее «духовным великодержавием» — это люди из «подполья»¹⁸.

Защищая достоинство и самобытность родины, писатель-патриот опровергал тех, кто нацелен на эмиграцию и осуждает «самую сущность русской культуры: Герцена и Бакунина, Л. Толстого, Чехова, Достоевского». Есть, по его мнению, три имени, достойных великого народа: Пушкин, Петр Великий, Вл. Соловьев (поэт, вождь, пророк), «они трое залог будущего русского великодержавия». Надо не эмигрировать, считал Чулков, а обличать изменников России¹⁹.

В последнем номере своего журнала, вышедшем 1 февраля 1918 г., Чулков обратился к недавнему периоду русской литературы, который он обобщенно назвал декадентством, в частности вспомнил о своем сотрудничестве в журналах «Новый Путь» и «Вопросы жизни», встречах с Д.С. Мережковским и писателями его круга, о революционных идеях в среде декадентства. С высоты исторического опыта 1917 г. его оценка неоднозначна, но в целом высока: «Декаденты — подлинники наследники Гоголя, Лермонтова и Тютчева»; «народнический авторитет» Н.К. Михайловский очевидно недоо-

¹⁵Кремнев Б. (Г.И. Чулков). Судьба России и наше правительство // Народоправство. 1917. № 13. 23 окт. С. 14.

¹⁶Народоправство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 4–7.

¹⁷Чулков Г.И. Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 7–9.

¹⁸Чулков Г.И. Метель. Листки из дневника // Народоправство. 1918. № 20. 8 янв. С. 5.

¹⁹Чулков Г.И. Письмо со стороны // Народоправство. 1918. № 21–22. 21 янв. С. 10–11.

ценил «огромное культурное значение русского декадентства». В то же время, заметил Чулков, декадентство не только литература, но жизненная позиция, тенденция, стиль. В 1917–1918 гг. отрицательные «черты декадентства» (социальная атомизация, отказ от общей системы ценностей, нравственных норм и святынь) появились во всем русском обществе²⁰.

Во многом вторил Чулкову популярный в свое время писатель-бытовик В.П. Быстренин: Пушкин, Л. Толстой, Достоевский, декабристы, люди 1840-х гг. черпали силы в органическом единстве с народом, они сами были народом; современная интеллигенция противопоставила себя народу, объединившись в политические партии²¹.

Практически о том же — выступление офицера русской армии, члена «Союза защиты Родины и свободы», вскоре расстрелянного новой властью, В.Н. Белявского «Революция и душа народа», где угадывается скрытая полемика с П.Я. Чаадаевым, увидевшим лишь «мертвый застой» в истории русского народа и отсутствие в его душе всего индивидуального. В древней русской истории Белявский находит примеры подвижничества за православную веру; о существовании развитой народной души свидетельствуют русская история, русская святость и русская литература; ее усыпила в XIX — начале XX в. интеллигенция. В годину революции необходимо, по мнению публициста, «воскрешение души народа», которая жива — в классической русской литературе²².

Как видим, в публицистических выступлениях Бердяева, Чулкова, Аркина, Дороватовской, Быстренина и Белявского подчеркнута громадная, по сути дела определяющая, роль русской литературы как целого в судьбе страны и народа; при этом, однако, замечены разрушительные тенденции в ней (чрезмерный критицизм революционно-демократической линии, крайний индивидуализм в декадентстве), проявившие себя трагическими последствиями в революционные месяцы.

Перейдем к упоминаниям русских писателей и их литературных героев в тех или иных контекстах. Вспоминая о начале Первой мировой войны, которое он застал в Швейцарии, Чулков воспроизвел свои тогдашние мысли и чувства: «Я понял, что именно теперь настал

²⁰ Чулков Г.И. Красный призрак // Народопрравство. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 13–14.

²¹ См.: Быстренин В.П. Интеллигенция и народ // Народопрравство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 9–12.

²² Белявский В.Н. Революция и душа народа // Народопрравство. 1918. № 23–24. 1 февр. С. 13.

день, когда европейцы будут изучать русский язык: прочтут, наконец, в подлиннике Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя, Толстого, Достоевского; приедут смотреть наших великих зодчих и дивных живописцев; будут восхищаться нашею музыкою; удивляться нашей конгениальности великим мудрецам христианства...»; русский характер, по мнению публициста, воплощен в Достоевском, Тютчеве, славянофилах, Тургеневе; а Россия как целое обладает достаточной культурной зрелостью, чтобы на равных правах вступить в противостояние с Германией на стороне ведущих европейских держав²³.

Однако Бердяев на основании пережитого в 1917 г. высказывал совсем иной взгляд на религиозность русского народа, традиционно считавшегося христианским (славянофилы, Тютчев, Достоевский): «в революции у народа нет имени Христа». Революция, по мнению философа, опровергла убеждения славянофилов, Тютчева и Достоевского в том, что русский народ — христианский²⁴.

В статье «Мир буржуазный и мир социалистический», написанной уже после Октябрьского переворота, Бердяев констатировал происходившее «истребление России во имя ее всемирно-революционной миссии» и сравнил политическую стратегию большевиков с футуризмом в литературе, который также отказывался от груза прошлого, от живого наследия предшественников. При общей бездуховности буржуазного и социалистического миров, в первом все же были гении и святые — Пушкин и св. Серафим. В социалистическом мире их нет и не будет. «Идея социалистического рая на земле превращает нашу жизнь на земле в ад»²⁵.

В последнем номере «Народоправства» Бердяев указал на корни той враждебности к культуре и литературе, которую выказывает российская социал-демократия: скептицизм по отношению к культуре, которая якобы «буржуазна» как таковая, восходит еще к славянофилам, Герцену, революционерам-демократам, народникам, Л. Толстому. И хотя сейчас интеллигенцию ужасает, что «торжествующий большевизм» отдал русскую культуру и литературу на погром и разграбление, это — логический итог ее же деятельности в течение 50 лет²⁶.

²³ Чулков Г.И. Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 6. 9 авг. С. 5–6.

²⁴ Бердяев Н.А. Свободная церковь и собор // Народоправство. 1917. № 7. 21 авг. С. 4.

²⁵ Бердяев Н.А. Мир буржуазный и мир социалистический // Народоправство. 1917. № 18–19. 25 дек. С. 8–9.

²⁶ Бердяев Н.А. Духовные основы русского народа // Народоправство. 1918. № 23–24. 1 февр. С. 4.

Откликаясь на обсуждение проекта национального самоопределения народов России, поэт-символист С.М. Соловьев, ставший в 1916 г. православным священником, назвал его «безумным», так как в нем не были учтены реальные духовно-культурные скрепы векового единства Российской империи. Соловьев предлагал обратиться к тому началу единства народов России, которое было открыто славянофилами и выражено в строках из стихотворения Ф.И. Тютчева «Два единства» (1870), где противопоставлены западноевропейская («Единство, — возвестил оракул наших дней, — Быть может спаяно железом лишь и кровью...») и славянская («Но мы попробуем спаять его любовью, — А там увидим, что прочней...») ²⁷ имперские идеи ²⁸.

Ряд публикаций «Народоправства» — живая реакция на проходившую в революционные месяцы орфографическую реформу русского языка: это не только уже упомянутая статья Д. Аркина «Судьба языка», но и выступления известного писателя-неореалиста Б.К. Зайцева «Наш язык», художника-импрессиониста Н.В. Досекина «Обязательная неграмотность» и др. Главные аргументы против проводимой реформы — из современной и классической русской литературы. Так, Аркин предваряет свою статью эпиграфом из стихотворения И.А. Бунина «Слово» (1915):

<...> И нет у нас иного достоянья...
Умейте же беречь,
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь ²⁹.

А подкрепляет свою мысль о русских литераторах, которые должны, наконец, «сознать страшную ответственность, <...> подумать о том, что, по слову поэта, “народ придет и потребует от нас одного — верности богатой и свободной стихии своего, нами наполовину забытого и растерянного языка” ³⁰», цитатой из Вяч. Иванова ³¹.

Зайцев апеллирует к классике: «Дух Пушкина, Толстого, Гоголя передается теми же приемами, какими безграмотный хулиган пишет на заборе». «Пушкин как бы переводится на некоторый плебейский

²⁷ Тютчев Ф.И. Два единства: Стихотворение // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 2. М.: ИЦ «Классика», 2002. С. 221.

²⁸ Соловьев С.М. Принцип национального самоопределения // Народоправство. 1917. № 7. 21 авг. С. 14.

²⁹ Бунин И.А. Слово: Стихотворение // Бунин И.А. Собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 2006. С. 34.

³⁰ Иванов Вяч.И. Споряды // Иванов Вяч.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 123.

³¹ Аркин Д.Е. Судьба языка // Народоправство. 1917. № 8. 1 сент. С. 9.

жаргон». Кроме того, недопустимо вводить реформу, не спросив мнения современных русских писателей: Мережковского, Бунина, Вяч. Иванова... Среди членов Клуба московских писателей нет защитников нового письма³².

«Всеобщее несочувствие реформе» Досекин объясняет тем, что на существующем языке написаны произведения «золотого века» русской литературы и каждое его слово дорого своим бытием там. Этот язык нужно сохранить в неприкосновенности, чтобы и сегодняшняя русская литература оставалась живой³³.

Без обращений как к классической, так и к современной русской литературе не обходятся и рассуждения Д. Аркина по важнейшему для русского национального сознания вопросу о земле. Публицист рисует картину многовековой «религии земли» у русского народа, отраженной в исторических песнях и былинах Средневековья, а в Новое время наиболее ярко — в поэзии Ф.И. Тютчева, и цитирует его стихотворение 1835 г. «Нет, моего к тебе пристрастья я скрыть не в силах, мать-Земля...»³⁴. Переходя к 1910-м гг., он отмечает начавшуюся в стране «борьбу земли с железом», скрыто апеллируя к произведениям С.А. Есенина, Н.А. Клюева и др.³⁵

Известный в свое время писатель неореалистического круга И.А. Новиков в очерке «В эти дни. Первое марта» воспроизвел спор современных писателей в московском кафе «Бом» в первые дни Февральской революции. Кроме одного из них, «поскорбевшего» о судьбе как Александра II, так и Николая II, все остальные приветствовали падение монархии. Во время дискуссии была поднята «огромная тема» о «соотношении искусства, культуры и революции»³⁶.

Вернувшийся летом 1917 г. из эмиграции И.Г. Эренбург в статье «Навождение» делился впечатлениями от революционного Петрограда в дни корниловского мятежа. В «опасную» ночь он остро ощутил страх перед возможным началом братоубийственной гражданской войны и одновременную готовность с оружием в руках защищать революционное Временное правительство против диктаторских притязаний генерала Корнилова. Это противоречие осознавалось им сквозь опыт А.И. Герцена, который «<...> всю жизнь

³² Зайцев Б.К. Наш язык // Народопрравство. 1917. № 17. 7 дек. С. 8.

³³ Досекин Н.В. Обязательная неграмотность // Народопрравство. 1917. № 17. 7 дек. С. 8–10.

³⁴ Тютчев Ф.И. Нет, моего к тебе пристрастья...: Стихотворение // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 1. М.: ИЦ «Классика», 2002. С. 144.

³⁵ Аркин Д.Е. Любовь к земле // Народопрравство. 1918. № 23–24. 1 февр. С.16.

³⁶ Новиков И.А. В эти дни. Первое марта // Народопрравство. 1917. № 5. 1 авг. С. 8.

жалел, что в июньские дни <в Париже в 1848 г. — *О. Б.*> не взял винтовки у старого рабочего и не пошел на баррикаду»³⁷.

Печальным откровением для интеллигентного русского читателя должна была прозвучать запись «Солдатских бесед» С.З. Федорченко о восприятии Пушкина человеком из народной массы: «— Один другому говорит: тот, говорит, не человек, который Пушкина, да еще там каких-то, не читывал... Ты подумай, чего такое загнул, а... Да никто их, почитай, не читывал, а неужли мы не люди... Вот он и читал, а ничего в ем путного нету... Хилый телом и душа хилая. Бойтся, на себя и на людей злобится... Не человек, а сопля, вот те и Пушкин... А промеж нас, чистые богатыри есть... Забыть ему не могу, избидел так...»³⁸.

Бывший писатель-знаемец, в 1910-е гг. убежденный кадет С.С. Кондурушкин, выступая против «непротивленства» (идеологии пораженчества в Первой мировой войне, подчинения большевикам после Октябрьского переворота и пр.) как симптома «великого угнетения духовных и телесных сил», психологической болезни, охватившей Россию в результате 3 лет войны, одним из главных «непротивленцев» в России последнего времени назвал Льва Толстого. В этом качестве Толстой выражал «духовную сущность русского народа» как «народа-кисляя», развращавшего каждое правительство отсутствием в себе сопротивления³⁹.

Наконец, А.М. Ремизов в очерке «Красный звон» из цикла «Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова», печатавшегося в нескольких номерах «Народоправства», изобразил Александр-Невскую лавру «с одиноким заветным памятником огненной скорби Достоевского» и «бедные мостки на Волковом» кладбище, где похоронены десятки писателей, как «могилы совести русской»⁴⁰.

Итак, в публицистике Чулкова, Бердяева, Аркина, Зайцева, Досекина, Новикова, Эренбурга, Кондурушкина, Ремизова и др. имена русских писателей XIX — начала XX в.: Пушкина, Гоголя, Герцена, славянофилов, Достоевского, Л. Толстого, Тютчева, Бунина, Вяч. Иванова и др. — употреблены в актуальных контекстах революционных месяцев: антимоноархизма писательского большинства, нигилизма новой социал-демократической власти и его литературных корнях, насилия над русской культурой, проектов национального самоопределения народов России, вопросов о земле и о русской

³⁷ *Эренбург И.Г.* Навождение // Народоправство. 1917. № 11. 7 окт. С. 8.

³⁸ *Федорченко С.З.* Солдатские беседы // Народоправство. 1917. № 11. 7 окт. С. 11.

³⁹ *Кондурушкин С.С.* Непротивленцы // Народоправство. 1917. № 16. 2 дек. С. 13.

⁴⁰ *Ремизов А.М.* Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова // Народоправство. 1917. № 18–19, 25 дек. С. 19.

народной психологии и религиозности, надежд на культурное равноправие России в семье европейских народов, орфографической реформы русского языка.

Следующая, сравнительно небольшая, тематическая группа обращений к именам, идеям и героям русской литературы на страницах журнала «Народоправство» — это высказанные суждения о конкретных русских писателях, трактовки и интерпретации их творчества. Так, например, Г.И. Чулков неоднократно обращался к фигуре А.М. Горького, как правило в неодобрительном тоне, что неудивительно при разности политических платформ обоих писателей. В статьях под рубрикой «Вчера и сегодня. Листки из дневника» Чулков назвал Горького «сомнительным беллетристом», которому не место рядом с «огромным именем» Л. Толстого⁴¹, а также, уже после Октябрьского переворота, «крысой, бегущей с большого корабля», противопоставив его Пушкину и Достоевскому — «сокровищам, каких нет в цивилизованной Европе»⁴².

В другой статье под той же рубрикой Чулков писал о кабаре «Бродячая собака» в революционном Петрограде, где поэты, актеры, художники спасались от «всероссийского потопа», как Ной в ковчеге. Праведны ли они, подобно Ною, задавался вопросом автор. До войны все они были декадентами, одинокими эстетами, скептиками. Что же сейчас? Чулков передает беседу с одним из завсегдатаев «Бродячей собаки», «жеманным поэтом» с «пустыми невинно-порочными круглыми глазами», часто менявшим свои увлечения (предположительно, М.А. Кузминым). Теперь он большевик, так как не хочет войны. Ему нравится Ленин, он за сепаратный мир с Германией. Метаморфоза бывшего декадента-черносотенца в революционера-большевика свидетельствует, по мнению Чулкова, о полной социальной безответственности⁴³.

Напротив, отмечает Чулков в последнем номере «Народоправства», Вяч. Иванов в только что вышедшей книге «Родное и вселенское» (1918, опуб. в конце 1917 г.) остается «верен себе»: революционные события не изменили его мировоззрения — «мистического анархизма» с идеей «неприятя мира», который он проповедовал 12 лет назад. С одной стороны, Иванов продолжатель

⁴¹ Чулков Г.И. Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 6. 9 авг. С. 6.

⁴² Чулков Г.И. Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 8.

⁴³ Чулков Г.И. Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 12. 16 окт. С. 8–9.

славянофилов и Достоевского (в утверждении соборности, исторической миссии славянства, возрождения великодержавной России, необходимости присоединения Константинополя и др.), с другой — полемизирует с ними по вопросу об «оправдании революции»⁴⁴.

В.П. Быстренин в статье «Интеллигенция и народ» с одобрением вспоминал повесть М.М. Пришвина «У стен града невидимого»⁴⁵ — о воссоединении простого народа и интеллигенции на почве религиозных исканий. Ее пафос, по мнению публициста, созвучен с насущной задачей текущих дней⁴⁶.

Наконец, Зайцев в «Открытом письме А.В. Луначарскому» обличал «русского писателя», ставшего наркомом просвещения в новом большевистском правительстве, в закрытии «буржуазных» газет, тотальной цензуре социалистических, угрозах ареста инакомыслящих и т. п. Такая «нравственная одичалость» несовместима со званием «настоящего русского писателя», продолжателя «традиций великой русской литературы», наследника «духа истинной свободы и правды»⁴⁷.

Как видим, Чулков, Быстренин и Зайцев в первую очередь говорили о современных себе авторах: Горьком, Пришвине, Луначарском, Вяч. Иванове, Кузmine. Везде звучала мысль о недопустимости нарушения нравственного кодекса русского писателя. При этом толерантные к новой власти литераторы (Горький, Луначарский, Кузмин) оценивались негативно, а сохранившие связь с религиозно-культурной традицией (Пришвин, Вяч. Иванов) — положительно.

В отдельную тематическую группу вошли те случаи, когда публицисты «Народоправства» словесными образами предшественников и современников иллюстрировали события и процессы текущих месяцев. Уже в первом номере журнала, вышедшем в начале июня 1917 г., в статье «Любовь и ненависть в социальной жизни» Б.П. Вышеславцев, встревоженный, в целях сохранности идеалов Февральской революции, опасностью постоянной «грызни» политических партий по мелким вопросам, вражды, а не поиска совместных решений во благо России и ее народа, писал: «Это уже не глупость, над которою забавно смеяться, <...> та самая, про которую Островский

⁴⁴ Чулков Г.И. Красный призрак // Народоправство. 1918. № 23–24. 1 февр. С. 14–15.

⁴⁵ Пришвин М.М. У стен града невидимого // Русская мысль. 1909. №№ 1–3. С. 92–109; 130–153; 29–53.

⁴⁶ Быстренин В.П. Интеллигенция и народ // Народоправство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 9–12.

⁴⁷ Зайцев Б.К. Открытое письмо А.В. Луначарскому // Народоправство. 1917. № 17. 7 дек. С. 16.

сказал: “слова у меня, словно бисер, но в уме у меня суждения нет, и что к чему — этого мне не дано”⁴⁸, теперь иное: черное безумие подняло голову и угрожает черным знаменем, символом вечного “дойлой”». Властолюбие большевиков философ обличал с помощью известных литературных образов Ф. Сологуба⁴⁹ и А.П. Чехова⁵⁰: «<...> мелкий бес господства достаточно мерзок, тот всем знакомый облик, что изображен Чеховым в виде унтера Пришибеева. Он и теперь живет и действует; тогда он кричал: «расходись!», теперь он кричит: «сходись!» <...> все те, кому завидует мелкий бес, кто лучше живет, кто талантливее, кто образованнее, кого больше любят, — их нужно называть буржуями и в крайнем случае мелко-буржуями»⁵¹.

В статье Г.И. Чулкова «Иго власти. Листки из дневника» — впечатления от А.Ф. Керенского в процессе его речи, произнесенной 12 августа 1917 г. в Москве во время Государственного совещания, проходившего в здании Большого театра: «полнота власти», на которой настаивал для себя Председатель Временного правительства России в опасное для страны время, наложила «печать обреченности» на его лицо как воплощение «люциферианского начала государственности». Здесь явная аллюзия на вышедшую в свет в январе 1917 г. работу Вяч. Иванова «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского», где говорится о люциферианском начале как источнике гуманистической культуры и европеизированная русская интеллигенция, в отличие от простого народа, названа носителем интеллектуально-творческой «люциферической энергии» богоборческого самостояния человека на земле. «Родоначальник же и первый двигатель люциферической России по сей день, — писал Иванов, — конечно, Петр»⁵². Чулков надеется, что Керенский станет наследником «люциферианской» силы, воли и решимости Петра Великого в деятельной борьбе с врагами Отечества, в текущий исторический момент — большевиками. Сложная система аллюзий при

⁴⁸ Неточная цитата. Ср.: «Б а р а б о ш е в: “У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. <...>. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему — этого мне не дано. А обыкновенный разговор, окромя сурьезного, у меня все равно что бисер”» (Островский А.Н. Правда — хорошо, а счастье лучше: Комедия // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. Пьесы (1873–1877). М.: Искусство, 1975. С. 273).

⁴⁹ Сологуб Ф. Мелкий бес: Роман // Сологуб Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 5–288.

⁵⁰ Чехов А.П. Унтер Пришибеев: Рассказ // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1984. С. 121–125.

⁵¹ Вышеславцев Б.П. Любовь и ненависть в социальной жизни // Народоправство. 1917. № 1. С. 10–11.

⁵² Иванов Вяч.И. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // Иванов Вяч.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 319.

упоминании Петра («куда плывет корабль государственности» и пр.) восходит к пушкинской традиции изображения первого русского императора⁵³, овеянного восхищением его многогранной практической деятельностью на благо России⁵⁴.

В конце 1917 г. Борис Кремнев (Г.И. Чулков) в статье «Новый год» писал о том, что Германии руками большевиков удалось разложить русскую армию, разрушить транспорт, промышленность, банки, спровоцировать безработицу, голод, произвол, отмену свободы печати — в итоге она теперь может делать с Россией все, что захочет. Угрожая в этих условиях империи Гогенцоллернов «всемирным пожаром» революции, большевики исполняют роль хвастливой синицы из одноименной басни И.А. Крылова, которая тщетно пыталась зажечь море⁵⁵.

В начале 1918 г. в статье «Метель. Листки из дневника» Чулков выразил свое понимание ситуации в России как «беснования», бесовской «одержимости» народа с помощью образов пушкинского стихотворения 1830 г. «Бесы»⁵⁶: на улице — снежные бесы «рой за роем», «мутно небо», «бесовский вой», «сердце надрывалось»; о большевиках сказано — «налетели бесы <разны>...». Здесь же признание: «поражает <...> душу изумительное *безобразие* совершающегося. Писаревское “разрушение эстетики” проведено в жизнь с удивительно последовательностью. Недаром один большевистский эстет заявил публично, что Пушкин и Толстой ничтожны по сравнению с Советами солдатских депутатов»⁵⁷.

В опубликованной в том же номере журнала статье Бориса Кремнева (Г.И. Чулкова) «Война» Верховный главнокомандующий российской армией после Октября 1917 г. — Н.В. Крыленко, бывший прапорщик в царской армии (с иронией: «верховный прапорщик Крыленко») назван, за необоснованные обещания победить силами политически и экономически разрушенной России развитые европейские державы, «новым Хлестаковым»⁵⁸.

⁵³ См.: *Пушкин А.С.* Пир Петра Первого: Стихотворение // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 448–449.

⁵⁴ *Чулков Г.И.* Иго власти. Листки из дневника // *Народоправство*. 1917. № 7. 21 авг. С. 23.

⁵⁵ *Кремнев Б. (Г.И. Чулков).* Новый год // *Народоправство*. 1917. № 18–19. 25 дек. С. 21.

⁵⁶ *Пушкин А.С.* Бесы: Стихотворение // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 297–298.

⁵⁷ *Чулков Г.И.* Метель. Листки из дневника // *Народоправство*. 1918. № 20. 8 янв. С. 4–6.

⁵⁸ *Кремнев Б. (Г.И. Чулков).* Война // *Народоправство*. 1918. № 20. 8 янв. С. 15.

Изобилует литературными образами и публицистика С.М. Соловьева на страницах «Народоправства». В статье «К церковному собору» в контексте ожиданий от решений предстоящего Московского собора упомянута «Краткая повесть об Антихристе» Вл.С. Соловьева: раздадутся ли там слова, подобные исповеданию епископа Иоанна о безусловном предпочтении личности самого Христа церковной истории и Священному Преданию?⁵⁹ В статье «Демон сентиментализма и бесчестия» бывший символист с негодованием обличал хвастовство, «безобразное самохвальство» большевистской России, которая, самонадеянно уча другие страны, грозя им революционным «мировым пожаром социализма», стоит перед Европой, как Попов из сатирической поэмы А.К. Толстого «Сон Попова» (1873) перед министром без панталон, с сарказмом резюмируя: «мы горды тем, что мы без панталон, это — смело, дерзновенно, прекрасно»⁶⁰. Соловьев также с сочувствием привел слова В.В. Розанова о разгроме революции 1905 г.: «Смазали хвастунишку по морде — вот и история социализма в России»⁶¹. Теперь слова «старого циника» обратились в действительность⁶². А в статье «Разгромленная интеллигенция» заметил, что она переживает «ужасное, небывалое время», именно о таком сказал Тютчев⁶³: «Блажен, кто посетил сей мир...»⁶⁴.

По мнению А. Пойминова в статье «Герцен и наша революция», слабительность Временного правительства напоминает «лишних людей» 1840-х гг., которых обличал А.И. Герцен. Как духовный вождь, он очень современен, так как не усвоил уроков французской революции 1848 г. о реальном влечении простого народа к буржуазным ценностям и остался в заблуждении о предпочтительности социалистического пути для народных масс и о наличии особого «русского социализма» (в книгах «С того берега» и «Письма из Франции и Италии»)⁶⁵.

⁵⁹ Соловьев С.М. К церковному собору // Народоправство. 1917. № 10. 25 сент. С. 8.

⁶⁰ Ср.: «А что, — подумал он, — коль мой наряд Понравится? Ведь есть же, право слово, Свободное, простое что-то в нем!» (Толстой А.К. Сон Попова // Толстой А.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Терра — Книжный клуб, 2001. С. 284).

⁶¹ Неточная цитата. Ср.: «Смазали хвастунишку по морде — вот вся “История социализма в России”» (Розанов В.В. Опавшие листья (Короб второй и последний) // Розанов В.В. Листва. Собр. соч. под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2010. С. 289).

⁶² Соловьев С.М. Демон сентиментализма и бесчестия // Народоправство. 1918. № 20. 8 янв. С. 7.

⁶³ Неточная цитата. Ср.: «Счастлив, кто посетил сей мир...» (Тютчев Ф.И. Цицерон: Стихотворение // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 1. М.: ИЦ «Классика», 2002. С. 122).

⁶⁴ Соловьев С.М. Разгромленная интеллигенция // Народоправство. 1918. № 21–22. 21 янв. С. 3.

⁶⁵ Пойминов А. Герцен и наша революция // Народоправство. 1917. № 9. 15 сент. С. 9–12.

Будущий деятель белого движения и влиятельный эмигрантский публицист П.Я. Рысс в статье «Емелькина Русь» осмыслял происходившие события в образах пушкинской «Капитанской дочки» (1833–1836): из гроба поднялся Емельян Пугачев, народ — «кровожадный зверь», убийства, грабежи, насилия — «русский бунт»⁶⁶.

Вяч. Иванов в концептуальной статье «Революция и самоопределение России», говоря о необходимости всенародного покаяния за революционные безобразия: «позор и распад, бесстыдство и беснование», приводил в пример Пушкина как автора стихотворения «Воспоминание» (1828)⁶⁷: «с отвращением читая жизнь мою...»⁶⁸.

Со своей стороны, Бердяев к своей послеоктябрьской статье «Была ли в России революция?» взял эпитафией строки из первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева (1829): «Мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений <...>; ныне же, мы <...> составляем пробел в нравственном миропорядке»⁶⁹. Относительно характера русского народа, по мнению философа, прав оказался Чаадаев, а не славянофилы⁷⁰.

В.П. Быстренин в статье «Интеллигенция и народ» осмыслял видевшееся ему углубление разрыва интеллигенции и народа в революционное время путем противопоставления с образами поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1859): одиночество современной интеллигенции — это «одиночество в толпе», а не уединение в аскетической пустыне ради духовного совершенствования⁷¹.

Своей статье «Революция и душа народа» В.Н. Белявский предпослал три эпитафы, предварявших основную мысль публициста. Цитаты из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя («<...> дышит нам от России не радушным родным приемом братьев,

⁶⁶ Рысс П.Я. Емелькина Русь // Народопрравство. 1917. № 13, 23 окт. С. 13–14.

⁶⁷ Пушкин А.С. Воспоминание: Стихотворение // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 206.

⁶⁸ Иванов Вяч.И. Революция и самоопределение России // Народопрравство. 1917. № 14, 30 окт. С. 8.

⁶⁹ Неточная цитата. Ср.: «Народы — существа нравственные <...> Их воспитывают века <...> Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподавать великий урок миру» (Чаадаев П.Я. Философические письма (1829–1830). Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 326); «<...> мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподавать какой-то великий урок отдаленным потомкам <...>; пока <...> мы составляем пробел в интеллектуальном порядке» (Там же. С. 330).

⁷⁰ Бердяев Н.А. Была ли в России революция? // Народопрравство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 4–7.

⁷¹ Быстренин В.П. Интеллигенция и народ // Народопрравство. 1917. № 15. 19 нояб. С. 10.

но какую-то холодную, занесенной вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный станционный смотритель с черствым ответом: “Нет лошадей”. Отчего это? Кто виноват?»⁷²) и первого «Философического письма» Чаадаева («Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не сказывается ничего своего: все их знание — в их внешнем быте, вся душа их — вне их. Именно таковы мы»⁷³) иллюстрируют, по мысли Белявского, сегодняшнее состояние русской души. Третий эпиграф — из новгородской летописи конца XV в. (призыв не мириться с завоевателями-татарами, не покоряться хану Ахмату: «О, сынове Русстии. Потщитесь сохранить свое отечество, Русскую землю»⁷⁴), — опровергает два предыдущих, свидетельствуя о наличии у русского народа «живой души», усыпленной лишь временно и способной к пробуждению⁷⁵.

Итак, публицисты журнала «Народоправство» (Вышеславцев, Чулков, Сергей Соловьев, Пойминов, Рысс, Вяч. Иванов, Бердяев, Быстренин, Белявский и др.) иллюстрировали словесными образами И.А. Крылова, Пушкина, Гоголя, Чаадаева, Тютчева, Герцена, Д.И. Писарева, А.Н. Островского, А.К. Толстого, А.П. Чехова, Вл. Соловьева, Ф. Сологуба, В.В. Розанова, Вяч. Иванова такие наблюдавшиеся ими события и процессы революционных месяцев 1917–1918 гг., как углубление разрыва между интеллигенцией и народом, усиление партийной вражды и розни в среде революционной интеллигенции, политические речи и заявления деятелей революции (Керенского, Ленина), экономическая и культурная разруха в стране, созыв Московского поместного собора и реформа Русской православной церкви. Как видим, актуальной для них была не только классическая, но и современная русская литература, имелись также обращения к древнерусской письменности. Все тысячелетнее развитие словесности на Руси воспринималось как единое целое.

⁷² Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. С. 123.

⁷³ Неточная цитата. Ср.: «Мы растем, но не созреваем <...>. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы» (Чаадаев П.Я. Философические письма (1829–1830). Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 326).

⁷⁴ Неточная цитата. Ср.: «О храбри мужественіи сынове Роустіи! Подщитесь схранити свое отечество, Рускою землю, от поганых, не пощадите своих глав <...>» (Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 201).

⁷⁵ Белявский В.Н. Революция и душа народа // Народоправство. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 11.

Последняя из выделенных мною рубрик — диалог авторов «Народоправства» с литературными предшественниками и современниками: развитие их идей в новых исторических условиях или полемика с ними. Начнем с Чулкова. Статья Бориса Кремнева (Г.И. Чулкова) «Самоопределение России и Максим Горький. Письма со стороны. II» посвящена принципиальной полемике с вышедшей в марте 1917 г. книгой М. Горького «Статьи 1905–1916 гг.» (Пг.: Парус, 1917, тираж — 5000) по вопросам о Первой мировой войне (против поражения и германофильства Горького как редактора газеты «Новая жизнь») и еврейском влиянии в России (против мнений Горького о преимуществе западноевропейской и еврейской культуры над собственно русской). Что касается Горького-художника, то, по мнению Чулкова, он «не выдерживает эстетической критики», являясь примером «стилистического безобразия»⁷⁶.

В статье Чулкова «Метель. Листки из дневника» с 50-летней дистанции осмысливается противостояние революционно-народнической и религиозно-патриотической линий русской литературы: нигилистический атеизм в лице Д.И. Писарева, Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова и др. неправ, правы «подлинными выразителями великой русской культуры»: Достоевский, Вл. Соловьев и др. Совершающаяся русская «катастрофа <...> глубока и духовна»⁷⁷.

А в уже привлекавшем наше внимание чулковском «Красном призраке», помимо хвалебного отзыва о книге Вяч. Иванова «Родное и вселенское» (1918, опубл. в конце 1917 г.) со статьями 1914–1916 и 1917 гг., полемически разобрана свежееопубликованная статья А.А. Блока «Интеллигенция и революция» («Знамя труда», 19 янв. 1918 г.). Здесь «изысканный лирик» Блок проявил, по мнению Чулкова, «полное непонимание революции» и приверженность «мутному хаосу, торжествующему сейчас на равнинах обманутой России». На деле никакой «музыки революции» нет, есть только Р. Вагнер со своими идеями и творчеством, которые никакого отношения к совершающемуся в России не имеют. Наоборот, в дни Октябрьского переворота «революция себе изменила» и деятельность большевиков никак нельзя назвать «симфонией революции». Чулков надеется, что Бог простит находящемуся во власти «безответственного лиризма» «романтику» Блоку его «заблуждения»; большевикам же прощения не будет⁷⁸. В другой своей статье из того же, последнего, номера журнала Чулков повторил сделанный против

⁷⁶ Кремнев Б. (Г.И. Чулков). Самоопределение России и Максим Горький. Письма со стороны. II // Народоправство. 1917. № 10. 25 сент. С. 10–11.

⁷⁷ Чулков Г.И. Метель. Листки из дневника // Народоправство. 1918. № 20, 8 янв. С. 5.

⁷⁸ Чулков Г.И. Красный призрак // Народоправство. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 15.

Блока выпад: «углубления» революции, как воображают большевики и вслед за ними «лирически настроенный интеллигент» А. Блок, на деле нет. А есть практически полное подчинение России германскому милитаризму⁷⁹.

Священник Сергей Соловьев в статье «Демон сентиментализма и бесчестия» резко критиковал взгляды славянофила И.В. Киреевского за отрицание европейской цивилизации и идеализацию самобытных русских начал: теперь, когда цивилизация «сброшена», «русский народ впал в звериное состояние». Самым последовательным русским народником за пантеизм, отрицание европейской цивилизации и церкви, культ «святого невежества» назван Л. Толстой (повесть «Три смерти»): он ближе к народу, чем славянофилы. В России, по мнению Соловьева, необходима реализация чаадаевских мыслей: новый религиозный посев с Запада, т. е. создание свободной, чуждой государственным интересам и национальному сепаратизму, церкви⁸⁰. В статье «Разгромленная интеллигенция» тот же автор обращен уже к современной себе литературе, а именно к Д.С. Мережковскому как защитнику русской интеллигенции от нападок «Вех» и других оппонентов. Убийство революционными матросами 7 января 1918 г. в порядке самосуда депутатов Учредительного собрания от партии кадетов А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина — «мучеников народной свободы», — по мысли С.М. Соловьева, один из эпизодов уничтожения интеллигенции. Однако она жива. Вопреки общему течению, один Мережковский⁸¹ в течение предреволюционного десятилетия отстаивал «святыню интеллигенции, святыню культуры Петра Великого», он, как апологет русской интеллигенции, один оказался прав⁸².

Очерк А.М. Ремизова «Звезда сердца» из цикла «Всеобщее восстание. Временник», предваренный эпитафией из «Беседы Валаамских чудотворцев» XVI в., возвращает к началу Первой мировой войны, встреченной автором на Северном Кавказе. Впечатления от гор Машука, Эльбруса, Бештау даны сквозь призму лермонтовских звезд в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...»⁸³. И рутинная грязная война

⁷⁹ Б.К. (Г.И. Чулков). Начало или конец? // Народоправство. 1918. № 23–24, 1 февр. С. 30.

⁸⁰ Соловьев С.М. Демон сентиментализма и бесчестия // Народоправство. 1918. № 20, 8 янв. С. 7–8.

⁸¹ См., напр.: Мережковский Д.С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 489–509; Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // Там же. С. 535–607.

⁸² Соловьев С.М. Разгромленная интеллигенция // Народоправство. 1918. № 21–22. 21 янв. С. 2–3.

⁸³ Лермонтов М.Ю. Выхожу один я на дорогу...: Стихотворение // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1957. С. 79.

предстает «поединком за звезду своего сердца — за родину с ее полями, с ее лесом, с говорливой речкой, старым домом, мирною заботой, церковью и древним собором, с колоколами, с распевом, с красной Пасхой, с песней, со словом»⁸⁴.

Очерк И.А. Новикова «В эти дни. Первое марта» открывается соответствующими строками из появившихся в печати частей «замечательной» поэмы А.А. Блока «Возмездие»: все события марта 1917 г. освещаются Новиковым в свете рокового 1 марта 1881-го — убийства революционерами-народовольцами императора Александра II. Впечатление от памятника Гоголю на Арбате вызвало стилистически сродный сентиментальному пафосу лирических отступлений автора «Мертвых душ» пассаж о молодости: «Боже мой, как относительно понятие: молодость! Какие волшебные скрыты во всех нас запасы чудесного этого состояния, хотелось бы даже сказать — вещества (так конкретно оно ощутимо!), — волшебного этого камня алхимиков!..<...>»⁸⁵.

«Письмо П.Я. Чаадаеву» В.С. Дороватовской — это обращение через век к одному из «лучших наших патриотов» в дни, когда «решается вопрос о роли русских среди народов мира». Чаадаев прав: «у русской революции нет идеалов», толпы народа подвижны лишь «шкурным вопросом, классовым антагонизмом», а «неоудухотворенная сила — бессильна»⁸⁶.

Мысль Чаадаева тревожит в последние месяцы жизни и самоотверженного патриота В.Н. Белявского, к ней он обращается в статье «Революция и душа народа». Чаадаев не нашел у русских «души народа». В нынешней революции все происходит «по Чаадаеву»: у революционных солдат нет духовной жизни, нравственности, убеждений. Вопросы, заданные Чаадаевым, сейчас наиболее актуальны. Обретение народной души и культуры — вот залог спасения и возрождения России⁸⁷.

Итак, мы увидели, как авторы «Народоправства» Чулков, С. Соловьев, Ремизов, Новиков, Дороватовская и Белявский вели диалог с Лермонтовым, Гоголем, И.В. Киреевским, Чаадаевым, Л. Толстым, а из современных писателей — с Горьким, Мережковским и Блоком. Особенно значимы, на мой взгляд, обращения к Чаадаеву и Блоку, как комплиментарные, так и полемические. Возможно, именно эти писатели вступали в стрележь историософских интуиций в 1917–1918 гг.

⁸⁴ Ремизов А.М. Всеобщее восстание. Временник // Народоправство. 1917. № 5. 1 авг. С. 4.

⁸⁵ Новиков И.А. В эти дни. Первое марта // Народоправство. 1917. № 5. 1 авг. С. 6–7.

⁸⁶ Дороватовская В.С. Письмо П.Я. Чаадаеву // Народоправство. 1917. № 5. 1 авг. С. 13–14.

⁸⁷ Белявский В.Н. Революция и душа народа // Народоправство. 1918. № 23–24. 1 февр. С. 12.

Литература

Богданова О.А. Достоевский и революция 1917 г. в осмыслении авторов сборника «Из глубины» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 47–54.

Бунин И.А. Слово: Стихотворение // *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 2006. С. 34.

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // *Гоголь Н.В.* Духовная проза. М.: Русская книга, 1992. С. 35–278.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Июль–август. Глава вторая. III. «Анна Каренина» как факт особого значения // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 198–202.

Иванов Вяч.И. Спорады // *Иванов Вяч.И.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 111–135.

Иванов Вяч.И. Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского // *Иванов Вяч.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 312–336.

Лермонтов М.Ю. Выхожу один я на дорогу...: Стихотворение // *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1957. С. 79.

Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // *Мережковский Д.С.* Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 535–607.

Мережковский Д.С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // *Мережковский Д.С.* Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 489–509.

Народоправство: Еженедельный журнал. 1917–1918. №№ 1–24.

Островский А.Н. Правда — хорошо, а счастье лучше: Комедия // *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 4. Пьесы (1873–1877). М.: Искусство, 1975. С. 262–320.

Пришвин М.М. У стен града невидимого // Русская мысль. 1909. №№ 1–3. С. 92–109; 130–153; 29–53.

Пушкин А.С. Воспоминание: Стихотворение // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 206.

Пушкин А.С. Пир Петра Первого: Стихотворение // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 448–449.

Пушкин А.С. Бесы: Стихотворение // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. С. 297–298.

Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. 1–10 // *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. Собр. соч. под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. С. 5–60.

Розанов В.В. Опавшие листья (Короб второй и последний) // *Розанов В.В.* Листва. Собр. соч. под общей ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2010. С. 189–364.

Сологуб Ф. Мелкий бес: Роман // *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 5–288.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–224.

Толстой А.К. Сон Попова // *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Терра — Книжный клуб, 2001. С. 283–293.

Тютчев Ф.И. Цицерон: Стихотворение // *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 1. М.: ИЦ «Классика», 2002. С. 122.

Тютчев Ф.И. Нет, моего к тебе пристрастья...: Стихотворение // *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 1. М.: ИЦ «Классика», 2002. С. 144.

Тютчев Ф.И. Два единства: Стихотворение // *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 2. М.: ИЦ «Классика», 2002. С. 221.

Чаадаев П.Я. Философические письма (1829–1830). Письмо первое // *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 320–339.

Чехов А.П. Унтер Пришибеев: Рассказ // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1984. С. 121–125.

References

Bogdanova O.A. Dostoevskii i revoliutsiia 1917 goda v osmyslenii avtorov sbornika “Iz glubiny” [Dostoevsky and the revolution of 1917 as comprehended by the authors of the collection “From the depth”]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 2017, vol. 76, no. 1, pp. 47–54. (In Russ.)

Bunin I.A. Slovo: Stikhotvorenii [The Word: Poem]. Bunin I.A. *Sobr. soch. v 13 t.* [Collected works in 13 vols.], vol. 2. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, p. 34. (In Russ.)

Chaadaev P.Ia. Filosoficheskie pis'ma (1829–1830). Pis'mo pervoe [Philosophical letters (1829–1830). Letter 1]. Chaadaev P.Ia. *Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma: V 2 t.* [Complete works and selected letters in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 320–339. (In Russ.)

Chekhov A.P. Unter Prishibeev: Rasskaz [Junior officer Prishibeyev: A short story]. Chekhov A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters in 30 vols.], vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 121–125. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. Dnevnik pisatel'ia za 1877 god. Iiul'-avgust. Glava vtoraiia. III. “Anna Karenina” kak fakt osobogo znacheniiia [Diary of a writer for 1877. July-August. Chapter two. III. “Anna Karenina” as a fact of special significance]. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch. v 30 t.* [Complete works in 30 vols.], vol. 25. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 198–202. (In Russ.)

Gogol' N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'iami [Selected passages from correspondence with friends]. Gogol' N.V. *Dukhovnaia proza* [Spiritual prose]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1992, pp. 35–278. (In Russ.)

Ivanov Viach.I. Lik i lichiny Rossii. K issledovaniuu ideologii Dostoevskogo [The face and masks of Russia. On the study of Dostoevsky's ideology]. Ivanov Viach.I. *Rodnoe i vselenskoe* [Natural and universal]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 312–336. (In Russ.)

Ivanov Viach.I. Sporady [Sporades]. Ivanov Viach.I. *Sobr. soch. v 4 t.* [Collected works in 4 vols.], vol. 3. Bruxelles, 1979, pp. 111–135. (In Russ.)

Lermontov M.Iu. Vykhozhu odin ia na dorogu...: Stikhotvorenie [I go out alone on the road...: A poem]. Lermontov M.Iu. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected works in 4 vols.], vol. 1, Moscow, GIKhL Publ., 1957, p. 79. (In Russ.)

Merezhkovskii D.S. Dve tainy russkoi poezii. Nekrasov i Tiutchev [Two mysteries of Russian poetry. Nekrasov and Tyutchev]. Merezhkovskii D.S. *Vechnye sputniki: Roman. Stikhotvoreniia. Literaturnye portrety. Dnevnik* [Eternal companions: A novel. Poems. Literary portraits. Diary]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996, pp. 535–607. (In Russ.)

Merezhkovskii D.S. Zavet Belinskogo. Religioznost' i obshchestvennost' russkoi intelligentsii [The Testament of Belinsky. Religiosity and public-mindedness of Russian intelligentsia]. Merezhkovskii D.S. *Vechnye sputniki: Roman. Stikhotvoreniia. Literaturnye portrety. Dnevnik* [Eternal companions: A novel. Poems. Literary portraits. Diary]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996, pp. 489–509. (In Russ.)

Narodopravstvo: Ezhenedel'nyi zhurnal [Democracy: A weekly magazine], 1917–1918, no. 1–24. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. Pravda — khorosho, a schast'e luchshe: Komediia [The truth is good and happiness is better: A comedy]. Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: V 12 t.* [Complete works in 12 vols.], vol. 4. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, pp. 262–320. (In Russ.)

Prishvin M.M. U sten grada nevidimogo [By the walls of the invisible city]. *Russkaia mysl'*, 1909, no. 1–3, pp. 92–109, 130–153, 29–53. (In Russ.)

Pushkin A.S. Besy: Stikhotvorenie [The devils: A poem]. Pushkin A.S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959–1962, vol. 2, pp. 297–298. (In Russ.)

Pushkin A.S. Pir Petra Pervogo: Stikhotvorenie [Feast of Peter the First: A poem]. Pushkin A.S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959–1962, vol. 2, pp. 448–449. (In Russ.)

Pushkin A.S. Vospominanie: Stikhotvorenie [Reminiscence: A poem]. Pushkin A.S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959–1962, vol. 2, p. 206. (In Russ.)

Rozanov V.V. Apokalipsis nashego vremeni. Vyp. 1–10 [Apocalypse of our time. Issues 1–10]. Rozanov V.V. *Apokalipsis nashego vremeni. Sobr. soch.* [Apocalypse of our time. Collected works], ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow, Respublika Publ., 2000, pp. 5–60. (In Russ.)

Rozanov V.V. Opavshie list'ia (Korob vtoroi i poslednii) [Fallen leaves (the second and last box)]. Rozanov V.V. *Listva. Sobr. soch.* [Foliage. Collected works], ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow, Respublika Publ., 2010, pp. 189–364. (In Russ.)

Sologub F. Melkii bes: Roman [Little demon: A novel]. Sologub F. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works in 8 vols.], vol. 2. Moscow, NPK «Intelvak» Publ., 2001, pp. 5–288. (In Russ.)

Tipografskaia letopis' [Printing chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Russian chronicles], vol. XXIV. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 1–224. (In Russ.)

Tiutchev F.I. Dva edinstva: Stikhotvorenie [Two unities: A poem]. Tiutchev F.I. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 6 t.* [Complete works and letters in 6 vols.], vol. 2. Moscow, ITs «Klassika» Publ., 2002, p. 221. (In Russ.)

Tiutchev F.I. Net, moego k tebe pristrast'ia...: Stikhotvorenie [No, my addiction to you...: A poem]. Tiutchev F.I. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 6 t.* [Complete works and letters in 6 vols.], vol. 1. Moscow, ITs «Klassika» Publ., 2002, p. 144. (In Russ.)

Tiutchev F.I. Tsitseron: Stikhotvorenie [Cicero: A poem]. Tiutchev F.I. *Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 6 t.* [Complete works and letters in 6 vols.], vol. 1. Moscow, ITs «Klassika» Publ., 2002, p. 122. (In Russ.)

Tolstoi A.K. Son Popova [Popov's dream]. Tolstoi A.K. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works in 5 vols.], vol. 1. Moscow, Terra — Knizhnyi klub Publ., 2001, pp. 283–293. (In Russ.)

Ideas and images of Russian literature in revolutionary journalism of the journal “Democracy” (1917–1918)

Olga A. Bogdanova

Abstract: The main content of the work — review and classification of the appeals to the personalities, images and ideas in Russian literature of the “Petersburg period”, which are occurred on journalistic pages of the liberal-patriotic weekly “Democracy” (1917–1918), with the exception of F.M. Dostoevsky, to whom a special article will be dedicated due to abundance of the material associated with his personality and creativity. The body of works by the contemporaries of the revolution, which were published in the weekly, will also be considered in the format of special work. A special study dedicated to the New Testament motifs and images in the integral discourse of the weekly is also planned. Thus, the present article will be the first step in the study of artistic and journalistic products of “Democracy”, the foundation for subsequent conclusions. Historical-typological, multi-disciplinary, conceptual-constantological and discursive-intertextual methods and approaches are used.

Keywords: Journal “Democracy”, journalism, Russian revolution of 1917, Russian literature, literary quality, “Petersburg period” of Russian history, people, nation, intelligentsia.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, Doctor Hab., Senior Researcher of the RAS Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Citation: Bogdanova Olga A. Ideas and images of Russian literature in revolutionary journalism of the journal “Democracy” (1917–1918). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 219–245.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-246-256
УДК 821.161.1

«Жизнь с Гоголем» как вариант автобиографии (Об одном заглавии у Бориса Зайцева и житнетворчестве Андрея Белого)

И.Б. Делекторская

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ очерка Б.К. Зайцева «Жизнь с Гоголем» и «окологоголевских» (исследовательских и автобиографических) текстов Андрея Белого. Делается вывод о том, что в основе ряда параллелей во взглядах Зайцева и Белого на Гоголя лежит типичный для людей их поколения опыт читательского восприятия гоголевской прозы в детстве и юности. Возникающие в конце 1920-х — начале 1930-х гг. кардинальные различия сопряжены с принципиально разнящимися установками, характерными для мировоззрений Белого и Зайцева этого времени. Особое внимание уделяется заглавию очерка Б.К. Зайцева: оно, как показано в статье, является, вероятней всего, неосознанно, но удачно найденным обозначением того специфического варианта жанра автобиографии, в рамках которого в течение многих лет работал Андрей Белый.

Ключевые слова: Андрей Белый, Б.К. Зайцев, Н.В. Гоголь, заглавие, автобиография, читательская биография, житнетворчество.

Информация об авторе: Иоанна Борисовна Делекторская, к.ф.н., старший научный сотрудник, Государственный музей А.С. Пушкина (Мемориальная квартира Андрея Белого), Москва, Россия. E-mail: i_delektorskaia@mail.ru.

Цитирование: *Делекторская И.Б.* «Жизнь с Гоголем» как вариант автобиографии (Об одном заглавии у Бориса Зайцева и житнетворчестве Андрея Белого) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 246–256.

Рассмотрение темы, заявленной в заглавии данной статьи, невозможно без краткого экскурса в историю взаимоотношений Андрея Белого и Б.К. Зайцева.

Как известно, писатели были хорошо знакомы и в 1900-х гг. принадлежали к числу самых ярких жителей Арбата. Они часто встречались в разных околотитературных собраниях. Белый был желанным гостем в квартире Зайцевых в Спасопесковском переулке. Несмотря на случавшиеся между ними размолвки (порой весьма серьезные), Зайцев в конце жизни говорил о Белом: «Он <...> мне нравился — изяществом, своеобразием, даже полоумием своим. Я считал его и большим поэтом, в спорах всегда и со страстью защищал его»¹.

В 1921 г. Зайцев изобразил Белого под именем «бирюзоглазого поэта» в своем знаменитом рассказе «Улица св. Николая», впервые напечатанном в 1923 г.² уже в эмиграции, в Берлине³, где они с Белым продолжали теснейшим образом общаться вплоть до отъезда Зайцева в Италию 9 сентября 1923 г. Затем Зайцев перебрался в Париж, где и прожил до конца своих дней (до 1972 г.).

Б.К. Зайцев многократно упоминается у Андрея Белого в автобиографических сводах⁴. Белый тепло вспоминает о том, как он «сживал» у Зайцевых в Спасопесковском переулке, в одной из глав мемуаров «Начало века»⁵, над первой, так называемой «берлинской» редакцией которых он работал летом 1923 г. Есть основания предполагать, что «арбатский» рассказ Зайцева «Улица св. Николая» стал для Андрея Белого частью того фона, который способствовал формированию у него твердого решения вернуться из Германии в Россию⁶, что Белый и сделал в октябре 1923 г. По возвращении он кратко

¹ Зайцев Б.К. Андрей Белый // Зайцев Б.К. Мои современники / Сост. Н.Б. Зайцева-Соллогуб. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1988. С. 38. Первая публикация: Мосты. 1963. № 10.

² Рассказ был включен в состав книги: Зайцев Б.К. Улица св. Николая. Рассказы 1918–1921 годов. Берлин: Слово, 1923.

³ Б.К. Зайцев приехал в Берлин в июне 1922 г.

⁴ См.: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад. Научный редактор М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016. (Литературное наследство. Т. 105). По именному указателю.

⁵ См.: Андрей Белый. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2 / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. (Литературные мемуары). С. 120.

⁶ См. об этом: Делекторская И.Б. «Выходишь в вечность... На Арбат...» (Арбат Андрея Белого сегодня) // Сборник материалов международной научной конференции «Символизм и поэтика пространства в творчестве Андрея Белого» (Монреале — Палермо, 1–3 декабря 2016). В печати.

упоминает Зайцева среди тех, с кем ему приходилось встречаться в Берлине, в книге «Одна из обителей царства теней»⁷.

Список точек пересечения Андрея Белого и Бориса Зайцева не ограничивается их многочисленными встречами в Москве и в Берлине и взаимными упоминаниями. К означенным «точкам» по праву может быть причислена и важнейшая для обоих писателей гоголевская тема.

Гоголеведение Андрея Белого хронологически охватывает большую часть его творческой жизни, начавшись с опубликованной в марте 1909 г. в газете «Киевская мысль» статьи «Гоголь» и завершившись монографией «Мастерство Гоголя», вышедшей в свет в 1934 г., уже после смерти автора.

В 1926 г. Белый писал В.Э. Мейерхольду: «Всю жизнь я живу Гоголем, люблю его, думаю над ним...»⁸. Отсутствие предлога «с» в этой фразе неслучайно. На протяжении всего своего жизненного пути Белый поистине жил Гоголем, то есть не только исследовал его творчество (чем, помимо Белого, в начале XX в. занимались многие, включая Мережковского и Брюсова⁹, сыгравших в свое время важнейшую роль в жизни Белого), но и «равняясь» на Гоголя, выстраивал собственную биографию. Кульминационной точки стремление Белого самоутвердиться в роли нового Гоголя достигает в одной из главок последней главы его гоголеведческой монографии. В главе с эпатажным заглавием «Гоголь и Белый» автор, говоря о себе в третьем лице, называет себя наследником Гоголя в современной литературе, так как именно его проза «возобновляет в XX столетии "школу" Гоголя»¹⁰.

Об этой своеобразной жизнетворческой игре на сегодняшний день различными исследователями сказано уже довольно много¹¹.

⁷ Андрей Белый. Одна из обителей царства теней. Л.: ГИЗ, 1924. С. 30.

⁸ Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. С. 257.

⁹ См. их ставшие классическими сочинения: Мережковский Д.С. Гоголь и черт: Исследование. М.: Скорпион, 1906; Брюсов В.Я. Испепеленный. К характеристике Гоголя. М.: Скорпион, 1909.

¹⁰ Андрей Белый. Мастерство Гоголя. Исследование. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 309.

¹¹ См.: Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья первая // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 604: Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982; Статья вторая // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 620: Типология литературных взаимодействий. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983; Статья третья // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 683: Литература и публицистика: проблемы взаимодействия. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1986; Жукова Н. О мастерстве Гоголя, о символизме Белого и о формосодержательном процессе // Андрей Белый. Мастерство Гоголя: Ис-

Автору данной статьи тоже приходилось в разное время касаться этой стороны творческой биографии Андрея Белого¹². И вполне естественно, что имея некоторое представление об особенностях его жизнетворчества и занимаясь историей беловско-зайцевских отношений, невозможно было пройти мимо напечатанного в 1935 г. в парижском журнале «Современные записки» (1935, № 59) очерка Зайцева под названием «Жизнь с Гоголем»¹³.

Чтение этого текста на фоне околोगоголевских сочинений Андрея Белого производит яркое впечатление. Прежде всего, выясняется, что опыт читательского восприятия Гоголя у Зайцева и Белого был (по крайней мере, в первой половине жизни обоих) не только практически идентичен, но и, более того, типичен для людей их поколения¹⁴.

Зайцев подобно Белому в главке «Гоголь и Белый» из «Мастерства Гоголя» пишет о себе в третьем лице. Местоимение «я» впервые появляется в тексте лишь ближе к его концу. А начинается очерк с откровенной мистификации. Автор инкорпорирует в него развернутую автоцитату из своего романа «Заря» — первой книги будущей автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба». Книга эта была впервые опубликована в 1937 г., то есть через два года после «Жизни с Гоголем». Так что, спрятавшись за безликой дефиницией

следование. М., 1996; *Симачева И.Ю.* Гоголь и Андрей Белый // Русская речь. 1989. № 2; *Сугай Л.А.* Андрей Белый в работе над гоголевской темой // Русский символизм и мировая культура: Сборник научных трудов. Вып. 1. М.: Государственная академия славянской культуры, 2001; *Сугай Л.А.* Гоголь в жизни и творчестве символистов: летопись событий // Русский символизм и мировая культура: Сборник научных трудов. Вып. 2. М.: Государственная академия славянской культуры, 2004; *Сугай Л.А.* «Всю жизнь я живу Гоголем...» (Андрей Белый — исследователь Гоголя) // Андрей Белый. Собрание сочинений. Мастерство Гоголя. Исследование / Общ. ред., сост., послесл. и коммент. Л.А. Сугай. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013.

¹² См., например: *Делекторская И.Б.* «Гоголевский сюжет» в жизнетворчестве Андрея Белого (к проблеме реконструкции) // Toronto Slavic Quarterly, № 31. Winter 2010 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/31/delektorskaya31.shtml>). Дата обращения — 27.04.2018); *Делекторская И.Б.* Андрей Белый и Гоголь: до «Истории становления самосознающей души», в «Истории становления самосознающей души» и после // Russian Literature. LXX—LII. 1 July — 15 August 2011. Special Issue: Andrej Belyj's «Istoria stanovlenia samosoznajuščej duši»; *Делекторская И.Б.* «Мастерство Гоголя» и «Начало века» Андрея Белого: варианты автобиографии // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2015.

¹³ Републикация очерка была осуществлена в 2000 г. в девятом томе Собрания сочинений Зайцева (М.: Русская книга).

¹⁴ В этой связи о том, что касается Зайцева, см.: *Воронаев В.* Борис Зайцев о Николае Гоголе // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. 09.04.2001. (http://ruskline.ru/monitoring_smi/2001/04/09/boris_zajcev_o_nikolae_gogole). Дата обращения — 27.04.2018).

«современный писатель», Зайцев мог не бояться, что его инкогнито будет раскрыто¹⁵.

«"После вечернего чая <...> под нависшей над столом лампой отец читал Гоголя. Глеб сидел рядом с отцом и благоговейно смотрел ему в рот. Казаки (имеются в виду персонажи «Тараса Бульбы» — *И. Д.*) <...> сражались подобно героям «Илиады». Все они были великолепны, громopodobны и невероятны. <...> высокий звон речи гоголевской сотрясал душу, волновал ребенка, владел им как хотел. <...>". Так описывает современный писатель первую встречу ребенка с Гоголем. Отец мог бы читать что-нибудь и из "Вечеров на хуторе близ Диканьки". Мальчик тоже восхищался бы. <...> А разве "Страшная месть" не очаровывала? Колдун, Катерина, красные жупаны, таинственный замок, мертвецы, встающие из могил, грозный всадник в Карпатах — все это пронзает, наводит ужас мистический, подобно синей грозовой туче, надвигающейся неумолимо. Нечто действительно страшное дойдет и из "Вия". По-другому, тонкой, но непобедимой печалью покорят "Старосветские помещики" <...>. Если прибавить рассказы "Вечеров", то, пожалуй, это и будет "Гоголь для юношества". Встреча с ним делает читателя верноподданным поэта <...>»¹⁶.

Сравним этот отрывок с фрагментом из автобиографического тома Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (глава третья — «Боренька», главка «Маленький буддист»):

«В октябре 1890 года я заболел легкою формою дифтерита; мне помнится не столько болезнь, сколько Гоголь, которого начала мне читать вслух мать во время болезни; Гоголь — первая моя любовь среди русских прозаиков; он, как громом, поразил меня яркостью метафоры и интонацией фразы; весь сезон 1890 года мать читала мне "Вечера" и "Миргород"; поразил напевный стиль "Бульбы"»¹⁷.

¹⁵ Кроме того, сравнение автоцитаты, приведенной в «Жизни с Гоголем», с опубликованным в 1937 г. текстом «Зари» выявляет довольно значительное число лексических расхождений. Это доказывает, что цитируемый в очерке 1935 г. фрагмент относится к ранней, впоследствии подвергнутой переработке редакции романа.

¹⁶ *Зайцев Б.К.* Жизнь с Гоголем // Современные записки: общественно-политический и литературный журнал (Париж). 1935. LIX. С.272–273.

¹⁷ *Андрей Белый.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3 т. Кн. 1 / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1989. (Серия «Литературные мемуары»). С. 229. Момент знакомства с Гоголем упомянут также в «Материале к биографии» Андрея Белого: «[1890 год. Осень.] Мама много читает мне Гоголя» (*Андрей Белый.* Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1903-х годов. С. 36). Отмечен он и на автобиографической схеме «Линия жизни», которая является ныне ключевым экспонатом московского музея «Мемориальная квартира Андрея Белого».

Если отбросить частности (один мальчик здоров, другой болен, первому Гоголя читает отец, второму — мать), то в общем ситуации, описанные Белым и Зайцевым, практически идентичны: ребенок впервые слышит слова Гоголя из уст родителей, его поражают напев, ритм и мощь гоголевской фразы и на всю оставшуюся жизнь он становится читателем и почитателем Гоголя.

Как пишет Зайцев, «Гоголь семьи и детства есть часть поэтического мира, окружающего ребенка. Это и часть семьи. Уважение к нему и перед ним преклонение естественно передается от старших — отца, матери»¹⁸.

Отдельно хочется коснуться упомянутого Зайцевым очарования «Страшной мести». В случае с Андреем Белым очарование это оказалось столь сильно, что уже став взрослым, двадцатипяти-, двадцатшестилетним человеком, он два летних сезона подряд, в 1905 и в 1906 гг. перечитывал гоголевскую повесть, вместе со своим ближайшим другом Сергеем Соловьевым ассоциируя образы «Страшной мести» с надвигающимися историческими сдвигами¹⁹, а затем, уже в 1920-х гг., в воспоминаниях о Блоке анализировал творчество последнего, также прибегая к образам гоголевской повести²⁰. Большое место уделено разбору «Страшной мести» и в «Мастерстве Гоголя»²¹.

Дальнейшие пути Зайцева и Белого как читателей Гоголя, в общем, весьма схожи. Так, например, говоря о конце 1900-х — начале 1910-х годов, Зайцев вспоминает, как «вглядывался» в то, «как располагает слова» Гоголь, «какие любимые у него обороты, выражения. Как он отделял свои произведения»²². К этому же времени у Белого относятся первые его гоголеведческие опыты.

Принципиальные расхождения начинаются в конце 1920-х — начале 1930-х гг., когда Зайцев в парижской эмиграции перечитывает Гоголя, а Белый в Советской России вынашивает замысел гоголеведческой монографии и работает над ней.

Если следовать логике рассуждений Зайцева, то Андрей Белый со своим исследованием природы мастерства Гоголя задерживается

¹⁸ Зайцев Б.К. Жизнь с Гоголем. С. 273.

¹⁹ См.: Андрей Белый о Блоке. Воспоминания, статьи, дневники, речи / Вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1997. С. 185, 231, 236.

²⁰ См. об этом: Делекторская И.Б. Гибель Блока в «мастерстве Гоголя» Андрея Белого // Шахматовский вестник. Вып. 13. «Начала и концы»: жизнь и судьба поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня смерти А.А. Блока. М.: ИМЛИ РАН, 2013.

²¹ См., в частности, главы второй главы «Мастерства Гоголя»: «Страшная месь», «Прием "Страшной мести"», «Изобразительность и звук в "Страшной мести"».

²² Зайцев Б.К. Жизнь с Гоголем. С. 274.

на свойственном молодости этапе истории читательского постижения классика, этапе, для которого характерен повышенный интерес к тому, как сделана гоголевская проза — «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Мертвые души». В то время как Зайцева куда больше занимают письма Гоголя, его поздние статьи, и особенно «Выбранные места из переписки с друзьями», то есть все то, что Белый «Мастерстве Гоголя» называет «провалом».

Взгляд Зайцева на Гоголя — взгляд ортодоксально православного человека. Взгляд Белого — взгляд символиста, обращенного в антропософию, и при этом изо всех сил старающегося выглядеть правоверно-советским исследователем классики.

Андрея Белого с молодости занимал вопрос о духовной природе гибели Гоголя и о том, как «новому Гоголю» избежать печальной участи Гоголя «старого». С точки зрения Зайцева, смерть Гоголя — это смерть христианского мученика, и кощунственна даже сама мысль о какой-либо возможности от нее уйти.

Возникает естественный вопрос: читал ли Борис Зайцев «Мастерство Гоголя»? Прямых доказательств тому, что читал, не существует. В своем очерке он упоминает абстрактные «русский символизм» (С. 274), «эпоху символизма» (С. 276) и конкретно Мережковского и Брюсова (С. 274). Имя же Андрея Белого не встречается там вовсе. Однако внутренняя полемичность текста по отношению к монографии Белого настолько остра, что не может не обратить на себя внимания.

В завершении же хочется еще раз обратиться к заглавию очерка Б.К. Зайцева и отметить следующее: в свете всего сказанного и с учетом всех явных параллелей и острых разногласий во взглядах на Гоголя Белого и Зайцева заглавие этого очерка перестает быть обычным заглавием. Оно как бы разбухает и становится жанрово ориентированным. «Жизнь с Гоголем» превращается в некий вариант жанра автобиографии, в рамках которого в течение многих лет работал Андрей Белый, и которому Борис Зайцев подобрал чрезвычайно удачное обозначение.

Литература

Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад; Науч. ред. М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016. (Литературное наследство. Т. 105). 1120 с.

Андрей Белый. На рубеже двух столетий / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1989. (Литературные мемуары). 563 с.

Андрей Белый. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. (Литературные мемуары). 707 с.

Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания, статьи, дневники, речи / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 608 с.

Воропаев В. Борис Зайцев о Николае Гоголе // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. 09.04.2001. (http://ruskline.ru/monitoring_smi/2001/04/09/boris_zajcev_o_nikolae_gogole. Дата обращения — 27.04.2018).

Делекторская И.Б. Андрей Белый и Гоголь: до «Истории становления самосознающей души», в «Истории становления самосознающей души» и после // Russian Literature. 2011. Vol. 70. Issue 1/2, 1 July — 15 August. Special Issue: Andrej Belyj's "Istoria stanovlenia samosoznajušcej duši". P. 109–119.

Делекторская И.Б. «Выходишь в вечность... На Арбат...» (Арбат Андрея Белого сегодня) // Сборник материалов международной научной конференции «Символизм и поэтика пространства в творчестве Андрея Белого» (Монреале — Палермо, 1–3 декабря 2016). В печати.

Делекторская И.Б. Гибель Блока в «мастерстве Гоголя» Андрея Белого // Шахматовский вестник. Вып. 13. «Начала и концы»: жизнь и судьба поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня смерти А.А. Блока. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 96–104.

Делекторская И.Б. «Гоголевский сюжет» в житетворчестве Андрея Белого (к проблеме реконструкции) // Toronto Slavic Quarterly, № 31. Winter 2010 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/31/delektorskaya31.shtml>. Дата обращения — 27.04.2018).

Делекторская И.Б. «Мастерство Гоголя» и «Начало века» Андрея Белого: варианты автобиографии // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 203–212.

Жукова Н. О мастерстве Гоголя, о символизме Белого и о формосодержательном процессе // Андрей Белый. Мастерство Гоголя: Исследование. М.: МАЛП, 1996. С. 3–10.

Зайцев Б.К. Андрей Белый // Зайцев Б.К. Мои современники / Сост. Н.Б. Зайцева-Соллогуб. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1988. С. 34–46.

Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. 464 с.

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья первая // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 604: Единство и изменчивость историко-литературного процесса. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982. С. 112–126.

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья вторая // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 620: Типология литературных взаимодействий. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1983. С. 85–98.

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статья третья // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 683: Литература и публицистика: проблемы

взаимодействия. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1986. С. 50–65.

Симачева И.Ю. Гоголь и Андрей Белый // Русская речь. 1989. № 2. С. 21–28.

Сугай Л.А. Андрей Белый в работе над гоголевской темой // Русский символизм и мировая культура: Сборник научных трудов. Вып. 1. М.: Государственная академия славянской культуры, 2001. С. 131–162.

Сугай Л.А. Гоголь в жизни и творчестве символистов: летопись событий // Русский символизм и мировая культура: Сборник научных трудов. Вып. 2. М.: Государственная академия славянской культуры, 2004. С. 156–230.

Сугай Л.А. «Всю жизнь я живу Гоголем...» (Андрей Белый — исследователь Гоголя) // Андрей Белый. Собрание сочинений. Мастерство Гоголя. Исследование / Общ. ред., сост., послесл. и коммент. Л.А. Сугай. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013. С. 395–440.

References

Andrei Belyi. *Avtobiograficheskie svody. Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-kh godov* [Autobiographical records. Material for biography. Diary aspect. Registration records. Diaries of the 1930s], comp. by A.V. Lavrov and J. Malmstad, ed. by M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

Andrej Belyi. *Na rubezhe dvukh stoletii* [At the turn of two centuries], intro., ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. 563 p. (In Russ.)

Andrej Belyi. *Nachalo veka* [The beginning of the century], ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 707 p. (In Russ.)

Andrej Belyi. *O Bloke: Vospominaniia, stat'i, dnevniki, rechi* [About Blok: Memoirs, articles, diaries, speeches], intro., comp., ed. and comment. by A.V. Lavrov. Moscow, Avtograf Publ., 1997. 608 p. (In Russ.)

Delektorskaia I.B. “Gogolevskii siuzhet” v zhiznetvorchestve Andreja Belogo (k probleme rekonstruktsii) [“Gogol's plot” in Andrei Bely's creative life (on the problem of reconstruction)]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 31, Winter 2010. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/31/delektorskaya31.shtml> (accessed 27.04.2018). (In Russ.)

Delektorskaia I.B. “Masterstvo Gogolia” i “Nachalo veka” Andreia Belogo: varianty avtobiografii [Andrei Bely's “Gogol's skill” and “The beginning of the century”: variants of autobiography]. *Andrei Belyi: avtobiografizm i biograficheskie praktiki: Sbornik statei* [Andrei Bely: autobiographism and biographical practices: A collection of essays]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 203–212. (In Russ.)

Delektorskaia I.B. “Vykhodish' v vechnost'... Na Arbat...” (Arbat Andreja Belogo segodnia) [“You go out into eternity... On Arbat...” (Andrei Bely's Arbat today)]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Simvolizm i poetika prostranstva v tvorchestve Andreia Belogo” (Monreale — Palermo, 1–3 dekabria 2016)* [Proc. Int. Sci. Conf. “Symbolism and poetics of space in Andrei Bely's works” (Monreale — Palermo, 1–3 December 2016)]. In print. (In Russ.)

Delektorskaia I.B. Andrei Belyi i Gogol': do "Istorii stanovleniia samosoznaiushchei dushi", v "Istorii stanovleniia samosoznaiushchei dushi" i posle [Andrei Bely and Gogol: before "The history of formation of the self-conscious soul", in "The history of formation of the self-conscious soul" and after it]. *Russian Literature*, vol. 70, issue 1/2, Andrej Belyj's "Istoria stanovlenia samosoznajušcej duši", 1 July — 15 August 2011, pp. 109–119. (In Russ.)

Delektorskaia I.B. Gibel' Bloka v "Masterstve Gogolia" Andreia Belogo [Death of Blok in Andrei Bely's "Gogol's skill"]. *Shakhmatovskii vestnik. Vyp. 13. "Nachala i kontsy": zhizn' i sud'ba poeta. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu so dnia smerti A.A. Bloka* [Shakhmatovo herald. Issue 13. "Beginnings and ends": poet's life and fate. Proc. Int. Sci. Conf. to the 90th anniversary of A.A. Blok's death]. Moscow, RAS Institute of World Literature Publ., 2013, 96–104. (In Russ.)

Meierkhol'd V.E. *Perepiska. 1896–1939* [Correspondence. 1896–1939], comp. by V.P. Korshunova, M.M. Sitkovetskaya. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 464 p. (In Russ.)

Papernyi V.M. Andrej Belyj i Gogol'. Stat'ia pervaja [Andrei Bely and Gogol. Part one]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. Vyp. 604: Edinstvo i izmenchivost' istoriko-literaturnogo protessa. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie* [Proceedings of Tartu State University. Issue. 604: Unity and variability of the historical-literary process. Works on Russian and Slavic philology. Literary studies]. Tartu, 1982, pp. 112–126. (In Russ.)

Papernyi V.M. Andrej Belyj i Gogol'. Stat'ia tret'ia [Andrei Bely and Gogol. Part three]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. Vyp. 683: Literatura i publitsistika: problemy vzaimodeistviia. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie* [Proceedings of Tartu State University. Issue. 683: Literature and publicism: problems of interaction. Works on Russian and Slavic philology. Literary studies]. Tartu, 1986, pp. 50–65. (In Russ.)

Papernyi V.M. Andrej Belyj i Gogol'. Stat'ia vtoraja [Andrei Bely and Gogol. Part two]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. universiteta. Vyp. 620: Tipologija literaturnykh vzaimodeistvii. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie* [Proceedings of Tartu State University. Issue. 620: Typology of literary interactions. Works on Russian and Slavic philology. Literary studies]. Tartu, 1983, pp. 85–98. (In Russ.)

Simacheva I.Iu. Gogol' i Andrei Belyi [Gogol and Andrei Bely]. *Russkaia rech'*, 1989, no. 2, pp. 21–28. (In Russ.)

Sugai L.A. "Vsju zhizn' ia zhivu Gogolem..." (Andrei Belyi — issledovatel' Gogolia) ["All my life I live by Gogol...": Andrei Bely as a researcher of Gogol]. Andrej Belyj. *Sobranie sochinenii. Masterstvo Gogolia. Issledovanie* [Collected works. Gogol's skill. Research], ed., comp., afterword and comment. by L.A. Sugai. Moscow, Respublika Publ., Dmitrii Sechin Publ., 2013, pp. 395–440. (In Russ.)

Sugai L.A. Andrej Belyj v rabote nad gogolevskoi temoi [Andrei Bely working on Gogol's theme]. *Russkii simvolizm i mirovaia kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 1* [Russian Symbolism and world culture: A collection of studies. Issue 1]. Moscow, State Academy of Slavic Culture Publ., 2001, p. 131–162. (In Russ.)

Sugai L.A. Gogol' v zhizni i tvorchestve simvolistov: letopis' sobytii [Gogol in Symbolists' life and work: chronicle of events]. *Russkii simvolizm i mirovaia kul'tura: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2* [Russian Symbolism and world culture:

A collection of studies. Issue 2]. Moscow, State Academy of Slavic Culture Publ., 2004, pp. 156–230. (In Russ.)

Voropaev V. *Boris Zaitsev o Nikolae Gogole* [Boris Zaitsev about Nikolai Gogol]. Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2001/04/09/boris_zajcev_o_nikolae_gogole (accessed 27.04.2018). (In Russ.)

Zaitsev B.K. Andrei Belyi. In: *Moi sovremenniki* [My contemporaries], comp. by N.B. Zaitseva-Sollogub. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1988, pp. 34–46. (In Russ.)

Zhukova N. O masterstve Gogolia, o simbolizme Belogo i o formosoderzhatel'nom protsesse [On Gogol's skill, Bely's symbolism and the form-building process]. Andrei Belyi. *Masterstvo Gogolia. Issledovanie* [Gogol's skill. Research]. Moscow, MALP Publ., 1996, pp. 3–10. (In Russ.)

“Life with Gogol” as a variant of autobiography (On Boris Zaitsev’s title and Andrei Bely’s creative life)

Ioanna B. Delektorskaya

Abstract: The article provides a comparative analysis of B.K. Zaitsev’s essay “Life with Gogol” and Andrei Bely’s research and autobiographical texts concerning Gogol. The results show that a number of parallels in Zaitsev’s and Bely’s opinions on Gogol is based on experience of reading Gogol’s prose in childhood and adolescence, typical for their generation. Different views of the late 1920’s — early 1930’s were conditioned by the ideological differences between Bely and Zaitsev. Particular attention is paid to the title of B.K. Zaitsev’s essay — unconsciously, but successfully found designation of the particular variant of autobiography which Andrei Bely had been mastered for many years.

Keywords: Andrei Bely, Boris Zaitsev, Nikolai Gogol, autobiography, experience of reading, creative life.

Information about the author: Ioanna B. Delektorskaya, PhD, senior research associate, Pushkin State Museum (Andrei Bely Memorial Apartment), Moscow. E-mail: i_delektorskaia@mail.ru.

Citation: Delektorskaya Ioanna B. “Life with Gogol” as a variant of autobiography (On Boris Zaitsev’s title and Andrei Bely’s creative life). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 246–256.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-257-284
УДК 821.161.1

На краешке стола (Записки комментатора)

А.Л. Соболев

Аннотация: В статье на основе архивных документов реконструируются биографии четырех лиц, сыгравших разные роли (от мимолетной до значительной) в жизни М.О. Гершензона. Трое из них не только не становились объектом исторического исследования, но и ни разу не упоминались в научной литературе; четвертый, Н.Н. Щекотихин, напротив, широко известен в качестве основоположника белорусского искусствоведения, но не был доньше опознан в качестве юного домочадца семейства Гершензонов-Гольденвейзеров.

Ключевые слова: М.О. Гершензон, К.С. Павлов, Зорька, П. Катасонова, Н.Н. Щекотихин.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Соболев А.Л.* На краешке стола (Записки комментатора) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 257–284.

Метаморфозы и мутации, постигшие жанр классического комментария за два последних десятилетия, обусловлены не только наступлением цифрового века. Необходимость тотального пояснения всех персон и понятий, которые хотя бы теоретически могут оказаться неизвестными потенциальному читателю, ставилась под сомнение уже давно — не в первую очередь потому, что примечания такого рода слишком уж сильно подрывали доверие к своему адресату: «если уж в самом деле, — думалось, — будущий владелец этой книги не знает, что такое чересседельник и кому покровительствует Меркурий, то не стоило ли бы ему сперва закончить среднюю школу». (Учат ли, впрочем, этим необходимейшим вещам в сегодняшней системе народного образования?) С другой стороны, у нас, чьи

познания поневоле деформированы в одних областях и гипертрофированы в других, нет практического способа определить, какие из понятий можно признать общепринятыми, а какие нет. Остроту этих оппозиций сняло появление в обиходе поисковых систем, дав комментатору в руки небезупречный, но, по крайней мере, вполне формальный критерий: грубо говоря, если точное изъяснение предмета находится в *первой выдаче* Яндекса, то в наших услугах этот предмет не нуждается.

Как и всякая нетвердая формула, приведенная выше требует череды оговорок: наш гипотетический читатель не обязан иметь свободный доступ к интернету (вообразим себе юную путешественницу на необитаемом острове, весь багаж которой состоит из свежего номера «Литературного факта», — ужели мы не напомним ей годы жизни Йоханна Висса!), он может не владеть даже примитивным знанием синтаксиса запросов, позволяющим победить спамоподобную омонимию etc, — в любом случае, даже такой однозначный критерий будет лучше беспочвенных надежд на интуицию.

Отдельной проблемой, даже, скорее, целым комплексом проблем оказывается прояснение антропонимов. Понятно, что простая трансляция из общедоступных справочников годов жизни и лапидарных характеристик имярека («советский писатель») в 10-е годы XXI в. отдает анекдотом; с другой стороны, в ряде случаев оставлять упоминаемое лицо вовсе без пояснений кажется неправильным. В своей практике я обычно следую принципу обратной зависимости объемов биографической справки от степени известности ее героя, обходясь одной строчкой (или вовсе ее опускаю), когда приходится говорить о хрестоматийном лице, и стараясь аккумулировать все наличные сведения о редкоспрашиваемой личности.

Особняком здесь стоят случаи, когда речь идет о персонаже, который ни разу не попадал в освещенные области истории и, по всей вероятности, избежит их и впредь. Это сразу значительно поднимает градус ответственности, налагаемой на комментатора, в воле которого, таким образом, оказывается впервые помянуть человека, прочно забытого уже несколько десятилетий, — и, следовательно, казус перестает быть эвристическим, но переносится в чисто этическую область. При этом историческая наука, поневоле подразумевающая иерархию подведомственных фигур, устроена так, что любое крупное действующее лицо, становясь объектом исследования, бросает отсветы своей славы на бывших своих знакомых, предоставляя им шанс выйти из совершенной безвестности. Комментируя переписку имярека, историк вынужден видеть не только равновеликих

ему (в самосложившихся ранжирах традиции) корреспондентов, но и всматриваться в десятки и сотни людей, с большей или меньшей теснотой составлявших круг его общения — от прислуги до ищущих признания неофитов, от чиновников до бедных родственников. Для большинства из них бывшее знакомство с нашим фондообразователем (иногда мимолетное, а порой многолетнее) — единственный, говоря ненаучно, шанс на бессмертие, что заставляет отнестись к представлению их со всей подобающей моменту обстоятельностью. Поясним сказанное примером: ниже даны краткие биографические справки о некоторых подобного рода лицах. И одной морде.

1.

Тревожный август 1915 г. Гершензоны проводили порознь. Не рискуя по военным условиям ехать в привычную Прибалтику, Мария Борисовна с детьми отправилась в Отрадино (Балашовский уезд Саратовской губернии) — наследное имение Е.Н. Орловой. Сам Гершензон остался в Москве; письмами они обменивались почти ежедневно. 2 августа 1915 г., желая, среди прочего, потешить жену курьезом (она, вообще склонная гипертрофировать обиды, хотя бы мнимые, тяжело переносила жизнь в чужой богатой усадьбе на неясных правах), он рассказывал: «<...> пришло из Тамбова письмо от какого-то господина, который пишет биографию Чехова и просит сообщить ему вкратце, как вообще надо писать биографию, и прилагает марку на ответ»¹.

Простейшим путем к установлению личности корреспондента была бы краткая ревизия тамбовского чеховедения, но увы — ни одной подобной книги там в обозримом прошлом выпущено не было. К счастью, фонд Гершензона описывался по высоким источниковедческим стандартам, так что беглый просмотр описи позволил без труда выявить тамбовского корреспондента. Имя его — Константин Семенович Павлов — ничего мне не говорило, но первым в архивной папке лежало то самое письмо:

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Занимаясь с 1912 года изучением жизни и личности Чехова с целью дать в будущем русской публике его биографию — полную, подробную и по возможности исчерпывающую, я позволяю себе обратиться к Вам за некоторыми советами и существенными разъяс-

¹ РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 29. Л. 20.

нениями. Я Вам буду крайне признателен, если Вы мне ответите на следующие вопросы:

1. Какими наиболее подходящими методологическими приемами я должен пользоваться, работая над биографией такого писателя, как Чехов (другими словами, какова должна быть техника писания биографии)?

2. Следует ли вводить в биографию элемент критики, или же нет, так как он может являться авторским произволом?

3. Должен ли быть дан обзор или свод существующей критической литературы о писателе?

4. Уместно ли делать философское, так сказать, обобщение (хотел сказать «осмысливание») той или другой эпохи в жизни писателя?

5. Если нет, то является ли тогда биография как особый творческий род только простою протоколизацией фактов, расположенных в известной хронологической системе?

Еще раз, многоуважаемый Михаил Осипович, буду Вам глубоко благодарен, если удовлетворите моей просьбе².

Гершензон был в обыденной жизни безукоризненно вежлив, так что можно не сомневаться, что ответ был написан и отправлен, — но, судя по всему, в нем был взят несколько саркастический тон: во всяком случае, адресат счел себя обязанным обидеться. Следующее его письмо было написано несколько месяцев спустя и всё сплошь состояло из критики выпущенного Гершензоном сборника «Русские пропилеи»³, причем манера замечаний была почти оскорбительной: «Нужно сказать, что последнее Ваше замечание не делает чести Вашей опытности как библиографа», «Примечание LVII (с. 340) поражает слабостью догадки <...>», «В заключение позвольте обратить еще раз <...> Ваше внимание на грубейшую ошибку, допущенную Вами <...>»⁴ etc.

Неожиданная пылкость Константина Семеновича (вероятно, немало смутившая корреспондента) нашла свое объяснение лишь полгода спустя: он присутствовал на лекции Гершензона «Мудрость Пушкина», прочитанной 16 января 1917 г. в Малом зале Московской Консерватории. Для Гершензона это был первый опыт публичного выступления, так что с ним вместе отправилась внушительная группа поддержки: Шестов, Андрей Белый, С. Булгаков, Г. Шпет, Е. Орлова и другие; после лекции, прошедшей с исключительным

² Письмо от 29 июля 1915 г. (год — по содержанию) // РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 1–3.

³ Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. Т. III. М., 1916.

⁴ Недатированное письмо // РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 4–4 об., 5, 5 об.

успехом, они же собрались поздравлять оратора, но между ними подошел представиться и наш герой, оказавшийся семнадцатилетним гимназистом выпускного класса. В октябре того же 1917 г. он напоминал о себе:

16 января сего года Вами была прочитана в Москве, в зале Консерватории лекция «Мудрость Пушкина»; по окончании лекции я имел удовольствие лично познакомиться с Вами и Вы между прочим обещали выслать мне по адресу, который я Вам оставил, оттиск Вашей лекции. Принимая во внимание последовавшие события в нашей государственной и общественной жизни и то обстоятельство, что Вы могли вполне естественно забыть о Вашем обещании, позволяю себе обратиться к Вам уже письменно с вышеизложенной просьбой. Мой адрес: Тамбов, Щепная площадь, 10, Константину Семеновичу Павлову⁵.

Оттиск Гершензон ему отправил, за что Павлов его благодарил и отвечал встречным подарком — номером «литературно-художественного ученического журнала» «Союз молодежи» (вряд ли сознательно соименного альманаху столичных футуристов)⁶. А меньше чем год спустя из Москвы в Тамбов отправилась ответная просьба. Ко второй половине 1918 г. бытовые условия жизни Гершензонов сделались невозможными: не служа в советских учреждениях и, следовательно, не имея пайка, сбережений и опыта житейской увертливости, М.О. оказался перед лицом действительного голода. В это время он пишет несколько отчаянных писем осевшим в провинции друзьям и знакомым⁷ — и одно из них, почти наудачу, отправляет в Тамбов. 16 ноября Павлов отвечает ему:

⁵ Письмо от 30 октября 1917 г. // Там же. Л. 6–6 об.

⁶ Журнал этот, состоящий дезидератой обеих главных библиотек, был единожды зафиксирован библиографией, причем в статусе предположительно существовавшего (Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917–1922 / Сост. К.Д. Муратова. Под ред. С.Д. Балухатого. Л., 1933. С. 242; Муратова ссылается на публикацию в журнале «Грядущая культура» (1918. № 2) и сообщает, что всего вышло пять номеров). Как минимум один экземпляр одного номера уцелел до наших дней, см. ссылку на его содержание в работе: *Слезин А.А.* К характеристике политических настроений молодежи весной 1917 года // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов, 1996. С. 65. В тамбовской библиотеке, чьи фонды по нашей просьбе обследовала Д.И. Болдырева, экземпляров также не обнаружено.

⁷ Вот взятое наугад: «У меня к Вам просьба большая. Мы буквально голодаем с детьми, в точном смысле этого слова. Уж и не в деньгах дело — просто ничего нет — ни хлеба, ни картофеля, ничего другого. Ежели можно, достаньте чего-нибудь и пришлите мне посылку по почте или с оказией: соленого масла, любой крупы — всего лучше гречневой, но и любой другой, — картофельной муки; и всего другого, что достанете, что бы ни стоило денег. Деньги, конечно, точас верну Вам по почте. Ежели есть — консервы мясные или рыбные, табак выше-средний. Вы понимаете, что без величайшей крайности я не писал бы Вам с такой просьбою. Очень прошу Вас, сделайте, что можете, и выручите» (пись-

Как ни понимал я Ваше положение, как ни сильно было мое желание сделать Вам то, о чем Вы пишете в Вашем письме, я вынужден к сожалению написать Вам следующее.

Какие бы то ни было продовольственные почтовые посылки — особенно же с необходимейшими продуктами, мукою, крупой и т.д. — абсолютно не допускаются к принятию. Получить же частное и исключительное разрешение в этом смысле ни в нашем городском, ни в нашем губернском продовольственном отделах мне не удалось⁸.

В этом же письме он делится лаконичными сведениями о себе: закончил гимназию, учится в Тамбовском университете («это нечто “популярное” и меня мало удовлетворяющее»⁹), занимается науками — и работает в Тамбовских Известиях городского совета. Возможно, последнее обстоятельство, свидетельствующее о некоторой, хотя бы иллюзорной, близости к центру местной власти, позволило ему обойти суровые законы, ограничивающие экспорт продовольствия, — и уже десять дней спустя в Москву отправилась спасательная (а то и спасительная) посылка:

Пользуюсь случаем и посылаю Вам малую толику ржи в зерне — сливочного масла найти не удалось; простите, что может быть мало, но боюсь, доедет ли и эта посылка до Вас — даже личный провоз продуктов сопряжен с трудностями¹⁰.

Последующие сведения о Павлове отрывочны. Гершензону он пишет еще несколько раз в 1921 г., рекомендуя С.М. Моносова (в будущем известного историка), восхищаясь многообразием дарований корреспондента, напечатавшего в Париже книгу «Талмуд и Будда» (что представляет собой чистый фантом), и намереваясь подробнее изучить эпистолярный его диалог с Вяч. Ивановым: «О Переписке из двух углов думаю сделать небольшой реферат в нашем Тамбовском кружке писателей. Ваш тезис о тягости формальной культуры, о духоте и грузе умозрений, гипотез, нравственных законов etc, Вы — кажется — настойчиво провидите с 1916 года»¹¹. Вероятно, в конце 1920-х годов он перебрался из Тамбова в Среднюю Азию: выявлены

мо к В.Е. Чешихину-Ветринскому от 7 ноября 1918 г. // РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 12–12 об.).

⁸ РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 10.

⁹ РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 11 об.

¹⁰ Письмо от 28 ноября 1918 г. // Там же. Л. 12.

¹¹ Письмо от 19 октября 1921 г. // Там же. Л. 15 об.

несколько его публикаций в казахских журналах на экономические темы¹². 16 июля 1937 г. он был арестован в Алма-Ате, 3 октября того же года приговорен к высшей мере наказания и вскоре после этого расстрелян¹³.

2.

В кругу московского общения Гершензона 1890-х гг. одно из главных мест принадлежит семейству Щепкиных. Глава семьи, Митрофан Павлович — педагог и экономист, профессор Петровской академии, теоретик, практик и энтузиаст общественного управления, гласный Московской думы, просветитель и переводчик. Либеральные воззрения приятно сочетались в нем с практической сметкой (он много лет служил директором Купеческого банка) и классическим московским хлебосольством; Гершензону он благоволил и старался (в меру ершистости реципиента) благодетельствовать. У Щепкина было двое сыновей — Митрофан Митрофанович и Дмитрий Митрофанович; оба изучали практические аспекты земледельчества. В 1902 г. Щепкины подарили Гершензону собаку — щенка черного шотландского сеттера. Презент этот носил до известной степени формальный характер: М.О. снимал в Москве комнату от жильцов, так что животное до времени оставалось в щепкинской деревне (Большое Алексеевское Коломенского уезда Московской губернии). Ситуация переменилась осенью того же года, когда Гершензон по приглашению О.Б. Гольдовского и Р.М. Хин (оба заслуживают подробного рассказа) поселяется в их имении Катино недалеко от Лихославля Тверской губернии. Среди доводов, которые убеждают его на несколько месяцев удалиться в совершенную глушь, есть и такой: «Между прочим, я перевезу туда ту прелестную собаку, которую подарили мне Щепк<ины> и которая теперь у них в деревне»¹⁴. Из-за череды возникших препон прибытие собаки отложилось, и она оказалась в Катино только в начале февраля, когда Гершензон, побывав в Москве, захватил ее с собою. Не исключено, что отсрочка была отчасти связана и с матерью Гершензона, жившей с ним в деревне:

¹² Павлов К. Казахстан на путях самосознания // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 7/8. С. 52–77; Поднек А., Павлов К. Казахстан в системе народного хозяйства СССР. Алма-Ата, 1930; Павлов К., Сарымұлдаев К. Новая пятилетка промышленности Казахстана // Пути индустриализации. 1930. № 7/8. С. 90–109; Павлов К.С. Очередные задачи народного хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5/6. С. 5–17 и др.

¹³ По данным картотеки «Мемориала».

¹⁴ Письмо Гершензона к брату от 23 сентября 1902 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 17.

обладая властным и неуживчивым нравом, она могла быть предубеждена против появления в доме животного. Но эти опасения если и имели место, то были развеяны:

Вчера мы переселились обратно в большой флигель; я устроился в двух небольших комнатах чрезвычайно уютно, да тут и тепло; а мамаша в большой комнате (таково расположение), где свежо, и где она спит на диване — он широчайший, хотя я и не вижу никаких препятствий вставить сюда же ее кровать, но так как это и наша столовая, то мамаша не хочет. В общем, все-таки квартира очень удобна для нас обоих, только кухня много хуже той; я совершенно отделен от хозяйства. Много воздуха и, когда есть солнце, оно весь день в окнах. У ног моих собака, большая, черно-глянцевитая с коричневыми пятнами, с большими мягкими ушами, такая красавица, такая ласковая и чистая, что и мамаша совсем влюблена в нее; по породе сеттер-гордон¹⁵.

Первые дни совместной жизни были посвящены попыткам дрессировки, быстро, впрочем, сошедшим на нет по мягкосердечию собаководы: «Что у меня за собака — прелесть! Вчера я больно бил ее для науки, и вот сегодня она в столовой боится меня (там я ее учил), а у меня в комнате — нет, и по-прежнему всё лезет целоваться в губы. Больше не буду бить: ужасно жалко было смотреть, как она потом была печальна»¹⁶. В письмах к брату и невестке регулярно повторяются однообразные новости деревенской жизни со стабильным рефреном: «Собака — мое главное развлечение; она со мной неразлучна»¹⁷. В апреле собаке (которую называли Зорькой) сопутствовал и светский успех: Гершензон ездил в соседнее имение, где вместо обычных для себя мизантропических тягот вдруг сделался, благодаря четвероногой спутнице, героем дня: «Зорька всех привела в восторг своей красотой; барышни наперебой поили ее молоком, кормили куличом и пр.»¹⁸. В мае он забрал ее с собой в Москву.

¹⁵ Письмо Гершензона к брату от 13 февраля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 23.

¹⁶ Недатированное (середина февраля 1903 г.) письмо Гершензона к брату // Там же. Л. 28.

¹⁷ Недатированное (конец февраля 1903 г.) письмо Гершензона к брату // Там же. Л. 36 об.

¹⁸ Письмо Гершензона к родным от 12 апреля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 19. Л. 14.

М.О. Гершензон и Зорька. 1900-е. РГБ

На лето Гершензон обычно уезжал к родным в Одессу, оставляя свое небогатое имущество (состоящее по большей части из ящиков с книгами на пяти языках) кому-нибудь из знакомых, а осенью искал себе новую комнату. В 1903 г., отправляясь на юг, собаку он отдал Щепкиным, но по возвращении, подыскивая себе жилье, брал в расчет, что она будет жить с ним. Таким образом, первые из меблированных комнат, в которые он вселился в октябре, ему не подошли, и в конце месяца пришлось переезжать, — но по новому адресу (меблированные комнаты Е.В. Азанчевского, Большая Кисловка) к собакам относились лояльно:

Я не писал вам, что Зорька уже у меня — кажется, со вторника; возни с ней порядочно — раза три в день водить гулять, и пр.; ей дают здесь из кухни суп и кости два раза в день, за что буду платить 1 р. в месяц¹⁹.

¹⁹ Письмо Гершензона к родным от 1 ноября 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. хр. 18. Л. 25.

Впрочем, вскоре пришлось переезжать и оттуда, но уже по сторонним причинам:

Так как оказалось, что той комнаты, которую я именно нанял у Азанчевского, я не получу — жилец не съезжает и не съедет, то пришлось искать, потому что та, в которой я пока жил, была и уютна, и холодна. Комната на этот раз нашлась легко — в том самом доме, где раньше жила Орлова, в другой квартире. Комната небольшая, но уютная, плачу 18 руб. и 12 за обед; люди, кажется, славные (муж, жена, две девочки-гимназистки и мальчик), комната отдельная, так что тихо. Сегодня переехал и уже обедал (в 3 часа) — очень недурно. Тепло и сухо, на солнечную сторону. Против Зорьки ничего не имеют²⁰.

Вскоре хозяйская толерантность сменилась благосклонностью: «Зорька у хозяев в фаворе, ей здесь хорошо — сытно и не скучно»²¹.

Гершензон, охотно и много передвигавшийся по Москве пешком, взял привычку брать собаку с собой по всем своим городским маршрутам — к переплетчику, в библиотеку за книгами, в типографию и т.д.; в одном из писем к родным он описывает их обыденную жизнь:

Зорька благоденствует и ведет себя благонаравно, за что я ее кормлю сахаром. Спит часов 20 в сутки, а когда не спит и не ест, то лежит навзничь, вытянув вверх одну лапу палкою, и имеет глупый вид; а когда беру ее с собою в город, то сначала безумствует от восторга, а потом чинно плетется за мною. На улице беспрестанно обращает на себя внимание своей красотою²².

Однажды он упоминал покупку цепочки (игравшей роль поводка), но по большей части, кажется, собака просто шла с ним рядом, что однажды чуть не закончилось плачевно: «Вчера пропала было Зорька, но через полчаса прибежала домой; усталая, испуганная (потеряла меня на улице); я очень волновался»²³.

Когда весной 1904 г. Гершензон и М.Б. Гольденвейзер отправляются в поездку, заменившую им свадебное путешествие, Зорька остается в Москве, но ненадолго: ее собирается привезти к ним в Гун-

²⁰ Письмо Гершензона к родным от 15 ноября 1903 г. // Там же. Л. 33.

²¹ Письмо Гершензона к родным от 19 ноября 1903 г. // Там же. Л. 36.

²² Письмо Гершензона к родным от 15 января 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 21. Л. 4 об.

²³ Письмо Гершензона к родным от 16 декабря 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 18. Л. 49.

генбург Е. Орлова. Не стесненная в средствах, путешествующая со штатом помощников и перевозящая целую группу воспитанников на летние вакации, она готова была захватить в своем примечательном багаже еще и собаку, к которой, тем более, была равнодушна²⁴. Логистически это была не слишком простая задача: так, в поездах «Международного общества спальных вагонов» перевозка собак не только обходилась в 20 % стоимости от человеческого билета, но и требовала дополнительных ухищрений, среди которых — согласие всех соседей по купе, наличие специальной корзины, ограничение по весу и письменное разрешение дежурного контролера²⁵.

В первые месяцы по возвращении Гершензоны поселились в подмосковном Подольске, что для обоих означало утрату привычного круга общения: «Да и вообще, у нас близких людей здесь — одна собака, Зорька. Нет, близка Орлова, это правда, а больше никто»²⁶. Со временем она почти перестает упоминаться в письмах — за исключением тех, что Гершензон адресует своему юному племяннику:

Зорька здравствует, и как настала весна, всё спит и почти ничего не ест. Сегодня Орлова берет ее с собою в Клин — развлечься (это 2 ½ ч. по жел. дор. и там 3 версты). Спит теперь Зорька ночью из-за жары не на подушке, а на голом полу (это я пишу не вам, а Сашке), спит в столовой, но ночью приходит ко мне, стуча когтями по полу, и со вздохом укладывается под моим столом, и я слышу, как она перед этим минуты две кружится вокруг самой себя, пока ляжет. Спит она тихо, мне не мешает; но утром только я задвигаюсь, она тут как тут, сует морду мне в самое лицо, пока прогоню. А как начну одеваться, она сидит против меня на задних лапах и терпеливо ждет своей очереди, чтобы я ее приласкал; но я, полу-одевшись, иду в детскую посмотреть, как они себя ведут, — и Зорька стоит в дверях детской (она знает, что ей туда строго воспрещен вход) и иногда тихонько повизгивает. Наконец, я выйду, приласкаю ее, поиграю минуту, и она успокаивается, и потом уже весь день не обращает на меня никакого внимания; днем она влюблена в кухарку, Мару-

²⁴ Это обстоятельство вошло в семейные предания: «Когда мой папа женился, у него была собака сеттер-гордон Зорька. Лили с ней постоянно возилась. Папа сердился, когда она начинала целовать Зорьку, говорил о том, что от собак можно заразиться эхинококком. Лили продолжала свое и, лаская Зорьку, только приговаривала: “Эхинококк ты этакий!”» (*Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона)*. М., 2000. С. 90).

²⁵ Правила для начальников поездов или бригад и для ресевиров. СПб., 1911. С. 156–157.

²⁶ Письмо Гершензона к брату от 16 ноября 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. кр. 23. Л. 18.

сю и Елиз. Ник. Почему у нее образовалась эта привычка утренней молитвы — неизвестно²⁷.

Последние сведения о ней относятся к весне 1907 г.: вероятно, она убежала из дома 24 или 25 апреля. 2 мая Гершензон уехал в Санкт-Петербург, днем позже М.Б. сообщала ему: «В середине <sic> еще происшествие: утром получила открытку, — приглашают явиться смотреть собаку на Воронцово поле. Я не знала, где это. Отыскала на плане и отправила на конке Дашу. Она проездила очень долго, а нашла там пестрого водолаза вместо Зорьки. Напрасно ты не написал в объявлении, что она черная»²⁸. Розыски продолжались больше месяца — еще 14 июня Гершензон писал Орловой: «Был вчера поблизости Моск<овского> Л<истка>, не утерпел, сдал опять объявление о Зорьке, подробное и с посулом 10 руб.»²⁹.

Больше в переписке собака не упоминается; вероятно, она так и не нашлась. С тех пор Гершензоны себе домашних животных не заводили — только щегла, о котором будет отдельный рассказ.

3.

Жизненные стандарты образованного класса начала XX г. были бесконечно далеки от сегодняшних: когда Гершензон с молодой женой подыскивали себе первую совместную квартиру, рассматривались варианты, насчитывающие не менее четырех комнат — кабинет для главы семьи, спальня, гостиная и комната для прислуги. Наличие последней было совершенной константой: все бытовые потребности, от уборки и стирки до приготовления обеда, безусловно были делегированы обслуживающему персоналу. Следование этому канону наталкивалось и на материальные затруднения (Гершензон никогда не служил, не имел ренты и вынужден был обеспечивать собственную мать, а в ранние годы и других родственников), и на психологические: разночинцы по происхождению и по духу, Гершензоны с трудом могли найти нужный тон в обращении с прислугой, что много лет служило причиной несильных, но постоянных огорчений. В 1910 г., гостя в Одессе в семье брата, М.О. с плохо скрываемой завистью пишет об особенном даре его жены: «<...>

²⁷ Письмо Гершензона к родным от 16 апреля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 20. Ед. хр. 4. Л. 8 об.

²⁸ Письмо от 3–4 мая 1907 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 24. Ед. хр. 26. Л. 37–38 об. Объявление печаталось в газете «Московский листок» и звучало так: «ПРОПАЛА собака, сеттер-гордон. Доставивший получит вознаграждение. Остоженка, Штатный пер., д. Краморева, кв. 11» (Московский листок. 1907. № 95, 26 апр. С. 3).

²⁹ РГБ. Ф. 746. Карг. 26. Ед. хр. 31. Л. 36.

у Беллы есть решительный талант обращаться с прислугой — какая-то легкая простота и ясность, без прощухи и пожалуиста; делают всё охотно и бодро, и полдюжины бывших прислуг остались друзьями, Беллою же поставлены к знакомым на места и пр.»³⁰. За двадцать лет семейной жизни у Гершензонов перебивало в качестве кухарок, прачек, нянь и помощниц по хозяйству полтора десятка лиц; о большинстве из них мы в лучшем случае знаем имя и несколько подробностей: кто-то запомнился их дочери (мемуаристке с цепкой памятью и ясным умом), иные заслужили несколько строк в семейной переписке, — но большая их часть прошла практически бесследно, поневоле утратив свой единственный шанс сделаться героем именного указателя (бумажного эквивалента Ноева ковчега). Среди немногих счастливых исключений — Прасковья Катасонова, кормилица старшего сына Гершензонов Сережи, будущего украинского генетика.

Необходимость в кормилице сделалась очевидной через несколько дней после его рождения; 2 февраля Гершензон писал матери и брату:

Всё ждал, чтобы выяснилось: есть у Маруси молоко, или нету. Сегодня пятые сутки со времени родов, а молока мало; к ночи набирается, а днем ребенок голоден; да к тому же он большой, так что ему много надо. Будь Маруся менее напугана, отлично бы она могла его кормить и прикармливать Гиппиусом; а так боюсь и хочу непременно взять кормилицу, чего и она сама хочет³¹.

Под Гиппиусом подразумевается здесь аппарат для пастеризации молока в домашних условиях, изобретенный одноименным доктором: благодаря брату, детскому врачу, энтузиасту современных гигиенических стандартов, молодой отец был прекрасно осведомлен о технических новинках в этой области. Понятная нервозность роженицы усугублялась свежестью горестных воспоминаний: меньше чем за год до этого Гершензоны потеряли своего первенца Шушку, скоростижно скончавшегося от туберкулезного менингита. Несколько дней спустя, после выписки матери и ребенка из лечебницы, Гершензоны отправились за кормилицей: «Конечно, всё будет сделано, как принято, — с врачебным осмотром, с исследованием молока и т.д.»³².

³⁰ Письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гершензон от 28–29 мая 1910 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 19. Л. 20.

³¹ Письмо от 2 февраля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 15.

³² Приписка Гершензона к письму М.Б. Гершензон к родным мужа от 17 февраля 1906 г. // Там же. Л. 26 об.

Эта сторона российского быта принадлежит к числу мало и плохо описанных, между тем некоторые архаические ее черты обладают особенной трагической выразительностью. Кормилицами становились, как правило, матери незаконнорожденных детей, поневоле вынужденные с ними разлучиться: ребенок отправлялся на искусственное вскармливание в воспитательный дом, а сами они — в специально организованные «Приюты кормилиц и грудных детей», где их ангажировали нуждающиеся в прикорме семьи³³. Писатель Н. Лейкин, сделавшийся однажды свидетелем этой процедуры, писал Чехову:

Ах и посмотрелся же я, как в приюте для кормилиц выбирают кормилиц! Чисто рынок невольниц <...> Приезжающие с бабками и с докторами родители рассматривают кормилиц, как коров или лошадей. Смотрят в зубы, нажимают груди, выбирают тех, кто постатнее, бедра щупают³⁴.

Корреспондент отвечал ему с привычной рассудительностью:

Вы возмущаетесь осмотром кормилиц... <...> Если Вы побойтесь оскорбить щупаньем кормилицу и возьмете ее не щупая, то она угостит Вас таким товарцем, который бледнеет перед гнилыми апельсинами, трихинными окороками и ядовитыми колбасами³⁵.

Сопоставимо описывает сцену выбора В.Ф. Джунковский, будущий московский губернатор:

Узнав, что кормилицу можно нанять на Надеждинской, где имелся приют, я поехал туда. Оказалось, там 8 кормилиц на выбор. Мне их всех показали, выстроили, предложили мне выбрать. Я совсем смутился, мне стали говорить о молочности, предложили осмотреть их более внимательно. Но я отказался от таких подробностей и попросил заведующую назначить мне ту, которая, по ее мнению, здоровее других. Кормилица оказалась очень хорошей, молочной, мой выбор — удачным³⁶.

³³ Лучше прочего описаны судьба и быт кормилиц, нанмававшихся к младенцам императорской крови (см.: *Зимин И.* Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. М.; СПб., 2016. С. 250–260).

³⁴ Цит. по: *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. М., 1974. С. 374 (коммент. Л.М. Фриджеса).

³⁵ Письмо Чехова Н.А. Лейкину от 27 июня 1884 г. // Там же. С. 117.

³⁶ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1865–1904). М., 2016. С. 204.

Мы не знаем в точности, каким из способов выбора кормилицы воспользовались Гершензоны, но к концу второй декады февраля она была найдена:

Дорогие мои, третьего дня мы взяли кормилицу. Как я ни старалась есть и пить больше, молоко у меня не прибавилось, и пришлось, как это ни тяжело, взять женщину. Не знаю, как будем дальше, но пока она кажется вполне подходящей: молодая, симпатичная, чистая и, как говорит доктор, здоровая и с хорошим молоком. Она деревенская, без городских привычек прислуги, ловкая и к ребенку ласковая³⁷.

Из следующих писем выясняются некоторые подробности, в частности, стало известно, что она замужем, муж ее в солдатах, ребенок — незаконнорожденный. Судьба последнего поневоле заботила совестливых Гершензонов, но, увидев его, они отчасти избавились от опасений — несмотря на искусственное вскармливание выглядел он лучше своего молочного брата: «Ребенок у кормилицы незаконный; первые дни было мученье, а потом, когда его принесли и мы увидели, что он вдвое больше и здоровее нашего (хотя и гораздо моложе) и отлично чувствует себя на рожке, легче стало; он теперь в деревне»³⁸. В последующие месяцы сведения о Паше (как ее звали в семье) регулярно появляются на периферии гершензоновской переписки — вплоть до осени, когда вокруг нее возникает предчувствие волнений. Дело в том, что ее мужу-солдату был обещан отпуск, что несло в себе потенциальную тревогу сразу по нескольким пунктам. Объясняя собственной матери, почему ее (во всем прочем долгожданный) приезд придется отложить, Гершензон подробно излагал могущие возникнуть затруднения:

Вчера кормилица получила письмо от своего мужа (он солдатом в Варшаве), что он приедет в отпуск, может быть, 15 сентября. 15 сент. — первая очередь отпусков, и он думает, что его отпустят в первую очередь в виду опасной службы, которую он несет уже год. Он будет жить, конечно, у нас, в темной комнате. Вот главное препятствие. Мы знали, что он приедет, но не знали, когда именно. Отпуск дают, кажется, на месяц. Мы боимся его приезда: что, если он увезет жену в деревню или она тут же забеременеет. Вообще, это настоящее рабство, тем более, что мы не можем не дорожить ею: она здоровая, веселая и хороша к ребенку. И вот, я боюсь всего, что

³⁷ Приписка М. Б. Гершензон к письму Гершензона матери и брату от 20 февраля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 20. Ед. хр. 1. Л. 30 об.

³⁸ Письмо Гершензона к родным от 26 февраля 1906 г. // Там же. Л. 33 об.

может испортить в этом большом пункте. Например, теперь она спит в детской, а с Вашим приездом в детской будет спать Маруся, значит кормилица перейдет в темную комнату (детская — крошечная, там нет места для второй кровати) — но как допустить ее спать в одной комнате с мужем? Совестно об этом говорить, но ведь это важно, и в этой области уже много было огорчений и тревог по поводу дворников и пр. Не говорю уже о ее капризах и обидчивости. А те препятствия, о которых Вы пишете, — пустяки. Прислуга о нас, конечно, всё знает — хотя бы от дворника, который прописывал наши паспорта. <...> Я написал Вам только в общем, а подробности, повторяю, многочисленны. Она знает, что я еврей, но в доме это не видно; а если муж, приехав, увидит, как Вы готовите отдельно, и т.п., кто знает, как он отнесется к тому, что она служит у «жидов»? Он теперь этого не знает: письма от нее пишет Маруся, он знает только № квартиры. И т.д., двадцать вещей³⁹.

Этот свод опасений представляется чрезвычайно любопытным не только для центрального нашего сюжета, но и для характеристики обычаев и нравов. Получается, что для пришедшего в отпуск солдата главным нравственным препятствием ожидается не то, что жена прижила без него ребенка, а то, что она находится в услужении у евреев, причем состоящих в гражданском браке (по причинам конфессионального характера М.О. и М.Б. узаконили свои отношения только в 1914 г.). Сопоставимо неожиданным, впрочем, выглядит и забота нанимателя о том, чтобы не допустить уединения кормилицы с законным мужем. Однако пока эти приготовления не понадобились, поскольку приезд солдата отложился на неопределенный срок:

Ее муж пока не приехал и вовсе замолчал. Он просил ее прислать ему немного денег на дорогу, но она называет его «постылым» и не только денег не послала, но и не отвечала ему на последнее письмо. Теперь неизвестно: либо он на этих днях приедет, если отпущен в первой очереди, либо сердится на нее. А она тут влюбилась в одного денщика во дворе, потом денщик, кончивший службу, уехал и она скучала, и пр. — и всё это за какие-нибудь три недели. У нее в деревне двухлетний мальчик, мы ей предлагаем выписать его сюда, но муж написал, что, когда приедет, сам решит это, а она не хочет взять мальчика сюда, потому что она думает только о веселой жизни, а он ее свяжет. Словом, сложно и весьма нелепо⁴⁰.

³⁹ Письмо Гершензона матери от 5 сентября 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 2. Л. 37–37 об.

⁴⁰ Письмо Гершензона родным от 16 сентября 1906 г. // Там же. Л. 47–47 об.

В результате он не приехал вовсе, а вскоре после этого иссякла и нужда в кормилице, поскольку тем временем подросший ребенок полностью перешел на обычную пищу. В начале 1907 г. Паша, остававшаяся у Гершензонов на правах обычной прислуги, уехала к себе в деревню, обещая вскоре вернуться. Оттуда она написала письмо, спрашивая разрешения приехать с ребенком, но в этом ей было отказано («Паша спрашивает, возьмем ли мы ее с мальчиком, Маруся ответила ей, что нет — тесно»⁴¹); вскоре на смену ей поступила другая няня, семнадцатилетняя девушка. В ноябре того же года Паша ненадолго вернулась — и тут произошла давно ожидавшаяся ее встреча с демобилизованным мужем:

<...> я уже не застал здесь Паши, бывшей нашей кормилицы: ее муж приехал, кончив военную службу, и увез ее в деревню. Он нашел ее беременною, и Маруся рассказывает много интересного об их встрече. Благородство и нежность мужа удивительны; вообще Маруся говорит, что это необыкновенный человек. А Паша — настоящая Кармен: держала себя смело и свободно, и уехали они дружные⁴².

История на этом не заканчивается.

В начале 1909 г. Гершензон должен был съездить на один день в усадьбу В.Г. Черткова — друга, издателя и последователя Толстого. В это время М.О. готовил к публикации книгу писем А. Эртеля, куда среди прочего была включена и его переписка с Чертковым; последний хотел самостоятельно процenzуровать ее, чтобы исключить места, неудобные в печати. Вернувшись, Гершензон писал родным:

У Черткова я пробыл 1 ½ дня. Было очень интересно. Чертков очень богат; выстроил он в 2 верстах от Ясной Поляны дом в 32 комнаты и живет единственно для толстовской пропаганды. Более мягкого, сердечного человека я не видел, и все там мягкие, сердечные люди. Дом полон всяких людей, толстовцев; никто не курит, едят вегетарианское, говорят друг другу «ты», едят все (и прислуга, и кучера и пр.) вместе, на клеенке, без салфеток, деревянными ложками⁴³.

Впечатление от коммуны Черткова (основу благосостояния которой, впрочем, составляли наследный капитал и обширные латифундии основоположника) было настолько значительным, что именно

⁴¹ Письмо Гершензона родным от 21 февраля 1907 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 5. Л. 29.

⁴² Письмо Гершензона родным от 25 декабря 1907 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 7. Л. 40–40 об.

⁴³ Письмо Гершензона к родным от 8 января 1909 г. // *Гершензон М.О. Письма к брату. Избранные места / Вступ. статья и примеч. М.А. Цявловского. М., 1927. С. 171.*

к нему Гершензон решил обратиться два месяца спустя по почти личному вопросу:

У меня есть к Вам просьба, Владимир Григорьевич. Три года назад служила у нас молодая женщина, крестьянка Тульской губ. Она прожила у нас больше года, пока муж вернулся из военной службы и взял ее; ни до нас, ни после нас она нигде не служила и вообще не жила в городе. На днях мы получили от нее письмо, что у нее сразу один за другим умерли и муж, и ребенок; она просит, нельзя ли найти ей службу. Было бы очень жаль, если бы она попала в Москву, и потому я подумал: не нужна ли Вам или в Ясной Поляне служанка. Ей и ближе к Вам — она живет неподалеку от Вашего уезда. Она умная, расторопная и чудесного характера — всегда бодрая, ясная, добрая; ей, я думаю, лет 25. Если бы оказалось возможным устроить ее, дайте мне знать, — я ее извещу. Это было бы истинно благое дело. Она молода, красива, детски-доверчива — и вдова: долго ли в Москве погибнуть?⁴⁴

Гигантская корреспонденция дома Чертковых была налажена так же основательно, как и всё в этом доме: письма диктовались секретарю (или секретарям), которые почему-то, вопреки обычаю, писали о работодателе в третьем лице: ответ на процитированное выше послание заканчивается так:

Для той женщины, о которой Вы говорите в конце своего письма, он <т.е. Чертков>, к своему сожалению, сделать ничего не может, так как не только не имеет для нее лишнего дела, но имеет теперь у себя лишних людей. То же самое, насколько ему известно, у Толстых⁴⁵.

Впрочем, далее следовало:

Анна Константиновна решила сделать всё возможное для указанной Вами женщины. Сейчас у ней нет никого на примете, которому была бы нужна прислуга, но она поговорит по поводу ее с некоторыми своими знакомыми. Сообщите, пожалуйста, имя, фамилию и адрес той женщины, для какой деятельности она пригодна, что умеет делать и каким жалованием удовлетворится⁴⁶.

На следующий день свое письмо диктовала и упомянутая Анна Константиновна, жена Черткова:

⁴⁴ Письмо Гершензона к В.Г. Черткову от 8 марта 1909 г. // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 799. Л. 3–3 об. Письмо самой Паши, на которое ссылается Гершензон, нам неизвестно.

⁴⁵ Письмо В.Г. Черткова к Гершензону от 14 марта 1909 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 43. Ед. хр. 31. Л. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 33 об.

Многоуважаемый.

Прошу Вас, напишите мне подробности об этой женщине, которую Вы рекомендуете, какую работу она у Вас исполняла и что вообще она умеет делать, а также ее имя и адрес.

Владимир Григорьевич после болезни в первый раз выехал, навестить Льва Николаевича, который всё еще не может ходить, но сам Вл. Г. далеко не поправился, да и трудно поправиться, когда вместо отдыха такая масса дел, забот и неприятностей, сопряженных с этим насильственным выездом. Предполагает он выехать 31-го марта, вероятно не останавливаясь нигде, прямо в Петерб., а мы пока остаемся на месте. Итак, буду ждать Вашего письма.

С искренним приветом

Анна Черткова

P.S. Шлю привет Марье Васильевне <sic> и девочкам⁴⁷.

Заметим, как много можно сказать о человеке по короткому письму: оно не содержит обращения (хотя они были неплохо знакомы и последний раз виделись два месяца назад), жену Гершензона звали Марией Борисовной, а не Васильевной, а под девочками, адресатами приветов, подразумевались сын и дочь Гершензонов. Впрочем, это не смутило адресата, отвечавшего:

Я очень благодарен Анне Константиновне за желание помочь той женщине. Почтовый адрес такой:

Ст. Теплое, Тульской губ., в село Покровское, в лавку Ив. Никол. Рыбникова для Прасковьи Катасоновой. Жалованьем она удовольствуется наверное минимальным, может делать всякую женскую работу, отлично убирает, готовить не умеет, работает скоро и весело и по природе изящна (что называется, интеллигентна), т.е. чутка и деликатна. <...>

P. S. Я сегодня напишу Катасоновой, на случай, если Анна Конст. обратится к ней, чтобы она была предупреждена⁴⁸.

Дальнейшая судьба Кармен-кормилицы нам неизвестна: в документах исполинского архива Чертковых она не значится, Гершензонам она не писала, в летописях Ясной Поляны ее тоже нет.

⁴⁷ Письмо А.К. Чертковой к Гершензону от 15 марта 1909 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 43. Ед. хр. 32. Л. 1.

⁴⁸ Письмо Гершензона к В.Г. Черткову от 17 марта 1909 г. // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 799. Л. 5.

4.

В обширной и хорошо сохранившейся переписке Гершензонов выделяется корпус недатированных (по преимуществу) записок, относящихся к 1900–1901 гг., когда жившие по соседству в Трубниковском переулке корреспонденты обменивались посланиями, не прибегая к услугам почты: обычно они передавались с прислугой или просто заносились по пути в отсутствие адресата. По лаконичному стилю они больше всего напоминают сегодняшние sms, что предопределяет значительные проблемы в датировке и комментировании. Одно из них, с несохранившейся, но устанавливаемой по контексту датой (2 февраля 1901 г.), заканчивается фразой: «Щелкните от меня Кси в ямочку на затылке»⁴⁹.

Как комментатор я люблю густонаселенные тексты, но изобилие подлежащих истолкованию лиц всегда подразумевает значительное количество безнадежных случаев, к которым на первый взгляд относится и этот. В самом деле, в других письмах этого корпуса таинственный Кси не упоминается ни разу, а по этой краткой кличке нельзя даже понять, о существовании какого биологического вида идет речь. Как обычно бывает в делах подобного рода, помог случай: делая свод стихотворений Гершензона, распыленных по материалам фонда, я включил туда среди прочего и следующий шуточный текст:

Утро. Чай. В саду так мило,
Воздух так прозрачен.
Михалаки пьет уныло,
Михалаки мрачен.

Полдень. Тучами покрыто
Небо. Ветер дует.
Коля хмурится сердито,
Коля негодует.

Вечер. Солнце закатилось,
Кси-пси резво скачет.
Тетя Зина оскорбилась,
Тетя Зина плачет⁵⁰.

⁴⁹ Письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гольденвейзер // РГБ. Ф. 746. Карг. 24. Ед. хр. 13. Л. 1.

⁵⁰ РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. хр. 5. Л. 2 об.

Отправляя его (вместе с еще одним стихотворением) матери и брату 3 августа 1900 г., Гершензон приписал небольшой автокомментарий:

А для второго стихотв<орения> надо вам знать, что Коля прозвал меня «Михалаки», и так всё время зовет. Сам он часто дуется, а тетя Зина — это одна из их теток, очень глупая, ужасно обидчивая и плаксивая. Написаны эти стихи на манер тех, которые ежедневно печатаются в Моск<овском> Листке. <...> Кси-пси — это прелестный 4-х летний мальчик (Коля), сын другой тетки. Это мы его так прозвали⁵¹.

Упомянутый первым Коля — это Николай Борисович Гольденвейзер, ближайший друг Гершензона, его товарищ по университету и брат его будущей жены. (Кстати сказать, данное им Гершензону прозвище «Михалаки» прижилось и использовалось в узком семейном кругу еще долгие годы.) Тетя Зина, столь нелестно охарактеризованная, — Зинаида Петровна Щекотихина, сестра матери Гольденвейзеров. Выразительный ее портрет содержится в воспоминаниях племянника, будущего знаменитого советского музыканта А.Б. Гольденвейзера:

Она окончила в Москве Александро-Мариинский институт. По окончании его, одно время жила у нас в Кишиневе. Но вскоре судьба ее забросила в маленький городок Орловской губернии — Ливны, где она и прожила всю жизнь учительницей приготовительного класса местной женской гимназии. Получала она всего 25 рублей в месяц и кое-как ухитрялась сводить концы с концами (кажется, она слегка подрабатывала грошовыми частными уроками). На все праздники и лето она постоянно приезжала к нам. У нас она и другие тетки жили, разумеется, на всем готовом, не неся никаких расходов. К чести тети Зины надо сказать, что, несмотря на ее крайне скудные средства, она никогда не попросила ни у моих родителей, ни позже у меня с братом ни копейки денег. Тетя Зина была некрасива и неуклюжа. Она была от природы чрезвычайно ограничена, но одарена фантазией — постоянно мечтала, бредила Египтом, хотя знания ее по истории Египта ограничивались, кажется, романом Эберса «Дочь египетского царя». Она верила в метемпсихозу и уверяла, что была в прежней жизни дочерью египетского фараона. Замужем тетя Зина никогда не была. В характере ее было много типичных нелепостей и чудачеств старой девы. Она была необычайно обидчива, но по природе очень добра. Мы все относились к ней с некоторой иронией, но любили ее⁵².

⁵¹ Там же. Л. 1 об., 2 об.

⁵² *Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М., 2009. С. 28–29.

Там же описана и вторая тетка — собственно, мать четырехлетнего Коли-Кси:

Младшая из сестер, Лидия Петровна, училась в женской классической гимназии Фишер в Москве, по окончании которой получила место учительницы в Орловской гимназии. В Орле она и прожила несколько лет вместе со своей матерью, Александрой Васильевной — моей бабушкой. Жили они там до самой смерти бабушки, после чего тетя Лидия переехала в Москву и служила в разных учреждениях. В молодые годы тетя Лидия заболела психическим расстройством и несколько месяцев лечилась в психиатрической клинике в Москве. У нее был впоследствии (уже в Москве) несчастный роман, в результате которого родился сын Коля, талантливый юноша, но очень беспутный. В качестве искусствоведа он работал в разных городах России. В годы гражданской войны и голода тетя Лидия с сыном попали в Харьков; оба заболели там сыпным тифом. Когда Коля выздоровел и вышел из больницы, матери он нигде не нашел — очевидно, она умерла в больнице⁵³.

Этот беспутный талантливый Коля несколько раз упоминается на страницах воспоминаний дочери Гершензонов, Натальи Михайловны — в частности, именно он подарил уже упомянутого выше щегла,

жившего в их доме в 1910-е гг.: «<...> щегла как-то принес нам в подарок изредка приходивший мамин кузен — гимназист Коля Щекотихин (когда он приходил, меня почему-то неизменно спрашивали, знаю ли я, кто это; я прекрасно знала, но молчала и, смущаясь, смотрела вниз)»⁵⁴. Между тем ни Гольденвейзер, ни Чегодаева-Гершензон не упоминают о его (наверняка им известной) дальнейшей — и весьма незаурядной — судьбе.

Н.Н. Щекотихин. 1930-е (?).

Частное собрание

Николай Николаевич Щекотихин (он приобретет известность под слегка измененной фамилией «Щекатихин»), сын инженера (действительно, рано оставившего семью), окончил с отличием

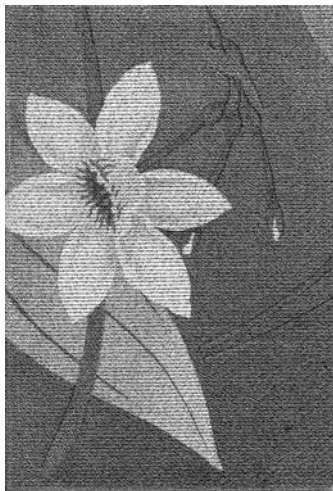
⁵³ Там же. С. 29.

⁵⁴ Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути. С. 38.

в 1914 г. московскую гимназию Флерова и сделался поэтом. Он входил в малоизвестный литературный кружок, оставшийся в летописях одним-единственным печатным сборником «Дворец мечтаний» и несколькими публичными выступлениями. Вышедший в 1915 г. альманах (персональный состав которого мы по умолчанию полагаем тождественным со списком участников кружка) составлен из стихов М. Свентицкой, В. Байкина, Н. Щекатихина, Е. Павловой, И. Руссена, С. Баркова, А. Загряжского и Л. Гринева. Часть из его вкладчиков впоследствии приобрела минимальную известность (хотя и не по поэтической линии), об иных по сей день сведений не обнаружено. Щекатихин поместил в нем шесть стихотворений, объединенных общим (небезосновательным) заглавием «Изысканное»: в практическом смысле они представляют запоздавший оммаж российскому декадентству:

Череп танцуют легкий танец
 На полянке, где гелиотроп.
 Я скажу: «Люблю я твой румянец»... —
 И тихонько поцелую в лоб.

И скажу еще: «Спокойной ночи...
 Посмотри, у лунного серпа
 Сон твой охраняют в полуночи
 Мелодичной пляской черепа⁵⁵.

Этими шестью стихотворениями исчерпывалось бы его известное раннее поэтическое наследие (прославился он, как вскоре окажется известно, в другой области), если бы не помог случай: на одном из московских аукционов в 2018 г. был выставлен рукописный сборник «Щекатихин Н. Браслет экстазов», атрибуция и приобретение которого позволили расширить корпус его стихотворений в несколько раз.

*Переплет рукописной книги
 Н.Н. Щекотихина «Браслет экстазов».
 Собрание А. Л. Соболева.*

⁵⁵ Дворец мечтаний. Кружок поэтов. М., 1915. С. 28.

Среди его товарищей по сборнику — Екатерина Васильевна Павлова (поместившая четыре стихотворения под собственным именем⁵⁶) и ее брат, актер Александринского театра, Николай Васильевич Павлов⁵⁷ (вероятно, именно ему принадлежит псевдоним «Принц Утомленный»⁵⁸). Они — дети харьковского инженера путей сообщения В.Н. Павлова и крымской помещицы А.Н. Брачер, в 1903 г. построивших дачу в Коктебеле недалеко от Волошина. Так география в очередной раз повлияла на поэзию: оба они (особенно Е.В.) входили в близкий волошинский круг — и, вероятно, воспользовавшись знакомством с ними, в 1916 г. в Коктебель прибыл и наш герой.

В местных преданиях и ученых штудиях довольно долгое время ему была суждена роль подпоручика Киж: дело в том, что этим годом датировано юмористическое величание Ходасевича одной из гостей волошинского дома, Юлии Оболенской:

В тебе соединились все качества, отличающие каждого из нас в отдельности. Талантливая, как Щекотихин; начитанная, как Вислоухов, изящная, как Марат-в-ванне, деятельная, как Юра Гусиная Лапа; проворная, как Пудель, задумчивая, как Зайцепес, отважная, как Капар; стройная, как Мария Павловна; красноречивая, как Бабушка Синопли; воспитанная, как г-жа Княжевич; обольстительная, как Джафар; кокетливая, как Елена Юрченко, — ты, тринадцатая, объединившая нас, — была, можно сказать, маленьким Мюром и Мерилизом Добродетелей⁵⁹ etc.

Сама Оболенская двадцать лет спустя сделала к этому тексту пояснения, в которых отказала Щекотихину (на тот момент вполне здравствующему) в онтологическом статусе:

⁵⁶ См. о ней: Павлова Е. Из киммерийской тетради. Стихи 1914–1920-х годов. Предисл. и публ. М. Ширмановой. Сост. Е. Калло // Крымский альбом. Сост., вступ. заметки к разделам и публикациям Д. Лосева. Феодосия — Москва, 1998. С. 184–187.

⁵⁷ См. о нем: Ширманова М. Память о былом. Воронеж. 2010. С. 21–22.

⁵⁸ Ср. единственное, кажется, воспоминание о публичном выступлении «Принца»: «На трибуне “Принц Утомленный”. Его настоящая фамилия так и угасла в неизвестности. Он высокого роста, в черном костюме и “обворожительно изыскан”. Блестящие черные волосы с пробритой полоской пробора, бледное напудренное лицо и подведенные глаза изобличают в нем этакого бердслеевского “Пьеро”. Это типичнейший выразитель тогдашних декадентско-эстетских настроений. Стихи его заураядны, и студенческая аудитория заливается смехом, награждая поэта ироническими репликами» (*Богородский Ф.* Воспоминания художника. М., 1959. С. 87).

⁵⁹ Цит. по: Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 630 (коммент. И.П. Андреевой, Н.А. Богомолова, И.А. Бочаровой). Тогда же Ходасевич в Москве давал отчет о своем недавнем знакомце: «Гершензоны меня расспрашивали о Щекотихине, нашем друге. Они его крепко не любят. Мне же пришлось за него вступаться: все-таки почти двойник» (письмо к М.А. Волошину от 19 октября 1916 г. // Там же. С. 407).

Щекотихин } личности, вымышленные Ходасевичем.
 Вислоухов }
 Марат в ванне — старушка-певица в Коктебеле.
 Юра — Гусиная Лапа — молодой человек, грек.
 Пудель и Зайцепес — вымышленные демонические существа⁶⁰.

Только в новейшее время личность его была (хотя и только отчасти) опознана: в превосходной летописи жизни и творчества Волошина значится приезд студента Н. Щекотихина из Москвы и отъезд его в Москву⁶¹. В именном указателе он значится как «Щекотихин Николай Николаевич (1896–?), студент ИМУ, поэт».

В этом году он действительно был студентом Московского университета: поступив в 1914 г. на историко-филологический факультет, год спустя он перевелся на естественное отделение физико-математического, а в 1917 г. вернулся обратно на историко-филологический⁶². В 1918 г. в московской «Альционе» он издал небольшую книгу, посвященную швейцарскому графику Феликсу Валлотону⁶³. В том же году поступил в Московский отдел охраны памятников искусства и старины. В 1919 перебрался в Орел, на родину матери, где работал в музее при губернском отделе народного образования. Преподавал в местном политотделе военного округа. В 1920 г. оказался в Харькове, где состоял научным сотрудником в местном музее. В декабре 1921 г. Щекотихин переехал в Минск, где началась его академическая карьера.

Сухие, хотя и впечатляющие строки, фиксирующие его восхождение по научной лестнице (1921 — ассистент преподавателя; 1922 — преподаватель; 1924 — доцент; 1927 — ученый секретарь института по изучению искусства) вряд ли могут передать исключительное значение его фигуры для истории белорусского искусствоведения. Задуманная им пятитомная «История искусства Белоруссии» должна была стать исчерпывающим сводом знаний о предмете, но

⁶⁰ Там же. С. 630. Дело здесь явно в ошибке памяти; известен документ, подписанный тремя фамилиями: «Шлем привет. Спешим. Н. Щекотихин, П. Вислоухов. Ю. Оболенская» (недатированная открытка Оболенской Волошину. Цит. по: *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 10. М., 2011. С. 523, коммент. А.В. Лаврова). Трудно отделаться от мысли, что нам еще предстоит встреча с П. Вислоуховым.

⁶¹ *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 406, 407.

⁶² Здесь и далее мы излагаем конспект его биографии, объединяя данные из двух посвященных ему фундаментальных трудов: *Ліс А.* Мікола Шчакаціхін. Хараства непазнанай зямлі. Мінск, 1968; *Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна.* 1896–1940. Мінск, 1996. В частности, сведения об учебе извлечены из помещенного в сборнике 1996 г. факсимиле университетской справки 1936 г.

⁶³ *Щекотихин Н.* Феликс Валлотон. М., <1918>.

написана она так и не была. В 1930 г. он был арестован, осужден на пять лет и выслан в башкирский Белебей, где работал счетоводом в горпо, а позже — учителем русского языка (его жена вспоминала, что после вступительной лекции ученики-десятиклассники устроили ему овацию: так непохоже было его выступление на всё, что им приходилось до этого слышать). В 1937 г. он был арестован повторно; хотя и удалось достаточно быстро добиться освобождения, но здоровье его было безнадежно подорвано — и в 1940 г. он умер.

Литература

- Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 10. М.: Эллис Лак. 2011. 830 с.
- Гершензон М.О.* Письма к брату. Избранные места / Вступ. ст. и примеч. М.А. Цявловского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 231 с.
- Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М.: Захаров, 2000. 285 с.
- Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М.: Дека-ВС, 2009. 560 с.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1865–1904). М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2016. 815 с.
- Зимин И.* Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2016. 894 с.
- Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002. 494 с.
- Ліс А.* Мікола Шчакаціхін. Харакство непазнанай зямлі. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 164 с.
- Матэрыялы да 100-годдзя з дня наражэння Міколы Шчакаціхіна. 1896–1940. Мінск: Друк. «Юніпол», 1996. 118 с.
- Павлова Е.* Из киммерийской тетради. Стихи 1914–1920-х годов / Предисл. и публ. М. Ширмановой; сост. Е. Калло // Крымский альбом / Сост., вступ. заметки к разделам и публикациям Д. Лосева. Феодосия – М.: Издательский дом «Коктебель», 1998. С. 184–187.
- Слезин А.А.* К характеристике политических настроений молодежи весной 1917 года // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов: Изд.-полигр. Центр Тамбовского государственного университета, 1996. С. 65–67.
- Ходасевич В.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. 740 с.
- Ширманова М.* Память о былом. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. 156 с.

References

Dzhunkovskii V.F. *Vospominaniia (1865–1904)* [Memoirs (1865–1904)]. Moscow, Sabashnikov Publ., 2016. 815 p. (In Russ.)

Gershenzon M.O. *Pis'ma k bratu. Izbrannye mesta* [Letters to the brother. Excerpta], intro. and comment. by M.A. Tsyavlovsky. Moscow, M. and S. Sabashnikov Publ., 1927. 231 p. (In Russ.)

Gershenzon-Chegodava N.M. *Pervye shagi zhiznennogo puti (vospominaniia docheri Mikhaila Gershenzona)* [First steps on the life path (memoirs of Mikhail Gershenzon's daughter)]. Moscow, Zakharov Publ., 2000. 285 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.B. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Deko-VS Publ., 2009. 560 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Sobranie sochinenii: V 4 t. T. 4* [Collected works in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 740 p. (In Russ.)

Kupchenko V.P. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina: Letopis' zhizni i tvorchestva. 1877–1916* [Maximilian Voloshin's life and work. Chronicle. 1877–1916]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2002. 494 p. (In Russ.)

Lis A. *Mikola Shchakatsikhin. Kharastvo nepaznanai ziamli*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1968. 164 p.

Materyialy da 100-goddzia z dnia narazhennia Mikoly Shchakatsikhina. 1896–1940. Minsk, Iunipol Publ., 1996. 118 p.

Pavlova E. Iz kimmeriiskoi tetradi. Stikhi 1914–1920-kh godov [From the Cimmerian notebook. Poems of 1914–1920], intro. by M. Shirmanova, comp by E. Kallo. *Krymskii al'bom* [Crimean album], comp., introd. notes by D. Losev. Feodosia, Moscow, Koktebel Publ., 1998, pp. 184–187. (In Russ.)

Shirmanova M. *Pamiat' o bylom* [The memory of the past]. Voronezh: Center for Spiritual Revival of the Black Earth Region Publ., 2010. 156 p. (In Russ.)

Slezin A.A. K kharakteristike politicheskikh nastroenii molodezhi vesnoi 1917 goda [On the characterization of political moods of youth in the spring of 1917]. *Gorod Tambov v proshlom, nastoiashchem i budushchem* [Tambov in the past, present and future]. Tambov, Tambov State University Publ., 1996, pp. 65–67. (In Russ.)

Voloshin M. *Sobranie sochinenii. T. 10* [Collected works. Vol. 10]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2011. 830 p. (In Russ.)

Zimin I. *Vrachi dvora Ego Imperatorskogo Velichestva, ili Kak lechili tsarskuiu sem'iu* [Doctors of His Imperial Majesty Court or How the royal family was treated]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., St. Petersburg, Russkaia troika Publ., 2016. 894 p. (In Russ.)

On the edge of the table (Notes of the researcher)

Alexander L. Sobolev

Abstract: In the article biographies of four persons who played different roles (varying from inconsequential to significant) in M.O. Gershenzon's life are reconstructed on the basis of archival documents. Three of them never became objects of historical research and were never mentioned in scientific literature; by contrast, the last one, N.N. Shechekotikhin, is widely recognized as the pioneer of Belarusian art history, but was never identified as a young member of Gershenzon-Goldenweiser family.

Keywords: M.O. Gershenzon, K.S. Pavlov, Zorka, P. Katasonova, N.N. Shechekotikhin.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander L. On the edge of the table (Notes of the researcher). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 257–284.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-285-299
УДК 821.161.1

Заметки комментатора

6. К истокам русского стихового экфрасиса¹

Р.Д. Тименчик

Аннотация: Рассматриваются два примера стихотворного экфрасиса в русской поэзии XIX в., послужившие образцами для последующих опытов дескрипции и интерпретации изображения: «Плясунья» Мей и «В монастыре близ Кордовы» А.К. Толстого. Восстанавливаются возможные живописные и словесные источники обоих стихотворений и приводятся примеры их рефлексов в поэзии XX в.

Ключевые слова: комментарий историко-литературный, русская поэзия XIX в., стиховой экфрасис, Л.А. Мей, А.К. Толстой

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, проф. Еврейского университета, Иерусалим, Израиль. E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Заметки комментатора. 6. К истокам русского стихового экфрасиса // Литературный факт. 2018. № 8. С. 285–299.

1.

В 1859 г. у Льва Мей написана лирическая пьеса, удивившая своей окрыленностью, кажется, самого автора. «Посылая стихотворение 13 октября 1859 г. А.В. Старчевскому, Мей писал: «Вот вам прямо в руки “Плясунья”, но... ловите скорее, за что только можете, а не то — увернется»². Игривый курсив, если это не мнится комментатору, отсылает к анатомической синекдохе одной из самых впечатляющих археологических находок, которой вдохновлялся Шатобриан («...юная женщина задохнулась, и отпечаток ее груди пометил кусок земли, который я видел в музее Портичи. Смерть, как

¹ Настоящая заметка примыкает к предыдущим публикациям автора: Заметки о русском стиховом экфрасисе // *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa*, Per Antonella D'Amelia / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno, 2014. P. 143–158; расширенный вариант: *Тименчик Р.* Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей. М., 2015. С. 633–686; Еще раз о русском стиховом экфрасисе // Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения. Коллективная монография / Науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсунской. Siedlce, 2018. С. 115–122.

² *Мей Л.А.* Избранные произведения / Вступ. ст. Г.М. Фридендера, подгот. текста и примеч. Н.Н. Петруниной. М.; Л., 1962. С. 438.

ваятель, сформовала свою жертву»³), а из русских поэтов в нее вглядывался Жуковский («Отпечаток груди и руки молодой женщины в лаве и ее череп»⁴).

При первой публикации в «Дамском вестнике» в 1860 г. стихотворение имело подзаголовок «(Помпейская фреска)»⁵:

Окрыленная пляской без роздыху,
Закаленная в сером огне,
Ты, помпеянка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стене.

Опрозрачила ткань паутинная
Твой призывно откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И в руке замирает тимпан.

Пред твоею красой величавою
Без речей и без звуков уста,
И такой же горячею лавою,
Как и ты, вся душа облита.

Но не сила Везувия знойная
Призвала тебя к жизни — легка

³ Oeuvres complètes de M. le Vicomte de Chateaubriand. T. VII. Paris: L'advocat, 1827. P. 230.

⁴ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М., 2004. С. 365. В том же 1833 г. «ясно сохранившийся в пепле отпечаток прекрасной женской груди» видел Ганс-Христиан Андерсен, как это явствует из его автобиографического романа «Импровизатор». Ср. описание нижней галереи виллы Диомеда: «Вот что пишет об ней ученый Денон, видевший ее в 1777 году, т.е. через три года после открытия: “Мы сошли в подземный коридор и видели скелеты 27 женщин, которые во время всеобщего испуга и смятения спрятались сюда как в место, показавшееся им безопаснее других. Не довольствуясь сводом подвала, они устроили над собою еще род навеса из досок, — и под ним-то найдены теперь их кости. Бедняжки стояли рядом одна возле другой, прижавшись к стене; но пепел проник вместе с удушливыми испарениями в предательское убежище, засыпал скрывавшихся там, туго наполнил промежутки между ними и мало по малу отвердел в плотную массу; она сохранила на себе разные отпечатки женских форм, так что один кусок ее с отгиском прекрасных грудей и плеч спрятан в музей как любопытная редкость”» (Классовский В. Помпея и открытые в ней древности с очерком Везувия и Геркуланума. С 3-мя планами и 33-мя пояснительными рисунками. СПб.: В Тип. Эдуарда Праца, 1856. С. 118–119; речь идет об издании: Saint-Non, Jean Claude Richarde. Voyage Pittoresque ou Description Des Royaumes De Naples Et De Sicile. Paris, 1781–1786). Владелицу груди сделал героиней своего романа «Последние дни Помпей» Эдвард Бульвер-Литтон: «Мокрый пепел, затвердев, принял форму человеческих фигур; до сих пор можно увидеть отпечаток женской шеи и юной округлой груди — это всё, что осталось от красавицы Юлии. Вероятно, воздух постепенно отравлял сернистые испарения».

⁵ Мей Л.А. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К.К. Бухмейер. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 624. (Б-ка поэта. Большая серия).

И чиста, ты несешься, спокойная,
Как отчизны твоей облака.

Ты жила и погибла тедескою
И тедескою стала навек,
Чтоб в тебе, под воскреснувшей фрескою,
Вечность духа прозрел человек.

Поклонник и пропагандист поэзии Мея Владимир Пяст⁶ извнялся перед читателями XX в.:

Дивную и легкую, как Божий зефир «Плясунью» несколько портит поучительный конец в Меевском стиле: «и тедескою стала навек, чтоб в тебе под воскреснувшей фрескою вечность духа прозрел человек» (и для чего только нелогический поэт пытается философствовать!)⁷.

Думается, что засвидетельствованное «последним символистом» ощущение известной «нелогичности» заключения вызвано прежде всего неясно откуда возникшей «тедескою», которую при перепечатке стихотворения Пяст должен был пояснять: «Тедеска — по римски и итальянски — германка».

Эта загадка для комментатора позволяет предположить источник стихотворения.

Стихотворение было написано в эру помпеемании⁸, памятником которой была картина Карла Брюллова, увиденная в 1833 г. Эдвардом Бульвером-Литтоном⁹ и подтолкнувшая его к написанию мелодраматичного и сентиментального бестселлера «Последние дни Помпеи». В 1850-е гг. парижский Салон вызвал всеобщее воодушевление полотном Теодора Шассеро «Тепидариум» — парная сухая комната в помпейских женских термах. В 1852 г. очередной реконструкцией помпейской повседневности стала повесть Теофиля Готье «Аррия

⁶ См. об этом: *Тименчик Р.* Заметки комментатора. 5. Казус Пестовского // Литературный факт. 2017. № 4. С. 293–294.

⁷ Л.А. Мей и его поэзия / Ред. и статья Вл. Пяста. К столетию рождения Мея (1822 — 13 февраля — 1922). Пб.: Парфенон, 1922. С. 18; ср.: «... в угоду требованиям времени Мей любит сопровождать свои стихи нравочениями, и многие его стихотворения испорчены насильно присоединенными к ним аллегорическими толкованиями» (*Брюсов В.* Полное собрание Л.А. Мея. В трех томах. СПб., 1911 // Русская мысль. 1912. № 2. Отд. 3. С. 48).

⁸ *Dahl C.* Recreators of Pompeii // *Archaeology*. 1956. Vol. 9, no. 3. P. 182–191.

⁹ *The life of Edward Bulwer, first Lord Lytton / by his grandson the Earl of Lytton.* In two volumes. Vol. 1. London, 1913. P. 440.

Марцелла»¹⁰. Настенные же танцовщицы были воспеты уже Шиллером в стихотворении «Помпея и Геркуланум» (1796):

Frisch noch erglänzt die Wand von heiter brennenden Farben,
 Wo ist der Künstler? Er warf eben den Pinsel hinweg.
 <...> Hochauf springt die Bacchantin im Tanz, dort ruhet sie
 schlummernd

В переводе Давида Бродского:

Свежи еще на стене огневые, пышные краски,
 Где же художник, ужель только что кисть отложил?
 <...> В пляске несется вакханка; там — нежится в полудремоте...

Как явствует из стихотворения Мея «Помпеи», одним из источников лирического порыва для него могло быть сожаление о том, что он не бывал на знаменитых руинах:

Кого-то я спросил: «Бывали вы в Помпеи?»
 — «Был, — говорит, — так что ж?» — «Как что?.. Да все музеи
 В Европе и у нас, с конца и до конца,
 Гордятся дивами и кисти и резца
 Художников помпейских... <...>

Среди русских книг о погибшем городе одна сочетала квалифицированное изложение европейских источников с несомненными свидетельствами пребывания автора на описываемой местности¹¹ — уже цитированная книга Владимира Игнатьевича Классовского (1815–1877). В ней находим, вероятно, иконографический и словесный источник меевского стихотворения — описание фресок т.н. «цицероновой виллы»¹²:

¹⁰ См. подробнее: Pompeii in the Public Imagination: From Its Rediscovery to Today / Ed. by S. Hales and J. Paul. Oxford: Oxford University Press, 2011.

¹¹ См., скажем, запоминающийся эпизод при описании «гостиницы Альбина» у Геркуланских ворот: «На фюсте приворотной пиластры помещен лепной барельеф с изображением *фалла*, или *приапона знака*, похожий отчасти на сложенные ножницы, острою оконечностью кверху. По случаю этого изваяния, я был однажды свидетелем в Помпее забавной мистификации. На вопрос одной любознательной путешественницы, что значит этот барельеф, находчивый проводник отвечал не запинаясь: «это, синьора, ножницы — вывеска древнего портного». И путешественница доверчиво внесла сказанное в свою записную книжку» (*Классовский В.* Помпея и открытые в ней древности... С. 153–154, 330).

¹² Эти фрески, «чем-то слегка тревожные» (*Curtius L.* Die Wandmalerei Pompejis. Eine Einführung in ihr Verständnis. Leipzig, 1929. S. 410), были перенесены в неаполитанский музей (Museo borbonico). Повадавший их там камергер Александр Алексеевич Бехтеев сообщал: «...до какой степени совершенства достигла в древности скульптура, тогда как живопись, относительно изображения фигур, уступает нашей, а отличается только живо-

ТАНЦОВЩИЦЫ (ФРЕСКЪ)

Танцовщицы (числом 14, высота каждой 6 ½ неапол. унц.) написаны al fresco по черному грунту на карнизе той же комнаты, вероятно служившей особого рода столовою, называемою у римлян *venerea*, а у греков *Ἀφροδίσιον*, в честь богини любви. Основанием этой догадке могут быть слова Афиняя: «за пиршественным обедом, после хора музыкантов, появились в столовой танцовщицы, одни в одежде нимф, другие подобные nereидам». Сидоний Аполлинарий к обстановке порядочного пира причисляет также танцовщиц-вакханок¹³, — и наконец, огромность балетных трупп в древнем Риме

стию красок и искусством перспективы. Однако не должно забыть танцовщиц и кентавров обоого пола, с таким изящным вкусом написанных, что они служат в наши времена образцом живописцам, ваятелям и бронзовщикам» (*Бехтеев А.* Рассказ об Италии, изданный для руководства предпринимающим это путешествие. М.: В Тип. А. Семена, 1846. С. 121–122). Среди семи фрагментов плывущих в воздухе фигур с кувшином и музыкальными инструментами, найденных в одной из комнат «виллы Цицерона» (инв. номер 9297), третья фигура справа и третья фигура слева соответствуют прорисям в книге В.И. Классовского. (См. илл. на с. 297).

¹³ См. примечание В. Классовского: «*Menada* (от *μαίνομαι* беснуюсь) есть одно из названий вакханок, именовавшихся иначе: *thyades*, *bassarides*, *mimallonidae*, *edonides*, *eleidae*, *eviaidae*. По сказаниям поэтов, первые вакханки были нимфы-воспитательницы Вакха, помогавшие ему впоследствии покорить Индию. Они метались, как безумные, с криком и странными телодвижениями, держа в руках дионисиев жезл, или тирс, и обвив голову змею вместо венка. В припадке вдохновенной ярости, им случалось раздирать живых тельцов; из-под ног их земля брызгала мед, молоко и вино. <...> По свидетельству Эврипида, греческие вакханки свято хранили свое целомудрие посреди самых иступленных неистовств, ударами тирсов отбивая у мужчин расположение к любовной предприимчивости. <...> Не таковы были вакханки в Риме, которых одно уже имя, если верить Ювеналу,

обличает собою тогдашнее пристрастие к артисткам, посвящавшим себя Терпсихоре и тягостному ремеслу услаждать взоры пресыщенных повелителей вселенной, для которых пляска, как и всё, что должно было развлекать их, превратилась в трудную и сложную науку. Римляне редко могли бескорыстно наслаждаться, подобно грекам, одним изящным, независимо от чувственности или, по крайней мере, без прямых намеков на нее; отсюда и к воззрению их на танцы примешивались обстоятельства, удалявшие на второй план грацию поз и художественное совершенство человеческого тела: на пирах и в театре танцовщицы являлись у них, если не нагие, то в одежде, до того легкой и прозрачной, что Сенека сравнивает ее «с хрустальной, или с струею воды, просвечивающей всё, что ни положат в нее».

Первая с левой стороны пользуется наибольшею известностью, и по справедливости считается у художников совершенством в отношении к искусству; живописец мог не иначе нарисовать ее, как с натуры, с живой танцовщицы, набросав ее позу с быстротою колебаний, возбужденных ею в воздухе. На красавицу накинута широкое желтое покрывало с светло-голубою подкладкою, состоящее из одного цельного куска тончайшей ткани, и известное под именем *sistis v. tunica-pallium*. В белокурые ее волосы вплетена нитка жемчуга, а на кистях рук красуются золотые запястья. Может быть, она представляет Венеру на «живой картине», что даже довольно вероятно, если применим к ней одно место из Апулея, где он утверждает, что «Венера невыразимо прелестна, когда, обнажив руки и туловище, небрежно придерживает на бедрах покрывало». — Читатель видит на гравюре, что именно так нарисована и наша танцовщица.

Вторая танцует под звуки тимпана, и одета *менадою* с виноградным венком на голове и тигровою кожею или *небридою* (*νεβρίς* или *νεβρί* — от *νεβρός*) на плечах. Можно полагать, что она принадлежит к хору вакханок и танцует в вакхической оргии, или, что это — одна из танцовщиц, о которых говорит Сидоний Аполлинарий: «они являлись на пирах, переодетые менадами», и, по свидетельству Исидора и Петрония, сопровождали пляску ударами в тимпаны. О подобных артистках упоминает также Корнелий Галл. Очерченная у нас на рисунке *менада* имеет на плечах фиолетовую небриду на голубой подкладке, тимпан и двойные браслеты из золота на руках; башмаки на ней желтые, называемые *obstrigilia*.

Замечательно, что эти танцовщицы, и даже почти все молодые красавицы, изображенные в Помпее — *белокурые*. Следуя Овидию (Амог. I. 14. V. 46), можно было бы подумать, что их выписывали из Германии, если б такое неуменье ценить несравненных туземок

значило то же, что развратница. *Вакхантами* назывались мужчины, посвященные в *дионисийские мистерии*, и тем обязанные посещать *оргии*, т. е. церемонии, сперва чисто религиозные, но постепенно перешедшие именно в то, что мы теперь разумеем под словом *оргия*» (Классовский В. Помпея и открытые в ней древности... С. 326–327).

сообразно было с разборчивостью вкуса знатоков-римлян. Впрочем и теперь в Италии, желая похвалить красоту иностранца, говорят: *biondo, biondetto, biondello* и т.д.¹⁴

В. Классовский ссылаясь на насмешки Овидия над неудачно покрасившейся Коринной:

Волосы пленных тебе прислать из Германии могут,
 Будет тебя украшать дар покоренных племен.
 Если прической твоей залюбуется кто, покраснеешь,
 Скажешь: «Любуются мной из-за красоты покупной!
 Хвалят какую-нибудь во мне германку-сигамбру, —
 А ведь, бывало, себе слышала я похвалы!..»

и умозаключал от импорта варварского натурального материала для париков к неправдоподобному вывозу танцовщиц-мигранток — отвергнутое допущение, положенное Меем в основу его «Плясуньи».

В. Пяст в оборванной нами цитате продолжал доискиваться до истоков властной магии этого стихотворения, развертывающего статику настенного изображения:

Но все-таки эта «фреска» — одно из лучших в русской поэзии, и первое по времени, стихотворение, в котором пантомимический момент, динамика пляски, передана словом не в одних образах, а в самом строении слова, как т а к о в о г о . Превосходными последователями Мея в «Плясунье» явились поэты наших дней, Юрий Верховский, с его:

Сестры, сестры. Быстро, быстро. Вместе, вместе. Вслед за ним.
 Сладостным топотом, благодным ропотом, радостным топотом — вдруг опьяним.

И Мих. Кузмин, с его: «Кружитесь, кружитесь, держитесь крепче за руки, звуки звонкого систра несутся—несутся, в рощах томно они отдаются»...

Возможно, именно Пяст рекомендовал своему сотоварищу Мандельштаму это стихотворение для антологии русской поэзии в 1922 г.¹⁵

¹⁴ *Классовский В.* Помпея и открытые в ней древности... С. 144–146, 328.

¹⁵ *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерле-ра и Ю.Л. Фрейдина. Екатеринбург: Гонзо, при участии Мандельштамовского общества, 2014. Т. 1. С. 328; Т. 2. С. 104. Ахматова, видимо, имела в виду этот эпизод, но с ошибкой памяти, спутав Л.А. Мея с А.Н. Майковым: «Мы заговорили о стихах — о Фете, Полонском, Слуцеском. — Да, у всех них были дивные стихи — избранные, немногие, но самого первого класса. Кажется, только у Мея нельзя разыскать ни единой строчки» (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М.: Сogласие, 1997. С. 161).

«Плясунья» входит в набор произведений мировой поэзии, вдохновленных помпейской живописью. Скажем, пляска нимф изображена в «Помпейской фреске» Адама Асныка¹⁶. Меевская помпеянка¹⁷ служила прототипом для нескольких русских стихотворных обращений к насельницам погибшего города, например для «Девушки из Помпеи» (гипсового слепка в музее) Сергея Городецкого:

<...>

Прекрасных ног твоих движенье,
Невинный контур легких ног,
Я без волшебного волненья
Ни разу созерцать не мог.

<...>

Двух тысяч лет полет спокойный
Твоей не тронул красоты,
И в сером камне стан твой стройный
Навеки обнажила ты.

Так странен этот гроб музейный,
Витрина лучшего стекла,
Когда жива ты — от лилейной
Ноги до чистого чела!¹⁸

¹⁶ *Asnyk A. Wiersze wybrane. Wybrał i wstępem poprzedził Jan Zygmunt Jakubowski. Warszawa, 1973. S. 240–241.* См., например, в подстрочном переводе Валентины Брио: «Прибежали они из укрытия, песню слышав, / И танцуют, стоюпо летящей едва муравы касаясь, / Неистовство танца и легкости, очарованье весны и жизни / Охватывает танцовщиц. — В блаженной позе / С трепещущей грудью в светлой лазури / Взлетают, и волосы их развилась на ветру, / И дразнят скрытых в миртах Фавнов, Сильванов / И обессилевают от избытка беспечности страстной». О помпейских экфрасисах Циприана Норвида и Марии Конопницкой см.: *Grodecki A. Wiersze o obrazach : studium z dziejów ekfrazy. Poznań, 2009. S. 108.* Имена еще девяти поэтов из разных стран, воспевавших помпейскую стенопись, см.: *Kranz G. Das Bildgedicht: Theorie, Lexikon, Bibliographie. Bd. 1. Köln / Wien: Böhlau, 1981. S. 545.*

¹⁷ Ср. замечание В. Классовского по поводу одной из фресок: «...можно с некоторою достоверностью полагать, что <...> красавицы — не идеальные женщины, созданные фантазией живописца, а воспроизведение настоящих помпеянок. Едва ли многим художникам посчастливилось на роду писать с таких натурщиц!» (*Классовский В. Помпея и открытые в ней древности...* С. 195).

¹⁸ Новый журнал для всех. 1913. № 5. С. 1; *Городецкий С.М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. С.И. Машинского, подгот. текста и примеч. Е.И. Прохорова Л., 1974. С. 431; ср. также «Гемму» Ю.А. Сидорова: «Рельефы геммы резаны так хрупко, тонко: / Задрапирована там бледной, гибкой тканью / Фигура нежной девушки-полуребенка, / Цевницы взявшей древние своею дланью. / Каменя серая из Везувийской лавы, / Подернутая сизо-пепельным налетом, / Лицо твоё — как отблеск строгой славы, / Зовёт к родимым и забытым взлетам. / Ты некогда ведь тож была живой, как все мы, / Но на тебя глаза Бессмертной посмотрели, / Окаменела ты Помпейской геммой, / Прижав к устам две чуткие свирели...» (*Сидоров Ю. Стихотворения / Вступ. статьи А. Белого, Б. Садовского, С. Соловьева. М.: Альциона, 1910. С. 51).**

В «Сочинениях» Мей в 1861 г. «Плясунья» шла «вслед за стихотворением “Фрески. Дафнэ”, но совершенно самостоятельно (это подтверждается шрифтом заглавия и оглавлением). То же расположение и соотношение стихотворений в Соч. 1862 г. Очевидно, Мей так и не создал цикла “Фрески”, написав только первое стихотворение (“Дафнэ”); “Плясунью” же по каким-то соображениям он туда не включил»¹⁹. Напомним текст «Дафнэ»:

Как от косматого сатира иль кентавра,
От светозарного бежала ты тогда,
Испугана, бледна, но девственно-горда,
Пока не облеклась в укорный образ лавра,
Как в ризу чистую чистейшего стыда,
И, целомудренным покровом зеленея,
Не стала на берегах родимого Пеня
Пред юным пастырем Адметовым... Но он
И пастырем был — бог...
Когда, одревенен,
Твой гибкий стан в коре опутался смолистой,
Когда окорнилась летучая нога,
Когда ты поднялась, стройна, полунага,
Под зеленью твоей туники остролистой,
Перед тобою Феб колени преклонил
И все твои красы бессмертьем одарил,
И вечно, нимфа, ты цветешь — не увядаешь
И смертного одна к бессмертью призываешь,
И лиру для тебя одной берет певец,
И всё, и всё — твое, и слава и венец.

Возможно, к выбору темы подтолкнуло описание помпейского Дома Диоскуров, где в гостиной

особенно прелестны вакханки, написанные на черном грунте, в сладострастных и нескромных позах. Едва ли уступают они в достоинстве знаменитым танцовщицам цицероновой виллы, а этого уже довольно,

а неподалеку

нарисовано *превращение Дафны в лавр* с подробностями, которые могли казаться благопристойными только в золотом веке, когда люди

¹⁹ Мей Л.А. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К.К. Бухмейер. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 624.

ходили еще без одежды и беспрекословно следовали всегда и везде побуждениям природы²⁰.

Но это стихотворение, кажется, описанием ни одной помпейской фрески не является — так, в Доме цветных капителей метаморфоза обозначена веточками, пробивающимися из макушки головы и плеча нимфы, но нет «окорнения» (ну, разве что его можно усмотреть во фреске на улице Висячего Балкона), встречаемого в иных живописных и скульптурных иллюстрациях овидиева мифа²¹, например в «Аполлоне и Дафне» Теодора Шассерио (1845). Сам же неологизм, где автометаописательное обрастание корня префиксом и суффиксами на глазах и в присутствии читателя²² вторит превращению ноги в куст, восхитил модерниста следующего века:

Рядом с «Плясуньей» сильно проигрывает другая, неяркая фреска Мея — «Дафнэ». Между тем, она, выдержанная в простом шестистопном ямбе, выдержана и в других отношениях до конца, а в смелом стихе:

Когда ж окорнилась летучая нога,
Мей предвосхитил словоновшества наиболее удачного стиля
русских поэтов ХХвека.

Но, повторяю, она не так ярка, как ее соседка...²³

2.

В 1870 г. Алексей Константинович Толстой написал стихотворение в двух октавах:

²⁰ *Классовский В.* Помпея и открытые в ней древности... С. 217–218.

²¹ См.: *Stechow W.* Apollo und Daphne. Leipzig, 1932; *Giraud Y. F.-A.* La fable de Daphné: Essai sur un type de métamorphose végétale dans la littérature et dans les arts jusqu'à la fin du XVIIe siècle. Genève, 1968 (о помпейских и геркуланумских изображениях этого сюжета — р. 75–77).

²² «Фонетическое богатство его стиха — раздолье и пир для слуха. Он и в прелеке раньше всего то подмечает, что она — “говорливая”. Он и сам говорлив, он даже не довольствуется уже готовыми словами и сочиняет новые — “окоралить, окорниться”; эти слова, порождаемые в большинстве случаев его националистическим пристрастием, оказываются у него слишком русскими; и вообще у него больше русизма, чем русского (обычный порок национализма!), — но, в конце концов, это красиво, а потому и право» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. Изд. 5-е. Берлин, 1923. С. 109).

²³ Л.А. Мей и его поэзия... С. 19–20. Ср.: «Вот и язык у Мея — его словарь богат изумительно; стихи его так и пестрят неологизмами, народными словечками, славянскими оборотами. Он в языке ничего не боялся, кроме прозы — но ничего и не выдумывал, не искал, — все эти новшества сами ему давались, и он выражался так, потому что не мог выразиться иначе. Надо ли говорить, что таким отношением к языку также родственен Мей новейшим поэтам; мы уверены, что если бы были составлены поэтические словари различных эпох, — словарь Вячеслава Иванова, напр., во многих чертах напоминал бы словарь Л.А. Мея» (*Паст В.* Памяти Мея (К пятидесятилетию со дня смерти) // Аполлон. 1912. № 5. С. 43).

В монастыре пустынном близ Кордовы
 Картина есть. Старательной рукой
 Изобразил художник в ней суровый,
 Как пред кумиром мученик святой
 Лежит в цепях и палачи с живого
 Сдирают кожу... Вид картины той,
 Исполненный жестокого искусства,
 Сжимает грудь и возмущает чувство.

Но в дни тоски, мне все являясь снова,
 Упорно в мысль вторгается она,
 И мука та казнимого святого
 Сегодня мне понятна и родна:
 С моей души совлечены покровы,
 Живая ткань ее обнажена,
 И каждое к ней жизни прикосанье
 Есть злая боль и жгучее терзанье

В примечаниях «Библиотеки поэта» говорится: «Кордова — город в Испании. О какой картине идет речь — не установлено»²⁴.

Эпизоды сдирания кожи есть в житиях нескольких святых мучеников²⁵, но самым известным является мученичество святого Варфоломея, апостола. Его пересказывала в экфрасисе изображений Миланского собора Акулина Курдюкова:

Вот тут Сент-Бартеlemi
 Ну, уж этот тре маль ми:
 Даже кожу с него сняли,
 Облупили, ободрали,
 Потому что богом сил
 Многобожникам грозил!
 Фанатизм его измучил,
 А он кожу нахлобучил
 На себя, как пелерин,
 И опять, что бог един,
 Стал повествовать народу!
 Отпустили на свободу,
 Но уже тут экорше.
 Что за гадость, кель пеше²⁶.

²⁴ Толстой А.К. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Л.И. Емельянова; сост., подгот. текста и примеч. Е.И. Прохорова. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 544.

²⁵ Например, святого Иулиана из Антиноя, святого Криспиана и других (*Key S. Original Skin: Flaying, Reading, and Thinking in the Legend of Saint Bartholomew and Other Works* // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 66).

²⁶ Saint-Barthélemy — святой Варфоломей; Très mal mis — очень плохо кончил; Pèlerine — накидка; Tout écorché — весь ободранный; Quel péché — какой грех (*фр.*).

Из живописных воплощений легенды уместно напомнить изображение его в Музее изобразительных искусств в Будапеште — со снятой кожей, накинутой на плечи²⁷, держащего у Микельанджело кожу в руках на фреске Страшного суда в Сикстинской капелле и многофигурное полотно анонимного нидерландского художника, известного как «Мастер паж под распятием» или «Мастер Снятия со креста из собрания Фигдор»²⁸. Однако помещенная в этом стихотворении в испанский монастырь картина должна вести в направлении художника, прозванного «маленьким испанцем», Спаньолетто — в направлении Хосе Риберы, художника, по словам Теофиля Готье, «необузданного», «резкого», «неухоженного», «чей жестокий гений в чем-то близок наемным убийцам, инквизиторам и истязателям и кто находил наслаждение в изображении мучеников, отданных палачам, святых, расчленяемых в наказание»²⁹. В своем стихотворном обращении к Рибере (“Ribeira”, 1844) Готье говорит о ярости и наслаждении, с которыми художник всё возвращается к сдираемой коже мученика, чтобы заставить нас вглядываться в окровавленную спину:

Avec quelle furie et quelle volupté
Tu retournes la peau du martyr qu'on écorche,
Pour nous en faire voir l'envers ensanglanté!

Полотна Риберы (а скорее — его подражателей и копиистов) с изображением Святого Варфоломея, иногда с изображением отколовшейся головы поверженного им кумира — Аполлона, находились во многих испанских церквях, а оттуда попали в испанские музеи, в том числе — в Кордове³⁰.

²⁷ Сейчас приписывается кругу Маттео ди Джованни (*Boscovits M. Tuscan Paintings of the Early Renaissance in Hungarian Museums. Budapest, 1969. № 22*), ранее — Антонио дель Поллайоло (*Pigler A. Museum des Bildenden Künste, Budapest. Katalog der Galerie Alte Meister. Tübingen, Budapest, 1968. T. 1. S. 448*).

²⁸ *Mulder-Bakker A.B., Carasso-Kok M. Gouden Legendes: heiligenlevens en heiligenverering in de Nederlanden. Hilversum, 1997. P. 102–103*; см. справку в кн.: *Giorgi R. Saints in Art. J. Paul Getty Museum, 2003. P. 51–52*.

²⁹ *Gautier T. Guide de l'amateur au Musée du Louvre; suivi de La vie et les oeuvres de quelques peintres. Paris, 1882. P. 62*.

³⁰ *Felton C. Jusepe de Ribera: A Catalogue Raisonné. Part 1. University of Pittsburgh, 1971. P. 513*. Другие испанские места включают в себя Кадикс (*Ibid. P. 506*), дворец Дон-Жуана близ которого А.К. Толстой изображал в своей драматической поэме, церковь святого Николая в Санлукаре де Баррамед, неподалеку от Кадикса (*Ibid. P. 606–607*), Мурсию (*Ibid. P. 574*), Осуну (*Ibid. P. 583*), Валенсию (*Ibid. P. 621*), Севовию (*Ibid. P. 607*), Прадо в Мадриде (*Ibid. P. 558*). В этом каталоге все перечисленные картины входят в раздел «неприятых атрибуций».

Стихотворение А.К. Толстого, своего рода *imitatio Christi*³¹, тоже, как и меевское, предопределило один из риторических типов русского стихового экфрасиса. Укажем в качестве примера стихотворение Игоря Чиннова «Картина в Бостонском музее» о триптихе неизвестного фламандского мастера, приобретенном Бостонским музеем изящных искусств в 1963 г.:

Фламандская школа, пятнадцатый век
 И будет разорван сейчас человек.
 Его четвертуют четыре коня.
 О мученик светлый, молись за меня!
 Он будет разорван, святой Ипполит,
 А сердце мое за него не болит.
 За веру Христову его разорвут,
 И поднят над крупом извилистый кнут.
 И всадники в алых камзолах взлетят
 Сейчас (а святые бесстрастно глядят)
 Сквозь розы, репейник, сквозь чертополох
 Туда, в облака, где невидимый Бог.
 И дико ярятся четыре коня,
 Но слишком их много, коней, для меня.
 Ведь русский поэт, эмигрантский поэт,
 Разорван лишь надвое. Кони, привет!³²

Особенность этого воплощения сюжета о расчлененном мученике (широко представленного в мировой живописи, от Дирка Бутса, на триптих которого походит бостонская композиция, до нашумевшего в середине XVIII в. полотна Пьера Сублейраса³³) состоит в сильном центробежном эффекте, достигнутом тем, что сцена мученичества простерта по всем трем створкам, что послужило для двойного эмигранта иконическим знаком его разорванности между тремя роинами.

³¹ Другой персонаж с содранной кожей как пример для подражания поэтам — осужденный Аполлоном сатир Марсий — был предложен Сергеем Городецким в рецензии на альманах, изданный журналом «Аполлон»: «Нельзя не узнать в физиологическом натурализме этого стихотворения [М. Зенкевича] того, с кого содрали шкуру, правда, несколько обузданного, но все же верного себе. Он же, этот Марсий, так обаятельно поет в девичьей и тюремной песнях Николая Клюева <...> Он же, этот Марсий, слышится и в прелестных стихотворениях Анны Ахматовой, полных такой близости к интимному переживанию, такого острого аромата женской жизни, что сатир бы на них не нарадовался. <...> На гостеприимство Аполлона Марсий ответил щедрым подарком: лучшие страницы в альманахе принадлежат его жрецам и жрицам» (*Городецкий С.* Аполлон и Марсий // Речь. 1912, 30 янв.).

³² Чиннов И. Алхимия. Ахинея: 10-й сб. стихов. М., 1996. С. 227.

³³ *Giorgi R. Saints in Art.* P. 158–159; *Subleyras 1699–1749.* Paris, 1987. P. 154–156.

Литература

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / Сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина. Екатеринбург: Гонзо, при участии Мандельштамовского общества, 2014. 1872 с.

Тименчик Р. Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей. М.: Мосты культуры, 2015. 832 с.

Тименчик Р. Еще раз о русском стиховом экфрасисе // Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения. Коллективная монография / Науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce, 2018. С. 115–122.

Тименчик Р. Заметки комментатора. 5. Казус Пестовского // Литературный факт. 2017. № 4. С. 291–316.

Тименчик Р. Заметки о русском стиховом экфрасисе // *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa*, Per Antonella D'Amelia / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno, 2014. P. 143–158.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М.: Согласие, 1997. 832 с.

Giorgi R. *Saints in Art*. J. Paul Getty Museum, 2003. 383 p.

Grodecka A. *Wiersze o obrazach: studium z dziejów ekfrazy*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009. 319 s.

Kay S. *Original Skin: Flaying, Reading, and Thinking in the Legend of Saint Bartholomew and Other Works* // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 35–74.

Kranz G. *Das Bildgedicht: Theorie, Lexikon, Bibliographie*. Bd. 1. Köln / Wien: Böhlau, 1981.

Mulder-Bakker A.B., Carasso-Kok M. *Gouden Legenden: heiligenlevens en heiligenverering in de Nederlanden*. Hilversum, 1997. 182 p.

Pompeii in the Public Imagination: From Its Rediscovery to Today / Ed. by S. Hales and J. Paul. Oxford: Oxford University Press, 2011. 440 p.

References

Chukovskaia L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. 1952–1962. T. 2* [Notes on Anna Akhmatova. 1952–1962. Vol. 2]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 832 p. (In Russ.)

Giorgi R. *Saints in Art*. J. Paul Getty Museum, 2003. 383 p.

Grodecka A. *Wiersze o obrazach: studium z dziejów ekfrazy*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009. 319 s.

Kay S. *Original Skin: Flaying, Reading, and Thinking in the Legend of Saint Bartholomew and Other Works*. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 2006, vol. 36, no. 1, pp. 35–74.

Kranz G. *Das Bildgedicht: Theorie, Lexikon, Bibliographie*. Bd. 1. Köln, Wien, Böhlau, 1981.

Mandel'shtam N. *Sobranie sochinenii: V 2 t.* [Collected works in 2 vols], comp. by S.V. Vasilenko, P.M. Nerler and Yu.L. Freidin. Yekaterinburg, Gonzo Publ., Mandelstam Society, 2014. 1872 s. (In Russ.)

Mulder-Bakker A.B., Carasso-Kok M. *Gouden Legendes: heiligenlevens en heiligenverering in de Nederlanden.* Hilversum, 1997. 182 p.

Pompeii in the Public Imagination: From Its Rediscovery to Today, ed. by S. Hales and J. Paul. Oxford, Oxford University Press, 2011. 440 p.

Timenchik R. *Angely. Liudi. Veshchi: V oreole stikhov i druzei* [Angels. People. Things: In the aureole of poems and friends]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2015. 832 p. (In Russ.)

Timenchik R. Eshche raz o russkom stikhovom ekfrasisse [Revisiting Russian poetic ecphrasis]. *Teoriia i istoriia ekfrasisa: Itogi i perspektivy izucheniia. Kollektivnaia monografiia* [Theory and history of ecphrasis: Results and prospects of research. Collective monograph], ed. by T. Avtukhovich, R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce, 2018, pp. 115–122. (In Russ.)

Timenchik R. Zametki kommentatora. 5. Kazus Pestovskogo [Notes of a commentator. 5. The Pestovsky enigma]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 4, pp. 291–316. (In Russ.)

Timenchik R. Zametki o russkom stikhovom ekfrasisse [Notes on Russian poetic ecphrasis]. *Paralleli: Studi di letteratura e cultura russa, Per Antonella D'Amelia*, a cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno, 2014, pp. 143–158. (In Russ.)

Zhukovskii V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 20 t. T. 13: Dnevniki. Pis'ma-dnevniki. Zapisnye knizhki. 1804–1833 gg.* [Complete works and letters in 20 vols. Vol. 13: Diaries. Letters-diaries. Notebooks. 1804–1833], comp. and ed. by O.B. Lebedeva, A.S. Yanushkevich. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p. (In Russ.)

Notes of a commentator

6. On the origins of Russian poetic ecphrasis

Roman D. Timenchik

Abstract: The note deals with two examples of poetic ecphrasis from 19th century Russian poetry, which served as models for subsequent descriptions and interpretations of the image: “The Dancer” by Lev Mey and “In the Monastery Near Cordoba” by Alexey Tolstoy. Possible pictorial and verbal sources of both poems are restored and examples of their reflexes in 20th-century poetry are given.

Keywords: historical and literary commentary, 19th-century Russian poetry, poetic ecphrasis, Lev Mey, Alexey Tolstoy

Information about the author: Roman D. Timenchik, PhD, professor of Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman D. Notes of a commentator. 6. On the origins of Russian poetic ecphrasis. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 285–299.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-300-313
УДК 821.161.1

Из комментаторских заметок 5. О песнях А. Галича

Н.А. Богомолов

Аннотация: В заметках дается реальный, историко-литературный и поэтологический комментарий к двум песням А. Галича, насыщенным различного рода аллюзиями на исторические события советского периода русской истории и на тексты произведений как писателей-современников, так и классиков русской поэзии. Таким образом делается шаг к лучшему постижению смысла этих песен.

Ключевые слова: комментарий историко-литературный, А. Галич, М. Зощенко, А. Григорьев.

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru.

Цитирование: *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 5. О песнях А. Галича // Литературный факт. 2018. № 8. С. 300–313.

1. «На сопках Маньчжурии»

Песня кажется достаточно прозрачной, но тем не менее традицию ее комментирования заложил уже сам автор, объясняя слушателям: «...Я как-то раньше этого не говорил, теперь я понял, что это надо говорить, насчет “толстомордого подонка”. Это имеется в виду Жданов. Чтобы было ясно»¹. Однако, как кажется, теперь, сорок с лишним лет спустя после смерти Галича, комментарий должен быть расширен.

Прежде всего стоит отметить, какой именно из вариантов текста оригинального вальса выбирает он для своей песни. В различных интернет-источниках он обозначен как принадлежащий неизвестно-

¹ *Галич А.* Облака плывут, облака. М., 1999. С. 269. Здесь песня датирована 1969 г. с сомневающимся вопросительным знаком. Далее тексты Галича цитируются, если специально не оговорено, по этому изданию с указанием страниц в тексте.

му автору и наиболее близкий вариант, который сохранился в записях пения И.С. Козловского. Остальные (народный вариант 1914 г., тексты Скитальца, А. Машистова, П. Шубина) слишком отличаются от цитируемых в песне². В подтверждение приведем этот текст по варианту Википедии:

Тихо вокруг.
Сопки покрыты мглой.
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой.

Белеют кресты —
Это герои спят.
Прошлого тени кружатся вновь,
О жертвах боёв твердят.

Тихо вокруг,
Ветер туман унёс,
На сопках манчжурских воины спят
И русских не слышат слёз.

Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачут все, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня.

Пусть гаолян
Вам навевает сны,
Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны.

Вы пали за Русь,
Погибли за Отчизну.
Но верьте, мы за вас отомстим
И справим мы славную тризну³.

Далее заслуживает внимания исполнитель этого вальса — шарманщик. Персонаж для послевоенной ленинградской пивной, прямо скажем, не самый характерный. Конечно, это может быть объяснено чисто поэтологически: богатая первая рифма песни «шалманчика —

² В недавней книге (*Osiewicz B. Formy i źródła poezji Aleksandra Galicza. Poznań, 2016. S. 200–201*) автор утверждает, что Галич использует текст Скитальца, что неверно.

³ При всей ненадежности источника следует обратить внимание, что он не может быть признан зависимым от песни Галича, тогда как она почти дословно цитирует этот текст.

Словесные переключки между двумя стихотворениями заметить нетрудно: шарманщик и шарманка, обезьянка «с тоскою и ленью в очах» у Окуджавы и та, у которой «глаза ее жуткие / Выражали почти человечью отчаянность», плечи, транквилизационное («крикливые женщины... затихают») и терапевтическое действие шарманки. Да и общее настроение двух стихотворений во многом схоже, прежде всего в том, что шарманка создает особое настроение, когда у Окуджавы «перемешиваются молчанье и песни», а у Галича «не взрывалось молчанье ни матом, ни брѣхами». При том внимательном и даже несколько ревнивом отношении к Окуджаве, которое существовало у Галича, создание параллельной картинки в совершенно другом семантическом ряду было, как кажется, вполне естественным⁵.

Если же присмотреться к галичевскому шарманщику, то, кажется, надо не пропустить две его характеристики. Первую я пока не могу удовлетворительно объяснить: он назван «обломок империи», и никто из комментаторов, кажется, не отметил, что это название очень известного кинофильма режиссера Фридриха Эрмлера (1929). Для человека кино, каким был Галич, это не могло быть случайностью. Но что именно подразумевается, помимо очевидного, прямого смысла этих слов, как работает название и содержание фильма — здесь возможны догадки, выходящие за рамки комментария. Вторая — фраза: «А шарманщик ел, зараза, хаши». Откуда это весьма специфическое блюдо могло появиться в ленинградской пивной, да к тому же не рано утром, когда его положено готовить и есть, а явно вечером? Вот как описывает хаши в Москве начала 1960-х режиссер Ираклий Квирикадзе: «Трудно объяснить незнающему, что это такое: густой бульон, в нем — коровьи потроха, в него высыпают много-много чеснока, он очень горяч. Хаши — блюдо для похмелья. Хаши — некий наркотик. Есть люди, которые жить без него не могут. В Тбилиси его начинают есть с семи утра. В крошечные столовые старого города съезжаются хашисты. За одним столом сидят рядом профессора и карманные вору, прокуроры и художники, интеллектуалы и грузчики, секретари райкомов и пьяницы с трясущимися руками. Во время поедания хаши всем всё прощается, этот бульон с чесноком и сто грамм водки — смысл утреннего существования хашиста. Я — хашист. Страдал от того, что в Москве его нигде не готовили, и вот радость — ресторан “Арагви” по воскресеньям стал

⁵ Специально об этом см.: *Крылов А.* О двух «окуджавских» песнях Галича // <https://ae-krylov.livejournal.com/20954.html>, <https://ae-krylov.livejournal.com/21104.html>; *Быков Д.* Булат Окуджава. М., 2009. С. 572–591 (глава «Окуджава и Галич»).

готовить хаши. Там встречались грузинские и московские хашисты: Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Датуна Мачавариани, Саша Абдулов, Жора Гигинеишвили, братья Шенгелая, братья Ибрагимбековы, Саша Кайдановский, Никита Михалков...»⁶

Мне представляется, что здесь мы имеем дело с прикровенным указанием на подтекст из Окуджавы: «хаши» (а не «хаш») — именно грузинский вариант названия, и бывавший в Тбилиси Галич это, скорее всего, знал.

Теперь обратимся к спутнице шарманщика — обезьянке. В песне она неизменно называется именно в такой уменьшительной форме, тогда как рассказ Зошенко, за который он был подвергнут унижительному разному Жданова, назывался «Приключения обезьяны»⁷. Мало того, назойливо (46 раз!) повторяющееся в нем слово «обезьяна» лишь дважды, вполне случайно, заменено уменьшительным. Между тем в литературе 1960-х гг. есть произведение, где именно уменьшительная форма встречается в одном из кульминационных мест повествования, запоминавшихся читателям едва ли не острее всего:

Не предполагая найти интересное в обезьяньем ряде, Костоготов быстро его проходил и даже начал скашивать, — как увидел на дальней клетке какое-то объявление и нескольких человек, читавших его.

Он пошел туда. Клетка была пуста, в обычной табличке значилось: «макака-резус». А в объявлении, наспех написанном и приколотом к фанере, говорилось:

«Жившая здесь обезьянка ослепла от бессмысленной жестокости одного из посетителей. Злой человек сыпнул табака в глаза макаке-резус».

И — хлопнуло Олега! Он до сих пор прогуливался с улыбкой снисходительного всезнайки, а тут захотелось завопить, зареветь на весь зоопарк, — как будто это ему в глаза насыпали!

Зачем же?!.. *Просто так* — зачем же?!.. Бессмысленно — зачем же?

Больше всего простотою ребенка хватало написанное за сердце. Об этом неизвестном, благополучно ушедшем человеке не сказано было, что он — антигуманен. О нём не было сказано, что он — агент американского империализма. О нём сказано было только, что он — *злой*. И вот это поражало: зачем же он просто так — *злой*? Дети! Не растите злыми! Дети! Не губите беззащитных!

⁶ *Квирикадзе И.* Мальчик, идущий за дикой уткой. М., 2016. С. 59–60. Ср. также стихотворение Евг. Евтушенко «Утренний хаш».

⁷ Комментировавший стихотворение Галича В. Бетаки (видимо, под влиянием комментируемого текста) назвал его «юмористическ[им] рассказ[ом] М. Зошенко “Про обезьянку”» (*Галич А.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2006. С. 345).

Уж было объявление прочтено и прочтено, а взрослые и маленькие стояли и смотрели на пустую клетку⁸.

Напомню, что при первом же упоминании обезьянки у Галича говорится: «Глаза ее жуткие / Выражали почти человеческую отчаянность», т.е. на передний план выдвигаются именно глаза. А на дальнем ассоциативном плане здесь может проходить «Обезьяна» Вл. Ходасевича, одного из высоко ценимых Галичем поэтов. При всей разности обстановки есть одно место, где стихотворения сближаются. У Галича:

А чудак глядел на обезьянку

 Словно бы он спрашивал: «Запомнишь?»
 И она кивала: «Да, запомню».

У Ходасевича:

...Ни одна рука
 Моей руки так братски не коснулась!
 И, видит бог, никто в мои глаза
 Не заглянул так мудро и глубоко,
 Воистину — до дна души моей.

Конечно, в первом случае человек нечто внушает «нищему зверю», а во втором тот сам прочитывает всё, таящееся в его душе, но процесс переглядывания и там и там одинаков.

Мало того, обезьянка становится подобием «чудака» или, вернее, его прототипа. «Обезьянка сипела спаленными бронхами» вызывает в памяти общеизвестный факт, запечатленный и в «Перед восходом солнца»: Зощенко был отравлен газами. Ср. в дневнике его жены 1923 г.: «...Чувствует он себя очень скверно: всё время жалуется на легкие, не говоря уж о сердце»⁹.

Вообще же в цикле «Литераторские мостки» и, в частности, в «На сопках Маньчжурии» имена прототипов в сам текст не вводятся,

⁸ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 3: Раковый корпус. М., 2012. С. 424–425 (сохранена орфография издания). Роман (или повесть) «Раковый корпус» был впервые опубликован в 1968 г., т.е. за год до создания песни; вопрос о датировке начала его хождения в самиздате остается открытым. Как следует из «Бодался теленок с дубом», первая часть ушла в самиздат еще в 1966 г., но интересующий нас эпизод входит во вторую часть, борьба за которую шла в 1968 г.

⁹ *Зощенко В.В.* О болезни и литературной работе <М.М. Зощенко>. Часть 1. 1920–1930-е гг. / Публ. Т.М. Вахитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 397.

и если бы мы получали, как это часто случалось в действительности, только песню, без названия и посвящения, то это могло бы составить для слушателя определенную проблему, которую Галич решает многочисленными и разнообразными указаниями на реальную личность.

В частности, герой здесь при всяком его упоминании обозначается словом «чужак». Решимся предположить, что это намек на одноименный журнал (1928–1930), где Зощенко был в числе постоянных авторов. Обезьянка как метонимическое замещение рассказа «Приключения обезьяны» вполне очевидна. «Некий журнальчик» тогда легко опознавался как «Звезда», фигурировавшая в известном постановлении, где говорилось: «Грубой ошибкой “Звезды” является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции “Звезды” известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко “Приключения обезьяны” (“Звезда” № 5–6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами»¹⁰.

Ни здесь, ни в докладе Жданова буквально слова «обманщик» нет, но оно само собой напрашивается. Зато слово «подонок» в докладе есть: «Только подонки литературы могут создавать подобные “произведения”, и только люди слепые и аполитичные могут давать им ход»¹¹. Унизительное выражение автор песни обращает на самого докладчика. А эпитет «толстомордый» не только характеризует реальную внешность т. Жданова, но еще и явно намекает на широко ходившие слухи о его роскошной жизни в блокадном Ленинграде.

Не очень понятно, знал ли Галич о бытовом поведении Зощенко, но так или иначе оно вполне достоверно воспроизведено. Характеризуя его обычаи и привычки, К.И. Чуковский записывал в дневнике: «Он живет в Доме Искусств одиноко, замкнуто, насуплено.

¹⁰ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 587.

¹¹ Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов товарища А.А. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. [М.,] 1952. С. 4.

Но комментаторы справедливо указывают, что это — «[п]арафраз припева из цыганского романа “Две гитары за стеной...”»; в бытовании припев нередко соединяется с различными песенными переделками стихотворения Аполлона Григорьева “Две гитары, зазвенев...”¹⁸. В точности так, как Галич (т.е. с «поездом» вместо «поля»), пел эти строки Вадим Козин¹⁹.

Мне, однако, кажется более важным определить хронотоп песни Галича, как будто бы прочно привязанный к реальным событиям. При этом, впрочем, стоит обратить внимание, что, судя по всему, рассказчик находится или в белой горячке, или на пути к ней: «Лезут в поезд из окна / Бесенята, бесенята» и «мертвяки» следующей строки об этом явственно свидетельствуют. Мотивировка для путаницы весьма уместная.

Что становится известно о пространстве и времени, о которых рассказывает пассажир? Дело происходит в Магадане, в лагерном бараке, а потом — на станции, у «стату́я». Время — суровая зима с пургой, после съезда «славной нашей партии», где

Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения.

«Стату́й» взорвали, а ээкам «скостили срока». При обычном, не слишком въедливым чтении это прочитывается вполне однозначно: Магадан после XX съезда КПСС, т.е. 1956 г., наступающая эпоха «позднего реабилитанса». Достаточно сказать, что по официальным данным Комитета партийного контроля за 3 с лишним года (с ноября 1952 по февраль 1956) им было реабилитировано и восстановлено в партии немногим более 500 человек, тогда как за год с 1 марта

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

(Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2: Стихотворения. Кн. вторая (1904–1908). М., 1997. С. 175). К тому же у Маяковского в предшествующих строках говорится: «Свисти, заноси снегами...», т.е. пейзаж тот же, что и у Блока, да и у Галича: «Ты представь — метет метель <...> сквозь пургу».

¹⁸ Маяковский В.В. Цит. соч. С. 504. Комментар. А.А. Козловского.

¹⁹ См.: https://www.youtube.com/watch?v=6lmHb12D_gM. Ср. также примеры Р.Д. Тименчика (Что вдруг?: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 635–637), упоминающего и строки Галича, но возводящего их к другому источнику.

1956 по 1 марта 1957 — 2307 человек, а за 5 лет между XX и XXII съездами — чуть менее 31 тысячи человек²⁰.

Однако если занять позицию въедливого и всё ставящего под сомнение читателя, то постепенно начинает обнаруживаться много несостыкровок. Начать, видимо, следует с того, что и до сих пор в Магадане нет железной дороги. В 1940–1953 гг. существовала узкоколейка, но к 1956 г. она была практически выведена из действия, а потом и разобрана²¹. Станционного здания для нее никогда построено не было, остался лишь его эскиз (приведен среди материалов того же сайта).

Естественно, раз не было вокзала, то не было и памятника Сталину перед ним. Историки уверенно говорят, что единственный в городе памятник Сталину находился совсем в другом месте: «До конца 50-х годов в парке культуры и отдыха на центральной аллее находился памятник И.В. Сталину. Памятник был установлен в 40-ых годах. Сегодня неизвестно кто автор, какова судьба этого памятника, кроме того, что после XX съезда КПСС в 1956 году скульптуре Сталина вывернули руки и связали их колючей проволокой. Памятник сбросили с пьедестала и разбили мозаичное панно с портретом вождя. Позже памятник склеили и вернули на место, а панно восстановить не удалось... В конечном счете, памятник убрали из парка»²².

В интернете сохранилась его фотография: бронзовый генералиссимус был обряжен в обычную военную форму, без шинели, то есть ламентации по поводу того, что «на Нем — одна шинель, / Грубая, солдатская», выглядят совершенно неуместными, его надо было пожалеть еще сильнее. Но вообще все эти факты в совокупности безоговорочно говорят, что место действия тут названо неверно, да и способ уничтожения также назван ложно: судя по приведенной выше цитате, памятник отнюдь не взрывали.

Теперь обратимся к временным координатам.

То, что события не могли происходить ранее 1956 г., очевидно. С 14 по 25 февраля этого года в Москве проходил XX съезд КПСС, где прозвучал доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Однако даже в стенографическом отчете съезда об этом докладе говорилось: «Съезд на закрытом заседании заслушал...»

²⁰ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 68–80. Даже если не доверять этим цифрам, пропорциям, как кажется, вполне можно верить.

²¹ Мы пользовались данными сайта «Узкоколейные железные дороги Магаданской области»: <http://infojd.ru/uzk49.html>.

²² См.: <http://www.kolymastory.ru/glavnaya/ulitsy-nashego-goroda/gorodskoj-park/iz-istorii-gorodskogo-parka/>.

Было опубликовано только краткое, в 10 строк, постановление²³. Как хорошо известно, текст доклада зачитывался на закрытых партийных собраниях, и хотя в «большой зоне» с его содержанием было не так уж сложно познакомиться, в лагерях о нем, по крайней мере на официальном уровне, молчали. Официальных указаний уничтожить памятники Сталину в это время также не было, это могла быть лишь местная инициатива из соображения «как бы чего не вышло».

Китай, конечно, не раз упоминался на съезде, но никаких симптомов ухудшающихся отношений не было и еще не могло быть, неафишируемые разногласия начались лишь после подведения итогов съезда. Лаос же был упомянут единственный раз, когда Чыонг Тинь, представитель ЦК Партии трудящихся Вьетнама, произнес: «... в Индо-Китае был восстановлен мир на основе признания независимости, суверенитета, единства и территориальной целостности Вьетнама, Камбоджи и Лаоса»²⁴.

Таким образом, 1956 г. и XX съезд должны быть отвергнуты.

Внеочередной XXI съезд прошел с 27 января по 5 февраля 1959 г. Никаких выпадов против Сталина на нем не было²⁵, а Лаос не упоминался ни единого раза. Так что и он не соответствует историческим реалиям, отразившимся в песне.

Значит, остается лишь один вариант — XXII съезд. Он знаменит и резкостью нападок на Сталина, и решением о выносе его трупа из мавзолея, и интенсивным сносом памятников Сталину, переименованием населенных пунктов, учреждений и многого другого, носившего это имя, — т.е. всем, что описано в песне Галича. Открытого разлада с Китаем на съезде еще не было, приехавший Чжоу Эньлай произнес приветствие от своего имени и прочитал таковое же от имени Мао Цзедунa, вообще настроение было примирительное (в отличие от обвинений в адрес Албании). Лаос неоднократно упоминался на съезде как потенциальный союзник. И время проведения съезда (17–31 октября 1961) не может быть опровержением указания: в ноябре на Севере метели — не редкость.

²³ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года: Стенографический отчет. М., 1956. Т. II. С. 402, 498.

²⁴ Там же. Т. I. С. 505.

²⁵ Наоборот, единственное упоминание этого имени на съезде, в установочном докладе Хрущева было таким: «... наш народ под руководством партии и ее Центрального Комитета, во главе которого долгие годы стоял И.В. Сталин, совершил глубочайшие преобразования. Преодолевая все трудности на своем пути, ломая сопротивление классовых врагов и их агентуры — троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов и других, наша партия, весь советский народ добились исторических побед, построили новое, социалистическое общество» (Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 января — 5 февраля 1959 года: Стенографический отчет. М., 1959. Т. I. С. 13).

Однако это в корне противоречит логике хода действий. Оказывается, что после смерти Сталина прошло едва ли не 9 лет, но рассказчик почему-то не попал ни под амнистию 1953 г., ни в какую бы то ни было волну массовой реабилитации. Только в конце 1961 г. «скостили нам срока».

Вряд ли здесь стоит искать реалистического объяснения. Как нам кажется, хронотоп песни устроен так, что при внешнем правдоподобию и пространство, и время растягиваются. Называется Магадан, но имеется в виду что-то иное²⁶; съезд партии — не то 1956 г., не то 1961-го. Соответственно и рассказчик наделен противоречивыми чертами. И поэтические (песенные) цитаты также становятся максимально разбросанными: Маяковский сливается с романсом, Аполлон Григорьев — с заклинанием от нечистой силы, и всё подсвечивается Блоком. Перед нами общий срез эпохи, а не дотошно выписанный свод подробностей.

Литература

Блок А.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 2: Стихотворения. Кн. вторая (1904–1908). М.: Наука, 1997. 895 с.

Быков Д. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. 784 с.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

Галич А. Облака плывут, облака. М.: Эксмо-пресс, 1999. 496 с.

Галич А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект; ДНК, 2006. 384 с.

Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. М.: Молодая гвардия, 2006. 219 с.

Зоценко В.В. О болезни и литературной работе <М.М. Зоценко>. Часть 1. 1920–1930-е гг. / Публ. Т.М. Вахитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 380–449.

Квирикадзе И. Мальчик, идущий за дикой уткой. М.: АСТ, 2016. 542 с.

Маяковский В.В. Полное собрание произведений: В 20 т. Т. 2: Стихотворения 1924–1926. М.: Наука, 2014. 637 с.

Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. 464 с.

Окуджава Б.Ш. Стихотворения / Вступ. ст. Л.С. Дубшана и В.Н. Сажина, сост. и подгот. текста В.Н. Сажина и Д.В. Сажина, примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.

²⁶ Без особой уверенности можно предположить, что кивком в сторону именно Магадана является цитата из исполнявшегося В. Козиным романса «по мотивам» А. Григорьева — именно в этом городе Козин отбывал свои срока, а потом просто жил.

Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 3: Раковый корпус. М.: Время, 2012. 552 с.

Тименчик Р. Что вдруг?: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2008. 685 с.

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Дневник. 1922–1935. М.: Агентство ФТМ Лтд, 2013. 656 с.

Osiewicz B. *Formy i źródła poezji Aleksandra Galicza*. Poznań, 2016. 270 s.

References

Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii: V 20 t. T. 2: Stikhotvoreniia. Kn. vtoraiia (1904–1908)* [Complete works in 20 vols. Vol. 2: Poems. Book 2 (1904–1908)]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 895 p. (In Russ.)

Bykov D. *Bulat Okudzhava*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 784 p. (In Russ.)

Chukovskii K.I. *Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 12: Dnevnik. 1922–1935* [Collected works in 15 vols. Vol. 12: Diary. 1922–1935]. Moscow, FTM Ltd Publ., 2013. 656 p. (In Russ.)

Egorov B.F. *Apollon Grigor'ev*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 219 p. (In Russ.)

Galich A. *Oblaka plyvut, oblaka* [Clouds are floating, clouds]. Moscow, Ekmo-press Publ., 1999. 496 p. (In Russ.)

Galich A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., DNK Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)

Kvirikadze I. *Mal'chik, idushchii za dikoi utkoi* [A boy following a wild duck]. Moscow, AST Publ., 2016. 542 p. (In Russ.)

Maiakovskii V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: V 20 t. T. 2: Stikhotvoreniia 1924–1926* [Complete works in 20 vols. Vol. 2: Poems 1924–1926]. Moscow, Nauka Publ., 2014. 637 p. (In Russ.)

Okudzhava B.Sh. *Stikhotvoreniia* [Poems], intro. by L.S. Dubshan and V.N. Sazhin, comp. and ed. by V.N. Sazhin and D.V. Sazhin, comment. by V.N. Sazhin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 712 p. (In Russ.)

Osiewicz B. *Formy i źródła poezji Aleksandra Galicza*. Poznań, 2016. 270 s.

Reabilitatsiia: Politicheskie protsessy 30–50-kh godov [Rehabilitation: Political processes of the 30–50s]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1991. 464 p. (In Russ.)

Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochinenii: V 30 t. T. 3: Rakovyi korpus* [Collected works in 30 vols. Vol. 3: Cancer Ward]. Moscow, Vremia Publ., 2012. 552 p. (In Russ.)

Тименчик Р. *Что вдруг?: Стат'и о русской литературе прошлого века* [Why so suddenly?: Essays on Russian literature of the last century]. Jerusalem, Moscow, Gesharim Publ., Mosty kul'tury Publ., 2008. 685 p. (In Russ.)

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP (b) — VKP (b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 [Power and the artistic intelligentsia: Documents of the TsK RKP (b) — VKP (b), VChK — OGPU — NKVD

on cultural policy. 1917–1953]. Moscow, Democracy International Foundation Publ., 1999. 872 p. (In Russ.)

Zoshchenko V.V. O bolezni i literaturnoi rabote <M.M. Zoshchenko>. Chast' 1. 1920–1930-e gg. [On <M.M. Zoshchenko's> disease and literary work. Part 1. 1920–1930s], publ. by T.M. Vakhitova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2013]. St. Petersburg, 2014, pp. 380–449. (In Russ.)

From commentary notes 5. On A. Galich's songs

Nikolay A. Bogomolov

Abstract: The notes give a real, historical-literary and poetological commentary to two songs by A. Galich, which are full of various allusions to the historical events of the Soviet period of Russian history and to the works by contemporary writers as well as classics of Russian poetry. Thus, a step is made to better understanding of these songs.

Keywords: historical and literary commentary, A. Galich, M. Zoshchenko, A. Grigoriev.

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab., Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru.

Citation: Bogomolov Nikolay A. From commentary notes. 5. On A. Galich's songs. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 300–313.

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-314-333

УДК 821.161.1

**К истории взаимоотношений Н.П. Анциферова
и Н.А. Роскиной****О.А. Симонова*

Аннотация. Н.А. Роскина (1927–1989) известна как литературовед, мемуаристка, оставившая воспоминания об А.А. Ахматовой, Н.А. Заболоцком, В.С. Гроссмане, Н.Я. Берковском, К.И. Чуковском, С.Я. Маршаке и др. В статье предпринимается попытка восстановить взаимоотношения Роскиной с историком, краеведом, литературоведом Н.П. Анциферовым (1889–1958). Они постоянно встречались, имели общих друзей, сотрудничали в «Литературном наследстве». Анциферова и Роскину связывала дружба, общие научные интересы и любовь к А.И. Герцену. Впервые полностью публикуется мемуарный очерк Роскиной об Анциферове. В своих воспоминаниях Роскина проводит идею о схожести жизней Анциферова и Герцена, ставшую впоследствии общим местом для исследователей творчества историка. Еще один сюжет, развиваемый Роскиной, — это квартирный вопрос в последние годы жизни Анциферова. Сосед Анциферова Ф. Арилин требовал его выселения из квартиры. Роскина приводит заявление Арилина полностью с сохранением орфографии и пунктуации малограмотного человека. Это яркий документ эпохи, помогающий понять трудности жизни и быта Анциферова в 1950-е гг.

Ключевые слова. Н.П. Анциферов, Н.А. Роскина, «Литературное наследство», семейная трагедия Герцена, С.А. Гарелина, квартирный вопрос

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Симонова, к.ф.н., старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: osimonova@yandex.ru.

Цитирование: *Симонова О.А.* К истории взаимоотношений Н.П. Анциферова и Н.А. Роскиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 314–333.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-04-00019а. «Эпистолярное наследие Н.П. Анциферова (1910–1950-е гг.). Исследование и публикация».

Наталья Александровна Роскина (1927–1989) вошла в историю русской литературы как литературовед, литературный секретарь К.И. Чуковского, гражданская жена Н.А. Заболоцкого, редактор «Литературного наследства», один из составителей академического издания сочинений и писем А.П. Чехова, мемуарист. Мемуарный жанр и автобиография наиболее подвластны ее перу. Свое детство и юность

она описала в автобиографической повести «Детство и любовь»¹. Ярким мемуаристом, тонко и живо описывающим своих героев, предстает Роскина в воспоминаниях о А.А. Ахматовой, Н.А. Заболоцком, В.С. Гроссмани, Н.Я. Берковском², К.И. Чуковском³, С.Я. Маршаке⁴ и др.⁵.

Не все мемуарные зарисовки автора на сегодняшний день опубликованы. Среди них — воспоминания об историке, краеведе, литературоведе Николае Павловиче Анциферове (1889–1958). У Роскиной с Анциферовым были общие знакомые, неизвестно, кто конкретно их познакомил. Но знакомству способствовала дружба с Анциферовым ленинградского родственника Н.А. Роскиной Арона Филипповича Перельмана, с которым она в те годы регулярно переписывалась. Он был последним владельцем и директором издательства «Брокгауз и Ефрон» (в 1917–1930 гг.), в котором выходили первые книги Анциферова «Душа Петербурга» (1922), «Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924) и др.

В письме от 23 декабря 1950 г. Н.А. Роскина отвечает на вопрос Перельмана, интересовавшегося, познакомилась ли она с Анциферовым: «Анциферовы очень милые, добрые, сугубо интеллигентны, даже слишком. Друг в друга влюблены до смешного (мне, во всяком случае, было смешно). Ник<олай> Павл<ович> сначала просил Вам нежно кланяться, потом долго подчеркивал, что не только Вам, но и Фриде, а потом добавлял, что Гоге тоже (“он ведь тоже тенишевец”).<...>

Ник<олай> Павлович все добивался, кем же я Вам прихожусь, я объясняла, объясняла, но он так и остался в сомнении. Тогда я сказала, что, честно говоря, родня довольно дальняя, но что у меня нет родителей, и я приживаюсь в чужих домах. На это они сказали: “Ха-ха-ха, да Вы же совсем ребенок, что же это мы Вас зовем по имени-отчеству, это Вы нас запутали, сказав, что у Вас есть дочка”»⁶.

¹ Роскина Н. Детство и любовь: Фрагменты повести / Публ. и вступ. заметка И. Роскиной // Звезда. 2015. № 6. С. 72–107.

² Роскина Н.А. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Париж, 1980.

³ Роскина Н. О Корнее Чуковском. Из неопубликованного: из архива Натальи Роскиной / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 16 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // Чайка. URL: <https://www.chayka.org/node/7008> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

⁴ Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 3. О Маршаке / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 16 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // Чайка. URL: <https://www.chayka.org/node/7578> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

⁵ Роскина Н. Наша редакция / Вступ. ст. А. Галушкина; публ. и коммент. М. Фролова // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 391–399.

⁶ Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 5. Молодые критики / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 30 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // Чайка. URL: <https://www.chayka.org/node/7610> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

В конце января 1951 г. Ф.А. Вигдорова познакомила Роскину с Лидией Корнеевной Чуковской⁷. Последняя помогла устроить ее секретарем к К.И. Чуковскому, у которого Роскина работала первую половину 1951 г. Скорее всего, именно в это время на переделкинской даче Чуковского произошла встреча с Анциферовым, описанная Роскиной в публикуемых воспоминаниях. Во всяком случае, случилась она до января 1953 г., когда Роскина с Лидией Чуковской окончательно рассорились⁸.

С августа 1951 г. Роскину принимают на работу в «Литературное наследство», в котором еще с довоенного времени сотрудничает Анциферов (он участвовал в подготовке герценовского двухтомника «Литнаследства», вышедшего в 1941 г.). По сведениям А.Ю. Галушкина, Роскину приняли по рекомендации Ю.Г. Оксмана, К.И. и Л.К. Чуковских⁹. По утверждению самой Роскиной, Н.П. Анциферов также участвовал в ее устройстве. В июле 1951 г. Анциферов рекомендовал Роскину литературоведу и старейшей сотруднице «Литнаследства» Н.Д. Эфрос. Роскина писала родственникам: «<...> поступила я, ура, на работу в, ура, «Литнаследство». Ура. Сделала это Лидия Корнеевна, но Вы, пожалуйста, не лишайте <С.А.> Рейсера удовольствия думать, что это сделал он, тем более что доля его участия в этом действительно была. На <И.С.> Зильберштейна было оказано давление со следующих сторон: 1) Л.К. <Чуковская> — постоянно действующая разнообразными способами по всем линиям; 2) <Ю.Г.> Оксман, которого накачали Л.К. <Чуковская>, К.И. <Чуковский> и Рейсер; 3) Нат. Дав. Эфрос, которую попросил обо мне Н.П. Анциферов; 4) Кс. Петр. Богаевская, с которой я познакомилась у Л.К. <Чуковской>»¹⁰.

⁷ Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 6. Работа у Чуковского / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 6 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // Чайка. URL: <https://www.chayka.org/node/7630> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

⁸ Чуковская Л. «Дневник — большое подспорье...» (1938–1994) / [Подгот. текста Е. Чуковская]. М., 2015. С. 110–111.

⁹ Роскина Н. Наша редакция. С. 391.

¹⁰ Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 7. Работа в «Литнаследстве» / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 13 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // Чайка. URL: <https://www.chayka.org/node/7647> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

В «Литнаследстве» Роскина проработала восемь лет. Она участвовала в подготовке томов 61–63 «Герцен и Огарев», т. 64 «Герцен в заграничных коллекциях», т. 68 «Чехов», вышедших в 1953–1960 гг. Работа над комментариями к письмам Герцена сблизила ее с Анциферовым. Они часто бывали друг у друга в гостях («прихожу к Анциферову» — упоминает она в одном из писем Перельману (5 окт. 1951))¹¹. Встречались они и в редакции «Литнаследства», и у общих друзей — Чуковских.

В письмах тех лет Роскина писала об Анциферове как о старшем товарище, к которому она относилась с почтением: «Видела я Н.П. Анциферова», он мне сказал, что Вы просили его за мной присмотреть. К чему бы это и что сей сон означает? Он хоть и не совсем авторитет, но все же я его очень уважаю, как и вообще святых. Но уж углядеть за мной не ему!»¹² С Анциферовым Роскина обсуждала не только творчество Герцена, но и жизненные ценности. Характерная деталь — вопрос о необходимости хранения архивов. Роскина, надеясь найти у Анциферова поддержку, советовалась с ним, вправе ли она требовать уничтожения своих писем, «ки попала впросак» (Письмо А.Ф. Перельману от 23 декабря 1950 г.). Анциферов полагал, что надо максимально сохранять документы¹³.

Анциферова и Роскину связывала дружба, общие научные интересы и общая любовь к Герцену. Как тонко подмечает ее дочь И.В. Роскина, «интеллигенция 1950-х гг. училась у Герцена противопоставлять себя окружающей их действительности, — началась уже, видимо, подготовка к шестидесятничеству и правозащитничеству (неслучайно любить Герцена моя мама начала вслед за Л.К. Чуковской и Ф.А. Вигдоровой)»¹⁴. У Анциферова, правда, этот интерес не был обусловлен политической ситуацией, Герцен был его любимым писателем еще с гимназических лет. Глубоко знал Анциферов и биографию Герцена. Идея о схожести жизней Анциферова и Герцена станет общим местом для исследователей творчества Анциферова. Эту мысль проводит в своих воспоминаниях и Н. Роскина.

Еще один сюжет, развиваемый Роскиной, — это квартирный вопрос в последние годы жизни Анциферова. С 1934 до 1957 г. Анциферов жил в коммунальной квартире. «Квартира состояла из 7 комнат, в которых проживало 23 человека, с коридором, имевшим форму буквы “Г” и ведшим в отдаленную кухню с отдельным

¹¹ Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 7. Работа в «Литнаследстве».

¹² Сообщено И.В. Роскиной.

¹³ Роскина И. Верификация жизни (об эпистолярном архиве Н.А. Роскиной) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2015. № 8. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 156.

черным выходом во двор. До 1949 года в квартире не было газа, и она обогревалась печным отоплением»; «Комната Анциферовых одной стеной граничила с ванной, и постоянно льющаяся вода — нескончаемая очередь жильцов густонаселенной коммуналки не давала ни минуты передышки этому небольшому служебному помещению — мешала разговорам приходивших к Николаю Павловичу друзей»¹⁵.

Роскина, сама жившая в коммуналке, прекрасно понимала, как сложно в таких условиях заниматься умственным трудом. Спокойных условий требовало и все ухудшавшееся здоровье Анциферова. В письме Г.А. Штерну он упоминал о конфликтах с соседом Ф. Арилиным: «Дома особенно плохо. Хулиган, проживающий в нашей квартире, на просьбу Соф<ии> Алекс<андровны> не пользоваться ванной в ночное время, т.к. при моей гипертонии мне нужен спокойный сон, плюнул ей в лицо»¹⁶. Арилин постоянно провоцировал ссоры и, в итоге, после того как вся квартира возбудила против него дело, подал иск в милицию с требованием выселить Анциферовых.

Это заявление, пока нигде не публиковавшееся, и приводит в своих воспоминаниях Роскина. Документ, на наш взгляд, красочно свидетельствует о житейских трудностях Анциферова послевоенного времени. Стиль заявления Арилина и характерное описание советского быта отсылает, скорее, к зощенковскому сказу, но в данном случае это не стилизация, а документальное подтверждение художественной стилизации: герой-обыватель заговорил сам и именно так, как уже говорил в пародиях на себя. Прозвучавшие взаимные обвинения в хулиганстве также вполне отражают реалии советского времени. Как отмечал Анциферов, слова «хулиган» в начале XX в. «в обывательском лексиконе еще не было»¹⁷, оно было только заимствовано из английского языка. К середине XX в. оно уже прижилось в русском языке и точно характеризовало происходящее.

В своих воспоминаниях Роскиной удалось запечатлеть портрет Н.П. Анциферова в 1950-е гг., когда все большие трагедии его жизни уже остались позади, но житейское благополучие так и не было достигнуто.

¹⁵ *Московская Д.С.* Николай Павлович Анциферов: арбатский период жизни // Арбатский архив: историко-краеведческий альманах / [Ред.: В.А. Бессонов (сост.) и др.]. Вып. II. М., 2009. С. 499–500.

¹⁶ Письмо Анциферова Г.А. Штерну от 1 декабря <1950 г.> // НИОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 169. Л. 56. Сообщено Д.С. Московской.

¹⁷ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М., 1992. С. 88.

Документ печатается по неавторизованной машинописи с правкой, хранящейся в РГАЛИ, в фонде Н.А. Роскиной (Ф. 3120. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30–33). Текст печатается в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации за исключением специально оговоренного фрагмента — иска Арилина. Этот иск сверен с текстом хранящейся в фонде Анциферова машинописной копии (НИОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 13. Арилин Федор Лаврентьевич, рабочий, сосед Н.П. Анциферова. Исковое заявление в Народный суд 3-го участка Киевского района г. Москвы о выселении Н.П. Анциферова и его жены С.А. Гарелиной из квартиры. [1950]). Выявлены незначительные разночтения, наиболее значимые из которых приведены в сносках.

Выражаю огромную благодарность Ирине Валентиновне Роскиной за бесценные консультации и разрешение опубликовать эти воспоминания.

Н.А. Роскина

В СЕРЕДИНКЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Сведения о Николае Павловиче Анциферове (1889–1958) можно найти в Краткой Литературной Энциклопедии. Он был краевед, графодовед, изучал «душу городов» (одна из его книг, вероятно, лучшая, так и называлась: «Душа Петербурга»¹⁸). Еще он был музейный работник, публикатор, в высоком смысле деятель культуры. Именно что не заслуженный деятель культуры.

Разумеется, из заметки в Энциклопедии не узнаешь, что Анциферов побывал в Соловках¹⁹ (хотя при перечислении его работ заметен отнюдь не короткий перерыв). Не узнаешь и того, что никогда в жизни не узнаешь из энциклопедий. Вот, например, какие у него в биографии были места: дочь его оставалась при немцах в Детском селе (или лучше скажем по-старому, в Царском: от царя остались там дворцы, дети же не при чем²⁰), а после войны ее следа отец не

¹⁸ Первое и единственное советское издание: *Анциферов Н.П. Душа Петербурга / Гравюры на дереве А.П. Остроумовой-Лебедевой.* Пг., 1922.

¹⁹ Был в заключении в Соловецком лагере особого назначения в 1930–1931 гг. во время своего второго срока в 1929–1933 гг.

²⁰ Название «Детское село» город носил в 1918–1937 гг. После Гражданской войны в городе были организованы детские дома, колонии, здравницы, в бывших дворцах и особняках были размещены детские санатории и дома отдыха (*Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России // *Русская речь.* 1998. № 4. С. 91).

мог отыскать. Какая же рана была в сердце! И лишь в конце пятидесятих годов, когда пошли вегетарианские времена (выражение Ахматовой²¹), молодая женщина приехала с мужем в Москву, успев стать американкой, — хорошо, что отец был еще жив и даже относительно здоров²².

Николай Павлович был человеком удивительно добрым. Описывать доброту — это очень трудное дело. Есть качества человека, которые представляют собою экстракт: ну, к примеру, остроумие. Трудно ли описать остроумие — всего лишь вспомнить несколько удачных шуток. А доброта — это растворение. Это смягчение всех других качеств. Николай Павлович был человеком верующим, и поэтому его доброта — это и самоограничение, самоустранение. К тому же он был человеком старого воспитания, когда доброту полагалось скрывать. Он и скрывал, а все-таки она каждому была видна. Но без примеров.

Проще мне рассказать про его целомудрие, застенчивость²³. Тут я могу и пример привести. Но сначала, как в пьесе, дам время и место действия.

²¹ Выражение приписала А.А. Ахматовой Н.Я. Мандельштам в своей «Второй книге» (1972) (*Мандельштам Н.Я.* Вторая книга / [Подгот. текста, предисл., примеч. М.К. Поливанова]. М., 1990. С. 260), имея в виду период начала 1930-х гг. до эпохи Большого террора. Выражение употребляется и по отношению к концу 1950-х гг., но уже без связи с Ахматовой. Роскина вспоминала, что сама Ахматова вначале положительно приняла отечество, «стала о себе говорить: ”Я хрущевка”, ”я из партии Хрущева”. Долго она продолжала это твердить, настаивая, что Хрущеву можно простить многое за то, что он выпустил из тюрьмы невинных людей». Но, когда начался процесс над И. Бродским, Ахматова изменила свое мнение (*Роскина Н.А.* Четыре главы. С. 46).

²² Камендровская (урожд. Анциферова) Татьяна Николаевна (1924–2013) была угнана немцами из Детского села в Данциг. Вышла замуж за Алексея Михайловича Камендровского (1915–1962), певца хора С.А. Жарова. По вызову Жарова супруги в 1946 г. приехали в США. Камендровская работала в труппе «Нового театра», диктором на радиостанциях «Свобода», «Голос Америки» (*Александров Е.А.* Русские в Северной Америке. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 236). Проживала в Нью-Йорке, потом в предместье Вашингтона Арлингтон. Так и не побывала в России после войны при жизни Н.П. Анциферова, но поддерживала с отцом переписку; ей удалось приехать на родину только в 1989 г., на Анциферовские чтения. Аберрация памяти произошла у Роскиной, по-видимому, из-за того, что Анциферов делился с ней новостями о дочери, и у нее сложилось «живое» впечатление о ней.

²³ Роскина увидела в Анциферове те черты, которые он сам считал важными в человеке. Вспоминая об отроческих годах, этими же словами он описывает свое представление о будущей жене: «Я задумался над словом «целомудрие», встречавшимся в романах. Посмотрел в словаре Брокгауза и Ефрона, в котором привык искать ответы на возникавшие вопросы. В найденной статье мне попался новый термин — «растление», и так я шел от термина к термину и начал догадываться...

Разгадка потрясла меня. Разоблаченная тайна глубоко оскорбила во мне достоинство человека и на всю жизнь бросила тень. Помрачился мой идеал брака. Я мечтал о жене, похожей на Агнессу из “Давида Копперфильда”. И мне думалось, что голубоглазая с русыми косами Маня Фортунатова, застенчивая и добрая, — будет похожа на Агнессу» (*Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 72). Себя Анциферов относил к «людям

Итак — 1955 год. Редакция «Литературного наследства» разбирает так называемую «пражскую коллекцию» — архив Герцена и Огарева, полученный из Русского эмигрантского архива в Праге. Это, видите ли, дар Чехословацкой Академии Наук²⁴. Много бед²⁵, я думаю, натворил этот «дар», а многое попало крепко под замок, но как раз коллекции документов Герцена и Огарева все-таки повезло. Ее обрабатывал хороший коллектив ученых, обрабатывал серьезно, без спешки, результат — четыре герцен-огаревских тома²⁶.

1840-х годов», романтическое мировосприятие определило его стремление подчеркивать лучшее в людях (*Добкин А.И.* <Вступительная статья> // *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 3–5).

²⁴ Н.П. Анциферов участвовал в разборе и описании т. н. «Пражской коллекции» бумаг А.И. Герцена и Н.П. Огарева. «Эта драгоценная для русского народа коллекция была принесена в дар Академии Наук СССР правительством Чехословацкой республики в 1945 г., после того как Советская Армия разгромила фашистскую Германию и освободила Прагу. В основе своей “пражская коллекция” состоит из отдельных, поступивших в нее в разное время частей архива Герцена» (От редакции // *Литературное наследство*. Т. 61: Герцен и Огарев. I / [Арх.-текстол. и ред. подгот. А.Н. Дубовикова, Л.Р. Ланского, Н.А. Роскиной и Н.Д. Эфрос]. М., 1953. С. 1). Слово «дар» вызвало понятную иронию Роскиной: правительство Чехословакии не могло не исполнить требований СССР. В т. 63 «Литнаследства» опубликован обзор: *Анциферов Н.П.* Иконографические и мемориальные материалы «Пражской коллекции» (*Литературное наследство*. Т. 63: Герцен и Огарев. III. [Арх.-текстол. и ред. подгот. А.Н. Дубовикова, Л.Р. Ланского, Н.А. Роскиной и Н.Д. Эфрос]. М., 1956. С. 753–792).

²⁵ После критики т. 65 «Новое о Маяковском» и специального постановления ЦК КПСС редакцию «Литнаследства» проверяли разные комиссии, после чего она была передана в ведение ИМЛИ. Отныне содержание и международные контакты руководителей Литнаследства тщательно контролировались (*Галушкин А.* Из истории редакционного архива «Литературного наследства» (К 80-летию основания издания) // *Отечественные архивы*. 2010. № 2. С. 44–45). Академия наук обновила состав редколлегии (*Галушкин А.Ю., Фролов М.А.* Слишком «Новое о Маяковском». Заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Февраль 1959 года // *Литературный факт*. 2017. № 5. С. 294). В это время из редакции была уволена и Н.А. Роскина, которая не была оформлена в штат. Впоследствии она работала в «Литературной газете», «Вопросах литературы», «Советском экране» и др. На волне проверки критике подверглась работа герценовской группы. 5 мая 1959 г. К.И. Чуковский записал в дневнике, как редактор Литнаследства С.А. Макашин рассказывал, какие претензии были к редакции: «Целый час Макашин своим ровным голосом сообщал Федину всевозможные дразги, опутавшие со всех сторон «Литнаследство»: недовольно начальство тем, что в Герценовских томах раскрыта история Натали Герцен и Гервега, недовольно, что Илья <Зильберштейн> пользуется иностранными источниками» (*Чуковский К.И.* Собрание сочинений: В 15 тт. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комментар. Е. Чуковской. М., 2007. С. 286).

²⁶ В выходных данных первых трех томов из упомянутых, носящих название «Герцен и Огарев» (*Литературное наследство*. Т. 61. М., 1953; Т. 62. М., 1955; Т. 63. М., 1956), работа Анциферова обозначена как «подбор иллюстраций». В каждом из этих томов есть публикации писем разных корреспондентов Герцену, подготовленные Анциферовым. В выходных данных т. 64 «Герцен в заграничных коллекциях» (1958) Анциферов не указан, но для него он подготовил около десяти публикаций. Подробнее см.: *Фролов М.А.* Н.П. Анциферов — герценовед // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. ст. / Сост., науч. ред. Д.С. Московская; отв. ред. Д.П. Бак. М., 2014. С. 177–188).

Николай Павлович был поклонник Герцена²⁷. По своим интересам он был, что называется, «не теоретик», его волновала жизнь Герцена, запечатленная в «Былом и думах», волновала его семейная трагедия. В жизни Николая Павловича была похожая история: он мне, разумеется, ее не рассказывал, но я слышала, что у него в прошлом была и смерть детей, и измена и смерть жены²⁸. Вторая его жена была женщина, которую тоже нетрудно было спроецировать на Н.А. Тучкову-Огареву: ревнивая и невротичная²⁹. Отношения Герцена с Натальей Александровной казались ему (как и самому Герцену) идеалом: в их переписке он не видел возвышенной безвкусицы, а видел лишь идеальную красоту, ну, в этом ему все подпевали: советское литературоведение не признает неуважения к личной жизни классиков. Однако судьба готовила Николаю Павловичу удар. Как помнит читатель, Герцен был уверен в том, что его жена, примирившись с ним, навсегда рассталась с своим возлюбленным Гервегом, прокляла его, назвала (под диктовку Герцена) его характер «низко-еврейским» и с тем и умерла³⁰. Но ничего подобного. В 1952 году кончился мораторий на письма Натальи Александровны к Гервегу³¹, и редакция «Литературного наследства» получила фотокопии. Выяснилось, что жена Герцена обыкновенным образом обманула его, что она продолжала поддерживать с Гервегом переписку, послала ему

²⁷ Анциферов вместе со своей женой Т.Н. Анциферовой (урожд. Оберучевой) (1889–1929) долгое время работал над книгой «Любовь Герцена». Эта книга, как и подготовленная Анциферовым летопись жизни Герцена, не была завершена и опубликована. Но дважды, в 1945 и 1946 гг., был издан подготовленный им очерк жизни и творчества Герцена (*Анциферов Н.П.* А.И. Герцен: К 75-летию со дня смерти. М., 1945; 2-е изд. М., 1946.).

²⁸ Дети Анциферова, Наталья (1915–1919), Павел (1918–1919), умерли во время Гражданской войны от дизентерии; Т.Н. Анциферова умерла от туберкулеза, когда Н.П. Анциферова отправили на Соловки; от чахотки умер и сын Сергей (1921–1942) в блокадном Ленинграде. Издатель мемуаров Анциферова А.И. Добкин полагал, что краевед сознательно строил жизнь по образцу жизни Герцена. Так же и в своих мемуарах «Из дум о былом» Анциферов ориентировался на структуру мемуаров Герцена «Былое и думы» (*Добкин А.И.* <Вступительная статья> // *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 5, 11).

²⁹ Анциферова София Александровна (урожденная Гарелина, 1899–1964) — краевед, историк театра.

³⁰ Это письмо смертельно больная Н.А. Герцен написала Г. Гервегу 18 февраля 1852 г. В русском переводе А.И. Герцен привел его в «Былом и думах». Роскина упоминает фрагмент из следующего фрагмента: «Ваши преследования и ваше гнусное поведение заставляют меня еще раз повторить — и притом при свидетеле — то, что я уж несколько раз писала вам. Да, мое увлечение было велико, слепо, — но ваш характер — вероломный, низко еврейский, ваш необузданный эгоизм открылись во всей безобразной наготы своей — во время вашего отъезда и после — в то самое время, как достоинство и преданность А<лександра> росли с каждым днем» (*Герцен А.И.* Былое и думы. Автограф рассказа о семейной драме («Inside») / Ст., публ. и примеч. И.Г. Птушкиной // Литературное наследство. Т. 99. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1 / Отв. ред. Л.Р. Ланский и С.А. Макашин. М., 1997. С. 130).

³¹ По просьбе Марселя Гервега, сына Гервега, доступ к этим документам оставался закрыт до 100-й годовщины со дня смерти Н.А. Герцен, т.е. до 2 мая 1952 г.

(через кого-то из близких друзей семьи!) благословение со смертного одра и клятвы в вечной любви. И, естественно, возникло предположение, что суд международной демократии, который жаждал устроить Герцен (непонятно, за что он хотел судить Гервега, но он считал — за доведение до смерти, за преследование женщины, которая его покинула), — суд этот не состоялся потому, что Гервег имел в своих руках документальные оправдания³². Не он искал встреч и не он настаивал на переписке — скорее его преследовала безумно влюбленная женщина. (Вся эта история изложена в «Литературном наследстве» петитом и методом сокращений и недомолвок. Совсем исключена история выкидыша, который был у Натальи Александровны от Гервега, исключены места, которые позволяют предположить, что младшая дочь Герцена Ольга — это дочь Гервега, словом все сделано подцензурно и приличненько.) Это открытие настолько потрясло Николая Павловича, что — так всерьез считали хорошо его знавшие Л.К. Чуковская и Ф.А. Вигдорова — оно сократило его жизнь³³.

И вот — сцена. На широком ложе возлежит Корней Иванович Чуковский. Вокруг — Николай Павлович, Лидия Корнеевна, я. «Наталья Александровна [Герцен], эта старая онанистка...» — произносит Корней Иванович. «Ну, почему же, — рассудительно возражает Лидия Корнеевна, — ведь у нее был муж, был любовник, была куча детей...» И — пунцовые щеки Анциферова, который не в силах на нас поднять глаза.

³² Герцен после смерти жены стремился образовать «суд», «который осудил бы нарушение Гервегом кодекса поведения революционера-социалиста от имени международного революционного сообщества. Герцен обратился с призывом к “братьям по демократии”, прося их стать судьями» (*Паперно И.* Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 43).

³³ Это мнение Л.К. Чуковская отразила в дневниковой записи от 1 октября 1956 г.: «Третьего дня вечером навещала Николая Павловича. Он не стареет, а дряхлеет и не по дням, а по часам. Волочит ногу, заплетается. Но мысль и память свежи удивительно; расстроена речь, а не ум. Он потрясен открытием: Наталья Александровна писала Гервегу страстные письма до самой смерти. Александру Ивановичу она лгала до самой смерти. Вот и комментарий к 5 части “Былого и Дум”!» (*Чуковская Л.* «Дневник — большое подспорье...» (1938–1994). С. 124). На самом деле, редактор и комментатор первого полного собрания сочинений и писем А.И. Герцена (Пг., 1919–1925) М.К. Лемке еще в 1918 г. в частной беседе подтвердил Анциферову, что Н.А. Герцена до конца жизни не покидала Гервега (Письмо Анциферова А.Ф. Фортунатову // ОПИ ГИМ. Ф. 402. П. 12. Л. 2. Сообщено К.И. Плотниковым). В книге Карра (Carr E.H. «The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery». London, 1933) цитируется в английском переводе письмо Н.А. Герцен Гервегу, написанное по-французски 26 апреля 1852 г., за несколько дней до смерти. В 1933 г. Анциферов прочитал книгу и (как он записал в дневнике) узнал о существовании интимной связи жены Герцена с Гервегом до конца ее дней (*Добкин А.И.* «Вступительная статья» // *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 10, примеч. 4).

(В «Белом волке» Шварц пишет, что у Чуковского все мужчины делились на импотентов и сифилитиков: «Благополучных судеб в этой области мужской жизни Корней Иванович, казалось, не наблюдал»³⁴. Ну, так и о женских судьбах. А Николай Павлович умирал от смущения, от оскорбления.)

И еще сцену помню. Редакция «Литературного наследства», за столом восседает Макашин — редактор герцен-огаревских томов. Он недавно получил Сталинскую премию, он на вершине славы («Премия мне дал Сталин!»), квартиру ему, конечно, дали бесплатно³⁵. А Николай Павлович с присущей ему наивной простодушностью просит не сокращать его опусы: «Мне нужно в кооператив деньги вносить». (Зарплату он, как сотрудник Гос. Литературного музея получал копеечную, конечно.) И — змеиная улыбка Макашина, который полон презрения к такому меркантильному углу зрения в науке. «Как это вы так говорите, Николай Павлович — деньги...»

Сотрудник «Литературного наследства» Л.Р. Ланский³⁶, который знал французский язык и разбирал письма Натальи Александровны к Гервегу, попросил меня, зная о моем знакомстве с Ахматовой, передать ей его обзор. Ахматова прочла и сказала: «Что ни говорите, а умереть от любви — это почтенно»³⁷. Что же сказать об Анциферове, который умер от разочарования в своем кумире?

³⁴ Цитируется фраза из следующего фрагмента: «Однако в самые черные дни его даже я несколько огорчился, наслушавшись обвинительных актов против товарищей Корнея Ивановича по работе. Если верить ему, то они прежде всего делились, страшно повторить, — на сифилитиков и импотентов. Благополучных судеб в этой области мужской жизни Корней Иванович, казалось, не наблюдал. Соответственно определял он их судьбы и в остальных разделах человеческих отношений» (*Шварц Е.* Белый волк // Память. Исторический сб. Вып. 3. Париж, 1980. С. 301–302). После смерти Шварца в 1958 г. «Белый волк» распространялся в самиздате. А.И. Пантелеев вспоминал, что Шварц раскаялся в своей характеристике К.И. Чуковского, но переписать очерк не успел (*Пантелеев А.И.* О «Белом волке» // Воспоминания о Корнее Чуковском / Сост. и коммент. Е.Ц. Чуковская, Е.В. Иванова. М., 2012. С. 242). При жизни Роскиной этот очерк в СССР не печатался. Судя по точности цитаты, Роскина, скорее всего, была знакома с первой публикацией очерка в парижском сборнике «Память» (1980).

³⁵ Макашин Сергей Александрович (1906–1989) — литературовед, редактор «Литературного наследства» в 1931–1989 гг., лауреат Сталинской премии второй степени (1950). В начале общения Роскина охарактеризовала его так: «скрытен, сдержан, корректен, себе на уме, холоден», позже: «начальство прекрасное, спокоен, корректен, деловит, толков, но холоден и несколько гнетет»; «К его холодной манере я уже привыкла и научилась его ценить» (*Роскина Н.* Письма из семейного архива. Часть 7. Работа в «Литнаследстве»). М. Фролов цитирует письмо Макашина, в котором тот сообщает Анциферову о необходимости сократить его публикации (*Фролов М.А.* Н.П. Анциферов — герценовед. С. 180–181).

³⁶ Ланский (Каплан) Леонид Рафаилович (1913–2000) — литературовед, сотрудник «Литературного наследства» в 1946–1990 гг.

³⁷ Этот эпизод почти дословно Н.А. Роскина приводит в воспоминаниях об А.А. Ахматовой, описывая при этом свое смущение: «Мне показалось старомодным давать такую

Я знала Николая Павловича недолго. Написать о нем по-настоящему я не могу.

Все сказанное было не более как предисловием к тому, почему ему нужна была эта квартира. Почему он готов был просить денег (за свой труд, впрочем). Я хочу напомнить о том, как жил советский ученый, интеллигент до мозга костей, человек не просто верующий, а способный свои убеждения христианина привести в соответствие со своим образом жизни; как он жил в самой серединке двадцатого века, в 1950 от Рождества Христова году, в самом центре Москвы, в арбатском переулке, в коммунальной квартире³⁸.

Документ был скопирован самим Николаем Павловичем с разрешения судьи, к которому он был вызван по поводу этого заявления³⁹.

Орфография и пунктуация подлинника соблюдена.

Копия

В Народный суд 3 участка Киевского р-на г. Москвы
от гр. Арилина Федора Лаврентьевича
прож<ивающего> по Б. Афанасьевскому пер. 41 кв.1

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Анциферов⁴⁰ проживающий по этой же квартире совместно с моей квартирой не навидит меня и мою семью. Как я много семейный, имею семью 7 человек.

Анциферов одинокий человек, за последнее время стал хулиганить не стал пускать в ванну купаться говорит что вас много, из восьми камфорок газовых плит дали одну, в которой в квартире находятся 14 человек, мне на 7 человек одну комфорку Арилину, а Анциферов на 7 человек жильцов взял 7 камфорок для родных Анциферова⁴¹. Жена его Гарелина, которая отравила нашу кошку 29 августа 1950 года. Поставили мясо на блюде на кухне, кошка съела и через час подохла⁴², мы в это время берем вторую кошку, которая также повторилась и была отравлена 5 ноября 1950 г. подтверждает наш сын Слава 12 лет Арилин.

работу Ахматовой, словно она международный эксперт по женской любви» (Роскина Н.А. Четыре главы 1980. С. 57).

³⁸ Н.П. Анциферов с женой С.А. Анциферовой проживал в квартире № 1 первого этажа дома № 41 по Большому Афанасьевскому переулку.

³⁹ Анциферов процитировал фрагмент этого заявления в письме Г.А. Штерну от 1 декабря [1950] г. (НИОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 169. Л. 57. Сообщено Д.С. Московской). Суд, состоявшийся 19 декабря 1950 г., Анциферов выиграл.

⁴⁰ В копии, сделанной Анциферовым, вместо «Анциферов» здесь и далее «Гр. А.», что, безусловно, усиливает курьезность текста (НИОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 13. Л. 1).

⁴¹ В копии, сделанной Анциферовым, отсюда и далее вместо «Анциферов» — «А.» (Там же).

⁴² В тексте, приводимом Анциферовым: «издохла» (Там же).

И часто у моих детей болят животы и появляется рвота как и у кошек на тошноту.

Сам Анциферов болеет туберкулезом⁴³ лечится не у районного врача, а где то. По умывальникам и по месту общего пользования плюет и харкает и за собой не смывает, а со своей женой Гарелиной кушает с разных тарелок, но на других внимание не обращает, если он больной и хочет чтобы другие были больные.

Сам Анциферов называет себя профессором, который в 1938 г. отбывал в лагерях за свою работу⁴⁴. Родная Анциферова, Александра М.А.⁴⁵, в ее комнате стоит Анциферова рояль, которая играет с 1943 г. по сегодняшний день и обучает посторонних детей даже приезжающих из за города, на это основание никаких прав не имеет обучать в своей квартире детей. И все это руководствует Анциферова жена Гарелина бывшая хозяйка фабрик, которая имела две фабрики в Серпухове под ее именем Гарелина⁴⁶.

Я, Арилин, получаю две газеты центральная «Правда» и «Комсомольская правда» и часто получаю разорванные в коридоре лежащие в квартире или совсем порваны и брошены под дверь комнаты моей.

По всему этому делу его поведение хулиганское. Я обращался в домоуправление, которая сказала, я с такими людьми бороться не могу.

Эти люди профессора, я обратился к участковому. Участковый Хорин ответил мне, что ты с такими людьми не вяжись, эти люди сильные, а ты рабочий.

А поэтому я решил обратиться в народный суд и попросить принять меры с такими ненужными людьми, которые не хотят мирно жить, как Анциферов и Гарелина. Просим выселить Анциферова и Гарелину и дать возможность жить другим спокойно.

⁴³ В письме И.Н. Томашевской летом [1949] г. Анциферов писал о состоянии своего здоровья: «Возобновились подъемы температуры, появился тяжелый кашель. Думали, что туберкулез, и послали мокроту на исследование, но ничего не нашли» (НИОР РГБ. Ф. 645. К. 35. Ед. хр. 15. Л. 26 об.–27. Сообщено Д.С. Московской).

⁴⁴ В 1919 г. Анциферов возглавил кафедру Истории средних веков во 2-м Педагогическом институте в Петрограде, тогда же был избран профессором на кафедру Всеобщей истории в Туркестанский университет и год работал по организации историко-филологического факультета, но выехать в Ташкент летом 1920 г. не смог из-за болезни сердца (*Плотников К.И.* К биографии Н.П. Анциферова (по материалам личного дела из архива Союза советских писателей) // Третьи московские Анциферовские чтения / Отв. ред. Д.С. Московская. Сб. ст. М., 2015. С. 240–246). В 1937–1939 гг. Анциферов отбывал срок в Бамлаге (ст. Усури).

⁴⁵ Неясно, о ком идет речь.

⁴⁶ Гарелины были крупные фабриканты, владевшие в XIX — начале XX вв. тремя крупными предприятиями в Иванове-Вознесенске. С.А. Гарелина была дочерью одного из них.

Несмотря на это Анциферов подкупает всех жильцов поодиночке, которых только есть двое⁴⁷ Голубева уборщица этого дома и Снегкова ито и подтверждают.

подпись Арилин
22/XI–50 г.

* * *

Отдельная квартирка в писательских домах на Аэропорте...⁴⁸ Анциферов прожил в ней едва ли год. Инсульт, недолгое бытие тяжелого больного и небытие. Смерти он как верующий, разумеется, не боялся, а вот — как оставить одну свою нервную, издерганную вторую жену...

⁴⁷ В копии, сделанной Анциферовым, дальнейший текст отсутствует (НИОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 13. Л. 1).

⁴⁸ Это была квартира в «писательском доме» по ул. 2-ая Аэропортовская, д. 7/15, кв. 104. Анциферов с женой переехали туда в конце июля 1957 г. В письме писателю Ф.В. Гладкову он иронично отзывался о смене местожительства: «Я с женой из-за прелестей коммунального быта был вынужден покинуть милые арбатские переулки и живу теперь на Ленинградском шоссе» (Письмо Анциферова Ф.В. Гладкову // РГАЛИ. Ф. 1052. Оп. 3. Ед. хр. 97. Л. 1). Подробнее о переезде на новую квартиру см. письма Анциферова, набранные И.Б. Вагановой и фрагментарно опубликованные в статье: *Симонова О.А.* «О возврате не беспокойся. Это категорически». Материальный и квартирный вопрос в жизни Н.П. Анциферова // *Духовно-нравственное воспитание.* 2017. № 4. С. 79–80.

Литература

Александров Е.А. Русские в Северной Америке. Хэмден; Сан-Франциско; СПб.: Конгресс рус. американцев, 2005. 598 с.

Анциферов Н.П. А.И. Герцен: К 75-летию со дня смерти. М.: Гос. лит. музей, 1945. 63 с. (2-е изд. М.: Гос. лит. музей, 1946. 64 с.)

Анциферов Н.П. Душа Петербурга / Гравюры на дереве А.П. Остроумовой-Лебедевой. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс; Культ. инициатива, 1992. 511 с.

Анциферов Н.П. Иконографические и мемориальные материалы «Пражской коллекции» // Литературное наследство. Т. 63: Герцен и Огарев. III. [Арх.-текстол. и ред. подгот. А.Н. Дубовикова, Л.Р. Ланского, Н.А. Роскиной и Н.Д. Эфрос]. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 753–792.

Галушкин А. Из истории редакционного архива «Литературного наследства» (К 80-летию основания издания) // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 41–47.

Галушкин А.Ю., Фролов М.А. Слишком «Новое о Маяковском». Заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Февраль 1959 года // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–372.

Герцен А.И. Былое и думы. Автограф рассказа о семейной драме (“Inside”) / Ст., публ. и примеч. И.Г. Птушкиной // Литературное наследство. Т. 99. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1 / Отв. ред. Л.Р. Ланский и С.А. Макашин. М.: Наука, 1997. С. 55–148.

Добкин А.И. <Вступительная статья> // Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс; Культ. инициатива, 1992. С. 3–12.

Мандельштам Н.Я. Вторая книга / [Подгот. текста, предисл., примеч. М.К. Поливанова]. М.: Моск. рабочий, 1990. 559 с.

Московская Д.С. Николай Павлович Анциферов: арбатский период жизни // Арбатский архив: историко-краеведческий альманах / [Ред.: В.А. Бессонов (сост.) и др.]. Вып. II. М.: Тверская, 13, 2009. С. 496–506.

От редакции // Литературное наследство. Т. 61: Герцен и Огарев. I / [Арх.-текстол. и ред. подгот. А.Н. Дубовикова, Л.Р. Ланского, Н.А. Роскиной и Н.Д. Эфрос]. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 1–4.

Пантелеев А.И. О «Белом волке» // Воспоминания о Корнее Чуковском / Сост. и коммент. Е.Ц. Чуковская, Е.В. Иванова. М.: Никея, 2012. С. 241–244.

Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 41–66.

Плотников К.И. К биографии Н.П. Анциферова (по материалам личного дела из архива Союза советских писателей) // Третьи московские Анциферовские чтения / Отв. ред. Д.С. Московская. Сб. ст. М.: ГЛИМ-ИМЛИ, 2015. С. 239–253.

Роскина И. Верификация жизни (об эпистолярном архиве Н.А. Роскиной) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2015. № 8. С. 134–184.

Роскина Н. Детство и любовь: Фрагменты повести / Публ. и вступ. заметка И. Роскиной // *Звезда*. 2015. № 6. С. 72–107.

Роскина Н. Наша редакция / Вступ. ст. А. Галушкина; публ. и коммент. М. Фролова // *Вопросы литературы*. 2010. № 3. С. 391–399.

Роскина Н. О Корнее Чуковском. Из неопубликованного: из архива Натальи Роскиной / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 16 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // *Чайка*. URL: <https://www.chayka.org/node/7008> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 3. О Маршаке / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 16 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // *Чайка*. URL: <https://www.chayka.org/node/7578> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 5. Молодые критики / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 30 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // *Чайка*. URL: <https://www.chayka.org/node/7610> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 6. Работа у Чуковского / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 6 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // *Чайка*. URL: <https://www.chayka.org/node/7630> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

Роскина Н. Письма из семейного архива. Часть 7. Работа в «Литнаследстве» / Публ. И. Роскиной. Опубликовано 13 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] // *Чайка*. URL: <https://www.chayka.org/node/7647> (Дата доступа: 8 декабря 2017)

Роскина Н.А. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Париж: YMCA-PRESS, 1980. 147 с.

Симонова О.А. «О возврате не беспокойся. Это категорически». Материальный и квартирный вопрос в жизни Н.П. Анциферова // *Духовно-нравственное воспитание*. 2017. № 4. С. 70–80.

Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России // *Русская речь*. 1998. № 4. С. 85–92.

Фролов М.А. Н.П. Анциферов — герценовед // *Вторые московские Анциферовские чтения*. Сб. ст. / Сост., науч. ред. Д.С. Московская; отв. ред. Д.П. Бак. М.: Гос. лит. музей, Три квадрата, 2014. С. 177–188.

Чуковская Л. «Дневник — большое подспорье...» (1938–1994) / [Подгот. текста Е. Чуковской]. М.: Время, 2015. 409 с. (Собрание сочинений Лидии Чуковской. Т. 12)

Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 тт. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Коммент. Е. Чуковской. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. 640 с.

Шварц Е. Белый волк // *Память. Исторический сб.* Вып. 3. Париж: YMCA-Press, 1980. С. 290–310.

References

Aleksandrov E.A. *Russkie v Severnoi Amerike* [Russians in the Northern America]. Hamden, San Francisco, St. Petersburg, Kongress rus. amerikantsev Publ., 2005. 598 p. (In Russ.)

Antsiferov N.P. *A.I. Gertsen: K 75-letiiu so dnia smerti* [A.I. Herzen: on the 75th anniversary of death]. Moscow, State Literature Museum Publ., 1945. 63 p. (Ed. 2. Moscow, State Literature Museum Publ., 1946. 64 p.) (In Russ.)

Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The soul of St. Petersburg], woodcuts by A.P. Ostroumova-Lebedeva. Petrograd, Brokgauz-Efron Publ., 1922. 226 p. (In Russ.)

Antsiferov N.P. Ikonograficheskie i memorial'nye materialy "Prazhskoi kollektcii" [Iconographic and memorial materials of "Prague collection"]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 63: Gertsen i Ogarev. III* [Literary heritage. Vol. 63: Herzen and Ogarev. III], ed. by A.N. Dubovikov, L.R. Lanskii, N.A. Roskina, N.D. Efros. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 753–792. (In Russ.)

Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [From thoughts about the past: Memoirs], intro., comp., notes and annot. index of names by A.I. Dobkin. Moscow, Feniks Publ., Kul'turnaia initsiativa Publ., 1992. 511 p. (In Russ.)

Chukovskaia L. "Dnevnik — bol'shoe podspor'e..." (1938–1994) ["The diary is a big help..." (1938–1994)], ed. by E. Chukovskaia. Moscow, Vremia Publ., 2015. 409 p. (Collected works of L. Chukovskaia. Vol. 12).

Chukovskii K.I. *Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 13: Dnevnik (1936–1969)* [Collected works in 15 vols. Vol. 13: Diary (1936–1969)], comment. by E. Chukovskaia. Moscow, TERRA–Knizhnyi klub Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)

Dobkin A.I. *Vstupitel'naia stat'ia* [Preface]. Antsiferov N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia* [From thoughts about the past: Memoirs], intro., comp., notes and ann. index of names by A.I. Dobkin. Moscow, Feniks Publ., Kul'turnaia initsiativa Publ., 1992, pp. 3–12. (In Russ.)

Frolov M.A. N.P. Antsiferov — gertsenoved [N.P. Antsiferov as a researcher of Herzen]. *Vtorye moskovskie Antsiferovskie chteniia* [The Second Moscow Antsiferov proceedings], comp., ed. by D.S. Moskovskaia, D.P. Bak. Moscow, State Literature Museum Publ., Tri kvadrata Publ., 2014, pp. 177–188. (In Russ.)

Galushkin A. *Iz istorii redaktsionnogo arkhiva "Literaturnogo nasledstva" (K 80-letiiu osnovaniia izdaniia)* [From the history of the "Literary heritage" editorial archive (On the 80th anniversary of the founding)]. *Otechestvennye arkhivy*, 2010, no 2, pp. 41–47. (In Russ.)

Galushkin A.Yu., Frolov M.A. *Slishkom "Novoe o Maiakovskom"*. Zasedanie Biuro Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR. Fevral' 1959 goda [Too «New Materials on Mayakovsky». Transcript of the meeting of the Soviet Academy of Sciences Literature and Language Department Bureau, February 1959]. *Literaturnyi fact*, 2017, no 5, pp. 288–372. (In Russ.)

Gertsen A.I. *Byloe i dmy. Avtograf rasskaza o semeinoi drame ("Inside")* [My past and thoughts. The autograph of the story about family drama ("Inside")], intro., publ. and notes by I.G. Ptushkina. *Literaturnoe nasledstvo. T. 99: Gertsen i Ogarev v krugu rodnykh i druzei. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 99: Herzen and Ogarev in the circle of family and friends. Book 1], ed. by L.R. Lanskii, S.A. Makashin. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 55–148. (In Russ.)

Mandel'shtam N.Ia. *Vtoraia kniga* [The second book], ed., intro., notes by M.K. Polivanov. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 559 p. (In Russ.)

Moskovskaia D.S. Nikolai Pavlovich Antsiferov: arbatskii period zhizni [Nikolai Pavlovich Antsiferov: the Arbat period of life]. *Arbatskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii al'manakh. Vyp. II* [Arbat archive: almanac of local history. Issue II], ed. by V.A. Bessonov et al. Moscow, Tverskaia, 13 Publ., 2009, pp. 496–506. (In Russ.)

Ot redaktsii [A note from editorial stuff]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 61: Gertsen i Ogarev. I* [Literary heritage. Vol. 61: Herzen and Ogarev. I], ed. by A.N. Dubovikov, L.R. Lanskii, N.A. Roskina, N.D. Efros. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1953, pp. 1–4. (In Russ.)

Pantelev A.I. O “Belom volke” [About “The White Wolf”]. *Vospominaniia o Kornee Chukovskom* [Memoirs about Korney Chukovsky], comp. and notes by E.Ts. Chukovskaia, E.V. Ivanova. Moscow, Nikeia Publ., 2012, pp. 241–244. (In Russ.)

Paperno I. Intimnost' i istoriia: semeinaia drama Gertsena v soznanii russkoi intelligentsii [Intimacy and history: the Herzen family drama in the mind of Russian intelligentsia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 103, pp. 41–66. (In Russ.)

Plotnikov K.I. K biografii N.P. Antsiferova (po materialam lichnogo dela iz arkhiva Soiuza sovetskikh pisatelei) [On N.P. Antsiferov's biography (on materials of the personal file from the Union of Soviet Writers archive)]. *Tret'i moskovskie Antsiferovskie chteniia* [The Third Moscow Antsiferov proceedings], ed. by D.S. Moskovskaia. Moscow, GLM-IMLI Publ., 2015, pp. 239–253. (In Russ.)

Roskina I. Verifikatsiia zhizni (ob epistoliiarhom arkhive N.A. Roskinoi) [Verification of life (about N. Roskina's epistolary archive)]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2015, no. 8, pp. 134–184. (In Russ.)

Roskina N. Detstvo i liubov': Fragmenty povesti [Childhood and love: Fragments of the story], publ. and intro. by I. Roskina. *Zvezda*, 2015, no. 6, pp. 72–107. (In Russ.)

Roskina N. *Nasha redaktsiia* [Our editorial office], intro. by A. Galushkin, publ. and comment. by M. Frolov. *Voprosy literatury*, 2010, no. 3, pp. 391–399. (In Russ.)

Roskina N. O Kornee Chukovskom. Iz neopublikovannogo: iz arkhiva Natal'i Roskinoi [About Korney Chukovsky. Unpublished: from N. Roskina's archive], publ. by I. Roskina, 16.02.2016. *Chaika*. (In Russ.) Available at: <https://www.chayka.org/node/7008> (accessed 08.12.2017).

Roskina N. Pis'ma iz semeinogo arkhiva. Chast' 3. O Marshake [Letters from the family archive. Part 3. About Marshak], publ. by I. Roskina, 16.10.2016. *Chaika*. (In Russ.) Available at: <https://www.chayka.org/node/7578> (accessed 08.12.2017).

Roskina N. Pis'ma iz semeinogo arkhiva. Chast' 5. Molodye kritiki [Letters from the family archive. Part 5. Young critics], publ. by I. Roskina, 30.10.2016. *Chaika*. (In Russ.) Available at: <https://www.chayka.org/node/7610> (accessed 08.12.2017).

Roskina N. Pis'ma iz semeinogo arkhiva. Chast' 6. Rabota u Chukovskogo [Letters from the family archive. Part 6. Working with Chukovsky], publ. by I. Roskina, 06.11.2016. *Chaika*. (In Russ.) Available at: <https://www.chayka.org/node/7630> (accessed 08.12.2017).

Roskina N. *Pis'ma iz semeinogo arkhiva. Chast' 7. Rabota v “Litnasledstve”* [Letters from the family archive. Part 7. Working in the “Literary heritage”], publ.

by I. Roskina, 13.11.2016. *Chaika*. (In Russ.) Available at: <https://www.chayka.org/node/7647> (accessed 08.12.2017).

Roskina N.A. *Chetyre glavy: Iz literaturnykh vospominanii* [Four chapters: From literary memoirs]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1980. 147 p. (In Russ.)

Shvarts E. Belyi volk [The White Wolf]. *Pamiat'. Istoricheskii sb. Vyp. 3* [Memory. Historical collection Issue 3]. Paris, YMCA-Press Publ., 1980, pp. 290–310. (In Russ.)

Simonova O.A. “O vozvrate ne bespokoisia. Eto kategoricheskii”. Material’nyi i kvartirnyi vopros v zhizni N.P. Antsiferova [“Don’t worry about the refund. It’s categorically”. Financial and housing problem in N.P. Antsiferov’s life]. *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie*, 2017, no. 4, pp. 70–80. (In Russ.)

Smolitskaia G.P. *Toponimicheskii slovar’ Tsentral’noi Rossii* [Toponymic dictionary of Central Russia]. *Russkaia rech’*, 1998, no. 4, pp. 85–92. (In Russ.)

On history of relations between Nikolay Antsiferov and Nataliya Roskina

Olga A. Simonova

Abstract: Nataliya Roskina (1927–1989) is known as a literary critic, memoirist, who wrote memoirs about A. Akhmatova, N. Zabolotsky, V. Grossman, N. Berkovsky, K. Chukovsky, S. Marshak, etc. The author of the article attempts to restore the relationship between Roskina and Nikolay Antsiferov (1889–1958), historian, ethnographer, literary man. They met regularly, had common friends, worked in “Literary heritage”. Antsiferov and Roskina became friends, shared research interests and love for Alexander Herzen. For the first time, Roskina’s memoir essay about Antsiferov is published. In her memoirs, Roskina expresses an idea of resemblance between Antsiferov’s and Herzen’s lives, which became a common place for researchers of Antsiferov’s creativity. Another plot developed by Roskina is the housing issue in the last years of historian’s life. Antsiferov’s neighbor Fedor Arilin demanded his eviction from the apartment. Roskina cites Arilin’s petition, conserving the orthography and punctuation of an illiterate person. This is an impressive document of the time, which shows the difficulties of Antsiferov’s everyday life in the 1950s.

Keywords: Nikolay Antsiferov, Nataliya Roskina, “Literary heritage”, Herzen’s family tragedy, Sofiya Garelina, housing issue

Information about the author: Olga A. Simonova, PhD in Philology, senior research associate, RAS Institute of World Literature, Moscow, Russia. E-mail: osimonova@yandex.ru.

Citation: Simonova Olga A. On history of relations between Nikolay Antsiferov and Nataliya Roskina. *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 314–333.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-334-356

УДК 821.161.1

Habent sua fata libelli et homines **(Мемуарно-библиографические заметки)**

М.Г. Альтшуллер

Аннотация: В статье рассказывается о четырех книгах из личной библиотеки автора — изданиях самых известных в 1960-е гг. поэтов., об истории издания этих книг, о том, как эти дефицитные книги попали на книжную полку автора, о людях, с которыми автор дружил в то время.

Ключевые слова: Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, «Библиотека поэта».

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер, к.ф.н, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu.

Цитирование: *Альтшуллер М.Г.* Habent sua fata libelli et homines (Мемуарно-библиографические заметки) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 334–356.

В 1972 г. Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Сейчас вышла вперед четверка, четыре поэта Ахматова, Пастернак, Цветаева, Мандельштам. Навсегда ли?.. Никто не знает»¹. Действительно, никто не знает, как долго люди вообще будут читать стихи и вообще будут ли люди... Но тогда, в 60–70-е гг. прошлого века, действительно самыми любимыми, самыми читаемыми и почитаемыми были эти четверо.

На моей книжной полке стоят рядом четыре томика в одинаковом синем переплете «Библиотеки поэта»:

Борис Пастернак (1890–1960). Стихотворения и поэмы М.–Л., 1965;
Марина Цветаева (1892–1941). Избранные произведения. М.–Л., 1965;
Осип Мандельштам (1891–1938). Стихотворения. Л., 1973;
Анна Ахматова (1889–1966). Стихотворения и поэмы. Л., 1976.

¹ *Мандельштам Н.* Вторая книга. Paris: YMCA-Press, 1972. С. 372

Этих четверых таких разных поэтов, таких разных людей объединяет одно: они (наряду со многими другими талантливыми писателями) подвергались постоянному, неусыпному преследованию советской, большевистской власти. Одного эта власть просто убила в лагере, другую довела до самоубийства, Пастернака вогнала в болезнь и смерть, Ахматову (героиню двух партийных постановлений) третировала всю ее сравнительно долгую для русского поэта жизнь и изуродовала даже ее могильный памятник.

Я не собираюсь говорить здесь о творчестве этих поэтов и детально описывать драматические события, сопровождавшие появление в печати четырех замечательных томов. Об этом уже много и подробно написано в десятках статей и книг многими исследователями, в том числе и людьми, так или иначе причастными к их появлению. Мне лишь хочется рассказать именно о моих экземплярах — четырех книжках, которые ныне стоят в далеком от Петербурга и Москвы Питтсбурге на книжной полке среди семи тысяч книг нашей нынешней библиотеки, и о тех странных для современного читателя обстоятельствах, при которых они мне достались.

К тому времени, когда появился в печати первый упоминаемый мною том, все четыре гения уже умерли. И эти ушедшие «отщепенцы» начали постепенно превращаться в славу России. Большую роль сыграла, конечно, всё возрастающая слава этих людей за рубежом. Там их книги на русском и переводы на европейские языки продавались довольно активно.

Как рассказывали, на совещании издательских работников какая-то партийная дама объясняла: дескать, мы вынуждены издавать таких неугодных авторов, чтобы заткнуть глотки всяким враждебным голосам.

Из зала раздался голос: «Лучше заткните нам!»

Нам «затыкать» не хотели. Большая часть (может быть, бóльшая) уходила за границу, остальное расходилось закрытым способом: партийным чиновникам в закрытых магазинах, членам Союза писателей по специальным спискам и пр.

Первым из «отщепенцев» появился в «Библиотеке поэта» Борис Леонидович Пастернак. Позорная травля Нобелевского лауреата вызвала глубокое отвращение не только за рубежом, но и у всей русской интеллигенции. Естественно, что интерес к творчеству Пастернака продолжал расти. Подзабылась, отошла в прошлое мерзейшая статья Д. Заславского о «литературном сорняке», зато навсегда вошло в русский язык, стало хрестоматийным знаменитое высказывание

экскаваторщика Васильцова: «Я Пастернака не читал, но знаю...»² (я до сих пор не могу отделаться от мысли, что это замечательное письмо сочинили какие-то смелые остряки в редакции «Литературной газеты»).

И в 1962 г., спустя всего два года после смерти затравленного властями и коллегами автора «Доктора Живаго», возникла смелая идея издать в престижнейшей «Библиотеке поэта» том его стихотворений. Идея исходила от главного редактора «Библиотеки» В.Н. Орлова и поэта и филолога Л.А. Озерова, который хотел взять на себя составление (текстологию) и комментирование. Оба занимали заметное место в чиновничье-партийной иерархии. Им удалось как-то убедить/уговорить начальство. Там, наверное, захотели продемонстрировать толерантность, «заткнув глотки» западным крикунам, и заодно заработать немного валюты. Сыграло свою роль и появление на западе четырехтомного собрания сочинений Пастернака (Ann Arbor: The University of Michigan press, 1961–1963).

В середине 1962 г. Орлов сообщил Озерову, что Пастернака будут издавать и он надеется выпустить том в следующем году³. Дело, однако, затягивалось, в основном по идеологическим причинам. Работу тормозил давний гонитель Пастернака Алексей Сурков. Задержка, впрочем, по тогдашним меркам оказалась не очень долгой. Книга ожидалась с нетерпением. Составитель тома рассказывал:

Из десяти встречаемых мною людей <...> девять вместо «здрас-те» спрашивают:

- А когда выйдет?
- Был ли сигнал?
- Не отложили ли на следующий год?
- А не можете ли достать экземплярчик?⁴

С какими трудностями приобретения еще не вышедшей книги сталкивались даже ее издатели, рассказывает письмо редактору автора вступительной статьи А.Д. Синаевского от 12 апреля 1964 г.: «Хотя еще рано делить шкуру неубитого медведя, но я сегодня зашел в лавку писателей, чтобы гарантировать себе дополнительные экземпляры книги, и там мне сказали, что обеспечить это они не

² Васильцов Ф., старший машинист экскаватора. Лягушка в болоте // С разных точек зрения. «Доктор Живаго» Б. Пастернака. М.: Советский писатель, 1990. С. 106–107.

³ Из истории издания «Стихотворений и поэм» Бориса Пастернака в «Библиотеке поэта» (1962–1965). Публ. Е.М. Гушанской и И.С. Кузьмичева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 761–763.

⁴ Письмо Л.А. Озерова к Г.М. Цуриковой (редактору), 18 марта 1964 (Там же. С. 819).

берутся. Так вот, Галина Михайловна, не сможет ли издательство как-то содействовать своим авторам и написать какое-нибудь отношение в какую-нибудь контору или на книжный склад, чтобы мы не остались без книги? Спросите, пожалуйста»⁵.

При таком ажиотаже купить заветную книгу у нас, людей простых и без связей, надежды практически не было. Но... однажды утром жена разбудила меня: «Знаешь, мне приснилось, что сегодня в “Лавке писателей”⁶ будет Пастернак». Сон не сон, но даже призрачная возможность получить заветную книгу манила. Выхода ее ожидали со дня на день. Зевая, я поехал на Невский.

У дверей магазина растянулась интеллигентная, не очень длинная очередь (может быть, им тоже приснилось!). Дверь, наконец, открыли. И, о радость! — на прилавке лежали заветные синие томики. В одни руки, естественно, «давали» только один экземпляр, с которым я, сияющий, вернулся домой.

Книга действительно была хороша. Дельную вступительную статью написал Андрей Донатович Синявский. Это была его последняя публикация в Советском Союзе. Книга подписана к печати 25 мая 1965 г., а в сентябре Синявский вместе с Юлием Даниэлем был арестован и стал жертвой позорного судилища, еще раз продемонстрировавшего миру истинное лицо коммунистической тоталитарной системы.

Синявский категорически отказался осуждать «идеологические ошибки» поэта»: «Писать о политических и философских ошибках Пастернака я не считаю правильным и для себя возможным»⁷. Эти строки объясняют некоторую эдиционную странность вышедшего тома: перед толковой вступительной статьей почему-то напечатано четырехстраничное «Предисловие», подписанное: «Редакционная коллегия “Библиотеки поэта”». Появление странного фигового листка объясняется упрямством Синявского. Не желая пачкать руки, автор предложил: «если у редколлегии появится намерение высказать в адрес Пастернака более резкую критику, чем та, которая содержится в моей статье <...> это, мне кажется, может быть осуществлено в рамках предисловия от редакции»⁸.

И действительно, в «Предисловии» все идеологические акценты были строго расставлены: «...Б. Пастернак не стал активным борцом за социализм. Не уступая своей исконной индивидуалистической

⁵ Там же. С. 781.

⁶ Книжный магазин на Невском проспекте.

⁷ Из истории издания... С. 778.

⁸ Там же. С. 779.

позиции, он не сумел в должной мере постичь существо смысла происходящего в стране и мире исторического процесса»⁹. Автором фигового листа, безуспешно пытавшегося прикрыть творческие свершения гениального поэта, был, по всей вероятности, глава тогдашнего Союза писателей — Алексей Сурков¹⁰.

В комментариях был упомянут крамольный роман, который вызвал «резкий протест советской общественности», а в основном тексте были целый раздел «Стихи из романа»¹¹, куда, правда, вошли в основном тексты, опубликованные в советской прессе. Удалось включить и несколько знаменитых стихов: «Осень» «Сказка», «Земля», — но сопроводив их лицемерным комментарием: «Печ<атает>ся» впервые» (перепечатывать тексты из романа, выпущенного на западе, было нельзя). Естественно, что такие шедевры, как «Гефсиманский сад», «Магдалина», «Гамлет» и пр., в раздел «Стихи из романа» не попали. Впрочем, они были нами давно прочитаны (как и сам «Доктор Живаго»), переписаны, запомнены.

Тем не менее том, как я уже говорил, был хорош. Знаменитые сборники стихов («Поверх барьеров» «Сестра моя жизнь», «Темы и вариации») были перепечатаны. Приводились ранние варианты и другие редакции. Комментарии в целом были добротны. Книга заняла свое почетное место среди сотни других синих томиков «Библиотеки поэта» на нашей книжной полке.

В том же 1965 г., несколькими месяцами позднее, появилась в знакомом синем переплете еще одна замечательная книга. Видно, «наверху» решили еще раз «заткнуть рот» врагам, а крохи снова доставались нам. На сей раз это были стихи Марины Цветаевой.

Если стихи Пастернака, хотя и сомнительного, но всё же «советского» поэта, все-таки были более или менее доступны (после защиты мой школьный друг Яков Николаевич Любарский, известный византист, сделал мне драгоценный подарок — сборник 1922 г. «Сестра моя жизнь»), то Цветаева (эмигрантка, дочь и муж которой оказались в чекистских застенках, самоубийца) была нам (очень многим), к стыду нашему и советской власти, совсем неизвестна — до ноября 1956 г.: тогда вышел из печати объемистый, 800 стр., том «Литературная Москва. Литературно-художественный

⁹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.–Л., 1965. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 6.

¹⁰ Из истории издания... С. 768–769.

¹¹ Первоначальное название раздела «Стихотворения из романа “Доктор Живаго”» пришлось убрать (Там же. С. 767-768).

сборник московских писателей. Сборник второй»¹². В конце этого тома была напечатана небольшая, очень информативная статья Эренбурга «Поэзия Марины Цветаевой», предварявшая подборку из семи ее стихотворений. Эренбург был предельно осторожен, избегал подробностей трагической жизни Цветаевой: «жила за границей», «вернулась в Москву», «в 1941 покончила жизнь самоубийством». Однако он впервые за много лет (не считая невнятной жвачки А. Тарасенкова) напомнил русской интеллигенции о трагически погибшем поэте. А главное, он напечатал несколько стихотворений. Среди них такие шедевры, как «Стол», «Попытка ревности».

Однако попытка самого Эренбурга надолго так и осталась попыткой. «Литературная Москва» подверглась партийному разгрому. Главной мишенью, правда, оказался яркий антипартийный рассказ Яшина «Рычаги», но и эмигрантка Цветаева, затравленная советскими писателями, тоже пришлось не ко двору. Альманах тут же закрыли. Сборник второй оказался и последним. Свою короткую статью Эренбург закончил обнадеживающими словами: «Наконец-то выходит сборник стихов Марины Цветаевой. Муки поэта уходят вместе с ним. Поэзия остается»¹³.

Сборник стихов Цветаевой действительно готовился к печати. Но Эренбург и с ним мы, читатели, напрасно радовались. Книга так и не вышла¹⁴. Появление Цветаевой в опальной «Литературной Москве» сыграло свою роковую роль.

Прошло пять лет, и большая подборка стихов Цветаевой (41!) появилась в знаменитом крамольном сборнике «Гарусские страницы». Эта книга увеличенного формата в изящной суперобложке со стилизованными березками на фоне голубых разводов произвела настоящий фурор. Прекрасная, честная и жестокая проза (Казаков, Балтер, Максимов) соседствовала со стихами Коржавина, Корнило-

¹² За два месяца до того вышел из печати неуклюжий, громадного формата (26 на 34 см., при нормальном размере ок. 15 на 20) первый, еще не нумерованный сборник «День поэзии» (М.: Московский рабочий). Там на с. 127–131 опубликована подборка хороших стихов Цветаевой («К Чехии», «Читатели газет», «Вчера еще в глаза глядел.» и пр.) с официальным и достаточно лживым вступлением А. Тарасенкова, где деревянным языком, официальными формулировками говорилось лишь о цветаевской «ненависти к фашизму, ее любви к свободе и прогрессу» и, конечно, ни словом не упоминалось о ее самоубийстве, об арестах близких. Подробнее об этой публикации см.: *Салтанова С.* Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи (1941–1961 годы). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 158–163.

¹³ Литературная Москва. Сб. 2. М., 1956. С. 714. В начале статьи сообщалось, что она будет напечатана в выходящем одноименнике Цветаевой

¹⁴ Подробно о кампании против «Литературной Москвы», статьи Эренбурга, стихов Цветаевой см.: *Салтанова С.* Указ. соч. С. 173–202. Анна Саакянц тоже упоминает «задуманный в 1955 и загубленный в 1957 сборник Марины Цветаевой» (*Саакянц А.* Спасибо вам! Воспоминания, письма, эссе. М.: Эллис Лак, 1998. С. 11).

ва, Самойлова, Слуцкого. Сборник вызвал серию разгромных статей в «Литературной газете», журнале «Октябрь». Свою лепту в поток партийной ненависти внесли, конечно, и стихи опальной поэтессы. Книга сразу стала знаменитой, и печатание ее власти остановили. Из указанного на последней странице большого тиража (75 тысяч) успело выйти только 30¹⁵. Я сразу же написал в Калужское издательство и успел получить заветный том, сейчас ставший библиографической редкостью.

Но возвращение гениального поэта русскому читателю было уже не остановить. К счастью, несколькими месяцами ранее «Тарусских страниц» успела выйти маленькая (9,5 п.л.) книжка: «Марина Цветаева. Избранное». Появление ее позже «Тарусских страниц» могло бы и не состояться. Книжка была издана по инициативе В.Н. Орлова, тогда главного редактора «Библиотеки поэта», и, по его замыслу, должна была проложить дорогу к изданию большого тома Цветаевой в этой престижнейшей серии (так и произошло, но спустя четыре года)¹⁶.

Анна Саакянц подробно рассказала об издании «Избранного», которое фактически подготовили она и дочь Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон, вложив в него много сил и души: «Очень мне дорога и очень мною выстрадана именно эта, первая посмертная книжечка. И дорого мне далась “подготовка текста” и “составление” — мне, только что вернувшейся из ссылки, последними слезами плакавшей над сундучком и разрозненными остатками архива — жизни»¹⁷. Имя вчерашней ссыльной издательство не хотело даже упоминать. Орлов (который готов был снять свое имя как составителя и текстолога) настоял, чтобы указали хотя бы ее «ближайшее участие» в подготовке книги. Но издательство (это была уже просто мелкая пакость) выкинуло «ближайшее» и напечатало в конце преамбулы к примечаниям лишь: «В подготовке сборника принимала участие А.С. Эфрон»¹⁸.

Эта маленькая книжка тоже стоит на полке моей библиотеки. Но досталась она мне гораздо позднее, уже в Америке. Об этом экземпляре стоит рассказать немного подробнее. Он принадлежал моей дальней родственнице, «тетушке» (родство наше, кажется, восходит к XVIII веку, но она велела называть себя «тетей») — Екатерине

¹⁵ Об официальной ругани «Тарусских страниц» см. главку «Страсти по Тарусе» (Салтанова С. Указ. соч. С. 285–292).

¹⁶ О контактах, переписке Орлова с А.С. Эфрон см.: Салтанова С. Указ. соч. С. 237–284 (гл. IX: 1961-й. «Избранное»).

¹⁷ Письмо А.С. Эфрон Анне Саакянц от 26 июля 1961 г. (Салтанова С. Указ. соч. С. 18).

¹⁸ Цветаева М. Избранное / Предисл., сост. и подгот. текста Вл. Орлова М., 1961. С. 290.

Исааковне Альтшуллер (Еленевой)¹⁹. Е.И. дружила с Цветаевой в Чехословакии. Всю жизнь почитала ее, собирала материалы о ней. «Дружеские отношения сложились у Цветаевой с женой Еленева Екатериной Исааковной, дочерью врача Альтшуллера, некогда лечившего Л. Толстого <и А. Чехова. — М.А.>. Цветаева называла ее своей “сподвижницей по Мокропсам”»²⁰.

Екатерина Исааковна очень была дружна и с дочерью Цветаевой Ариадной Сергеевной (Алей), активно с ней переписывалась²¹, а в 1966 г. побывала в России (о чем ее родные не подозревали) и встречалась с Алей. В моем экземпляре «Избранного» — дарственная надпись: «Катюше — Аля. Октябрь 1961. Таруса». В книжку вложена маленькая черно-белая фотография. На обороте написано:

Катюша, в ожидании моей фотограф<ии>, к<отор>ой нет под рукой, вот кусочек Тарусы и Оки возле нашего дома; сам городок не виден, он слева, в гору, расположен на холмах, очень милый и очень русский; чуть правее, на холме, был домик, где провела детство мама; теперь на этой территории большой (и шумный) дом отдыха.

Получив книжку, Е.И. поблагодарила Алю, и та в большом ответном письме от 9 декабря радовалась, что книжка дошла, считала, «что как первая попытка — неплохо», надеялась на издание «Библиотеки поэта» и задавала массу вопросов о текстологии, библиографии и пр.

Неделю спустя Ариадна Сергеевна послала Е.И. новогоднюю открытку:

16 декабря 1961 г.

Дорогая Катюша, поздравляю Вас с новым годом, желаю счастья и здоровья... Хороши эти зимние праздники — особенно тем, что каждому из нас, сколько бы ни было нам лет — возвращают ненадолго детство с его ёлками и верой в чудеса!

На днях послала Вам письмецо, верно, уже получили его.

У нас зима настоящая, снежная, морозная, красивая. Долго заставляла себя ждать, но всё же пришла!

¹⁹ Подробнее о ней и ее библиотеке см. в моей «самиздатной» брошюре (100 экз.): *Альтшуллер М.Г.* Материалы из архива Е.И. Альтшуллер-Еленевой (Марина Цветаева и др.). Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1999. Экземпляры имеются в библиотеке Пушкинского дома и в Музее Цветаевой в Тарусе. Сокращенный вариант брошюры см.: *Альтшуллер М.* Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альтшуллер-Еленевой (1897–1982) // Новый журнал. 1999. № 215. С. 253–282.

²⁰ *Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. С. 321.

²¹ Письма А.С. в основном опубликованы мной в «самиздатной» брошюре и в «Новом журнале».

Да, совсем о другом: проверила еще раз дату публикации Поэмы Конца — в книжке указана она совершенно правильно, если считать первой публикацией альманах «Ковчег». М.б., у Вас есть сведения о более ранней публикации (Вы говорили о 1925 — Ковчег вышел в 1926). Ответьте, это важно²².

Обнимаю Вас. Ваша Аля.

Ариадна Сергеевна готовилась к изданию большого тома Цветаевой в «Библиотеке поэта» (отсюда вопросы о датах). Однако прошло еще четыре года (срок, впрочем, не такой большой), прежде чем на прилавках появился наконец солидный (800 стр.) том сочинений Марины Цветаевой со вступительной статьей Вл. Орлова, но «составление, подготовка текста и примечания» были Ариадны Эфрон и Анны Саакянц. Последняя в упоминавшейся книге подробно рассказала, с какими трудами и нервотрепкой выходил этот том (с. 20–32). Много чего в нем не было. Очень многое не пропустили цензура и самоцензура. Но, конечно, это была великая радость: сорокатысячным тиражом явился наконец русскому интеллигентному читателю великий поэт.

Тираж в 40 тысяч кажется нам сейчас огромным. Александра Галича в той же «Библиотеке поэта» вышла всего лишь одна тысяча (2006), а очень хороший, интересный сборник «Царскосельская антология» (2016) получил от издателей лишь 700 <!> экземпляров.

Но это сейчас. А тогда вновь вышедшая книга была практически недоступна. На этот раз Лене ничего не приснилось, и можно было лишь мечтать о вожденном томе. Однако...

Каждое лето жена моя Елена Николаевна Дрыжакова работала в Тартуском университете. Однажды она была руководителем дипломной работы Светлана Семененко, молодого поэта. Мы подружались. После окончания университета Светлан Андреевич остался в Эстонии. Последняя из подаренных нам книг (Семененко С. Свет в декабре: Стихи и переводы. Таллин: Ээсти раамат, 1985) прислана была из Эстонии в Америку с инскриптом: «Дорогой Елене Николаевне (милой Леночке). Дорогому Марку с любовью, с любовью, с любовью. Пишите. Светлан».

Однажды Светлан возвращался поездом в Тарту. В маленьком городке была пересадка. Ожидая поезда, он пошел бродить и зашел в магазин, где продавалось всё. Он взглянул на книжную полку

²² В моем экземпляре «Избранного» дата первой публикации «Поэмы конца» исправлена Е.И. красными чернилами с 1926 на 1925 (с. 296). Однако А.С. была права. В «Большой серии» о первой публикации поэмы сообщается: «Альм<ан>ах» “Ковчег”, № 1, Прага 1926, с. 3–29».

и не поверил своим глазам: там стояли два тома в синей обложке — «Марина Цветаева. Избранные произведения». В провинциальном городке немного было любителей поэзии. Один из этих томов достался нам и занял почетное место на книжной полке.

А рядом с ним, и по сравнению с ним совсем тощий, стоит другой томик. В нем всего 330 страниц. «Мандельштам О. Стихотворения». И это уже совсем другая история. Пастернак и Цветаева вышли в 1965-м, на излете оттепели. А Мандельштаму «не повезло», уж слишком крамольной была его щуплая фигура для ползучего возрождающегося сталинизма (со всеми оговорками, несомненно, этот процесс происходит и сейчас в России). Мандельштам был настоящий «враг народа», сгинувший в ГУЛАГе и действительно написавший бессмертный приговор злодею («Мы живем, под собою не чуя страны...»).

Стихи, архив арестованного и загубленного поэта спасла и сохранила его жена Надежда Яковлевна.

В 1955 г. появилось первое собрание сочинений поэта, не в России, на западе²³. Эту книгу я тоже получил в наследство от Е.И. Еленевой. Над заглавием знаменитого стихотворения «Соломинка» вписано ее рукой: «Саломее Андронниковой», — и тут же между с. 84 и 85 вложено письмо самой Саломеи Николаевны Андронниковой (Гальперн), которая была большим другом Цветаевой и хорошо знала и любила ее дочь Ариадну (Алю). Вот его текст:

17.X.<19>67. Дорогая Александра Захаровна <Туржанская, друг Цветаевой и ее дочери Ариадны, которой помогала собирать и сохранить архив матери. — М.А.>, посылаю Вам бандеролью книжку, которую Аля просила меня переслать Вам. А Вы уж будете знать, КАК доставить ее ей.

Это Альманах, напечатанный в Нью-Йорке, в котором опубликован (впервые) «ПЕРЕКОП». Сами понимаете, что просто по почте мы его послать не можем.

Очень надеюсь, что книжка дойдет до Али благополучно. Если она просит ее, то верно ей виднее.

Как Вы поживаете, а также и Екатерина Николаевна (Катюша)?

В Париже я не была век. Хотелось бы опять поехать в январе в Канны, а на обратном пути остановиться в Париже. Если случится как хочется — увижу Вас.

²³ Мандельштам О. Собрание сочинений / Под ред. и со вступ. статьями Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

Я очень очень устала — как-то измучилась — провела плохое (в смысле самочувствия) лето и всё еще не отойду.

Думаю о нашей с Вами встрече всегда с радостью.

Сердечный привет
От Саломеи Гальперн.

По-видимому, Туржанская переслала альманах вместе с письмом Екатерине Исааковне (возможно, Саломея Николаевна перепутала отчество Екатерины Исааковны — Катюши) с просьбой доставить книгу Ариадне Сергеевне. Письмо Е.И. вложила в том Мандельштама, туда, где были стихи, посвященные Саломее.

В 1956 г., на волне оттепели и реабилитации жертв сталинского террора, началась в «Библиотеке поэта» подготовка издания стихов Мандельштама. Работу вел опытный литературовед, друг Надежды Яковлевны (и Анны Ахматовой), Николай Иванович Харджиев²⁴.

Работа затянулась на долгие годы. Вышли и Пастернак, и Цветаева, а Мандельштам всё «мариновался» в издательстве. Выходили книги на западе (для нас «тамиздат»). Кое-что потихоньку печатали и в России. В середине 1960-х в одном из толстых журналов появилась подборка стихов Мандельштама²⁵. Там было и знаменитое, весьма сомнительное для властей «Я вернулся в мой город знакомый до слез...» с вполне актуальной концовкой:

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных...

Выход десятка стихов опального поэта был значительным событием для интеллигенции. Я купил номер «Москвы» в газетном киоске на Невском около католической церкви, где похоронен генерал Моро. Взяв в руки журнал, машинально начал его перелистывать. Старый еврей-киоскер сказал: «Не беспокойтесь, что вам нужно, — там есть».

Я вырезал стихи и хранил их в отдельной папке. Хранение вырезок из газет и журналов было при Сталине очень опасным. За это сажали и расстреливали. Наш друг (он был много старше нас) Игорь Владиславович Максимов, известный полярик и климатолог, суро-

²⁴ Здесь не место обсуждать и комментировать последующие резкие отзывы Н.Я. Мандельштам о Харджиеве,

²⁵ Осип Мандельштам. Восемь неизданных стихотворений // Москва. 1964. № 8. Благодарю О.А. Лекманова за точную справку.

во предупреждал меня этого не делать²⁶. Но времена всё же были другие.

Однако вывезти подобные материалы за границу было невозможно. И, уезжая в эмиграцию, я передал все свои вырезки и копии Светлану Семененко. Там были газетные статьи о деле Бродского, о деле Синявского и Даниэля. Самым интересным были вырезки из газет и журналов о смерти Маяковского. Их подарила мне коллега, учительница литературы. Она была студенткой, когда застрелился Маяковский.

А том стихов Мандельштама всё Мариновался в «Библиотеке поэта». Проблема была не только в сомнительном имени автора, медлительности Харджиева, конъюнктурных колебаниях главного редактора «Библиотеки поэта» В. Орлова, но и во вступительной статье: нельзя было говорить об арестах автора, о его трагической гибели в лагерях.

Сначала статью должен был написать Адриан Владимирович Македонов, друг Твардовского, литературовед и геолог, бывший политзаключенный. Писать заведомую ложь об убитом сталинскими палачами поэте он отказался. То же произошло и с Лидией Яковлевной Гинзбург. Долго искали послушного холоуя... и нашли. Им стал хорошо и печально известный в интеллигентских кругах А.Л. Дымшиц, навсегда припечатанный в знаменитой эпиграмме:

Там на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей;
Там Дымшиц на коротких ножках,
Погрома жаждущий еврей.

С моральным обликом этого партийного проходимца однажды пришлось познакомиться и нашему семейству. В 1960 г. Лена защищала диссертацию о Герцене. Оппонентами у нее были Соломон Абрамович Рейсер, блестящий ученый, первоклассный текстолог²⁷, и Лидия Яковлевна Гинзбург, только что выпустившая прекрасную книгу «“Былое и думы” Герцена». Однако кафедральное начальство заменило известного ученого влиятельным московским чиновником и вместо Рейсера оппонентом назначило Дымшица. Узнав о замене, Лидия Яковлевна брезгливо поморщилась (Дымшицу давно уже порядочные люди не подавали руки), однако, не желая портить жизнь молодому ученому, всё же согласилась.

²⁶ Персонаж романа А. Солженицына «В круге первом», чтобы не делать вырезок, завешивает старыми газетами стены, будто бы обоями (гл. 61: Тверской дядюшка).

²⁷ См.: Фризман Л.Г. Научное творчество С.А. Рейсера. Харьков: Новое слово, 2005.

Накануне защиты диссертант имел право позвонить оппоненту, спросить, о чем тот будет говорить, чтобы подготовиться к дискуссии. Дымшиц сказал, что в диссертации имеется антиленинский тезис: Ленин, дескать, говорил о революционном развитии Герцена, а автор заявляет, что он был и оставался человеком 1840-х.

Обвинение было серьезным и грозило провалом защиты. Григорий Абрамович Бялый, который был рецензентом диссертации и вообще очень тепло относился к нашему семейству, посоветовал, если оппонент подымет эту тему, в чем Бялый сомневался, ничего не отвечать и не вступать ни в какую полемику о марксизме-ленинизме.

Григорий Абрамович был прав. Видимо, Дымшиц не желал политического скандала и еще одного пятна на своей и без того изгаженной репутации. На этот раз он удовольствовался тем, что напугал диссертантку и сумел сильно потрепать ей нервы²⁸.

Итак, этот литератор, давно известный своим послушанием и умением приспосабливаться к начальственному мнению, согласился напечатать угодное властям предисловие к книге сомнительного поэта. Дымшиц был не одинок. Ползучая реставрация сталинизма шла полным ходом, и даже упоминать о жутком терроре 1930-х уже запрещалось²⁹. Однако Дымшиц своим раболепием превзошел многих других.

В 1934 г. Мандельштама арестовали за стихи о «кремлевском горце, душегубце и мужикоборце». Поскольку высочайше было велено «изолировать, но сохранить», поэт был сослан в маленький уральский городок Чердынь. В болезненном состоянии он пытался покончить жизнь самоубийством. Затем ему (по рассказу Надежды Яковлевны, Бухарин попросил Сталина) разрешили перебраться в европейскую часть страны (кроме двенадцати больших городов, о Москве и Ленинграде, разумеется, не могло быть и речи), и наугад он выбрал Воронеж³⁰. А вот как пишет об этом Дымшиц: «Трудно сложились для поэта и житейские обстоятельства. После кратковременного пребывания <!> в Чердыни-на-Каме он *поселился* <так! Курсив мой. — М.А.> в Воронеже» (с. 11).

3 мая 1938 г. Мандельштама снова арестовали и отправили на Колыму. Там в пересыльном лагере, измученный, истощенный, со

²⁸ Лена подробно описала эту историю в мемуарном очерке. См.: Дрыжакова Е.Н. «Антиленинская концепция» творчества Герцена в моей диссертации 1960 года (Странички воспоминаний) // Памяти Герцена: Сб. Тверь, 2012. С. 96–102.

²⁹ О некоторых подобных случаях рассказывает Лидия Чуковская. См.: Избранное. М.; Минск, 1997. С. 415–437.

³⁰ «Его <Бухарина. — М.А.> последний дар — переезд из Чердыни в Воронеж» (Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1970. С. 120).

сломленной психикой, он погиб 27 декабря 1938 г. Дымшиц невнятно бормочет: «В 1937 году оборвался творческий путь Мандельштама. Поэт умер в начале 1938 года» (с. 12).

Но это еще не всё. Однажды Илья Захарович Серман заметил, что советские литературоведы, как только писатель попадает в число хвалимых или просто разрешенных, тут же стараются отделить его от той («плохой») литературной группы, к которой он принадлежал. Так Маяковского отлучают от футуризма, Блока старательно разводят с символизмом, а Есенина — с имажинистами. Всячески затушевывая трагическую биографию поэта, Дымшиц продельывает с его творчеством ту же нехитрую «эстетическую» операцию. Он последовательно отделяет поэта от акмеизма, не упуская возможности тут же лягнуть еще не реабилитированного Гумилева: «...на самом деле он разделял далеко не все принципы, заявленные акмеистами в их декларациях. Весьма отчетливо можно увидеть и различие между ним и таким программным поэтом акмеизма, каким был Н. Гумилев. Мандельштаму был чужд подчеркнутый аристократизм Гумилева, его антигуманистические ницшеанские идеи, холодный бездушный рационализм ряда его произведений. <...> Мандельштам был <...> самостоятельной поэтической особой, покинувшей узкое лоно акмеизма» (с. 15–17).

Статья была, даже на уровне других приспособленцев, на редкость противной: Дымшиц действительно был старательным «первым учеником»³¹ и делал даже больше, чем требовалось конъюнктурой.

Итак, в конце 1973 г. долгожданная книга появилась... но не на прилавках книжных магазинов, а в пресловутых «березках», где на валюту продавали всё, от икры до дефицитных книжек. Тираж был всего 15 тысяч (меньше, чем Пастернак и Цветаева), и, конечно, нам, не обладавшим валютой, не входившим ни в какие привилегированные списки, ничего не досталось. Но я не очень огорчился.

Почему? Это уже другая маленькая история. В 1970-е гг. аспирантом Ильи Захаровича Сермана был американский студент Александр Левицкий (ныне профессор Brown University³²). Он, как и я, часами работал в Отделе редкой книги БАНа (Библиотека Академии

³¹ См. пьесу Е. Шварца «Дракон».

³² На моей книжной полке стоит роскошное издание Державина (Providence, Department of Slavic Languages Brown University, 2001). Это том стихотворений Державина с переводами на английский язык и с замечательными иллюстрациями из державинского архива (edited with an Introduction and Commentary by Alexander Levitsky). На книге трогательная надпись: «Дорогому Марку на добрую память о нашей дружбе. Саша Левицкий». Осень. Питтсбург, 2002».

Наук), где хранились издания XVIII в. Мы быстро подружились, и Саша часто бывал в нашем доме. Он тогда интересовался Херасковым, и я подарил ему томик «Библиотеки поэта», издание жалкое и неполное, но это было единственное вышедшее после революции собрание стихов Хераскова.

Саша приносил нам из американского консульства запрещенный «тамиздат», и мы наслаждались заветными книгами. Однажды он принес на два дня, со строгим наказом не выносить из дома, «Архипелаг ГУЛАГ». За чтение и особенно «распространение» этой книги легко можно было получить срок.

Уезжая, Саша сделал нам драгоценный подарок. Пока советские чиновники всячески тянули и откладывали издание, на западе, как я уже упоминал, стали выходить книги Мандельштама, а в 1967 г. вышли три больших тома (порядка шестисот страниц каждый): «Осип Мандельштам. Избранные сочинения». Понятно, что я не очень жаждал иметь хоть и добротное (кроме, разумеется, вступительной статьи), но обрезанное цензурой маленькое издание.

Друзья завидовали. Особенно Юра Чумаков (профессор Юрий Николаевич Чумаков). Мы познакомились с ним в 1969 г. на громкой Вологодской конференции: нас привлек (по тезисам) его доклад, после которого мы разговорились, вместе слушали другие доклады и подружились с ним и его женой Элеонорой Илларионовной Худошиной на всю жизнь³³. Юра был старше нас, повоевал (был ранен в обе ноги) и посидел в тюрьме. Тогда он не был профессором, даже не защитил еще кандидатскую диссертацию, и жил в далеком среднеазиатском Пржевальске. Вскоре Чумаковы перебрались в Новгород и стали частыми нашими гостями в Ленинграде³⁴. Много вина было выпито на маленьком балконе, выходившем на Ланской лесопарк (близ места Пушкинской дуэли), теперь вырубленный и застроенный скучными типовыми домами.

Любимым занятием Юры в нашем доме было чтение и перечитывание толстых томов Мандельштама. Особенно любил он стихотворения «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»

³³ Подробно об этой встрече см.: *Дрыжакова Е.Н.* Вологодская конференция 1969 года (Странички воспоминаний) // Точка, распространяющаяся на всё...: К 90-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2012. С. 592–602.

³⁴ По странной и нелепой случайности мы жили на улице Матроса Железняка (разогнавшего Учредительное собрание), а Чумаковы на улице Всеволода Кочетова (одиночного писака, ненавидевшего интеллигенцию и прославлявшего коммунистических функционеров). Наши письма обычно начинались: «Привет от Матроса Железняка Всеволоду Кочетову...»

и «Я с дымящей лучиной вхожу...»³⁵. Даже когда он просто читал их вслух, в самом чтении начинался анализ стихов, чувствовалась их глубина и трагический подтекст:

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу <...>
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.
— Захочу, говорит, — дам еще ...

Подошло время нашей эмиграции. Я предложил Юре обменять тома Манделъштама (запрещенную литературу мы, разумеется, не могли вывезти³⁶) на томик «Библиотеки поэта», которым они обладали. В продаже этот Манделъштам, кажется, так и не появился. Лора недавно рассказала, что на черном рынке заплатила за него свою месячную зарплату (110 рублей, при магазинной цене 1 рубль 45 копеек).

Расставаться с нами Юре и Лоре было, конечно, тяжело, но обмену они обрадовались, а маленький синий томик занял почетное место на моей книжной полке. По какой-то странной прихоти я люблю читать и перелистывать именно его, а не толстые тома американского издания, которые снова у меня появились, и не объемистый (уже 720, а не 320 страниц) зеленый том «Новой библиотеки поэта» (1995)³⁷.

Анну Ахматову тоже почти не печатали. Особенно после знаменитого доклада Жданова и постановления ЦК партии (1946). В марте 1953 г. помер, наконец, Людоед, но советская власть оставалась, правда, в несколько смягченном варианте. Прошло еще пять лет с тех пор, как вождь отдал «свои мудрые концы», и в 1958 г. появилась первая за 15 лет маленькая (всего 130 страниц, треть — переводы),

³⁵ Манделъштам О. Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А. Филлипова. Т. 1: Стихотворения. Международное Литературное Содружество, 1967. С. 164–165, 167.

³⁶ Досмотр книг и рукописей на таможне был самый тщательный. Почему-то адисты-досмотрщики (очевидно, было специальное распоряжение) заставляли вырезать в книгах все дарственные надписи. Американские аспиранты (в том числе и русского происхождения, но молодые), пользовавшиеся моей библиотекой, никак не могли понять, почему на многих книгах варварски вырезаны титульные листы. Некоторые записи позднее были возобновлены. Так, рядом с вырезанной частью титульного листа книги «Поэты XVIII века» появилась новая надпись: «Леночке и Марку в Albany с неизменными дружескими чувствами и с тем же оптимизмом. И<ля> Серман. 24.03.80».

³⁷ Манделъштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. Тираж — всего 5 тысяч экземпляров: издатели печатают максимум того, что можно продать. Времена меняются!

небольшого формата красная книжечка. Анна Андреевна с горьким юмором прозвала ее своим «партбилетом» и даже «коммунистическим манифестом»³⁸. Другьям она дарила ее с надписью: «Остались от козлика рожки да ножки»³⁹.

Пришлось ей когда-то написать страшные, вымученные стихи о Сталине: арестовали мужа и сына. Сама Ахматова точно назвала их: «бросалась в ноги палачу» («Реквием»). Эти беспомощные строки в книжечку, конечно, не вошли, но некоторые верноподданнические опусы (из цикла «Слава миру»), написанные из тех же соображений, всё же пришлось включить по настоянию Суркова, под «общей редакцией» которого была выпущена эта маленькая книжка. При этом нужно сказать, что глава писательского союза все-таки понимал и ценил поэтическое дарование Ахматовой (видимо, ее стихи для Суркова были понятнее сложной поэтики Пастернака) и по-своему, по-советски, по-чиновничьи, все-таки старался печатать опального поэта. Анна Андреевна это понимала⁴⁰. Впрочем, и сам Сурков был не чужд поэтики акмеизма, хотя и отрешивался от Гумилева, «как от нечистой силы»⁴¹.

Он помог сравнительно вскоре, спустя всего три года, выпустить приблизительно того же объема малоформатную зеленую книжицу⁴² (ее называли «лягушкой»⁴³) в серии «Библиотека советской поэзии». Книжку корежили, мучили⁴⁴. А Сурков написал к ней небольшое послесловие. Прочитав его, Анна Андреевна была возмущена: «... просто пересказал приснопамятного Андрея Александровича»⁴⁵.

Так оно и было. Говоря о стихах Ахматовой и ее друзей-акмеистов, Сурков отмечает, что «общим для них было равнодушие к животрепещущим общественным вопросам времени, фетишизация мертвого мира вещей, ограничение лирики тесным миром интимных переживаний» (с. 295). Последним, очевидно, особенно отличались стихи Ахматовой, у которой автор, следуя за Ждановым, сурово

³⁸ См.: *Салтанова С.* Марина Цветаева. С. 210.

³⁹ *Чужовская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. Paris: YMCA-Press, 1980. С. 276.

⁴⁰ «Сурков — наименьшее зло. Сурков мои стихи любит» (Там же. С. 356).

⁴¹ См.: *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж: Institut d'Etudes Slaves, 1978. С. 215–220 (гл. III, раздел «Тринадцать сражений»).

⁴² *Ахматова А.* Стихотворения (1909–1960). М., 1961. (Б-ка советской поэзии). В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте.

⁴³ *Гончарова Н.* «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.: РГБ; СПб.: Летний сад, 2000. С. 108.

⁴⁴ «...редакция безобразничает, хочет целиком выкинуть весь цикл “Из сожженной тетради”, вставляет те стихи, которых Анна Андреевна вставлять не желала и пр. и т.п.» (*Чужовская Л.* Указ. соч. С. 354).

⁴⁵ Там же. С. 360.

отмечает «непропорциональную силе таланта и темперамента замкнутость духовного мира в тесном кругу неизменно повторяющихся, подчеркнута “женских” интимно-лирических переживаний, начисто ограниченных от внешнего мира» (с. 296).

Жданов поглубже, конечно, но говорил по сути совершенно то же самое: «Тематика Ахматовой насквозь идеалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и молельной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности»⁴⁶.

Потом, с точки зрения Суркова, Ахматова исправилась, и заканчивает он свое короткое послесловие безжизненной цитатой из вымученных стихов такого же типа, что восхваления Сталина, когда приходилось «бросаться в ноги палачу» и его присным: «Лети лети голубкой мира, / О песня звонкая моя!... // И в негритянские кварталы, / И к водам Ганга голубым» (с. 304).

Но все-таки книжка вышла. И в ней было много хороших, прекрасных стихов. А в ноябре 1963 г., с подачи Суркова, в Ленинграде Ахматовой предложили издать ее однотомник⁴⁷. Ахматова с помощью Лидии Корнеевны Чуковской принялась за составление книги. И тут в декабре до Анны Андреевны дошла книжка, изданная в Мюнхене. Это был «Реквием», гениальный трагический памятник проклятой сталинской эпохе, «когда улыбался только мертвый, спокойствию рад»⁴⁸.

Анна Андреевна испугалась. У всех на памяти был грандиозный позорный скандал с Пастернаком. Издатели предусмотрительно напечатали на обороте титульного листа: «Этот цикл стихов получен нами из России и печатается без ведома и согласия автора». В данном случае это была чистая правда, но для властей подобный фиговый листок не имел никакого значения. Анна Андреевна справедливо опасалась, что книгу могут сразу зарезать и договор расторгнуть.

⁴⁶ Доклад А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. Цит. по: *Сарнов Б.* Сталин и писатели. Кн. 2-я. М.: Эксмо, 2008. С. 624.

⁴⁷ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3: 1963–1966. М.: Согласие, 1997. С. 109.

⁴⁸ *Ахматова А.* Реквием. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1963. С. 10. Книжка была прекрасно, умно и бережно издана. Немного уменьшенный формат, белая обложка в черной рамке, на ней имя автора и большими черными буквами: РЕКВИЕМ. На каждой белой странице в середине четким черным шрифтом небольшой текст (4–10 строк). Таких текстов десять, плюс эпилог и вступление. Тоненькая книжка, всего 23 страницы.

На этот раз, однако, пронесло. Возможно, партийные руководители опасались нового международного скандала.

Работа над «Бегом времени» (так решили назвать книгу) продолжалась. Оптимистически составители решили включить в книгу всю «Поэму без героя» и даже «Реквием» (ведь уже опубликовано!). Книга вышла в августе 1965 г.

Но, увы!, над ней снова побесчинствовала цензура. Из «Поэмы» снова напечатали лишь первую часть, а из «Реквиема» включили два более или менее нейтральных текста: «Приговор» («И упало каменное слово...», конечно, без названия) и знаменитое пронзительное четверостишие из «Распятия» (даже с названием): «Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать⁴⁹ стояла, / Так никто взглянуть и не посмел». Кроме того, как говорила сама Ахматова, в книге были всякие «издательские мошенства, подлейшие, мелкое жульничество»⁵⁰. Но все-таки это были не «партбилет» и не «лягушка», а «урезанный, но всё же самый полный из всех когда-либо вышедших при ее жизни сборников»⁵¹. В книге было 470 страниц, и представление о творчестве поэта она давала.

Через несколько месяцев после выхода книги, 5 марта 1966 г. Анна Андреевна Ахматова умерла. Ее похоронили на кладбище в Комарове. Вскоре на могиле появился памятник: стена со стилизованным тюремным окошком. И вскоре же испуганные партчиновники приказали окошко заделать.

А стихи продолжали жить. Продолжала жить и политическо-цензурная борьба с поэтическим словом.

В 1976 г. в Лениздате вышел большой сборник «Стихи и проза». На черном переплете золотом «Анна Ахматова». Добротный том (615 стр.) содержал не только собранную вместе прозу (статьи о Пушкине и воспоминания), но и полностью «Поэму без героя»⁵², прекрасную подборку стихов, хотя и не без вмешательства цензурных ножниц. Тираж был даже по тогдашним меркам громадный — 200 000 экземпляров. Разошелся он мгновенно. Мне подарил книгу мой студент, привезший ее из Калининграда (Кенигсберга). В этом «закрытом» городе (въезд только по пропускам) дефицитную книгу легче было «достать».

⁴⁹ Разумеется, с маленькой буквы.

⁵⁰ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 297.

⁵¹ Чуковская Л. Избранное. М.: Горизонт; Минск: Аурика, 1997. С. 444.

⁵² Работа над книгой начата была в 1968 г., вскоре после смерти Ахматовой. Составители планировали впервые напечатать в ней и «Поэму без героя». По независящим от них причинам книга вышла только через восемь лет (см. об этом ниже), поэтому впервые целиком «Поэма» оказалась напечатанной в вышедшей в Москве в 1974 г. книге «Избранное».

Рассматривая книгу, замечаем некоторую странность. На обороте титульного листа сказано, что книгу составил Б.Г. Друян. Примечания к отделу прозы написала Э.Г. Герштейн, очень известный литературовед, друг Ахматовой и Л.Н. Гумилева. А как же поэзия? Почему нет примечаний к не таким простым стихам и сложнейшей, полной ассоциаций и реминисценций «Поэме без героя»? Ответ найдем в книге Лидии Корнеевны Чуковской «Процесс исключения».

Она подробно рассказала, как издательство заключило с ней договор, как готовила она к печати поэтические тексты, как «в изобилии делала разъяснительные примечания и к стихам, и к “Поэме”»⁵³. И вдруг (в советской жизни все неприятности, гадости и катастрофы происходили «вдруг») раздался звонок издательства: «Книга остановлена на неопределенное время. *Без рассмотрения*». Лидия Корнеевна вполне резонно предположила, что причиной была ее активная общественная деятельность, ее статьи и открытые письма и «выговор с занесением в личное дело» от Союза Писателей.

Это произошло в 1969 г. Через семь лет, в феврале 1976 г., книга всё же вышла, правда, без комментариев к поэтическим текстам, а подготовку их присвоил себе издательский редактор Борис Григорьевич Друян.

Так получилось, что сразу вслед за запоздавшей, все-таки неплохой книгой, в декабре того же 1976 г. (фактически уже в 1977) вышел синий том «Библиотеки поэта», один из тех, о которых с бесконечными отступлениями веду я свой рассказ.

На этот раз подготовку книги вел академик Виктор Максимович Жирмунский. Он еще в 1916 г. высоко оценил раннее творчество Ахматовой⁵⁴, а в 1973 г., уже посмертно, вышла книга о ее творчестве⁵⁵. Подготовленный Виктором Максимовичем том стал первым научным изданием поэта. Он отличается полнотой. Напечатаны целиком поэтические сборники Ахматовой. Полностью опубликована «Поэма без героя» по рукописи, подаренной составителю автором, с вариантами и разночтениями.

«Реквием», разумеется, в книгу не вошел. Тем не менее там были напечатаны три текста из запрещенной поэмы: «Приговор» (как и в «Беге времени», без названия), «Распятие» (уже не одно, как в «Беге», а два четверостишия) и страшные пять строк по рукописи из архива Георгия Пантелеймоновича Макогоненко (запретная книга в примечаниях не упоминается):

⁵³ Чуковская Л. Избранное. С. 444–447.

⁵⁴ Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12.

⁵⁵ Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973.

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь⁵⁶

Жирмунский умер в 1971 г. Книга вышла через пять лет после его смерти. Из нее были старательно удалены все упоминания имени Л.К. Чуковской вместе с цитатами из ее работ⁵⁷. Вместо предисловия, написанного блестящим ученым (то ли он не успел написать его, то ли, как говорит Лидия Корнеевна, хорошо знавшая издательскую кухню, его сняли в редакции), книгу вновь открывала пакостная статья Суркова с цитатами о «голубке мира», «голубых водах Ганга» и пр. В конце он добавил похвалу Ахматовой, которая всю жизнь презирала партийную советскую власть, за то, что она давала отпор «зарубежным ходатаям по делам русской литературы»⁵⁸.

Несмотря на мерзкую статью, цензурные ограничения и пр., книга получилась замечательная. А нам она досталась очень просто, без снов и обменов. В 1980 г. в Сан-Франциско была конференция славистов. Коллеги свезли нас в русский книжный магазин. В маленьком помещении в беспорядке лежали дефицитные и запрещенные русские книги. Глаза разбегались. На этом развале и купил я синий солидный (550 стр.) том, о чем на следующий день с гордостью написал в Россию друзьям. А Анна Андреевна Ахматова заняла почетное место на нашей книжной полке рядом с тремя другими великими изгоями⁵⁹ русской (тогда советской) литературы.

⁵⁶ Ахматова А. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жирмунского <имя в черной рамке>. Л., 1976. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 192–193. Ср.: Ахматова А. Реквием. Мюнхен, 1963. С. 13, 17, 20.

⁵⁷ Чуковская Л. Избранное. С. 497.

⁵⁸ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 18.

⁵⁹ «Если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал» (Семичастный В.Е., первый секретарь ЦК ВЛКСМ). «Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой» (Жданов А.А. об Ахматовой). Второго августа 1938 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило Мандельштама к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Литература

Альшуллер М. Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альшуллер-Еленевой (1897–1982) // Новый журнал. 1999. № 215. С. 253–282.

Гончарова Н. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.: РГБ; СПб.: Летний сад, 2000. 680 с.

Дрыжакова Е.Н. Вологодская конференция 1969 года (Странички воспоминаний) // Точка, распространяющаяся на всё...: К 90-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2012. С. 592–602.

Дрыжакова Е.Н. «Антиленинская концепция» творчества Герцена в моей диссертации 1960 года (Странички воспоминаний) // Памяти Герцена: Сб. Тверь, 2012. С. 96–102.

Из истории издания «Стихотворений и поэм» Бориса Пастернака в «Библиотеке поэта» (1962–1965). Публ. Е.М. Гушанской и И.С. Кузьмичева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 760–828.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. 816 с.

Саакянц А. Спасибо Вам!: Воспоминания. Письма. Эссе. М.: Эллис Лак, 1998. 608 с.

Салтанова С. Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи (1941–1961 годы). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. 344 с.

Чуковская Л. Избранное. М.: Горизонт; Минск: Аурика, 1997. 560 с.

References

Al'tshuller M. Materialy o Marine Tsvetaevoi v arkhive E.I. Al'tshuller-Elenevoi (1897–1982) [Materials concerning Marina Tsvetaeva in the archive of E.I. Altschuller-Yeleneva (1897–1982)]. *Novyi zhurnal*, 1999, no. 215, pp. 253–282. (In Russ.)

Goncharova N. “Faty libelei” *Anny Akhmatovoi* [“Fata libelli” of Anna Akhmatova]. Moscow, Russia State Library Publ, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2000. 680 p. (In Russ.)

Dryzhakova E.N. Vologodskaiia konferentsiia 1969 goda (Stranichki vospominanii) [Vologda Conference of 1969 (pages from memoirs)]. *Tochka, rasprostraniaiushchaisia na vse...: K 90-letiiu professora Iu.N. Chumakova* [A point that applies to everything...: On the occasion of Professor Yu.N. Chumakov's 90th anniversary]. Novosibirsk, 2012, pp. 592–602. (In Russ.)

Dryzhakova E.N. “Antileninskaia kontseptsiiia” tvorchestva Gertsena v moei dissertatsii 1960 goda (Stranichki vospominanii) [“Anti-Lenin conception” of Herzen's works in my dissertation of 1960 (pages from memoirs)]. *Pamiatii Gertsena: Sb.* [In memory of Herzen: A collection of essays]. Tver, 2012, pp. 96–102. (In Russ.)

Iz istorii izdaniia «Stikhotvorenii i poem» Borisa Pasternaka v «Biblioteke poeta» (1962–1965) [From the publication history of Boris Pasternak's "Poems" in the "Poet's Library" series (1962–1965)], publ. by E.M. Gushanskaya and I.S. Kuz'michev. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2016 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2016]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, pp. 760–828. (In Russ.)

Saakiant A. *Marina Tsvetaeva. Zhizn' i tvorcestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and works]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. 816 p. (In Russ.)

Saakiant A. *Spasibo Vam!: Vospominaniia. Pis'ma. Esse* [Thank you! Memoirs. Letters. Essays]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998. 608 p. (In Russ.)

Saltanova S. *Marina Tsvetaeva. Vozvrashchenie. Sud'ba tvorcheskogo naslediiia poeta na fone sovetskoi epokhi (1941–1961 gody)* [Marina Tsvetaeva. Return. The fate of the poet's artistic legacy against the backdrop of the Soviet era (1941–1961)]. Moscow, Marina Tsvetaeva Museum Publ., 2015. 344 p. (In Russ.)

Chukovskaia L. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Gorizont Publ., Minsk, Aurika Publ., 1997. 560 p. (In Russ.)

Habent sua fata libelli et homines (Memoir and bibliographic notes)

Mark G. Altschuller

Abstract: The present article focuses on four books from the author's personal library. These books are collections of poems by brilliant Russian poets, the most famous ones in the 1960s and later. The author discusses the editorial history of these books, the way these rare and precious copies ended up on his bookshelf, as well as the people he was friends with during that time.

Keywords: Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva, Osip Mandelstam, Anna Akhmatova, "Poet's Library".

Information about the author: Mark G. Altschuller, Ph.D., professor emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu.

Citation: Altschuller Mark G. Habent sua fata libelli et homines (Memoir and bibliographical notes). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 334–356.

ФОРУМ

Письмо в редакцию

Уважаемые коллеги,

В № 6 вашего журнала помещена публикация двух рукописных отрывков, полученных А. Бабиковым из нью-йоркского архива В. Набокова и представленных им как два фрагмента начатого писателем в 1931 г. романа «Райская птица» (первый вариант «Камеры обскуры»). Обсуждая второй из этих отрывков, публикатор сослался на мой комментарий к письмам Набокова Глебу Струве, где приведена довольно большая цитата из него (Звезда. 2004. № 4. С.142–143), и выразил недоумение тем, что я назвал цитируемую рукопись не фрагментом «Райской птицы», а «черновым автографом рассказа без заглавия и даты». В связи с этим я должен сделать некоторые пояснения.

Я работал в нью-йоркском архиве Набокова более двадцати лет назад, когда его русская часть еще не была полностью разобрана и описана, и потому исследователей допускали к ней лишь в порядке исключения, а ксерокопирование и фотографирование рукописей строго запрещались. У меня сохранились лишь краткие записи, из которых следует, что в папке под названием “Rayskaya ptitsa. Holograph draft of beginning of unfinished novel, signed V. Sirin and dated Jan. 21, 1937” (ее упоминает и Бабиков) тогда находились два документа на десяти листах:

1. Начало «Райской птицы» на одном листе, опубликованное Бабиковым как «Отрывок 1»;
2. Черновик рассказа без названия и даты на девяти листах (17 страниц).

Согласно моим записям, герой-нарратор в рассказе — художник, влюбленный в замужнюю женщину Таню, чей муж (его фамилия Красовский) находится в сумасшедшем доме. Он приходит к ней в гости на день рождения (она пообещала в этот день, наконец, ему отжаться), приносит в подарок щенка и застает там мужа, сбжавшего из лечебницы. В финале рассказа Таня произносит слова, напоминающие ключевую фразу о нежности в «Знаках и символах»: «Не хочу больше накапливать нежность, чтобы потом ее отняли».

Как сообщает Бабиков, ныне в соответствующей папке находятся лишь три листа рукописей, хотя в архивной описи (как и в моих ста-

рых записях) указано, что их должно быть десять. Следовательно, из 17-ти страниц автографа, некогда полностью прочитанного мной, он получил только четыре и, естественно, принял их за фрагмент «Райской птицы». На самом же деле опубликованный им «Отрывок 2» есть не что иное, как самое начало набоковского рассказа, который кроме меня видел, кажется, только Максим Шраер, когда в 1994 г. собирал материал для своей работы о рассказах Набокова. Я не имею ни малейшего представления о том, куда запропастились недостающие семь листов документа, — скорее всего, уже после составления описи их по ошибке переложили в другую папку, — но надеюсь, что рано или поздно они будут найдены, и мы получим возможность, восстановив рукопись в ее целостности, убедиться, что она прямого отношения к замыслу «Райской птицы» не имела.

С наилучшими пожеланиями журналу,

Александр Долинин

Ответ А. Долинину

Сообщаемые А. Долининым сведения о прочитанной им некогда архивной рукописи сами по себе очень любопытны. Сомнительно, правда, чтобы Таня могла «пообещать» рассказчику-художнику «наконец, ему отдаться», как пишет Долинин, да еще непременно в день своего рождения: это не вяжется с ее образом и сильно напоминает бездарный роман графомана Ильи Борисовича из рассказа Набокова «Уста к устам» (1931), у которого пожилой герой, поселившийся в своей квартире молодую Ирину, «хотел, чтобы она сама к нему пришла и воскликнула: “Возьми меня, мою чистоту, мое страдание... Я твоя”».

Долинин, однако, совершенно не проясняет главного: по каким признакам он определил, что второй отрывок из папки, помеченной “*Rayskaya ptitsa. Holograph draft of beginning of unpublished novel*” (курсив мой), является черновиком *рассказа*, а не *главы* всё того же незавершенного романа «Райская птица»? Какие у Долинина имеются основания так полагать, если (как он сам указал еще в 2004 г.) второй отрывок не имеет ни заглавия, ни даты (ни пагинации, добавим мы)? Не имеет он и подписи, в отличие от первого отрывка, озаглавленного «Райская птица. Роман» и датированного: «21–I–31». По-прежнему не ясно и другое: как Долинин определил, что этот «рассказ» имел финал («В финале рассказа Таня произносит сло-

ва...»), и не путает ли он тематическую завершенность продолжительного отрезка повествования (например, главы) с *концом* целого произведения?

В своем примечании 2004 г. Долинин не упоминает не только роман «Райская птица» и папку, из которой он взял отрывок, но даже не сообщает, в каком именно архиве (нью-йоркском или вашингтонском) публикуемая рукопись хранится. Приведя значительную часть из «Отрывка–2», он не приводит ничего из его продолжения (о щенке и муже Тани): значит ли это, что он выписал из рукописи второго отрывка лишь тот фрагмент, который опубликовал в своем примечании, и если так, то чем мотивирована такая избирательность?

В своей работе я обосновал связь двух отрывков: и в первом и во втором повествование ведется от первого лица — от лица того самого русского художника, который описывает затем свое знакомство с Таней. В ранней версии «Камеры Обскура» важно это противопоставление зоркому художнику обманутого слепого человека, которого он случайно встретил на улице и по просьбе которого берется (из любопытства и сострадания) выследить «рыжеватого господина» (будущего Горна) и его спутницу, «совсем молоденькую барышню» (будущую Магду).

М. Шраер не подтверждает, что читал в свое время в нью-йоркском архиве (Berg Collection) именно «Отрывок–2» (с Таней, щенком и сумасшедшим мужем), и в его диссертации, посвященной рассказам Набокова, о нем ничего не сказано.

Итак, тот набор сведений, которыми мы в данный момент располагаем, не дает оснований утверждать, как делает Долинин, что опубликованный мною «Отрывок-2» «есть не что иное, как самое начало набоковского рассказа», и обратно: нахождение этой рукописи в папке «Райской птицы», тематическая и нарративная взаимосвязь двух обильно правленных отрывков (и в первом и во втором, кроме прочего, описывается случайное знакомство героя-повествователя: с обманутым слепцом на улице и с русской женщиной на вечеринке), такая же писчая бумага, так же исписанная черными чернилами *gesto verso* и отсутствие каких бы то ни было указаний Набокова на самостоятельность «Отрывка-2» позволяют говорить о принадлежности двух отрывков к 1931 г. и к одному замыслу.

Обнаружение других страниц из манускрипта о русском художнике, безусловно, может внести существенные коррективы в атрибуцию этих текстов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2018 № 8

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 11.06.2018

Формат 60×90 1/16

Усл.-печ. л. 22,5

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 000